

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

2' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

БОРИС РУДЕНКО МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ

**ДЖЕФФРИ ФОРД
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
ДЖО ХОЛДЕМАН
СЕРГЕЙ СИНЯКИН**

**ДМИТРИЙ БАЙКАЛОВ,
АНДРЕЙ СИНИЦЫН:
СОЮЗ НА ОДНУ КНИГУ**

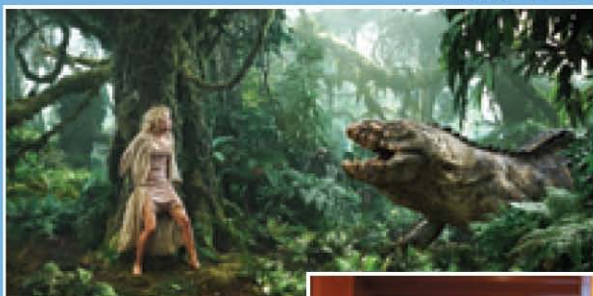
«Гарри Поттер и Кубок огня»

«Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и волшебный шкаф»

Новые фильмы

«Кинг Конг»

«Эон Флакс»

«Шесть демонов Эмили Роуз»

В разделе ВИДЕОДРОМ

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРИСПИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейдс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 600 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

**53 Даля ТРУСКИНОВСКАЯ,
Леонид КУДРЯВЦЕВ**

**БАЛЛАДА О ДВУХ
ГАСТАРБАЙТЕРАХ**

Даже бои без правил имеют какие-то гра-
ницы, а тут — полный беспредел.

**155 Борис РУДЕНКО
МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ**

Катастрофа все-таки произошла. Но спец-
службы работают исправно, и «зона» не
пустует, преподнося один сюрприз за
другим.

**3 Джеффри ФОРД
ИМПЕРИЯ МОРОЖЕНОГО**

Такого «механизма переноса» мы еще не
встречали: две ложки сладкого лакомства
— и вы в иной реальности.

**31 Александр СИВИНСКИХ
СКОРЫЙ ВНЕ ГРАФИКА**

Ну а это как раз совсем по-нашему, по-
свойски: стопарик водки — и перед вами
поезд-призрак.

**43 Сергей СИНЯКИН
БАШМАЧНИК**

Сапоги-скарабоды отдыхают! Зато работа-
ют некие до боли знакомые сапожки.

**127 Джо ХОЛДЕМАН
ПРАВО НА ЗЕМЛЮ**

Думаете, оно принадлежит нам? Вот и ге-
роиня так думала...

**141 Александр ГРОМОВ
ФАЛЬСТАРТ**

Что русскому хорошо, то немцу смерть.

107 **Юрий КОРОТКОВ**

ЗЛОДЕЙ ПРИШЕЛ

...и заставил Гарри изрядно попотеть.

109 **Тимофей ОЗЕРОВ**

СМЫСЛ СЛАБЫЙ, НИТЕВИДНЫЙ...

Вслед за бастioniом Толкина киношники взяли приступом и тексты лучшего друга Профессора.

115 **Василий МИДЯНИН**

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

...или Корни современного киноискусства.

124 **Сергей КУДРЯВЦЕВ**

ЛИДЕРЫ 2005

Рейтинг самых кассовых фильмов предыдущего года.

111 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Кинг Конг скорее мертв, чем жив... «Маменькин сынок» на тропе суперменов... Симбиоз «Матрицы» и «Острова».

249 **Олег ДИВОВ**

ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ В МЕЙНСТРИМ

Кто успеет вспрыгнуть на подножку?

262 **Олег ОВЧИННИКОВ**

МОЖНО ТОЛЬКО ПРЕКРАТИТЬ

Неужели культовый сериал и в самом деле завершен? Московский фантаст отказывается в это верить.

253 **РЕЦЕНЗИИ**

Рецензенты — это Книжный Дозор журнала.

296 **КУРСОР**

Время убило великого пересмешника.

275 **Дмитрий БАЙКАЛОВ, Андрей СНИЦЫН**

СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

Предоставляем читателям уникальную возможность заглянуть в творческую лабораторию известнейших писателей.

265 **«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

А не послушать ли нам молодой голос?

290 **ФАНТАРИУМ**

Читатели возмущаются, предлагают, задают вопросы. Редакция добросовестно отвечает.

299 **ПЕРСОНАЛИИ**

Они не секретные агенты, поэтому и биографии их не засекречены.

Д Ж Е Ф Ф Р И Ф О Р Д

ИМПЕРИЯ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

МОРОЖЕНОГО

Знаком ли вам запах свечей, задутых на торте в день рождения? Для меня их аромат заменяет звук — примерно такой, когда проводят смычком по басовой струне скрипки. Эта нота несет в себе всю ту меланхоличную радость, которую, как мне говорили, тот запах порождает — утрата еще одного года, обещание приобретенной мудрости. Аналогично, звучание акустической гитары видится мне золотым дождем, капли которого возникают чуть выше головы и исчезают примерно на уровне солнечного сплетения. Есть сорт швейцарского сыра, который я очень люблю, и для меня он — сплошные треугольники, а когда я касаюсь шелка, язык ощущает вкус и консистенцию лимонной меренги. Все эти восприятия — не просто мысли, а реальные физические ощущения. В зависимости от взгляда на подобные вещи, я, как и девять человек из миллиона, или проклят, или благословен тем, что врачи называют «синестезия».

Лишь недавно выяснили, что процесс синестезии протекает в гиппокампе — той древней лимбической системе мозга, где сходятся все пережитые и запомнившиеся ощущения, возбужденные в различных географических областях мозга внешними стимулами. Полагают, что любой из нас — в некоей точке чуть ниже сознательного — переживает это наложение чувственных ассоциаций, но у большинства оно фильтруется, и в «сознательном» мире лишь одно из чувств становится преобладающим. У нас же, немногих «счастливиц», этот фильтр или сломан, или улучшен, и мы сознательно воспринимаем то, что обычно является подсознательным. Возможно, в очень далеком прошлом наши предки обладали полной синестезией и могли одновременно видеть, слышать, обонять, осязать и воспринимать на вкус — при этом каждое конкретное событие смешивало сенсорную память с принятыми ощущениями таким образом, что не давало предпочтения информации одного из пяти порталов, через которые в нас вторгается «реальность». Научные объяснения, насколько я способен в них разобраться, ныне кажутся разумными, но когда я еще мальчиком рассказал родителям о шепоте винила, вонии фиолетового цвета и вращающихся голубых спиралей церковного колокола, они испугались, решив, что я какой-то дефективный, а мой разум переполнен галлюцинациями, как заброшенный дом — привидениями.

Я рос единственным ребенком, и родители сочли, что прослыть аномальным — слишком большая для меня роскошь. Ведь они были

далеко не молоды — почти сорок лет матери и уже пятьдесят пять отцу, — когда я появился на свет после долгого парада неудачных беременностей. В пятилетнем возрасте, касаясь бархата, я слышал звук, который описал родителям как плач ангелочка. Но они не приняли этот факт как должное, а увидели в нем болезнь, которую надлежит лечить любыми методами. В погоне за моей безупречной нормальностью деньги значения не имели. Поэтому мои юные годы обернулись мучительными часами, проведенными в приемных психологов, психиатров и психотерапевтов. У меня не хватает слов для описания степени того шарлатанства, которое на меня обрушила целая армия так называемых профессионалов, ставивших мне диагнозы в диапазоне от шизофрении до биполярной депрессии и низкого коэффициента умственного развития, вызванного бессистемным домашним образованием. Будучи ребенком, я абсолютно честно описывал все, что ощущал и переживал, и это — моя первая ошибка — превратилось в анализы крови, сканирование мозга, специальные диеты и принудительное употребление дьявольской фармакопеи всевозможных отупляющих лекарств, которые снижали мою волю, но не ванильный аромат косых солнечных лучей в поздние осенние дни.

Мой статус единственного ребенка, а также мое, как его называли родители, «состояние» привели к тому, что они стали воспринимать меня как слабого и болезненного. По этой причине меня полностью изолировали от прочих детей. Я совершенно уверен, что отчасти такое решение было связано с мыслью о том, как мои ненормальные восприятия и высказывания отразятся на отце с матерью, поскольку они были из тех людей, кому невыносим даже намек на то, что по их вине на свет появилось нечто дефектное. В школу мне ходить не разрешили, а за мое домашнее образование взялась мать. В принципе, она была хорошим учителем, поскольку имела докторскую степень по истории и прекрасно знала классическую литературу. Отец, статистик страхового общества, учил меня математике, но в этом предмете я проявил себя откровенным бездарем — пока не достиг возраста, когда поступают в колледж. Хотя выражение $x=u$ и может выглядеть подходящей метафорой феномена синестезии, оно не имеет смысла на бумаге. Кстати, для меня цифра 8 пахла увядшими цветами.

Зато в музыке я оказался хорош. Каждый четверг в три часа к нам приходила миссис Бритник, дабы преподать мне очередной урок игры на пианино. То была добрая старушка с жиденькими седыми во-

лосами и красивейшими пальцами — такими длинными и гладкими, словно они принадлежали грациозной юной великанше. Будучи далеко не виртуозом за клавишами, она проявила себя гениальной учительницей, позволив мне наслаждаться звуками, которые порождали мои пальцы. А я ими действительно наслаждался, поэтому все время, за исключением тех часов, когда меня таскали по разным специалистам в тщетной попытке «вылечить», я сидел за пианино. В навязанной мне изоляции музыка стала окошком для побега из заключения, и я выбирался сквозь него так часто, как удавалось.

Когда я играл, звуки виделись мне фейерверком цветов и образов. В двенадцать лет я стал записывать собственные сочинения, а мои значки и пометки на страницах с нотами обозначали сцепленные со звуками образы. В сущности, играя, я на самом деле рисовал — в воздухе перед глазами — большие абстрактные картины в духе Кандинского. Множество раз я планировал композицию на листе бумаги с помощью набора из 64 цветных карандашей, подаренного мне в раннем детстве. Единственная трудность возникала в случае цветов наподобие ярко-красного и кобальтовой сини, которые я ощущал в первую очередь как вкусы, поэтому в тех местах, где им предстояло возникнуть в музыке, мне приходилось рисовать вместо них на разноцветных партитурах лакричный леденец и тапиоку.

Моим наказанием за успехи в музыке стала потеря единственного реального друга — миссис Бритник. Я четко помню тот день, когда мать отказалась от ее услуг. Старушка лишь спокойно кивнула, улыбаясь — она понимала, что я уже превзошел ее возможности как преподавателя. Но я, хотя и понимал это, все же заплакал, когда она обняла меня на прощание. Когда наши лица сблизились, она шепнула мне на ухо: «Видеть — значит верить», и в тот момент я понял, что она отлично понимала мое состояние. Сиреневый запах ее духов — почти неслышимый си-бемоль, сыгранный на гобое — все еще витал в прихожей, когда она уходила по дорожке от нашего дома. И навсегда из моей жизни.

Полагаю, именно утрата миссис Бритник превратила меня в бунтовщика. Я лишился целей, стал подавленным. И однажды, вскоре после того, как мне исполнилось тринадцать, я послушался мать, которая велела дочитать главу из учебника, пока она принимает душ, залез в ее сумочку, взял пять долларов и вышел из дома. Я шагал под ярким солнцем и голубым небом, и мир вокруг казался полон жизни. Но больше всего мне хотелось увидеться со сверстниками. И тут я вспомнил, что неподалеку в городе есть кафе-мороженое, а когда мы

проезжали мимо него, возвращаясь от очередного врача, я всегда замечал внутри подростков вроде меня. Поэтому я направился прямо туда, гадая, успеет ли мать догнать меня раньше, чем я дойду. Тут я представил, как она сушит волосы, и побежал.

Остановившись возле ряда магазинчиков, составлявших «Империю мороженого», я совсем запыхался — как от пьянящего возбуждения свободы, так и от полумильной пробежки. Глядеть через стекло входной двери было все равно что заглядывать в портал, выводящий в иной, экзотический мир. Там за столиками сидели группки моих сверстников, разговаривали, смеялись, ели мороженое — причем не вечером после ужина, а в разгар дня. Я открыл дверь и шмыгнул внутрь. Едва я вошел, вся магия этого места словно вылетела наружу через приоткрытую дверь, потому что разговоры мгновенно прекратились. В наступившей тишине все головы повернулись ко мне.

— Салют, — сказал я, улыбаясь, и приветственно поднял руку, но опоздал. Все уже отвернулись, а разговоры возобновились, словно они лишь мельком взглянули на дверь, которая приоткрылась и закрылась от ветра. А меня парализовали как неспособность произвести впечатление, так и осознание того, что поиск друзей потребует реальных усилий.

— Что будешь заказывать? — спросил из-за прилавка крупный мужчина.

Я страхнул оцепенение и подошел к нему. Передо мной под стеклянным куполом раскинулась «Империя мороженого». Никогда прежде я не видел его так много и в таком количестве оттенков и воплощений — с орешками и фруктами, с кусочками печенья и карамели, — и мистические вихри, порожденные этим зрелищем, прозвучали для меня далекой сиреной. Глубокие ванночки с мороженым стояли аккуратными рядами — целых тридцать разных вкусов. Моя диета запрещала употребление любых сладостей или десертов, и лишь очень редко после ужина мне доставалась ложечка-другая ванильного мороженого. Некие врачи сказали родителям, что такие лакомства серьезно усугубят мое состояние. Вспомнив об этом, я заказал большую вазочку кофейного мороженого. Почему именно кофейного? Да потому, что этот напиток также входил в список всего, что мне запрещалось есть или пить.

Расплатившись, я взял вазочку и ложку и отыскал место за угловым столиком, откуда мог видеть зал. Признаюсь, мне было страшно-вато вот так взять и наброситься на мороженое — уж больно часто все

эти взрослые запрещали его касаться. Поэтому я сделал паузу и обвел взглядом кафе, наблюдая, как разговаривают другие дети, и пытаюсь подслушать обрывки их разговоров. Я встретился взглядом с мальчиком примерно моего возраста, сидящим за два столика от меня, улыбнулся и помахал ему. Увидев это, он подался вперед и что-то прошептал своим приятелям. Все четверо обернулись, посмотрели на меня и расхохотались. Они явно потешались надо мной, но я наслаждался победой — ведь меня хотя бы заметили. Вдохновившись, я набрал полную ложку мороженого и сунул ее в рот.

Есть некий сопутствующий феномен синестетического восприятия, о котором я еще не упоминал. Разумеется, в том возрасте я еще не знал, как это называется, но когда испытываешь муки необыкновенной перетасовки ощущений, они сопровождаются неким «прозрением», «эврикой» удовлетворенности, которую исследователи аномальных состояний позднее обозначат термином «ноэтический», позаимствованным у Уильяма Джеймса. И та первая ложка кофейного мороженого возбудила во мне такой глубокий ноэтический отклик, какого я никогда прежде не испытывал. И одновременно я увидел... девушку. Она возникла прямо из воздуха и стояла передо мной, заслоня четверку смеющихся мальчишек. Еще никогда вкус, слух, осязание и обоняние не позволяли мне увидеть что-либо, кроме простых абстрактных образов и цветов.

Одетая в юбку-шотландку и белую блузку, она стояла, слегка повернувшись в сторону и чуть наклонившись. Волосы у нее были такие же темно-каштановые, как и у меня, но длинные и стянутые на макушке зеленой резинкой. Она неожиданно трянула рукой, и я понял, что она гасит спичку. Возле головы завихрился дымок — она курила сигарету. У меня создалось впечатление, что она опасается быть пойманной за этим занятием. Когда она резко обернулась, я уронил ложку на стол. Ее взгляд меня мгновенно очаровал.

Я проглотил растаявшее во рту мороженое, и девушка начала исчезать, поэтому я схватил ложку и зачерпнул новую порцию, но мороженое так и не коснулось моих губ. Девушка внезапно «погасла», как выключенная лампочка, а я почувствовал мягкое прикосновение к левому плечу, услышал неразборчивое обвиняющее бормотание и понял, что это моя мать. Она меня отыскала. Мое изгнание из «Империи мороженого» происходило под общий хохот. Потом я буду вспоминать этот инцидент со смущением, но в тот момент, даже извиняясь перед матерью, я мог думать лишь о том, что увидел.

За инцидентом с мороженым последовал другой, с более серьезными последствиями — родители нашли у меня в шкафу спрятанную коробку из-под сигар, полную таблеток, которые мне полагалось употребить за последние шесть месяцев, и это навело их на мысль о том, что мое «состояние» теперь усугубилось еще и склонностью к непослушанию, и если этой склонностью не заняться немедленно, то с годами она вырастет в геометрической прогрессии. Было решено, что для исправления строптивости меня следует показать еще одному специалисту, о котором отец где-то прочитал, и тот сумеет превратить мое своеволие в послушание. Мне осталось лишь молча подчиниться их решению. Ведь я знал, что мать с отцом, пусть и по-своему, но желали мне лишь добра. А если когда ситуация и приводила меня в ярость, то я садился за пианино и играл, порой по три-четыре часа подряд.

Кабинет доктора Стэллина находился в обветшавшем доме еще викторианских времен, на другом конце города. На первый прием к нему отец поехал вместе со мной. Остановив машину перед обшарпанным строением, он дважды проверил адрес, желая убедиться, что мы приехали куда следовало. Доктор, пухлый человечек с седой бородой и в круглых очёчках, встретил нас у двери. Понятия не имею, почему он рассмеялся, когда мы пожали друг другу руки при знакомстве, но доктор вообще оказался весельчаком, эдаким миниатюрным Санта-Клаусом в помятом коричневом костюме, который к тому же был ему на размер маловат. Он взмахнул рукой, приглашая меня в дом, но когда отец попытался войти следом, доктор остановил его фразой:

— Вы вернетесь через час и пять минут.

Отец слабо запротестовал и сказал, что его присутствие может понадобиться для обсуждения истории моих проблем вплоть до настоящего момента. После этих слов поведение доктора мгновенно изменилось. Он стал серьезным, официальным и заговорил почти командным тоном:

— Мне платят за лечение мальчика. А вам придется найти собственного психотерапевта.

Отец явно растерялся. Было видно, что он хочет возразить, но доктор повторил:

— Час и пять минут.

Войдя следом за мной, он быстро захлопнул дверь.

Ведя меня сквозь анфиладу неряшливых комнат, где вдоль стен выстроились набитые книгами шкафы, а в одной — несколько столов, заваленных стопками бумаг, он, посмеиваясь, сказал:

— Родители — они, конечно, для нас важны, но иногда напоминают нечто такое, во что наступил и никак не можешь стряхнуть с ботинка. Что нам еще остается, как не любить их?

Он привел меня в некую комнату в дальнем конце дома, образованную большими стеклянными панелями, закрепленными в каркасе из тонких стальных балок. Ее заливал солнечный свет, а вокруг по углам, тоже свисая с балок, зеленели растения. Там я увидел столик с чайником, двумя чашками и блюдцами. Усевшись в указанное доктором кресло, я взглянул через стекло и увидел, что задний двор его дома — сплошной изумительный сад со множеством разноцветных цветов.

Налив мне чашку чая, доктор начал задавать вопросы. Я заранее решил, что постараюсь быть как можно более упрямым и несговорчивым, но в том, как он избавился от моего отца, оказалось нечто такое, что меня восхитило. К тому же он совсем не походил на уже виденных прежде терапевтов, которые выслушивали мои ответы с невозмутимо-каменными лицами. Когда он спросил, почему я здесь нахожусь, а я ответил, что причиной стал мой побег из дома из-за желания поесть мороженого, он нахмурился и сказал:

— Явная нелепость.

Я так и не понял, меня ли он имел в виду или реакцию матери на мой поступок. Затем я сказал, что люблю играть на пианино, и он тепло улыбнулся, кивнув:

— Это хорошее занятие.

Расспросив о моем расписании дня и о том, чем я занимаюсь дома, он откинулся на спинку кресла и осведомился:

— Так в чем проблема? Отец сказал, что у тебя бывают галлюцинации. Можешь объяснить?

Доктор успел меня очаровать, но я давным-давно решил, что никому больше не стану рассказывать о своем необычном восприятии мира. Но тут он поступил совершенно неожиданно.

— Не возражаешь? — спросил он, доставая пачку сигарет.

Я еще не успел отрицательно покачать головой, как он уже достал сигарету и закурил. И нечто в этом его поступке — то ли потому, что я еще никогда не видел врача, курящего рядом с пациентом, то ли сигарета напомнила о девушке, явившейся передо мной в кафе — ослабило мое решение молчать. И когда Стэллин стряхнул пепел в свою полупустую чашку, я заговорил. И рассказал о вкусе шелка, о том, каким цветам соответствуют звуки пианино, о тошнотворной вони фиолетового цвета.

Я выложил ему все, а потом сидел, теперь уже отчасти сожалея о проявленной слабости, потому что Стэллин улыбался, а из уголков его рта сочился сигаретный дымок. Но потом он выдохнул — и дым, и то самое слово, которое будет меня оправдывать, характеризовать и преследовать до конца жизни. Синестезия.

В тот день я вышел из дома Стэллина уже новой личностью. Доктор поговорил с отцом и все ему объяснил. Он привел исторические примеры и дал ему общее представление о том, как мой феномен работает на уровне нервной системы. Он также добавил, что большинство синестетиков не испытывает такое разнообразие ощущений, как я, хотя случаи, подобные моему, тоже известны и описаны. Отец лишь время от времени кивал, но его явно ошеломил тот факт, что мое многострадальное «состояние» буквально мгновенно исчезло. Сгинуло.

— У парня все в полном порядке, — сказал доктор, — кроме того факта, что он некоторым образом исключительный. Считайте это даром, оригинальным способом восприятия мира. Для него все эти ощущения столь же реальны, как и ваши ощущения для вас.

Произнесенный Стэллином диагноз подействовал как волшебное заклинание из сказки, потому что его магическая сила освободила меня от чар родительского контроля. Фактически, их реакцией стала почти полная утрата интереса ко мне, словно после всей их неусыпной опеки я оказался самозванцем, не достойным их внимания. Когда стало ясно, что я вполне способен идти по жизни сам, подобно любому нормальному ребенку, я сполна насладился концепцией свободы. Однако печальный факт заключался и в том, что я не знал, как воплотить эту концепцию на практике. У меня совершенно не было опыта социального общения. Неуверенность делала меня робким, и первый год в средней школе стал для меня катастрофой. Мне отчаянно хотелось обрести друга-ровесника, но эта цель продолжала ускользать от меня, даже когда я закончил школу и поступил в колледж. Страстное желание завести с кем-либо дружеские отношения делало меня очень нервным и вызывало несдержанность в речах и поступках. Происходило это в начале шестидесятых годов, а в те годы если что и ценилось в кругу старшеклассников, так это умение оставаться, как тогда говорили, клевым, невозмутимым. Сами понимаете, насколько я был далек от этого идеала.

Тогда я вернулся к музыке — для защиты и утешения — и часами напролет, вооружившись цветными мелками и карандашами, сочинял разные композиции, пытаясь связать звуки и порождаемые ими визу-

альную пиротехнику, запахи и вкусы. Все это время я продолжал брать уроки и развивать навыки и мастерство пианиста, но не имел ни малейшего желания концертировать. За эти годы многие преподаватели задавались целью сделать из меня блестящего концертного исполнителя. Я этого не позволял, а когда они настаивали, бросал одного и уходил к другому. Ничто не пугало меня больше мысли сесть за рояль перед зрителями. Тяжесть приговора, таящегося по другую сторону хотя бы одной пары воображаемых глаз, была для меня невыносимой. Раз в месяц я приезжал к Стэллину, но, несмотря на все его настойчивые утверждения о моей относительной нормальности, после всех лет, когда родители настаивали на противоположном, было невозможно стереть тот факт, что сам я мысленно считал себя уродом.

Если не считать пианино, то величайшим удовольствием для меня в то время было сесть на поезд, приехать в соседний город и пойти на концерт местного оркестра или камерной группы, играющей в более или менее интимной обстановке. В те годы правил рок-н-ролл, однако долгие годы, проведенные за пианино, и то, что симфонию слушают в атмосфере спокойного одиночества, а под грохот рок-музыки кое-как общаться можно лишь криками, влекли меня в направлении классической музыки. Облегчением для меня стало и то, что на классические концерты ходили в основном взрослые люди, не обращающие на меня никакого внимания. И со временем после всех посещенных концертов, музыки из стереопроектора, который упрямился купить родителей, и из прочитанных книг я, почти не отвлекаясь на обычные развлечения типичного подростка, обрел огромные познания в своей области.

Моим героем стал Иоганн Себастьян Бах. Благодаря его музыке я стал понимать математику — а через углубленное понимание математики пришло и лучшее понимание Баха: золотое сечение, повышение сложности через повторение простых элементов, присутствие космического в обыденном. В то время как другие просто слышали его музыку, я мог ее еще и ощущать, обонять, пробовать на вкус и видеть. И при этом я был уверен, что наблюдаю процесс, с помощью которого Природа совершала путь от одной-единственной клетки до буйного и многообразного леса. Возможно, отчасти мое восхищение добрым кантором из Лейпцига вызывалось его гениальным обращением с контрапунктами — когда две или более мелодические линии в определенных моменты деликатно сливаются, образуя у слушателя единый музыкальный образ. В этой технике я видел аналогию моего же-

лания когда-нибудь слить свою уникальную личность с другой личностью, и, возможно, это породит дружбу. Услышав несколько фуг из сборника «Хорошо темперированный клавир», я вскоре решил, что хочу стать композитором.

Разумеется, все эти годы — и ужасные, потому что я был посмешищем в школе, и одновременно восхитительные из-за открывшихся мне музыкальных открытий — я не мог забыть образ девушки, на мгновение возникшей передо мной во время побега в «Империю мороженого». И едва доктор Стэллин провозгласил меня здоровым, я решил, что вернусь туда и попробую вызвать ее снова. Ирония же ситуации заключалась в том, что уже та первая и единственная ложка кофейного мороженого, образно говоря, вышла мне боком — то ли потому, что меня всю жизнь оберегали от калорийных десертов, то ли мой желудок и в самом деле обладал унаследованной от родителей чувствительностью. Обретя свободу, я быстро обнаружил, что он не переносит всех тех лакомств, которых я прежде так желал. И тем не менее готов был рискнуть и помучиться болью в животе, лишь бы еще раз увидеть ту девушку.

И я снова пришел в «Империю», сунул в рот полную ложку кофейного мороженого, опять ощутил глубокой ноэтический отклик — и она появилась, возникнув, как и тогда, в пустом пространстве между мной и витриной заведения. На сей раз она сидела на краешке дивана в какой-то комнате или гостиной, читая книгу. Я мог ясно видеть лишь ее ближайшее окружение, в радиусе фута или двух от нее. Если же я отводил взгляд от ее фигуры в центре, то оставшаяся часть дивана, стол возле нее и стоящая на нем лампа становились все более призрачными, пока сквозь них не начинали различаться машины на стоянке за витриной. По краям же феномена не было уже ничего, кроме еле заметного мерцания в воздухе. Девушка перевернула страницу, и мое внимание вновь обратилось к ней. Я быстро проглотил еще ложку мороженого и восхитился ее красотой. Шелковистые волосы спускались далеко ниже плеч. Ярко-зеленые глаза, маленький и безупречной формы нос, гладкая кожа. Пухлые губы шевелились, беззвучно повторяя каждое прочитанное слово. На ней была полупрозрачная, зеленовато-голубая пижама, под которой я четко различал очертания груди.

Я быстро сунул в рот еще две ложки мороженого подряд, но из-за охватившего желания у меня свело горло, и я не смог сделать глоток. Холод обжигал язык, и, дожидаясь, пока полный рот мороженого растает и тонкой струйкой стечет в пищевод, я просто сидел и смотрел,

как слегка колыхнется ее грудь при каждом вдохе, как шевелятся ее губы. Она меня словно околдовала. Последнее, что я успел заметить перед тем, как она исчезла, было странное название ее книги: «Центробежный рикша-танцор». Я уже сунул в рот очередную ложку, но тут за глазами яблоками расцвела сильнейшая головная боль, а желудок принялся активно отвергать попавшее в него мороженое. Я встал и быстро вышел, а потом больше часа бродил по улицам, пытаясь избавить голову от боли и одновременно сохранить в памяти образ девушки. За время этого шатания я трижды останавливался, почти уверенный, что сейчас меня стошнит. К счастью, этого не случилось.

Моя сопротивляемость физическим побочным эффектам съеденного мороженого так никогда и не повысилась, но в моменты самого тяжелого одиночества я возвращался в кафе снова и снова — подобно неисправимому пьянице, плюя на похмелье. Допускаю, что действия мои имели некий вуайеристский подтекст, особенно когда мороженое показывало ее более или менее обнаженной — в душе или в спальне. Но вы должны поверить, если я скажу, что все было гораздо серьезнее. Я изучал ее столь же прилежно и серьезно, как «Вариации Голдберга» или сериализм Шёнберга. Девушка же во многих смыслах стала еще более интригующей тайной, и процесс ее исследования напоминал сборку картинки-паззла, восстановление разрушенной мозаики.

Я узнал, что ее зовут Анна, прочитав имя на одном из ее блокнотов для эскизов. Да, она оказалась художницей и, полагаю, так же сильно стремилась к совершенству в этой области, как и я в музыке. Я проглотил множество ложек мороженого и замучил себя головной болью, просто наблюдая, как она рисует. Она ни разу не взяла в руки кисть или пастельный мелок, обходясь простейшими средствами — карандашом и бумагой. Я ни разу не видел, чтобы она рисовала с натуры или по фотографии. Анна просто клала блокнот на стол и принималась за дело. В моменты наибольшей сосредоточенности у нее в правом уголке рта даже показывался кончик языка. Время от времени она затягивалась сигаретой, тлеющей в пепельнице. А результаты ее усилий — несколько раз мне повезло, и я смог на них взглянуть — были поразительными. Иногда она явно рисовала увиденное, например, портреты знакомых ей людей. Но иногда на бумаге рождались странные существа или фантастические узоры из переплетенных экзотических цветков. Тени и полутона отличались невероятной прорисовкой, и это придавало ее творениям вес и

объемность. И все это возникало под кончиком обычного графитового карандаша, которым другие просто делают подсчеты или пишут записки. Не будь я ее обожателем, я мог бы и позавидовать ее прирожденному таланту.

До какой-то степени мне удалось разглядеть и отдельные картины того, что ее окружало. Увиденное меня тоже поразило, потому что жила она в полноценном, но *собственном* мире, какой-то *иной* реальности, очень похожей на нашу. Я подсмотрел вполне достаточно и вскоре уже знал, что живет она в большом старом доме со множеством комнат, где на окнах висят длинные портьеры, заслоняющие свет. В ее рабочем «кабинете» царил хаос, стопки рисунков загромождали столы и теснились по краям рабочего стола. Нередко «в кадре» появлялся, а потом уходил черно-белый кот. Она очень любила цветы и часто работала в каком-нибудь залитом солнцем парке или саду, создавая точнейшие портреты амариллисов или анютиных глазок. За моим окном мог литься дождь, а в ее мире небо оставалось бездонно-голубым.

Хотя за прошедшие годы я многим делился со Стэллином, раскрыл ему свои амбиции и тайные желания, про Анну я не сказал ни разу. И лишь закончив среднюю школу и собравшись уезжать в соседний город на учебу в консерватории «Гелсбет», я решил поведать ему о ее существовании. Доктор стал для меня хорошим другом, хотя и получал за свою работу деньги, и всегда с искренним сочувствием и пониманием выслушивал меня, когда я выплескивал на него свое отчаяние. Он упорно внушал мне оптимизм даже в те дни, когда все вокруг казалось чернильно-черным, словно запах отцовского лосьона после бритья. Проведенные с ним часы так и не внесли ощутимой разницы в мою способность привлекать друзей или чувствовать себя увереннее на людях, но его обществом я искренне наслаждался. Одновременно я испытывал нечто вроде облегчения из-за того, что рвал все связи со своим беспокойным прошлым и окончательно сбегал из детства. И мне хотелось выбросить за борт пристрастную доброту Стэллина, чтобы избавиться и от остального.

Мы сидели в той же маленькой солнечной комнате в задней части дома, и он расспрашивал меня о том, какие цели я поставил перед собой, решив учиться дальше. Стэллин неплохо знал классическую музыку, а во время одной из наших первых встреч поведал и о том, что в молодости учился играть на пианино. Его слабостью были композиторы-романтики, но я его за это не винил. И примерно в середине разговора я просто взял и выложил подробности своих экспери-

ментов с кофейным мороженым, в результате которых появлялась Анна. Стэллина мои слова явно поразили. Он подался вперед и медленно совершил процедуру раскуривания сигареты.

— Знаешь, — сказал он наконец, выпустив струйку дыма, запах которого я неизменно воспринимал как писк комара, — это весьма необычно. Насколько мне известно, еще никогда не описывались случаи синестетических видений, достигающих образного уровня. Они всегда абстрактны. Фигуры, цвета — да, но никогда образ предмета, не говоря уже о человеке.

— Зато я уверен, что это синестезия. Я это чувствую. Переживание точно такое же, как и цвета, возникающие при музицировании.

— И она, по твоим словам, всегда появляется, когда ты ешь мороженое? — спросил он, прищурившись.

— Кофейное мороженое, — уточнил я.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла, и он принялся тереть бороду свободной рукой. Я уже знал, что для него это жест беспокойности.

— То, что ты описал, согласно современной медицинской литературе должно быть галлюцинацией.

Я пожал плечами.

— Но все же, — продолжил он, — с учетом того, что явление всегда связано с употреблением мороженого, а ты способен идентифицировать связанное с ним нозетическое ощущение, я вынужден с тобой согласиться и признать: тут прослеживается связь с твоим состоянием.

— Я сам понимал всю необычность этого явления. Только боялся о нем рассказать.

— Нет-нет, очень хорошо, что ты это сделал. Меня только одно беспокоит... я прекрасно знаю о твоём желании обрести друга-сверстника. Если честно, тут я вижу все признаки стремления к исполнению этого желания, а они, в свою очередь, все же указывают на галлюцинацию. Послушай, тебе сейчас не нужна эта помеха. Ты начинаешь новую жизнь, движешься вперед, и все указывает на то, что ты добьешься успеха в своем искусстве. Когда другие студенты консерватории оценят твои способности, у тебя появятся друзья, уж поверь мне. Все будет не так, как было в школе. А погоня за этим бесплотным призраком может повлиять на твои успехи. Оставь его в покое.

И я, пусть и не без сожаления, последовал его совету. В известной степени Стэллин оказался прав насчет «Гелсбета». Тут все силь-

но отличалось от школы, и я познакомился со многими, кто мыслил подобно мне и с кем я мог поговорить хотя бы о музыке. Можете поверить, я был далеко не единственной странной рыбкой в этом пруду. Если у молодого человека главным интересом в жизни был Бах, Моцарт или Скрябин, то в те времена этого более чем хватало, чтобы прослыть эксцентричным. В консерватории царил дух жесткой состоятельности, и я принял вызов. Мои ученические музыкальные композиции были встречены преподавателями с большим интересом, а когда однажды кто-то из студентов увидел, как я сочиняю камерную пьесу для скрипки и виолончели с помощью набора цветных карандашей, моя репутация приобрела и оттенок скандальности. Я всегда работал, записывая музыку соответствующими синестетическими цветами, а затем переписывал ее обычными нотными знаками.

Пролетали годы. Пожалуй, они были самыми плодотворными годами моей жизни. Я редко приезжал домой погостить, если не считать каникул, когда закрывали консерваторию, хотя от дома меня отделяла лишь недолгая поездка на поезде. Профессора оказались превосходными, но не прощали лени и ошибок. Мне было совсем нетрудно оправдать их ожидания. Впервые в жизни я ощутил, что означает «играть» — то, чего я никогда не испытывал в детстве. Погружение в великую музыку, тонкий анализ ее души непрерывно поддерживали мою заинтересованность, наполняли ощущением чуда.

На последнем курсе я получил право участвовать в конкурсе композиторов. Победителю доставался крупный денежный приз, а в качестве дополнительной награды его произведение исполнялось на концерте в городском симфоническом зале известными музыкантами. Во все времена композитору было очень трудно организовать публичное исполнение своих творений опытными музыкантами. Конкурс же такую возможность предоставлял, и упустить ее я никак не мог. А гораздо важнее денег или похвал окажется признание, которое привлечет ко мне внимание потенциальных меценатов, и те могут заказать мне какой-нибудь опус. Я понял, что наконец-то пришло время сочинить фугу, задуманную еще несколько лет назад. Как я полагал, сама чрезвычайная сложность этой музыкальной формы станет лучшей демонстрацией всех моих талантов.

Когда настало время сочинять фугу, я взял деньги, заработанные воскресным репетиторством, и снял на две недели пляжный домик на острове Варион. Каждое лето он превращался в популярное место от-

дыха богатых туристов, которых привлекал старомодный, но изящный городок в центре острова. В разгар сезона моих денег не хватило бы снять там на сутки даже самое дешевое жилье. Но стояла зима, и я взял в консерватории отпуск, прихватил цветные карандаши, книги и маленький магнитофон и укрылся в своем тайном убежище.

Я поселился не в одном из величественных деревянных особняков на сваях, что выстроились по обочинам дороги вдоль насыпной дамбы, а в небольшом бунгало, очень похожем на бетонный бункер. Домик был покрашен в обескураживающий желтый цвет, воспринимаемый мной на вкус как цветная капуста. Он располагался на вершине небольшого холма, а его фасад выходил на океан, и я мог любоваться изумительным видом дюн и пляжа. Более того, от соседней деревушки его отделяли всего несколько минут ходьбы. Внутри было достаточно тепло, имелись телефон, телевизор, кухня со всей необходимой утварью, и я мгновенно ощутил себя дома. Сам же остров был совершенно пустынным. В первый же день я проделал вдоль океанского берега полторы мили до его восточной оконечности, а затем вернулся по главной дороге мимо пустых домов и не встретил ни одного прохожего. Сдавшая домик сотрудница агентства сказала по телефону, что закусочная в городке и лавочка, где продают сигареты и газеты, работают всю зиму. К счастью, она оказалась права, потому что иначе я начал бы голодать.

Обстановка в домике была очаровательно меланхоличной, а при моей повышенной чувствительности это означало стимул к работе. Я слышал далекий шум прибоя, а на его фоне — шорох песка, швыряемого ветром в оконные стекла, но эти звуки меня не отвлекали. Как раз наоборот, они стали компонентами тишины, приглашающей грезить наяву, распахнуть воображение, и я сразу погрузился в работу. В первый же вечер я принялся набрасывать в тетради общий план фуги. Я решил, что в ней будет только два голоса. Разумеется, некоторые композиторы сочиняли фуги, включающие до восьми голосов, но я не собирался с ними тягаться. Проявление сдержанности — такая же важная черта технического мастерства, как и сложность.

У меня уже имелась мелодическая линия темы, исключенная из другого сочинения, над которым я работал в начале года. Хотя я и решил, что тема для того сочинения не подходит, но не смог забыть эту мелодию и время от времени наигрывал ее, освежая в памяти и понемногу шлифуя. В структуру фуги сначала вводится мелодическая линия или тема, а затем добавляется ответ (контрапункт), то есть повторение этой темы с различными степенями вариации, и делается

все таким образом, что слушатель воспринимает музыку как диалог (или как голос и его эхо) с нарастающей сложностью. После того как прозвучал каждый из голосов, вставляется эпизод, ведущий к повторному звучанию голосов и ответов, но уже в других тональностях. Я планировал использовать технику, называемую «стретто», при которой начинающие звучать ответы частично пересекаются с исходными линиями темы. Это позволяет сплестать голоса и за счет этого создавать замысловатый звуковой гобелен.

Все это трудно сочинить, но ничего особо оригинального не представляет. Моей задумкой, однако, было произвести впечатление на судей, испробовав нечто новое. Как только fuga достигнет величайшей степени сложности, я хотел медленно и сперва почти логично, а позже уже без ритма или меры обрушить ее в хаос. В самом же конце из хаотичной какофонии возникнет одна нота, растянется на какое-то время и постепенно угаснет.

Всю первую неделю работа шла хорошо. Каждое утро и вечер я совершал короткие прогулки по пляжу. Поздним вечером отправлялся в закусочную, потом возвращался в домик и слушал «Искусство фуги» или «Токкату и фугу ре-минор» Баха, кое-что из Брамса, Гайдна, Моцарта, а затем произведения основоположников этой формы — таких композиторов, как Швелинк и Фробергер. Я работал цветными карандашами на большом листе хорошей рисовальной бумаги, и хотя для любого постороннего результат совершенно не походил бы на запись музыки, разглядывая его, я совершенно четко знал, как она прозвучит. Однако в начале второй недели темп работы начал снижаться, а к субботнему вечеру она и вовсе со скрежетом замерла. То, что я начал творить с таким ясным чувством направления, загнало меня в ловушку. Я потерялся в сложности и запутанности собственных идей. Если честно, то я просто выдохся и уже не мог разделять ниточки композиции — тема, ответ и контртема перепутались, как клубок пряжи.

Я безумно устал и понимал, что мне необходим отдых, но, даже рухнув на кровать и закрыв глаза, не мог заснуть. Весь воскресный день я просидел в кресле, разглядывая пляж через окно. Я слишком устал, чтобы работать, и это приводило меня в такое отчаяние, что не давало заснуть. В тот вечер, так ничего и не сделав за весь день, я припелелся в закусочную и сел на обычное место. В закусочной не было никого, кроме одинокого старика в дальнем углу — он ужинал, читая книгу. Из-за седой бороды он чем-то напоминал мне Стэллина, а на первый взгляд, мне показалось (я мог бы в этом поклясться, если

бы не знал, что такого быть не может), что книга его называется «Центробежный рикша-танцор». Но я не стал к нему приближаться, опасаясь, что старик может со мной заговорить.

Подошла официантка, приняла заказ. Записав его в блокноте, она сказала:

— У вас сегодня усталый вид.

Я кивнул.

— Вам нужно поспать.

— Меня ждет работа.

— Тогда, давайте, я принесу вам кофе.

Я рассмеялся:

— Знаете, я за всю жизнь не выпил даже чашки кофе.

— Быть такого не может! По-моему, сегодня самое подходящее время, чтобы начать.

— Пожалуй, попробую, — решил я. Похоже, мои слова ей понравились.

За едой я пролистал тетрадь и попытался восстановить для себя архитектуру фуги. Как и всегда, когда я смотрел на черновики, все было кристально ясно, но стоило начать работу над партитурой, каждый потенциальный шаг вперед казался ведущим в неправильном направлении. В какой-то момент, погруженный в размышления, я отодвинул тарелку и потянул к себе чашку. Обычно я пил чай и совершенно забыл, что сегодня изменил заказ. Я сделал глоток, и мрачный, горький вкус черного кофе буквально поразил меня. Я взглянул перед собой и увидел Анну. Она смотрела на меня, только что отведя свою чашку от губ. В ее глазах мелькнуло узнавание, словно она действительно меня видела. Уверен, что в моих глазах она прочла то же самое.

— Я тебя вижу, — прошептал я.

— Я тоже тебя вижу, — ответила она, улыбнувшись.

Заговори вдруг со мной собака, я удивился бы меньше. Все еще ошеломленный, я медленно протянул к ней руку — туда, где, как мне казалось, она сидит, прямо напротив меня. Но едва моя рука приблизилась, девушка отпрянула.

— Я наблюдаю за тобой уже много лет, — сказала она.

— Кофе?

Она кивнула.

— Ты ведь синестетик, правильно?

— Да, — согласился я. — Но ведь ты плод моего воображения, продукт неврологической аномалии.

Тут она рассмеялась и возразила:

— Нет, это ты такой.

После первого обмена словами мы некоторое время молчали. Наверное, я все еще не вышел из легкого шока. «Этого не может быть», раз за разом мысленно повторял я... но вот же она, совсем рядом, я даже слышу ее дыхание. Анна выглядела намного четче, чем когда я видел ее прежде, под воздействием кофейного мороженого. И теперь благодаря вкусу кофе, не разбавленного сливками, сахаром и холодом, ее образ оставался четким целых несколько минут подряд и лишь затем начинал затуманиваться по краям, вынуждая меня сделать новый глоток. Когда я поднес чашку к губам, она сделала то же движение одновременно со мной — словно была моим отражением. Или я был ее отражением. Мы улыбнулись.

— Я сейчас в таком месте, где не могу с тобой говорить. А то все решат, что я сошел с ума, — прошептал я.

— И я в такой же ситуации.

— Дай мне полчаса, а затем выпей еще кофе, и мы сможем поговорить без помех.

Она кивнула и стала смотреть, как я подзываю официантку.

К тому времени когда официантка подошла, Анна уже растаяла туманным облачком, как тает выдохнутый курильщиком дым. Меня это не волновало — ведь я знал, что ее никто не может увидеть. Пока под моим счетом не подвели итог, я заказал три чашки кофе с собой.

— Этот кофе — замечательная вещь, правда? — спросила официантка. — Клянусь. До сих пор не могу поверить, что никогда раньше вы его не пробовали. Я пью его столько, что у меня даже кровь на три четверти превратилась в кофе.

— Чудесная вещь, — согласился я.

Воистину чудесная, потому что он пробудил мои чувства, и я шагал сквозь морозную ветреную ночь, неся коробку с тремя упакованными чашками эликсира, преисполненный радости мальчишки, который в пятницу мчится домой после уроков. Я не мог не осознать абсурдности всей этой ситуации и рассмеялся, вспомнив, как шепотом сообщил ей свой план — выждать полчаса, а потом выпить еще кофе. Меня возбуждало, что при этом мы походили на заговорщиков, и я осознал — впервые с тех пор, как видел ее в последний раз, — что за эти годы Анна выросла, повзрослела и стала еще прекраснее.

Вернувшись в бунгало, я поставил в микроволновку на кухне первый из больших пенопластовых контейнеров с кофе и включил подо-

грев на тридцать секунд. Меня снедала тревога. А вдруг в мире Анны время течет иначе, и мои полчаса могут обернуться для нее двумя или тремя днями? Поэтому, едва микроволновка звякнула, отмерив заданное время, я достал контейнер, уселся за кухонный столик и щедро глотнул темного настоя. И, даже не успев опустить чашку, увидел Анну, сидящую напротив меня.

— Я знаю, что тебя зовут Анна, — выпалил я. — Увидел имя на одном из твоих альбомов.

Она уложила прядку волос за левое ухо и спросила:

— А как зовут тебя?

— Уильям. — Потом я рассказал ей о кофейном мороженом и как увидел ее в первый раз.

— А я помню, — поведала она, — что когда мне было лет девять, отец оставил на столе недопитую чашку кофе. Я сделала глоточек и вдруг увидела тебя, за пианино. Тогда я подумала, что ты привидение, побежала к маме, хотела ей тебя показать, но когда мы вернулись, ты уже исчез. Мама не обратила на мои слова внимания, потому что из-за синестезии я вечно пыталась описать ей то, что не имело для нее смысла.

— А когда ты поняла, что причина — в кофе?

— Через некоторое время. Как-то утром во время завтрака мне налили немного кофе, я выпила и сразу увидела тебя. Ты сидел за нашим обеденным столом, и вид у тебя был такой одинокий, несчастный... Я тогда едва сдержалась, чтобы не проболтаться о тебе. А потом сообразила, что к чему. И после этого старалась взглянуть на тебя как можно чаще. Когда ты был моложе, то часто выглядел очень печальным. Уж это я знаю.

Я взглянул в ее лицо — единственному человеку, которого я искренне волновал, — и на глазах у меня едва не выступили слезы. Перед Анной прошла вся моя жизнь. Значит, я был не столь одинок, как всегда думал.

— Ты замечательная художница.

Она улыбнулась:

— Я отлично рисую карандашом, но мои профессора требуют изобразить что-нибудь в цвете. Над этим я сейчас и работаю.

Во время разговора мы периодически делали по глотку кофе, поддерживая связь. Как выяснилось, она тоже сбежала от привычной рутины и сняла себе квартирку, чтобы поработать над заданным рисунком. Мы вообще обнаружили множество совпадений в наших жизнях. Она призналась, что в детстве тоже была одинока, а родителям также

пришлось очень нелегко из-за ее синестезии. Как она выразилась: «Пока мы не обнаружили, что все это реальность, они, кажется, думали, что я сумасшедшая». Анна рассмеялась, но по выражению ее глаз я мог судить, насколько это на нее повлияло.

— Ты кому-нибудь говорила обо мне?

— Только своему терапевту. И мне так полегчало, когда он сказал, что слышал о редких случаях вроде моего.

Это откровение меня насторожило, ведь Стэллин говорил, что в специальной литературе ничего подобного ему не попадалось. Следствия подобной нестыковки мгновенно напомнили мне, что Анна не реальна, но я быстро отогнал эту мысль и продолжил разговор.

В тот раз, растягивая имевшийся у нас запас кофе, мы побыли вместе до двух часов ночи, рассказывая друг другу о своей жизни, творческих идеях, мечтах о будущем. Как выяснилось, синестетические ощущения у нас сходные, а чувственное восприятие преобразуется с одинаковыми результатами. Например, и для меня, и для нее запах свежескошенной травы был круглым, а звук автомобильного клаксона имел вкус лимона или апельсина. Анна рассказала, что ее отец был музыкантом-самоучкой, любителем пианино и классической музыки. Я объяснял ей тонкости композиции задуманной фуги, как вдруг она заглянула в свою чашку и сказала:

— Ой, а у меня кончился кофе.

Я заглянул в свою и понял, что только что выпил последний глоток.

— Завтра в полдень, — предложила Анна, когда ее образ начал таять.

— Да! — крикнул я в ответ, боясь не быть услышанным.

Тут она стала фантомом, дымкой, воспоминанием, а я остался в одиночестве, уставясь в стену кухни. Без Анны я не смог долго усидеть на месте. По жилам струился весь выпитый кофе, а поскольку моя хрупкая нервная система никогда прежде не знала, что такое стимулятор, руки буквально тряслись. Я понял, что о сне можно забыть, и, побродив около часа по комнаткам бунгало, уселся за стол, решив проверить, смогу ли что-нибудь сделать с заброшенной фугой.

И мне немедленно удалось двинуться в направлении, заблокированном субботним ментальным ступором. Все вдруг стало пронзительно ясным, и я услышал музыку, которую записывал различными цветами, с такой отчетливостью, словно включил запись того самого произведения, которое одновременно сочинял. Я работал, как одер-

жимый — торопливо и безостановочно, — и та легкость, с какой я находил ответы на возникающие музыкальные проблемы, наполняла меня уверенностью и делала мои решения оригинальными. Наконец, около восьми утра (я даже не заметил восхода), выпитый кофе жестоко отомстил, и мне внезапно стало плохо. Желудок свело, голову стиснуло мучительной болью. Около десяти меня стошнило, и боль слегка отпустила. А в одиннадцать я уже был в закусочной, куда пришел купить еще четыре порции кофе.

Официантка попыталась заинтересовать меня завтраком, но я сказал, что не голоден. Она заметила, что я неважно выгляжу, я попросил отшутиться, но это не удалось, она проявила настойчивость, я бросил ей в ответ что-то грубоватое, уже не помню, что именно, и она поняла: меня ничто не интересует, кроме кофе. Прихватив свои четыре порции, я напрямик направился на пляж. Погода в тот день была теплее, чем накануне, от свежего воздуха в голове прояснилось. Укрываясь от ветра, я сидел в глубокой ложине между дюнами, пил кофе и смотрел, как работает Анна (там, где она сейчас находилась) над своим проектом — большим и многоцветным абстрактным рисунком. Присмотревшись к нему, я через несколько минут понял: композиция рисунка и подбор цветов воспринимаются мною как мелодическая линия «Симфонии номер восемь си-минор» Франца Шуберта. Сперва меня развлекла мысль, что мои музыкальные знания нашли воплощение в ее мире и что суть этого мира составляет мое воображение. Любопытным было также, что оно воплотилось именно через Шуберта, к которому я особого интереса не проявлял. Возможно, пищей для этого воображаемого процесса мог стать любой аспект моей жизни, даже самый незначительный. Однако я столь же быстро осознал, что не хочу этого. А хотелось мне, чтобы Анна существовала отдельно от меня — как независимая личность, — ведь иначе какой смысл в ее дружбе? Я даже потряс головой, лишь бы избавиться от этой мысли. И когда в полдень она возникла рядом со мной в ложбинке между дюнами, я почти сумел позабыть об этом червячке в яблоке.

Утро мы провели вместе — разговаривали и смеялись, гуляли вдоль берега, взбирались на скалы у края острова. Когда около трех стал подходить к концу мой кофе, мы вернулись в закусочную за добавкой. Я попросил заварить мне два полных кофейника и перелить их в большие пластиковые емкости на вынос. Официантка промолчала, но покачала головой. Пока я ждал кофе, Анна в своем мире тоже сварила себе еще.

Мы снова встретились в моем бунгало и с наступлением вечера взялись каждый за свою работу, сидя напротив за кухонным столом. Ее присутствие воспламенило мое музыкальное воображение, а она призналась, что впервые представила целиком арочную структуру своего рисунка, а также чем и как его следует дополнить. В какой-то момент я настолько погрузился в работу, что протянул руку и взял (как я думал) один из своих карандашей. Но он оказался фиолетовым пастельным мелком. У меня их не было. У Анны были.

— Посмотри, — сказал я, и тут у меня закружилась голова, а за глазами вспыхнула головная боль.

Она оторвалась от работы и увидела, как я держу фиолетовую палочку. Мы молча сидели, потрясенные смыслом этого события. Потом она медленно протянула ко мне руку. Я уронил мелок и потянулся к ней. Наши руки соприкоснулись и — клянусь! — я ощутил, как наши пальцы переплелись.

— Что это означает, Уильям? — спросила она с оттенком страха в голосе и отдернула руку.

Вставая, я потерял равновесие и был вынужден ухватиться за спинку стула. Она тоже встала, а когда я направился к ней, попятилась.

— Нет, так нельзя! — воскликнула она.

— Не волнуйся, — прошептал я, — это же я.

Еще два неуверенных шага, и я подошел настолько близко, что ощутил аромат ее духов. Она напряглась, но осталась на месте. Я обнял ее и попытался поцеловать.

— Нет! — крикнула она. Тут я ощутил, как она уперлась ладонями мне в грудь, я запнулся и неуклюже упал. — Я этого не хочу. Это все не настоящее! — бросила она и принялась торопливо собирать свои карандаши.

— Подожди... ну, извини меня... — Я попытался встать, но тут долгие часы без сна, галлоны кофеина, издерганные нервы сплелись наподобие голосов в моей фуге и ударили по голове так, словно меня лягнула лошадь. Меня трясло, в глазах затуманилось, я попеременно то терял сознание, то приходил в себя. Но все же я смог увидеть, как Анна поворачивается и уходит, направляясь через гостиную к двери. Я кое-как поднялся и последовал за ней, цепляясь за мебель, чтобы не упасть. Последнее, что я помню — как распахиваю входную дверь и выкрикиваю ее имя.

Меня нашли утром на пляже, без сознания. Наткнулся на меня тот самый седобородый старик из закускойной — он ежедневно ран-

ним утром прогуливался по берегу, высматривая, не вынесло ли волнами что-нибудь интересное. Вызвали полицию, затем «скорую». Очнулся я на следующий день в больничной палате. Солнце заливало меня через окно теплыми лучами, которые пахли увядающими пионами.

В небольшой больнице на берегу меня на два дня задержали для обследования. Заходил психиатр, и я сумел убедить его, что переутомился, работая над курсовым проектом. Очевидно, официантка из закусочной сказала полицейским, что я выпил безумное количество кофе и совсем не спал. Об этом узнал и пришедший ко мне врач. Когда я признался, что попробовал кофе впервые в жизни и немного увлекся, он предупредил, чтобы я держался от этого напитка подальше и сообщил, что меня нашли в луже собственной блевотины.

— Совершенно очевидно, что вашему организму кофе противопоказан, — добавил он. — Потеряв сознание, вы могли захлебнуться и умереть.

Я поблагодарил его за совет и пообещал, что отныне кофе в рот не возьму.

За дни, проведенные в больнице, я старался понять, что произошло с Анной. Очевидно, мой поступок ее напугал. Мне пришло в голову, что, пожалуй, будет лучше, если я откажусь от наших встреч. Сама моя уверенность в том, что между нами произошел физический контакт, в ретроспективе была весьма тревожным фактом. А вдруг Стэллин все-таки оказался прав, и то, что я воспринимал как результат синестезии, на самом деле является галлюцинацией? Проблему новых свиданий с Анной я решил пока отложить. Но подумал, что одна встреча не помешает — надо хотя бы извиниться за свое неуклюжее поведение.

Я спросил медсестру, в больнице ли мои вещи из пляжного домика, и она ответила, что да. Весь последний день я провел одетый, дожидаясь, когда меня выпишут. Наконец принесли мои пожитки. Я тщательно все проверил, но вскоре стало ясно, что карандашная партитура фуги пропала. Все было на месте, кроме большого листа рисовальной бумаги. Я попросил медсестру, которая была ко мне очень добра и чем-то напоминала миссис Бритник, еще раз проверить, все ли мне принесли. Она исполнила мою просьбу и сообщила, что ничего больше нет. Тогда я позвонил в полицию острова Варион — якобы поблагодарить — и спросил, не попадался ли им мой рисунок. Но фуга исчезла. Я прекрасно знал, что позднее ее пропажа навалится на

меня тяжелой депрессией, но в тот момент я словно оцепенел и радовался уже тому, что вообще остался жив.

Я решил несколько дней отдохнуть в доме родителей, а уже потом возвращаться в консерваторию. Дожидаясь автобуса на автовокзале возле больницы, я подошел к газетному киоску, решив купить паке-тик жевательной резинки и газету, чтобы скоротать время. Разглядыва-вая лоток со сладостями, я увидел нечто такое, из-за чего испытал, на-верное, те же эмоции, что и Ева, впервые увидевшая яблоко — паке-тик кофейных леденцов. Едва я прочел слова на пакетике, рука сама к нему потянулась. На нем значилось: «Без кофеина», и я едва пове-рил в такую удачу. Покупая сразу три пакетика, я нервно оглядывал-ся, а потом, уже в автобусе, открыл первый из них так резко, что при-горшня леденцов рассыпалась по сиденью и проходу.

К родительскому дому я приехал на такси. Дверь пришлось откры-вать своим ключом — их машины возле дома не оказалось, наверное, они уехали куда-то на весь день. Я не видел их несколько месяцев и даже немного соскучился. Когда наступила ночь, а они так и не вер-нулись, я счел это странным, но предположил, что они уехали в ко-роткий отпуск, как это случалось довольно часто. Неважно. Я устро-ился на привычном стульчике возле пианино и сосал кофейные ле-денцы, пока не устал от долгого сидения. Тогда я прошел в спальню, улегся в постель, где спал в детстве, повернулся лицом к стене и за-снул.

На следующий день после завтрака я продолжил вахту, начатую еще во время долгой автобусной поездки домой. Во второй полови-не дня все подозрения о том, что случилось с моей фугой, подтвер-дились. Леденцы не могли вызвать такой же четкий образ Анны, как мороженое, не говоря уже о кофе, но я видел ее достаточно яс-но, чтобы следить в течение дня. И я увидел, как вместо своего за-четного рисунка она сдала мою карандашную партитуру. Как она ухитрилась ее присвоить, я совершенно не представлял. Это проти-воречило всякой логике. На несколько секунд мне удалось снова увидеть свою работу, и я попытался вспомнить, как именно сплел воедино главные темы и их ответы. Как только я увидел партитуру, в голове зазвучала музыка, но мне так и не удалось разглядеть ее достаточно хорошо, чтобы вычленить сложную структуру произве-дения. Но теперь я четко знал два факта: fuga была завершена вплоть до момента, когда ей полагалось превратиться в хаос, а Ан-на, совершив подлог, получила очень хорошие отзывы преподавате-лей.

К вечеру у меня остался последний леденец. Взяв его, я решил, что сейчас взгляну на Анну в последний раз. Я пришел к выводу — раз она украла мою работу, то это компенсирует промахи моего поведения, и теперь мы, как говорится, квиты. И отныне я, как уже поступил однажды, оставлю ее в прошлом, но теперь навсегда. Приняв решение, я развернул фантик последнего леденца и положил конфету на язык. Рот медленно наполнился темно-янтарным вкусом, перед глазами сформировался расплывчатый силуэт, постепенно обретая четкость. Анна держала чашку у рта, и ее глаза распахнулись, когда она поняла, что я ее вижу.

— Уильям, я надеялась увидеть тебя еще раз.

— Не сомневаюсь, — отозвался я, стараясь выглядеть сдержанным, но уже один лишь ее голос ослабил мою решимость.

— Тебе сейчас лучше? Я видела, что с тобой произошло. Я была с тобой на пляже в ту долгую ночь, но не могла с тобой связаться.

— Ты украла мою фугу.

— Она не твоя. — Анна улыбнулась. — Давай не будем обманывать друг друга. Ты прекрасно знаешь, что ты всего лишь проекция моего синестетического процесса.

— Кто чья проекция? — спросил я.

— Ты, конечно. Ты всего лишь мое отражение.

Мне хотелось ей возразить, но у меня не хватило подлости, чтобы разрушить ее веру в собственную реальность. Конечно, я мог напомнить Анне ее же слова о том, что образная синестезия является известной версией заболевания. Но это, безусловно, не так. Кроме того, ее неудавшийся рисунок, брошенный после кражи моей партитуры, основывался на восьмой симфонии Шуберта, то есть на моих знаниях, которыми она воспользовалась. Ну как я мог убедить ее в том, что она нереальна? Наверное, она заметила сомнение в моих глазах, потому что ее поведение изменилось.

— Я больше тебя не увижу, — сообщила она. — Врач дал мне таблетку и сказал, что она избавит меня от синестезии. Здесь, в истинной реальности, такие таблетки есть. И препарат начал действовать. Я больше не слышу дым моих сигарет, как звук капающего крана. Зеленое теперь не имеет вкуса лимона. А звонок телефона не ощущается, как грубое полотно.

Эта таблетка и стала окончательным доказательством. Таблетка для лечения синестезии?

— Приняв эту таблетку, ты могла навредить себе. Если ты разрешь связь со мной, то можешь попросту исчезнуть, прекратить су-

ществование. А вдруг мы предназначены быть вместе? — Мне вдруг стало не по себе от мысли, что она утратит особое восприятие мира, а я лишусь единственного друга, когда-либо понимавшего мою истинную природу.

— Доктор Стэллин заверил, что таблетка безопасна, а я стану такой же, как и все. Прощай, Уильям, — сказала она и отодвинула чашку.

— Стэллин? Что значит — Стэллин?

— Он мой психотерапевт, — услышал я в ответ. Я все еще видел ее, но, судя по всему, я для нее уже исчез. Анна закрыла лицо ладонями и заплакала. Но тут леденец из последней тончайшей пластиночки превратился в ничто, и я сглотнул. А еще через несколько секунд Анна окончательно исчезла.

Было уже три часа дня, когда я надел пальто и направился через весь город к дому Стэллина. У меня накопился к нему миллион вопросов, но главное, что я хотел выяснить — лечил ли он молодую женщину по имени Анна. Последний разговор с ней настолько овладел моими мыслями, что, оказавшись на дорожке, ведущей к дому доктора, я вдруг понял, что даже не заметил, как село солнце. Я словно прошагал весь путь во сне и проснулся, лишь придя сюда. Улица была совершенно пустой — ни людей, ни машин, и это напомнило мне остров Варион. Я поднялся по ступенькам к двери и постучал. В доме было темно, лишь на втором этаже горел свет, но дверь оказалась приоткрытой, и я решил, что это странно, ведь сейчас середина зимы. В обычной ситуации я развернулся бы и ушел после третьей попытки привлечь внимание Стэллина, но мой визит был слишком важен, чтобы так легко сдаться.

Я вошел и закрыл за собой дверь.

— Доктор Стэллин! — позвал я, но ответа не услышал. — Доктор? — попробовал я снова, затем прошел через фойе в комнату, где стояли заваленные стопками бумаг столы. В тусклом свете, пробивающемся сквозь окно, я отыскал лампу и включил ее. Продолжая звать доктора, я пошел из комнаты в комнату, включая по дороге свет и направляясь к стеклянной комнате в задней части дома, где мы всегда встречались. Добравшись до нее, я вошел и наступил на что-то живое. От неожиданного визга у меня едва не остановилось сердце, но тут я разглядел, как в соседнюю комнату улепetyивает черно-белый кот, которому я наступил на хвост.

Снова очутившись в этой полной растений комнате, я ощутил нечто вроде уюта. Сразу вспомнилось, что в детстве эта комната была

для меня единственным безопасным местом в мире. Как ни странно, в пепельнице на столике между двумя стоящими напротив креслами все еще дымилась сигарета. Рядом с пепельницей, раскрытая на середине и перевернутая страницами вниз, лежала книга «Центробежный рикша-танцор». Уж лучше бы я увидел привидение, чем эту книгу. От одного ее вида по коже пробежали мурашки. Я уселся на привычное место и стал смотреть, как дымок сигареты, закручиваясь, поднимается к стеклянным панелям. Почти сразу на меня навалилась сильнейшая усталость, и я закрыл глаза.

Все это случилось несколько дней назад. Когда на следующее утро я обнаружил, что не могу открыть дверь и уйти, что не в силах даже разбить стекло и вылезти через окно, мне стала ясна суть происходящего. Поначалу я впал в отчаяние, но потом меня окутало спокойствие, и я примирился с судьбой. В стопках бумаг в той комнате каждый лист оказался превосходным карандашным рисунком. Поднявшись на второй этаж, я увидел пианино, а на нем — партитуру «Большой фуги» Баха. В прихожей второго этажа висела черно-белая фотография миссис Бритник, а рядом — фотография моих родителей, стоящих возле Анны, еще девочки.

И этой прихожей, и этих комнат уже нет. Они исчезли. Каждый день здесь исчезало по комнате. Сейчас я сижу в кресле Стэллина в единственной оставшейся комнате (она тоже исчезнет еще до вечера) и пишу этот рассказ — в каком-то смысле, мою фугу. Напротив сидит черно-белый кот, он прибежал ко мне, когда вокруг нас стал смыкаться исчезающий дом. За окнами и сад, и деревья, и небо утратили цвет и теперь кажутся нарисованными графитом — с великолепными полутонами, которые придают им вес и объемность. То же самое произошло и с комнатой вокруг нас: пол, стеклянные панели, кресла, растения, даже кошачий хвост, мои ботинки и ноги утратили цвета и обрели сероватые полутона карандашного эскиза. Полагаю, Анна скоро избавится от своего «состояния». А я, всегда считавший себя нежеланным, нелюбимым и непонятым, превзойду участь всего лишь художника и стану взамен произведением искусства — гораздо более долговечным. Кот громко мяукает, и я ощущаю этот звук как чье-то прикосновение к плечу.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

А Л Е К С А Н Д Р
С И В И Н С К И Х

СКОРЫЙ

Иллюстрация Андрея БАДИНА

ВНЕ ГРАФИКА

Та-та-тат-та... Та-та-тат-та... — Смех напоминал быстрые не-
сильные удары деревянным молотком-киянкой по железнодоро-
рожному костылю. Молоток был чересчур легок и совершен-
но не предназначен для подобной работы; костыль вбивался с
трудом. — Та-та... Тат...

Азотов посмотрел долгим взглядом на сизые рельсы, на сли-
вочное небо, на оседлавшую путевую стрелку сороку и потер-
нос пальцем. Ему вдруг совершенно расхотелось идти выяс-
нять, кто балуется с киянкой.

— Думаешь, «хохотушка»? — спросил он у Жулика.

Жулик без энтузиазма подвигал пушистым задом и боднул лбом его
ногу.

— Вот и я думаю, что она, — заключил Азотов. — А раз так, пой-
дем-ка обратно к Лёньке. Ну ее совсем, «хохотушку» эту.

Пропев нарочито скрипучим голосом «белая ночь опустилась, как
облако, ветер гадает на юной листве», он тихонько вздохнул — време-
на, когда песня была популярна, а он юн и способен восторгаться бе-
лыми ночами, остались в прошлом — и вошел в дом. Жулик скольз-
нул следом.

Леонид откровенно скучал. Сидел, заложив руки за голову, и бес-
смысленно тарасился на выцветший календарь с купающейся мулат-
кой. Бутылка перед ним на треть опустела, кроссворд наполовину за-
полнился. Когда появился Азотов, Леонид переместил руки на стол,
пробарабанил пальцами незамысловатый ритм и сонно моргнул.

— Ну, Вовка, ну и беспокойная ты личность, — сказал он укориз-
ненно. — Ну что ты бродишь туда-сюда, как тень отца Гамлета? Сам
же говорил, сейчас «окно» на три с половиной часа.

Азотов глянул на наручные часы, сверился с настенными. Настен-
ные по обыкновению ввали. Он знал это абсолютно точно, однако
стрелки не подводил ни при каких обстоятельствах. Принцип обраще-
ния штурмана с морским хронометром гласит: «Не вмешивайся в ра-
боту тонкого механизма; для правильного вычисления времени доста-
точно знать поправку». Азотов отдал морской службе пятнадцать лет,
и многие законы флота стали для него законами жизни.

— Теперь уже три часа десять минут, — педантично отметил он.

— Тем более, — невпопад сказал Леонид. — Тем более... Садись,
трудяга, я тебе бутерброд сделал. Богатый такой бутербродище. С гор-
чицей. Слой колбасы местами достигает двух сантиметров. И это — ес-
ли не считать подложки из свежего листа салата! Сам в рот просится.

Азотов присел на скрипнувший табурет. По богатому бутерброди-
щу деловито прохаживалась муха. Зеленая на розовом. «Хуже было бы,

если наоборот», — философски подумал Азотов, согнал муху, решительно откусил от бутерброда и начал жевать...

— Лёня, — раздельно сказал он через секунду, аккуратно вытолкнул влажный кусок изо рта и отдал Жулику. — Лёня, блин, тело ты серое, я ж тебе русским языком говорил: не бери куриной колбасы.

— Хорош скандалить, отец, — беззаботно отмахнулся Леонид. — Ну, куриная, ну и что? Зато свежая. Если бы ты видел тамошний сервелат... — Он скроил гримасу предельного омерзения. — Его ж от плесени три раза с мылом мыли, постным маслом для блеска натирали. Я, к твоему сведению, полгода грузчиком в гастрономе работал и подобные фокусы не раз видел. А эта, — он любовно похлопал колбасный батон по тугому боку, — только вчера кукарекала, крыльями била и несущек топтала. Так что без комплексов, отец. Жуй, глотай.

— Я не могу, — терпеливо объяснил Азотов. — Не лезет в меня курятина.

— Накати стопарь — как родная пойдет.

— Во время вахты...

— Какая вахта, отец? — весело перебил его Леонид. — У тебя впереди три часа халавы, а ты долдонишь о какой-то вахте. Ну, Вовка, ну, йопэрэсэтэ, к тебе раз в год приехал лучший друг, а ты строишь трезвенника и трудоголика. — Он подбоченился, откинулся на стуле и прокурорским тоном проговорил: — Признай, ведь не будет сейчас по расписанию поездов?

— По *расписанию* не будет, — сказал Азотов.

— Тогда какие проблемы? Мы ж без фанатизма, по сто пятьдесят врежем под бутербродик, и хорош. Э-э-э... постой-ка. — Леонид притворно нахмурился. — Я что-то недопонял... Тут что, и без расписания ходят?

— Гм, — сказал Азотов. — Гм.

— Кончай хмыкать. Ходят?

— Ну... как бы... да.

— Иди ты! — радостно удивился Леонид. — А кто? Контрабандисты?

— От нас до границы тыща верст, — усмехнулся Азотов и вдруг решил: — Несуществующий поезд, понял?!

— Иди ты! — снова сказал Леонид, теперь уже недоверчиво. — Несуществующий поезд, офигеть! Типа Летучий Голландец стальных магистралей? Отец, а может, ты уже вмазал? Или травкой балуешься? Я видел, какая у тебя тут конопля...

Азотов оперся щекой на кулак, вытянул губы и стал внимательно смотреть на друга.

Под столом шумно искался Жулик, давешняя муха билась об оконное стекло, «хохотушка» в кустах за домом заходила в истерику «т-т-т-т-тат!». Через минуту Леониду стало неуютно, он покаянно улыбнулся и пробормотал:

— Слушай, отец, взгляд у тебя!.. Не Азотов, а прямо Азатов каковой-то. Демоническая личность. Ты, в общем, того... Ты не сердчай на меня... Я понимаю: фольклор путевых обходчиков, станционных смотрителей и все такое...

— Фольклор? Да я этот поезд видел, — убежденно сказал Азотов. — Лёня, гадам буду, я его вот этими глазами видел. Первый раз в прошлом году, в такую же белую ночь. Жулик запросился на двор, я и вышел с ним. А по железке — гул. Идет состав, вне расписания идет. И не по своей нитке, сука. Я бегом к стрелке, даже выматериться забыл. Едва успел перевести, ты-дымс, пролетел! Смотрю — пассажирский. Короткий, всего десяток вагонов, и такой, знаешь... — Азотов подвигал пальцами, словно ловя в воздухе подходящее слово. Поймал и тут же запустил щелчком в сторону Леонида: — ...Фильдеперсовый...

— А точнее? — не понял тот специфического термина.

— Форма у вагонов совершенно необычная и цвет серебряный. Я, конечно, удивился, но не особенно. Решил: какой-нибудь новый «фирменный», скорый. Пропустил я его, кулаком погрозил, стрелку назад переставил — и к телефону. Какого, дескать, рожна? А диспетчер на меня — примерно как ты сейчас. «Пьете там до белой горячки, уже поезда мерещатся...» Ну, я ему ответил добрым словом, трубку положил. Потом с мужиками пообщался. Многие его видели. Кто раз, кто два-три. А у меня он после того стал регулярно появляться. Как белые ночи и утреннее «окно», так держи ушки на макушке. Раз в квартал в четыре сорок две летит. И всегда по чужой.

— С ума сойти, — протянул Леонид. — Ну а еще какие-нибудь... фильдеперсовы чудеса на железке бывают?

— Да бывают кой-какие, — сказал Азотов. — Насухо и не пове-ришь.

— Так я разолью?

— По сотке, — подумав, согласился Азотов. — Но не более, стари-чок.

— Оте-ец... какие дела, само собой по сотке! Для разгона больше и не надо. Во-от. Ну как, под гусарский тост?

— Под него. Ура!

— Ура.

Водка пошла гладко, а за ней и бутерброд полетел голубем; впрямь, как родной.

— Несуществующий поезд — штука редкая, — сказал Азотов, проглотив последний кусок бутерброда. (Воодушевленный его ожившим аппетитом, Лёня тут же стал сооружать второй.) — К тому же бес его знает, то ли он материален, а то ли нет. Зато Мертвый Обходчик и Синяя Бригада — самая реальная реальность. Или вон «хохотушка». Слышишь, будто где-то баба смеется?

Леонид кивнул. Смех он слышал давно и начал уже подумывать, не выйти ли познакомиться с веселой женщиной.

— Вот. Между тем это не человек, не зверь и не птица, а тварь такая. Ростом с Жулика моего, и вид у нее... На ржавый семафор с ножками похожа. Ловить ее нельзя, потому что покалечиться при этом — легче легкого. Побежишь догонять — и обязательно за что-нибудь запнешься. Ладно, если просто ногу сломаешь, а вдруг башкой об рельс? Зато Мертвый Обходчик — другое дело. Он мужик правильный. Наш человек, хоть и скелет. Мелкий такой, метра полтора, субтильный. Форма у него — как у путевых при Иосифе Виссарионыче: фуражечка с кокардой, молоточек, котомочка брезентовая через плечо, фонарь... все дела. Бродит он вдоль линии, неисправности высматривает. Едва найдет, сейчас марш-марш к ближайшей станции или к переезду. Фонарем машет, молотком по рельсам долбит, зовет. Кто не сробеет с ним пойти, тот аварию предупредит. Кто сробеет...

— ...Тот и станет во всех смыслах стрелочником, — хлопнул ладонью по столу Леонид. Видно было, что он не то чтобы верит в рассказы друга, но правила игры принимает и готов им следовать дальше. — А Синяя Бригада?

Азотов посмотрел на наручные часы, сверился с настенными и подмигнул:

— Это, Лёня, самое простое. Могу показать.

— Только сперва по сотке.

— Для храбрости?

— Обижаешь, отец! Для смазки. К бутерброду с курятиной.

Вторая сотка полетела совсем уж мягко. Азотов не сдержался, крикнул и сообщил:

— Хороша, злодейка.

— Ну а ты как хотел? — Леонид подпустил в голос шутового пафоса. — Не сучок какой из Кабарды, а прославленного орденоносного завода «Кристалл» элитная водка «Путинка»! Ты, кстати, в курсе, почему ее так называли?

— Что-нибудь по части рыбной ловли? — предположил Азотов. — В честь путины, страды промысловиков минтая и селетки иваси...

— А вот и хрен! — обрадовался Леонид. — В честь президента России, понял!

— Какого президента? — ошалел Азотов. — У нас же...

— Незримого, отец! — азартно перебил его Леонид. Он был буквально окрылен тем, что способен наконец-то поразить друга тайным знанием, и орал в полный голос: — Думаешь, фольклор только у станционных зрителей, а у нас, сырых политехнологов, один черный пиар? Ничего подобного! Слушай и запоминай. В ночь между старым и новым годом, когда над миром безраздельно властвует...

Они вышли на крыльцо. Справа вдоль рельсов, словно удирая от них, двигалось странное существо: изъеденная ржой металлическая коробка с десятком тонких суставчатых ножек. Спереди и сзади у коробки имелись круглые застекленные окошечки под длинными козырьками. Жулик погнался было за нею, но, сделав десяток шагов, споткнулся на совершенно ровном месте и красиво кувыркнулся через голову. Вскочил, сердито и обиженно затыкал. Коробка с ножками неуклюже подпрыгнула и скатилась под насыпь, в заросли кипрея. Через мгновение оттуда донесся короткий смешок. На этот раз прозвучал он почти что горестно: «Хо-хо-хэх!».

— Ничего себе! — выдохнул Леонид. — Поймаем?

Азотов покрутил пальцем у виска.

— Видел, как пес навернулся? Отставить ловить!

— О'кей, товарищ старший стрелочник, — Леонид, широко осклаившись, ткнул Азотова кулаком в бок. — Вас понял! «Хохотушку» не ловим, бережем драгоценные члены и, само собой, башку. Так вот, я о президенте. В час, когда миром безраздельно правит...

Договорить ему снова не удалось. Из повисшего над путями редкого, как старая марля, тумана, в котором не спрятался бы и белый Жулик Вовки Азотова, вдруг вынырнула открытая моторная дрезина — облупленная, прокопченная, желтая с диагональными черными полосами. Тарахтела она невообразимо, а двигалась неспешно. Спереди, на разноцветных пластиковых ящиках из-под бутылок покачивались четверо колоритных мужчин. Все как один бородастые, в телогрейках, стеганых штанах и стоптанных кирзачах. Обнявшись за плечи, бородачи проникновенно пели — жаль, из-за треска двигателя разобрать можно было только отдельные слова. Если Леонид правильно идентифицировал обрывки, исполнялся «Отель Калифорния». Позади, свесив с дрезины голые ноги, сидела кудрявая, как ягненок, миниатюрная блондиночка. Кирзовые сапоги стояли рядом.

Телогрейка на груди девицы была широко расстегнута.

Леонид восхищенно присвистнул.

Блондиночка задорно свистнула в ответ, пошарила рукою за спиной, широко размахнулась и швырнула в сторону наблюдателей увесистый предмет, блеснувший темным бутылочным стеклом.

— Берегись! — крикнул Азотов и дернул Леонида за рукав.

Предмет врезался в угол дома. Брызнули осколки, по стене потекла ароматная жидкость.

— Овца ты потная! — с внезапной озлобленностью закричал Азотов, грозя блондиночке кулаком. — И сиськи у тебя — тьфу!.. Вот так каждый раз, — огорченно пожаловался он Леониду, когда дрезина исчезла: растаяла столь же внезапно, как материализовалась, оставив после себя только эхо издевательского девичьего смеха. — Нет бы хоть раз бросила аккуратно... или катнула по насыпи, что ли. Обязательно раскокает.

— Ай-ай, отец, ты бесподобно резок к сему воздушному созданию, — пожурил его Леонид (грудь девчонки показалась ему вполне на уровне), после чего повел носом и, вскинув брови, спросил: — Позвольте, господа, но это же... Неужели коньячок?

— Арманьяк, — сказал Азотов печально. — Выдержанный, 75-го года. «Барон Гастон Легран».

— Тогда и в самом деле — овца, — безжалостно заключил Леонид. Он поднял осколок бутылочного донышка, обмакнул палец в остаток жидкости, дотронулся до капли языком. Блаженно закатил глаза.

— Черт! — сказал он вскоре. — Черт, досадно... Знал бы, что там летит, собственную грудь бы подставил.

Азотов с сомнением поморщился и сообщил, что сам он неоднократно пытался ловить бутылку, но ни разу в том не преуспел. Леонид еще раз понюхал осколок, потом скорбно скривил губы, опустил останки «Барона Леграна» в пожарное ведро и спросил:

— Слушай, Вовка, а почему эта Бригада — синяя? Телега у них желтая, так? Фуфайки черные, так? Баба белобрысая. Нестыковочка.

— Слова, Лёня, многозначная штука, — сообщил Азотов. — «Синий» ведь не только цвет обозначает. Согласен? — (Леонид кивнул.) — Есть мнение, что мужики на дрезине — рецидивисты. Воры в законе, наколками разрисованные от ногтей на ногах до десен и коренных зубов. Настоящая «синева», короче говоря. Тут зон-то понатыкано — мама, не горюй. Ну и ушли граждане в побег, да только забрались в неподходящее средство передвижения в неподходящее время. А девка — будто бы их конвоир оттуда, — Азотов показал пальцем под ноги. — Или оттуда. — Палец повернулся к небу. — Но я не верю. Больно смиренные они для ззков. По-моему, это просто компания туристов, упавшая с концами в «синюю яму». — Он для наглядности шелкнул

ногтем по шее. — Обожрались какого-нибудь ломового пойла до «мультиков», и ага! В астрал вышли с чудовищной силой. А мы сейчас этот их коллективный «мультик» и наблюдаем.

— Мы наблюдаем их глюк? Ну ты даешь, отец, — хохотнул Леонид. — Эзотерик. Точно Азотот!

— Одного не соображу, — задумчиво проговорил Азотов, отворяя дверь в дом. — Откуда у них арманьяк, если отравились бормотухой?

— Ну, это как раз не вопрос, — бодро сказал Леонид. — Все мы временами выдаем желаемое за действительное. Хлебали твои туристы «коленвал», а как мозги у них вконец разжижились, так и стали думать, что благородный напиток потягивают. Засим вывод: замечательно, что та бутылка разбилась. Тем более, — он взгромоздился на табурет, — что у нас имеется «Путинка». И, слава Богу, не одна. Ты как, созрел для следующей порции?

Азотов глянул на наручные часы, сверился с настенными, пробурчал «два часа двадцать семь минут» и отчаянно махнул рукой:

— Разливай!

Когда приговорили вторую, стрелочника начало неудержимо клонить в сон.

— Ты, отец, не противься природе, — уговаривал Леонид, подсовывая ему под щеку свернутый плащ. — Давай, часок вздремни, а я твою стрелку постерегу.

— Ты не думай, что я слабак, — бормотал Азотов, не разлепляя век. — Отвык маленько. Я ведь один-то не пью, потому и...

— Да я понимаю. Не волнуйся, отдыхай. Когда время подойдет, разбужу.

— Разбудит он! А я не нуждаюсь! У меня библио... биологический будильник вот тут. — Азотов приоткрыл один глаз, постучал пальцем по макушке. — С хромо... хронометром на стене секунда в секунду связанный. Но если в четыре сорок две пойдет несуществующий, Лёнька... Если только пойдет! — Он воздел указательный палец, грозно покачал им — и отключился.

Леонид глянул на свою «Омегу», сверился с настенными часами. Вовкины ходики безбожно ввали. «Хронометр...» — пробурчал он ехидно, покачал головой и установил стрелки максимально верно. Потом накинул на плечи побелевший от старости боцманский колушок Азотова и, поманив колбасным огрызком Жулика (одиночества он не терпел), вышел из дома.

Рельсы были покрыты мельчайшими капельками воды. От недавно уложенных шпал резко пахло креозотом. Возле механизма перевода стрелки покачивалась на одной ножке «хохотушка». При взгляде на

нее создавалось отчетливое ощущение, что она до чертиков озябла, нахохлилась и съежилась.

— Иди сюда, скотина, — ласково позвал «хохотушку» Леонид. — Иди, согреем теплом живых сердец. Жулик, ты не возражаешь?

Жулик не возражал, против была сама тварь. Она отскочила на десяток метров, издавала хриплое «хе-хех-с!» и снова встала на одну ножку.

— Ну и зря, — обиженно сказал Леонид. — Ведро ты ржавое.

«Хохотушка» снесла оскорбление молча. Должно быть, заснула. Леонид потрепал Жулика по холке, заснул руки в карманы колушка. В одном обнаружилась пачка «Балканской звезды» и зажигалка. Он не курил очень давно, да и раньше всего лишь баловался — но тут почему-то вдруг страстно захотелось глубоко втянуть едкий дым, выпустить из ноздрей две густые струи. Может быть, закашляться...

Он спросил вслух: «А кто мне мешает?», достал сигарету, прикурил. После первой же затяжки начала кружиться голова. Это было не так чтобы очень приятно, но не было и противно. Скорей, забавно.

Леонид медленно посасывал сигарету и размышлял. Судя по всему, думал он, старый мистификатор Азотов разыграл его, как несмышлениша. Ну что такое — эта «хохотушка»? Заснул в списанный семафор ручную ворону, умеющую подражать человеческому смеху, привязал с боков шнурки от ботинок, чтобы казалось — ножки, вот и все чудеса. А Синяя Бригада? Еще того проще. Договорился за пузырь со знакомыми железнодорожниками, пригласил вокзальную шалаву для антуража, налил в фирменную бутылку сто граммов какого-нибудь дешевого молдавского бренди для запаха — и готово. Атракцион под названием «разыграй товарища» или, положим, «остроумный стрелочник и доверчивый политтехнолог». А сейчас топчись тут как идиот, несуществующий поезд жди. Потом Леонид вспомнил, как ловко загрузил Вовку байкой о новогоднем телевизионном обращении выдуманного президента (которое якобы можно поймать тонкой подстройкой приемника между останкинским и «культурным» ТВ-каналами за пять минут до боя курантов), и на душе потеплело. Неотомщенным не остался!

С тем он и засмолил вторую сигарету... которая оказалась, безусловно, лишней. Голову вмиг обнесло — не успел докурить до половины, — к горлу подступила тошнота, ноги задрожали. Он поспешно опустился на землю, кажется, придавив задремавшего Жулика. Легче не стало. Земля понеслась вкруговую, норовила вывернуться из-под сидища, опрокинуть его — и обязательно лицом вниз. Леонид изо всех сил вцепился руками в рычаг путевой стрелки. Мир кувыркался. Рельсы и шпалы водили вокруг него бешеный хоровод, пробудившая-

ся «хохотушка» ходила колесом и шумно радовалась, Жулик выл, и только холодный стержень рычага, неколебимый, точно земная ось, оставался на месте.

Леониду показалось, что головокружение тянулось невообразимо долго. Он худо-бедно оклемался, лишь услышав приближающийся крик. Кричал Азотов. Он бежал от избушки каким-то странным зигзагом, бежал до чрезвычайности медленно, на каждом шагу ноги его переплетались, а перед ним тем же зигзагом двигалась ржавая семафорная коробочка на тонюсеньких ножках. «Та-та-тат-та... Та-та-тат-та...» — стучал внутри коробочки деревянный молоточек. Наконец Вовка шлепнулся и заорал совсем уж страшно:

— Стрелка! Лёня, перебрось стрелку! Скорый! Четыре сорок две! Несущее...

Окончание его слов заглушил пронзительный рев тепловозного гудка. Леонид судорожно задержал рычаг, который никак не желал поддаваться. Не то роль мировой оси показалась капризной железяке очень уж привлекательной, не то просто Леонид действовал ошибочно — но стрелка так и осталась неподвижной.

Скорый налетел, мощно толкнув холодным влажным воздухом.

Несуществующий поезд более всего походил на гигантский многосоставный гоночный автомобиль тридцатых годов — если, конечно, существовали тогда многосоставные автомобили. «Глазастый», металлически-серебристый, обтекаемый, с многочисленными продольными ребрами жесткости и стеклянным горбом кабины. Вагонов было не больше десятка, все такие же блестящие и «зализанные», как локомотив. Вместо окон тянулся двойной ряд овальных иллюминаторов. Колеса гремели, будто трубный глас апокалипсиса, и уплотнившийся воздух теперь уже не отталкивал, а напротив, затягивал под брюхо экспресса. Леонид заверещал и, как был, на карачках пополз прочь.

Секунда — и поезда не стало. Словно не было никогда. Словно он не существовал.

Пронесло, подумал Леонид.

— Эгей, матрос! — насмешливо окликнул его Азотов. Он успел подняться и отряхивал штаны от белой щебеночной пыли. — Жив?

Леонид посмотрел на него диким взглядом.

— Я, кажется, не перевел стрелку, отец, — сказал он сипло. — Что сейчас будет? Крушение?

— Ничего серьезного, — хладнокровно сказал Азотов. — Он же несуществующий, Лёня.

— Ты уверен? — с надеждой спросил Леонид. Сейчас он больше всего на свете нуждался в подтверждении того, что грохочущего чудо-

вища, минуту назад едва не измолотившего его своими колесами в фарш, действительно не существовало.

— Абсолютно, — без колебаний проговорил Азотов. — Абсолютно уверен.

— Слушай, отец, — сказал Леонид, — у нас там водки не осталось?

* * *

— Кому сигналили? — поинтересовался Андрей с плохо замаскированной ехидцей. — Волкам? Тут же на сто километров ни души.

Машинист с помощником переглянулись. Стажер за пять совместных рейсов надоел им хуже керосина. Слава Богу, этот рейс — последний. Потом зануду переведут помощником на пригородную пневматичку, на седьмую дистанцию пути. Пусть перед грибниками поехидничает.

— Я сигналил Обходчику, — сдержанно сказал Семён Владимирович. — «О» — заглавное.

— Мертвому, — очень членораздельно добавил Потапов. — «ЭМ» — тоже.

— Господи, ну перестаньте вы меня разыгрывать, — всплеснул руками Андрей. — То у вас Синяя Бригада какая-то на моторной резине, то стрелочники несуществующие. То обходчики мертвые. С заглавной вдобавок. Хорош грузить, а?

Семён Владимирович задумчиво потеревил ус.

— Ладно, — сказал он. — Ладно, пацан, я покажу тебе несуществующего стрелочника. Это, конечно, против правил, каждый сам должен его увидеть, но ты меня просто забодал, понял? Через километр по правую руку будет *место*. Уткнись лобешником в ветровое и смотри внимательно. Если повезет, увидишь ручную стрелку, которая не обозначена ни на одной схеме. Если очень повезет — то и стрелочника. Только моргай пореже и не крути тыквой.

— Ага, а вы будете за моей спиной ржать, — сказал Андрей, но послушался-таки: принял лбом к стеклу и стал смотреть.

Когда завыл гудок, он вздрогнул, но не пошевелился. Затем повернулся и дрожащими губами проговорил:

— Он не смог перевести стрелку. Этот упырь не смог перевести стрелку!

— Что?! — в голос заревели Семён Владимирович и Потапов. — Там же товарняк по встречной!

— Но ведь он несуществующий, — почти плача, прошептал Андрей, — этот стрелочник. Скажите, он ведь действительно не существует? Скажите...

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.

Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819

(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),

sales@uuu.ru (отдел распространения)

С Е Р Г Е Й С И Н Я К И Н

БАШМАЧНИК

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

У Ашота Кареновича была маленькая мастерская. Прямо на дому. На обувную фабрику она, разумеется, не тянула, но работа Ашота Кареновича славилась далеко за пределами подмосковного города Сходня. Делал Ашот Каренович и мужскую, и женскую обувь, но немного — ровно столько, чтобы прокормить семью, в которой было шесть человек, да выучить в областном педагогическом институте племянника, который решил почему-то заняться ковроткачеством, а потому и учился на соответствующем факультете. В гости к дяде он приезжал редко, общался с ним посредством телеграмм, которые не баловали Ашота Кареновича разнообразием просьб. Ашот Каренович его понимал. Что хочет молодой и здоровый парень от столицы, что ждет от нее? Развлечений, разумеется. Отказать ему Ашот Каренович никак не мог, парень рос сиротой, и, кроме дяди, у него никого не осталось. Нет, жили какие-то дальние родственники в Армении, но слишком уж далеко была Армения, туда если и посылать телеграммы с просьбами о помощи, все равно они дойдут в искаженном виде и текст будет прочитан следующим образом: «У меня все хорошо, ни в чем не нуждаюсь. Приветы Гагику, Денизе и Тимуру».

Впрочем, Бог с ним, с племянником, того, что зарабатывал Ашот Каренович, и на племянника хватало. В Сходне у Ашота Кареновича был свой дом на улице Гагарина. Хороший дом, в два этажа, с зимним садом и просторным подвальчиком, где Ашот Каренович сидел вечерами, измысливая новые фасоны обуви. У него это получалось не хуже, чем у главного инженера фирмы «Масис» или конструкторско-технологического бюро фирмы «Звартоц». Ашот Каренович при желании и специалистов из «Адидаса» легко сделать мог, но не хотел.

Вот вы сами посудите, что нужно человеку? Человеку для счастья нужна семья, полная любви, дом — чтобы обязательно полная чаша, друзья такие, чтобы за тебя в огонь и в воду готовы были пойти, и работа. Семья у Ашота Кареновича была хорошая: жена скромная и на удивление добрая, совсем несварливая теща и четверо детей. Младший сын Сейран пошел в первый класс, а старшая дочь Дианочка должна была в этом учебном году закончить школу. Звезд с неба дети не хватали, но в твердых хорошистах ходили, и в школу родителей никогда не вызывали — разве что на обязательные родительские собрания. Друзей у Ашота Кареновича было не так уж и много: мясник Серго Арзумян с колхозного рынка, Давид Галустян, который заведовал кафе «Севан» на улице Тимирязева, Саша Давлтян, что в администрации города работал. Были, конечно, и другие, не то чтобы друзья, а так,

полезные люди. Но мы же про друзей, а их у человека всегда по пальцам пересчитать. В том, что друзья за него готовы в огонь и в воду полезть, Ашот Каренович сильно сомневался. Но друзья были хорошие — деньгами могли выручить в трудную минуту, посочувствовать и даже в Москву за дефицитными лекарствами смотаться. Был такой случай, когда у Ашота Кареновича теща сильно болела.

А что касается работы... Ну, что говорить? Горшки обжигают не боги. А уж обувь делают точно не боги, обувь делают люди, которые имеют к этому хоть какое-то призвание. У Ашота Кареновича такое призвание было. Не зря же к нему приезжали самые разные люди, и даже из столицы.

Приехала однажды к нему стройная девочка. Ну, знаете, из тех, у кого кровь с молоком, а ноги такие, что от ушей растут, даже смотреть страшно. Приехала, огляделась растерянно по сторонам:

- Ашот Каренович! Помните меня?
- Как же, Ладочка, как же! Все танцуете?
- Ой, Ашот Каренович, а можно такие же?
- Понравились?

— Не то слово, Ашот Каренович. Только носочек не утяжеляйте. Все правильно, я ведь ласточкой прямо порхала. Настя Волочкова, по сравнению со мной, дояркой из колхоза «Красный партизан» смотрелась!

Ашот Каренович взял у нее туфельки с вытертыми носами, как они там по-балетному, пуанты называются?

— Ладочка, жду вас через недельку. Даже не думайте, лучше прежних получатся!

А то и другое было. В один из выходных приехали к нему двое, ну, если не близнецы, так уж точно двойняшки — оба чернявые, рослые, в джинсовых костюмчиках, даже кивают одинаково.

— Ашот Каренович!

— Гоша! Славочка! Давненько вас не видел, давненько не заглядывали!

— Ашот Каренович, а нельзя ли заказ повторить? Уж больно ваши лакированные туфельки чечетку отбивать горазды! Вы не подумайте, мы ведь во Франции заказ делали, у самого Лоренса, вашу пару для образца оставляли. И что вы думаете? Сделали эти французы все тю-телька в тю-тельку, даже по весу один к одному. А — не стучат! Вернее, стучат, только стук-то совсем иной, понимаете? Не зажигает он зал, одно слово — Франция!

Ашот Каренович сидел потихоньку, два дня лекало вырезал, три недели каблуки ладил, смеялся, младшего сына Сейрана все застав-

лял женские туфельки на ноги надеть, спрашивал тревожно, не жмут ли где, тяжесть не чувствуется? Средний сын Оганез перед ним в новых мужских туфлях чечетку отбивал, а Ашот Каренович в звук вслушивался, потом сокрушенно кивал головой: снимай мол, видишь же, не так все выходит, и кожа такая же, и подметки той же партии, а не звучат! Оганез снимал, робко смотрел на отца: а может, не так стучу, в этом все дело? Но Ашот Каренович только рукой махал, иди, мол, не в тебе дело, Оганезик, видишь, не так все получается.

Ночь, не ночь, а сидеть приходилось. На то и мастер, чтобы своего добиваться.

Хорошо ведь, когда у тебя клиенты постоянные.

Ладочку по телевизору показывали, девочка в балете «Жизель» танцевала. И не просто танцевала, главную роль ей доверили. Талантливая девочка, ну прямо Фрунзик Мкртчян, только женщина и в балете. И братьев Никановичей тоже показывали, а как же, степ выдавали такой, что подошвы горели. Ашот Каренович смотрел телевизор, одобритительно кивал головой, и только пальцы, сомкнутые на животе, шевелились. По всему выходило, что туфли долго не продержатся, по всем прикидкам получалось, что кто-то из Никановичей через полгода, не позже, появится у него в мастерской с виноватым видом. Ашот Каренович заранее любого из них прощал. А как же, талантливым людям многое прощается. Любят их, вот и прощают.

К нему два раза в сезон Анатолий Тихонов приезжал: в феврале — перед первым кругом, и в июле — перед вторым. Какой Тихонов? Тихонов да еще Анатолий у нас один — краса и надежда российского футбола, в ЦСКА сбежавшего к себе в Бразилию Вагнера Лава заменил. И как заменил! Вот уже второй сезон по тридцать пять мячей забивает, да и в сборной себя бомбардиром показывает. Ашот Каренович сидел в дни футбольных матчей перед телевизором с друзьями, нет-нет, да и хвастался: видали бутсы? Моя, братцы, работа! Конечно, талант, не в бутсах дело, Анатолий Тихонов и в «Адидасах» не хуже бы играл, вот только нравились ему изделия Ашота Кареновича — легкие, как пушинка, и бить с них было сподручно, мяч прямо со свистом в ворота летел. Один раз только Ашот Каренович и пожалел о своей работе: когда сборная России со сборной Армении в отборочном матче играла. Тихонов тогда разлетался, четыре мяча в армянские ворота послал, даже Саша Давлтян с укоризной на приятеля посмотрел и сказал:

— Ты это специально, да? Ты это нарочно, Ашотик?

А в чем он был виноват? Талантливый человек и босиком сыграет!

Ашот Каренович не чудо сотворил, подправил кое-что, поэтому он понятия не мог, почему друзья с ним две недели не разговаривали.

Своей дочери Дианочке на ее будущий выпускной вечер Ашот Каренович туфельки уже сшил, две недели мучился над каблуком и подъемом, но добился своего — ноги в этих туфельках вообще уставать не могли, а походка выходила такая, куда там принцессе Беренике, в которую какой-то древний принц именно из-за походки и влюбился! Жена, у которой был тот же размер, надела туфельки, когда дочери дома не было, походила по двору, вернулась и ревниво сказала:

— Что же ты, Ашотик, для меня таких туфелек за всю жизнь ни разу не сшил?

Ну, что ей скажешь? У нее ведь при каждой беременности особые туфельки были, с расчетом на возраст и на то, как проходила беременность. А вот поди ж ты, и этим она недовольна осталась.

Был у Ашота Кареновича еще один клиент. Важный клиент и, что самое главное, щедрый. Владимир Данилович звали. Ашот Каренович ему полуботинки шил. Три раза он ему полуботинки шил. В первый раз, когда тот свою партию вздумал создавать, во второй раз — когда его в Государственную Думу избирать должны были, и в третий — когда ему министерскую должность предложили. И каждый раз человек особые требования выдвигал. Понятное дело, у большого человека походка разной должна быть. Лидер партии должен ходить стремительно, уверенно, но в то же время народной такой походкой; депутат Госдумы немного вальяжно, снисходительно поглядывая по сторонам, как всезнающий законодатель; а уж министру походку ставить — пришлось попотеть, чтобы ее изобрести. Но Ашоту Кареновичу все капризы без разницы, что ты хочешь, то он тебе и смастерит. Лишь бы платили достойно. Владимир Данилович платил с запроса — хватило на все, даже тысячу долларов Ашот Каренович племяннику отправил в Москву на Главпочтамт до востребования.

Вот и сейчас он сидел, разглядывая шипастую туфлю, которую ему тренер сборной по легкой атлетике на черном «бумере» привез.

— Мне, — говорит, — вас Толик Тихонов рекомендовал. Ну, понимаете, есть у нас в сборной талантливый парень, Гена Батурин, как олимпийский бог бегают, даже лучше немного. Шиповки достойные сделать сможешь?

Ашот Каренович хмыкнул, руками развел.

— Дорогой, что же ты мне тапочки бездарные в нос суешь? Ты мне человека приведи, я сначала на человека посмотреть должен!

Гена Батурин старому башмачнику понравился. Скромный мальчик, не подумаешь, что чемпион России. И улыбка у него хорошая, за-

стенчивая оказалась. Вот Ашот Каренович и взялся за новую для себя работу. Когда он мальчика смотрел, сразу отметил, что у него голеностоп слабый, надо было подумать, что сделать, чтобы не только мощности бегу прибавить, но и сустав укрепить. Вот и сидел он днями, разглядывая задумчиво беговую шиповку, и напевал «На дальнем горном озере...», чтобы думалось лучше. Оно, конечно, поторапливаться следовало, спортсмен к новой обуви еще привыкнуть должен, а тут очередной чемпионат мира на носу. Но Ашот Каренович хорошо знал: если поспешить, можно не только всех насмешить, можно человека подвести. А тут и решение постепенно вырисовывалось — боковины чуточку ужесточить, а язычок удлинить и шнуровку на две дырочки больше сделать. Вроде и небольшие изменения, а уверенности в своих силах они мальчику обязательно должны были добавить и от случайной травмы предохранить.

«На дальнем горном озере красавица жила, — пел Ашот Каренович. — Как белоснежный лотос среди гор она цвела».

А скоро с новым заказом должен был подъехать Слава Пастухов — путешественник и бродяга. Он вроде бы в Южную Америку собрался, и нужны ему были крепкие, надежные и вместе с тем легкие ботинки, в которых можно было и в джунглях бродить, и по горам карабкаться. Особой проблемы с шитьем не было, но вот кожа для этого требовалась буйволиная, и буйвол обязательно должен быть рожден до июля, а забит не позднее ноября, и кормить его должны были особым образом, чтобы шкура особую прочность приобрела. Ашот Каренович заказ еще в прошлом году сделал, и теперь ждал — ему требуемую кожу обещали со дня на день подвезти, а подошвы башмачник заранее приготавливал — тоже кожаные, но закалена была кожа водой из горного озера Севан и квасцами, добытыми в гималайских предгорьях.

«На дальнем горном озере красавица жила», — пел Ашот Каренович, прищуриваясь на шипы из твердого, но легкого сплава.

Тут у ворот его дома джипы и засигналили.

Ашот Каренович из-под своего навеса глянул, а телохранители Владимира Даниловича уже входили во двор, как шпионы, оглядываясь по сторонам, а за ними и сам Владимир Данилович — вальяжный, неторопливый, уверенный в себе и в будущем страны. Увидел Ашота Кареновича, раскинул руки, шагнул под навес:

— Ашот Каренович!

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал Ашот Каренович, с любопытством оглядывая политика. Был он сегодня в темном глухом пиджаке, напоминающем армейский френч, таких же строгих брюках, а на голове темнела фуражечка, похожая немного на головной убор

французских жандармов, которых Ашот Каренович видел в кинофильмах с участием комика Луи де Фюнеса.

— Вот, — сказал Владимир Данилович. — Выбрал время — и сразу к вам.

— Всегда приятно видеть хорошего клиента, — сказал вежливо Ашот Каренович. — Что нового в жизни?

— А вы не знаете? — удивился Владимир Данилович. — Это ж надо, выборы на носу, только наш дорогой Ашот Каренович ничего не знает. Выборы, выборы предстоят, Ашот Каренович!

— Снова в Госдуму? — спросил башмачник.

— Счастливый человек! — с откровенной завистью сказал Владимир Данилович. — Ничего не знает! Президента будем выбирать, дорогой, президента! Перед вами кандидат, дражайший Ашот Каренович! Смее надеяться — основной кандидат!

Ашот Каренович кивнул.

— Поэтому я к вам, Ашот Каренович, — сказал политик. — Видите ли, президентские выборы — это нечто новое, более значимое. Вот, решил сменить имидж. Костюмчик видите? Ив Сен-Лоран, Ашот Каренович. А вот прежняя обувь... Сами понимаете, надо что-то новое. А уж что конкретно — вам решать. Вы — мастер, вам, как говорится, и карты в руки! Вы же знаете, я только вашу обувь ношу. Раз югославские туфли надел — сразу дискомфорт, неприятности всякие пошли...

Ашот Каренович еще раз оглядел политика. Что и говорить, умный человек Владимир Данилович, очень умный. К новому костюму старая обувь явно не подходила. Не может человек, одетый и обутый так разностильно, выиграть выборы, никак не может, это вам даже первокурсник Сейран скажет!

— Я подумаю, — сказал Ашот Каренович.

— Вот-вот, — подхватил Владимир Данилович и прошелся перед мастером. — Подумайте, мой дорогой, подумайте. А чтобы лучше думалось... — он вытащил чековую книжку. — Двадцать тысяч хватит?

И по тону его понятно было, что не в рублях он работу башмачника ценит.

— Я подумаю, — повторил Ашот Каренович. — Тогда и об оплате поговорим.

Они постояли еще немного, потолковали о разных ничего не значащих вещах, Владимир Данилович даже пообещал, что скоро выйдет закон, который будет защищать таких мастеров, как Ашот Каренович.

— От чего? — спросил мастер.

— Милый вы мой, — Владимир Данилович раскатисто захохотал. —

Был бы человек, а защита ему всегда понадобится! Можете быть уверены, защитим от всего! И даже больше!

Он крепко пожал руку Ашота Кареновича, уверенно шагнул со двора, и телохранители даже не повернулись за ним, а вроде бы вернулись наизнанку и двинулись следом. Джипы посигналили и отъехали, оставив Ашота Кареновича в грустной задумчивости. Не было печали, черти накачали! Ну зачем умному человеку идти в президенты? Там ведь что-то делать надо. А Владимир Данилович человек деятельный, если что-то начнет, никакие законы не остановят. Ашот Каренович только взглянул на него, на костюм этот от Сен-Лорана, и сразу же понял, что лучше всего к этому наряду подойдут мягкие сапожки с резким подъемом и жесткой подошвой. Только вот беда, нельзя было такие сапожки мастерить, никак нельзя. Отец его, Карен Погосович, научивший сына тачать обувь, не раз ему говорил: все можешь шить, а только не шей политикам мягкие сапожки с резким подъемом и жесткой подошвой. Видишь, что именно такие человеку больше всего подходят, — не шей. Уж больно много людей в свое время от таких сапожек пострадало. Больше того — кто шьет политикам такие сапожки, рискует рано или поздно сам попасть под их жесткую подошву.

«У озера, у озера красавица жила...»

Ашот Каренович повертел в руках шиповку и внезапно сообразил, что если положение шипов несколько изменить, скорость бега сразу станет выше. А все остальное зависело от упорства и настойчивости молодого спринтера. В конце концов, олимпийскими победителями и чемпионами мира люди становятся в силу своего характера. В отличие от политики, где многое зависит от внешних обстоятельств.

Он натянул шиповку на колодку и принялся оглядывать ее. Пожалуй, можно было сделать и еще кое-что, почти незаметное, но тоже очень полезное.

Ашот Каренович этому очень обрадовался и снова замурлыкал песенку.

Он все еще возился с шиповками, когда во двор вбежал младший сын Сейран.

— Папа, эти черные машины к нам приезжали?

— Да, а что? — поднял голову Ашот Каренович.

— Что сейчас было у магазина! — зачастил Сейран. — Один джип как дал, Сашка с Партизанской улицы так и полетел в сторону! Продащица... ну, Мамедова Азиза... выскочила, начала кричать, так машины сразу остановились. И из одной мужик вылез, схватил ее за волосы и давай по земле валять! А потом сам Мамед появился. Только у

этого мужика телохранители, они и Мамеду по шее наkostenяли! Сели в машины и уехали! А Сашку в больницу повезли!

«У озера, у озера красавица жила...»

Вот так они себя и ведут. А сделай им мягкие сапожки с жесткой подошвой? Раздавят, как червяка, и не оглянутся.

— Ты уроки сделал? — строго спросил Ашот Каренович.

— Так ведь каникулы! — удивился сын.

— Пойди маме помоги! — еще строже сказал Ашот Каренович. — Что без толку бегать?

И снова склонился над шиповками, хотя думал совсем о другом. А думал он над словами отца, Карена Погосовича. «Никогда не делай такие сапожки, Ашотик, — сказал ему отец. — Дед такие для царя, для Николая I делал. И что же? Он взял и делегацию рабочих расстрелял. А потом большевики пришли. Уж сколько дед им сапожков натачал, думал, власть справедливая пришла, так они кучу народу постреляли и еще больше голодом поморили. Никогда, Ашот, не делай мягкие сапожки с резким подъемом и жесткой подошвой!»

Все-таки Владимир Данилович — большой негодяй, хоть и сидит высоко, и человек умный. Мальчишку сбил, продавищу за волосы таскал, Мамеда его люди избили. Такому хорошую обувь шить нельзя. Сапожки хороши для человека совестливого, они не для таких, как Владимир Данилович. И ведь уехали, даже не извинились. Когда человек способен на плохие поступки, трудно представить, на что он способен, если власть получит неограниченную. Ашоту Кареновичу об этом даже думать не хотелось. Он снова принялся возиться с шиповками, успокаивая себя песней о красавице, в которую влюбился подводный царь горного озера Севан. Но на этот раз песня не успокаивала. Лишь закончив возиться с шиповками, башмачник понял, что должен делать.

Бережно спрятав шиповки в специальную коробку, он снял фартук, накрыл им колодку и вышел во двор. Жена и младший сын поливали белые розы перед входом в дом.

— Кушать приготвила? — спросил Ашот Каренович жену.

— Через полчаса позову, — сказала жена и ловко срезала большую белую розу на длинном стебле.

— Тогда я сейчас подойду, — строго сказал Ашот Каренович и вышел на улицу.

На скамеечке перед домом милиционера Филимонова судачил народ. Наверное, обсуждали, что случилось у магазина. На Ашота Кареновича все посмотрели с легким осуждением, словно это его друзья, а не клиенты приезжали, словно это он жену Мамеда за волосы у мага-

зина таскал. От этого башмачнику стало немного обидно, но он все-таки сдержался, вежливо поздоровался с людьми, пересек улицу и вошел во двор, где жила семья Лузгиных. Их старший сын Вовка только что вернулся из заключения, шесть лет отсидел, а теперь валялся на диване и отдыхал от тюремных лишений под блатные песни Михаила Круга. Парень он был неплохой, но авантюрист, просто пробы ставить негде. Потому и попадал вечно в разные неприятные истории. Ашот Каренович подумал вдруг, что пора Вове Лузгину хорошие туфли сшить, чтобы за ум взялся.

Окно было открыто.

— Вовка, — сказал Ашот Каренович. — Выйди, дело есть!

— Ашот Каренович! — Лузгин высунулся в окно, радостно сверкая сизой стальной фиксой. — Вот не думал, не гадал. Каким ветром?

— Дело есть, — снова сказал Ашот Каренович. — Ты свои «берцы» тюремные, в которых с зоны пришел, не выбросил еще?

— Зачем? — удивился Вовка. — Вещь такая, на века. Им же цены нет, сто лет будешь носить и не сносишь! На рыбалку буду ездить!

— Дай мне их, — сказал Ашот Каренович. — Очень нужно. Я верну, быстро верну.

— Для вас, дядя Ашот, все, что угодно, — светски сказал Вовка и исчез.

Вновь показавшись в окне, Вовка протянул ему грубые ботинки. И кожа на них пошла самая поганая, и швы были такие, что стыдно смотреть. Если бы Ашот Каренович когда-нибудь такую погань сшил, он бы навсегда ремесло забросил. Но сейчас эти неуклюжие «берцы» были ему нужны. Очень нужны!

— Хорошо, — сказал Ашот Каренович, принимая тяжелые ботинки. — Ты бы, Вовка, завтра ко мне заглянул, я бы тебе что-нибудь из обуви подобрал. А то хочешь, новые соображу.

— Загляну, — пообещал Лузгин. — Мне завтра все равно к участковому отмечаться.

Ашот Каренович вернулся домой, сел под навес, поставил ботинки на столик и принялся внимательно разглядывать их. Следовало внимательно рассмотреть эти образцы казенного имущества, которые даже честного человека могли в зону загнать. Рассмотреть их, изучить и сшить такие же, только более благородные, из других материалов, и чтобы Владимиру Даниловичу они по ноге пришлись и с его костюмом гармонировали. Но главное — чтобы душе его черной соответствовали. Подлых выходок Ашот Каренович никому не прощал.

«Волны по Севану гонит гневный царь...»

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ,
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

БАЛЛАДА О ДВУХ

Иллюстрация Владимира БОНДАРИ

ГАСТАРБАЙТЕРАХ

1.

Потолок логова был покрыт искусственным мхом, и стоило мне чуть-чуть привстать, как я всей спиной чувствовал его теплую шероховатость. Стены оклеили самым мягким, буквально шелковым на ощупь тригином, а пол я попросил отлить из добротного шерстона. В общем, логово получилось классное. Настоящее логово заслуженного, выигравшего многие и многие схватки гастарбайтера-бойца.

Я лежал в нем и на зеленом, приятном для глаз объем-экране компа строил модель новой серии ударов. Она выросла из разработанной еще полгода назад и ставшей теперь уже привычной «Смены состава заседателей», в которую я добавил несколько элементов из «сговора фракций». Сочетание получилось таким перспективным, что тянуло на отдельное название. Что-нибудь вроде «Бреющего полета над гнездом спикера».

Мысль об этом, а также о том, как я применю этот прием, будила у меня в груди приятное тепло.

Потом рядом с моим логовом послышались голоса людей, что было плохим знаком. Без серьезного повода эти типы не приходят.

Я прислушался.

— А политика... — сказал незнакомый мне человек.

— О политике при нем ни слова, — пояснил главный тренер.

Вот его-то голос можно было опознать без колебаний.

— Однако я считал... если это его хобби...

— То что?

— Один из способов расположить к себе — это поговорить о любимом занятии. Разве нет?

— Ты здорово понимаешь в политике?

— Ну-у-у... в определенных пределах.

— А вот он — великолепно и терпеть не может, когда о ней рассуждают дилетанты. Так что на эту тему с ним ты разговаривать не будешь. По крайней мере, сегодня. Вот все закончится...

— Но тогда... после всего...

— Мы слишком близко к логову. Давай-ка приступим к делу.

— Хорошо, начинаем. Как его вызвать сюда?

— Он уже знает о нашем появлении. У него не очень хороший слух. О чем мы говорили, он не разобрал, но о нашем приходе уже знает. Будь уверен.

— Значит?

— Значит, нам остается лишь подождать. Он сейчас появится. Вот сейчас.

Я сладко потянулся.

Все-таки правильно я в свое время запарил им мозги насчет своего плохого слуха. Иногда это приносит любопытные результаты. Кстати, что именно должно закончиться? А предварительно, что должно начаться?

Ох, не к добру это.

Люди — мерзкие, противные, лживые хорько-лисы. Я вывел эту формулу давным-давно, где-то после десятого—пятнадцатого своего боя. Причем за все последующие годы до настоящего момента признать ее несправедливой как-то не подворачивалось случая.

Противные, лживые хорько-лисы. Пусть подождут, пусть понервничают.

Я лег поудобнее, вывел на экран схему и еще раз стал проверять раскладку по движениям. Что-то меня в последней части беспокоило, что-то было не так. Возможно, завершающий ее удар хвостом.

Минут через десять люди занервничали. Один из них даже притворно закашлялся. Я перевел комп в режим сна и решил, что цель достигнута. Еще немного и люди начнут всерьез злиться, а вот это сегодня было не в моих интересах. Позлить — с великим удовольствием, а устраивать скандал... Нет, сегодня мне хотелось избавиться от них побыстрее.

В общем, я придал своей мыслеплоти подходящий случаю вид, высунул голову из логова и спросил:

— Вам чего?

— Хак Додик, твой новый тренер по идеологии, — представил главный тренер.

Рядом с ним стоял невысокий лысый тип. Морда его, насколько мне позволял это определить опыт общения с людьми, относилась к разряду препаскудных, а улыбкой, казалось, можно было смазывать сковородку перед приготовлением блинов, такая она была сальная.

— Старый куда делся? — спросил я.

Очень хотелось показать клыки, но я не стал. Поганая улыбка — еще не повод. Вот завтра или послезавтра... К этому времени подберется что-нибудь посущественнее.

— Это сделано для повышения результативности, — важно сообщил главный тренер. — Решение руководства боев.

— А что, разве результативность низкая? — спросил я. — Последние десять боев я выиграл вчистую.

— И ты, конечно, хочешь, чтобы подобное положение дел сохранилось и дальше? — поинтересовался главный тренер.

А новый тренер по идеологии заявил:

— Решение руководства — непрекаемо.

Я наградил его долгим мрачным взглядом, нарвавшись на который, большая часть людей начинала чувствовать себя неудобно. Этот мой взгляд проигнорировал. Что меня впечатлило, но не сильно. Вот если он вытерпит «интенсивное дружеское обнюхивание»... Впрочем, это будет завтра. А сейчас я буквально всей поверхностью мыслеплоти чувствовал, что сказано еще не все.

Ну же, гаденыши, выкладывайте карты на стол. Я жду.

Они молчали.

Тогда я спросил:

— Уроды, что случилось?

Новый тренер от возмущения покраснел, словно хохолок самца гранфадуна в брачный период. Главный распорядитель не повел и ухом. Он был привычный.

— Да, есть и еще одна новость, — сказал он.

— Это какая? — буркнул я.

— Новый бой состоится уже завтра.

Я смачно хлопнул хвостом по полу логова и сказал:

— Ладно, высыпайте все до конца. Я вас слушаю.

— Сказать, с кем ты будешь драться?

— С кем?

Он сказал.

2.

Я теперь делаю насечки на краю левой грудной броневой пластины. Они не знают, что там край обычно мягкий, потому что пластина растет и обновляется. Я делаю их вторым боевым когтем правой передней лапы. За первым боевым когтем они внимательно следят, чтобы не затупился. А второй и третий — не такие значительные.

Каждая трапеза — одна засечка. Они говорят, что у меня две трапезы в сутки. Я не знаю, что такое сутки, но считать трапезы умею.

Было время, когда мы не знали времени. Я и теперь плохо понимаю, для чего оно нужно и как с ним обходиться.

— Не забивай себе голову всякими глупостями, — сказала Кристина, мой тренер по идеологии, когда я попыталась разобраться, что же такое сутки. — Это для тех, кто работает и каждый день делает одно и то же. Им важно знать, когда пройдут девять суток и настанут десятки, чтобы можно было остаться дома и отдыхать. Или для распорядителей — чтобы расписание боев составлять. А нам, женщинам, зачем? Ну, подумай сама...

Она принесла в своем портативном компе целую кучу всяких ми-

лых вещей. Мы вытащили на экран бронзовые дверные ручки, и коврики, и вышитые подушечки из псевдошерсти, которые кладут на трон. Я даже села рядом с ней на ступеньки, чтобы чуть ли не в обнимку смотреть на экран и отмечать самые замечательные и нужные мне штуковины. Я люблю свое жилище, люблю, когда все вокруг мягкое, нежное, люблю, чтобы сочетания цветов были говорящие... Людям не понять, но Кристина очень старается.

Когда нас никто не видит, мы часто сидим перед тренировкой или после нее вот так, на ступеньках трона. Как будто на равных. А вообще я принимаю людей только сидя на троне. И даже недавно заставила выстроить для меня новый тронный зал. Длинный, с высоким потолком, чтобы принимать журналистов. Они мне нравятся. Всегда задают вопросы, на которые я уже знаю ответы, и, как говорит Кристина, пекутся о моей популярности. А популярность — хорошая штука. От нее только польза. И еще благодаря ей я попаду в историю. Тот, кто попадет в историю, станет по-настоящему знаменитым, тот не умрет никогда.

Еще Кристина говорит, что такие, как я, рождаются раз в столетие. И она права — я ведь еще совсем молодая, самая молодая в «Шоу победоносных», а у меня уже восемь побед.

— Ты самая лучшая, Дизи, самая быстрая и самая крепкая! — так говорит она, глядя мне в глаза. — Я не знаю никого, умеющего отраживать новые боевые гребни с такой скоростью! Ты только слушайся — и мы вдвоем добьемся такой славы, что все «Шоу яростных», «Шоу обреченных» и «Шоу титановых лап» просто умрут от зависти!

Когда меня признают лучшим бойцом, я по-царски награжу Кристину. Есть несколько сильных противниц, но я с ними скоро справлюсь.

Хотя и с Кристиной не все так просто. Почему-то она учит меня не тому, что мне нужно на самом деле.

Я знаю, чего бояться люди, я добываю эти страхи из их памяти, я трачу время и силы, чтобы сделаться такой же страшной, как то, что пугает их, но они страные... И Кристина тоже.

Она работает моим тренером недавно, и я вскрыла ее память сразу. До того у меня был тренер, который умел ставить защиту, поэтому я отказалась с ним работать. Должна же я знать, что делается в голове у моего тренера! Я кричала и обдирала ковры со стен, топтала их и драла когтями, пока ко мне не привели Кристину.

Тут произошло недоразумение.

Кристина мне понравилась. А я такая — мне можно или сразу понравиться, или никогда. Это касается и самцов. В нашем роду все такие — любовь с первого взгляда и первого соприкосновения силовых

лучей. Или же ненависть с первого взгляда. Много ненавидеть опасно, это мешает растить детенышей, но вот я ненавижу плохие запахи, хорько-лисов, а еще старых, сморщенных, но все еще много о себе воображающих самцов. Они не дают дорогу молодым и корчат из себя победителей, хотя мыслеплоть у них уже не имеет упругости, а боевые когти — настоящей остроты. Они больше не умеют работать с чужими мыслями — а выращивают те боевые приспособления, к которым привыкли.

Тогда Кристина показывала мне картинки и говорила, какая я сильная и смелая, но я же видела, что чудовища на картинках ей на самом деле не страшны. Она боялась совсем другого.

Я сказала ей, что нуждаюсь в отдыхе — мне нужно заново выстроить схему своего боевого тела, с самого начала, на иной основе. Она согласилась, и в промежутках между тремя трапезами меня не трогали. Потом она вошла в мой дворец, я в совершенно новой броне из мыслеплоти ждала ее на троне и встала, чтобы спуститься по ступеням, я всегда так встречаю Кристину, но она зажала рот рукой и выбежала из дворца.

Потом она вернулась и заняла свое место — на ступеньках возле трона.

— Дизи, ты самый страшный мнемозавр, какого я когда-нибудь видела, — сказала она. — Записи твоих боев продаются за бешеные деньги. Но публика хочет, чтобы ты была похожа на картинки, которые я тебе показываю. Понимаешь, публика платит деньги, чтобы увидеть настоящий бой между двумя чудовищами в чешуе, с большими спинными гребнями, с острыми когтями, с челюстями, как у крокодила. Ты вырастила замечательное тело, просто великолепное, но публика этого не поймет. И скажи сама — разве оно годится для настоящего боя?

— Оно страшное, — ответила я. — Противник прежде всего должен испугаться. А когти я уже нарастила — видишь, по два основных боевых на каждой руке и по три добавочных. Кроме того, я уже начала отращивать рога, а на ногах — копыта. Правда, придется перестраивать суставы — сейчас я могу лягаться только назад, а надо вперед. Чешую отрастить несложно...

— Все равно, Дизи, публике нужно чудовище, которое было бы страшным для всех, а это — страшное только для меня. Скажи правду, ты ведь откопала его в самых дальних пластах моей памяти? Мне тогда было пять лет, ведь так, Дизи?

— Я не знаю, что значит «пять лет», но ты не так давно вылупилась из своего яйца, когда явилось это чудовище.

— Ты понимаешь, Дизи... — тут Кристина вздохнула. — Это действительно чудовище, но только для меня. Я даже не думала, что так крепко запомнила свою первую учительницу музыки. Я страшно боялась ее, потому что не понимала, чего она от меня хочет. От страха, наверное, и не понимала. Ты можешь отрастить ей копыта и пару рогов, как у буйвола, меня это лишь обрадует, но твой противник просто не поймет, чего тут надо бояться. Давай-ка лучше вылепим обыкновенное, нормальное боевое чудовище, которое выходит на арену на четырех лапах и способно сражаться хвостом.

— Хвост можно нарастить и сейчас, — сказала я. — Это будет очень удобно — две длинные ноги, которые лягают вперед одновременно при упоре на длинный тяжелый хвост. Это будет удар... это будет удар «Две ласточки взлетают с камня».

— Хорошо, — ответила Кристина. — Название замечательное.

И вдруг она показала зубы. У них это означает: я доволен и радуюсь. Она всегда так делает, когда я придумываю что-то красивое.

Потом мы работали над хвостом. Она рассказывала мне, какие бывают хвосты, и на экране показывала их. Мы даже сразу моду... моле... нет, моделировали... Сперва — представляли себе, потом я выпускала комок мыслеплоти, и перегоняла его по телу к нужному месту, и лепила, и наращивала, пробуя тут же, каково с этим хвостом обращаться. Кристина немедленно трогала его и проверяла плотность. Я могу нарастить и очень большой хвост, но нужно, чтобы он оказался крепким в бою. А если мыслеплоть распределить неправильно, он будет ви́ден, но не опасен.

После Кристины пришел Чжи-вэй. Он принес охапку палок разного назначения, длинных и коротких, на концах которых были клювы, когти, режущие пластины, колющие шишки, и мы стали отрабатывать удары и броски.

Кстати, у Кристины и Чжи-вэя, как я поняла, только одно тело. А еще они не умеют его заворачивать в мыслеплоть — у них для этого нет соответствующей мембраны на груди — и вынуждены показывать свое тело другим людям. Целыми кусками. Это так неприлично.

Ни одна самка-мнемозавр на это не пойдет. Не то что показать кому-то другому, мы даже не имеем права смотреть на свое тело сами. В отличие от самцов. У них разглядывать свое настоящее тело не считается неприличным. Впрочем, самцы, они и есть самцы.

— Через трое суток — соревнования, — объявил Чжи-вэй. — Передай этой своей дуре, что не там нужно мясо наращивать. Ты сегодня страшнее всех рогатых демонов, но все это мясо не двигается, понимаешь?

— А она сказала — передай этому дураку, чтобы придумал ком... кум... слово не помню, но чтобы мне не приходилось кувыркаться и не портились спинные гребни, — тут же ответила я.

Чжи-вэй неприятен мне. Он — хороший тренер, мне его купили за много трапез, но он мужчина. Мне сказали, что хороших тренеров-женщин по бою не бывает и почему-то не может быть. Я не верю. Кристина хороший тренер по мясу. С ней я за одно занятие выпускаю и закрепляю столько мыслеплоти, сколько раньше делала за шесть. Если бы Кристина отыскала мне тренера-женщину, пусть не такую опытную, как Чжи-вэй, я бы показала лучшие успехи с женщиной.

— Если ты не будешь кувыркаться, тебя пропорют клыками, — прошептал Чжи-вэй. — Я слышал в таверне, как тренер твоего противника хвастался, будто им там удалось вырастить клыки, как у моржа...

— Кто такой морж?

Чжи-вэй задумался. И нехорошо усмехнулся.

— Я бы принес тебе картинку, Дизи, но не принесу. Я не хочу выполнять работу этой твоей дуры. Одно скажу — противник у тебя будет такой, что можешь и не справиться...

— Противник, с которым я могу не справиться?!

От злости у меня выхлестнул из груди огромный и клубящийся ком мыслеплоти, завился спиралью, вытянулся в сторону Чжи-вэя и вдруг затвердел. Тренер вовремя отскочил.

— Убери это! — закричал он. — Это не оружие! Ты не сможешь действовать руками, когда из груди торчит такое, такое!..

Я напряглась и оттянула силу от мембраны. В самом деле, он прав, я отрастила какое-то неподходящее приспособление. Я напрягла соответствующие мускулы и пережала его. Мыслеплоть лишилась связи со мной. Несколько ударов пульса этот огромный ви-той рог еще держался на груди, между пластинами, потом со стуком отвалился.

— Уничтожь, — сказала я. — Ты знаешь, моя мыслеплоть не должна попасть в лапы чужим людям.

Чжи-вэй молча поклонился.

А я подумала: противник? Он должен был сказать: противница...

3.

Золотые пластинки с моего трона содрали. Пол логова лишился шерстонового покрытия. Вода для питья более не пахла свежими гигперсиками.

Я делал вид, что мне все по барабану. Большого труда это не составляло. Что-что, а ставить людей на место, за время общения с ними я научился великолепно. Рано или поздно они пойдут на попятный. Мне уже не раз случалось убеждаться, как легко они изменяют своим принципам. Особенно если запахло деньгами.

Деньги...

На этот раз все было наоборот. Отказаться от очередной блажи для людей значило потерять какие-то деньги, но я знал, я был уверен, что они спасуют и сейчас. В меня, в мою рекламу вложено больше, а люди в любой ситуации выбирают вариант, несущий им наименьшие финансовые потери.

Значит, победа будет за мной, а люди в очередной раз умоются.

Новый тренер по идеологии, этот Додик, каждый день в одно и то же время подходил к моему логову и спрашивал, буду ли я драться. Я угрюмо посылал его в нору пищеуна, упившегося перебродившим си-негодным соком, и тот уходил.

В общем, получилась вроде бы патовая ситуация. Они упорно пытались меня уговорить, а я отказывался. Заканчивать карьеру, уходить навсегда с арены мне еще было рановато.

День на пятый тренер по воспитанию, услышав стандартный ответ, одарил меня своей фирменной улыбкой и сказал:

— Зак, ты зря упорствуешь.

Я издал кашляющий звук, имеющий значение «глупый детеныш, не стоящий беседы».

Тренер заявил:

— Ты не совсем понимаешь ситуацию. Наши исследования показали, что бой самца и самки будет самым рейтинговым событием за весь последний год. Получается, зрители всех миров, подключенных к нашей системе развлечений, буквально жаждут этого боя. А сам знаешь, тот, кто сумел угодить публике, кто завоевал этот самый высший рейтинг, получит право самому назначать цену за свои услуги. Доходит?

Говорил он убедительно. А я все-таки сдаваться не собирался. Кто согласится встретиться на арене с самкой? Драться между собой самки имеют полное право. Это их дело, их ремесло, их умение. Но что-бы самец с самкой...

Именно поэтому я заявил:

— Нет, не доходит. Не понимаю.

— Все ты понимаешь, — зло сказал тренер. — И ради высшего рейтинга... Поверь, мы очень далеко можем зайти. Очень. Все еще только начинается.

Я сказал:

— Мне все равно. Вы знаете, что я на этот бой не выйду. Да и нет никакого резона драться с самкой. Я не смогу ее убить, она не сможет убить меня. Значит, гарантированно будет ничья. Гробить ради нее карьеру я не собираюсь.

— Нет? Ты не сможешь ее побить?

— Я не смогу себя довести до боевого состояния, не смогу ее возненавидеть с надлежащей силой. Это инстинкты, и против них не попрешь.

Тренер по идеологии покачал головой.

— Те, кто с тобой работал раньше, допустили большую ошибку. Ты слишком много знаешь о людях. И пытаешься играть по их правилам. Неудачно, крайне неудачно.

У меня на этот счет было другое мнение, но я промолчал.

Что толку в словах? Особенно, если они предназначены тем, кто не способен понять заключенный в них смысл.

На следующий день потолок моего логова заляпали чем-то скользким и холодным, словно крыло околелшей ледяной стрекозы, на завтрак дали жилистое мясо, а ближе к вечеру возле моего логова появился волночешуйный скальтник. Он уселся рядом со входом и, уверенно выстукивая на покрывавших живот чешуйках мелодию, запел скальту о бегстве трусливого отряда. Я знал, для чего это сделано, но терпел.

Ничего позорного в этом не было. Я не мог просто так, за здорово живешь, угробить свою карьеру. За счет моих боев воевала целая планета. Она находилась на самом краю Галактики, но это не спасало от врагов, с которыми стоит воевать не на жизнь, а на смерть. И воевали. А война требовала денег. Информационно-межгалактических, для покупки вооружения. Терпели лишения, копили деньги на яйцо гастарбайтера-воина. Потом надлежало заплатить специалисту, желательно димьянину, хорошо заплатить. Он, объехав несколько ферм по разведению мнемозавров, должен был выбрать крохотного, недавно родившегося ящера, выбрать по одному ему известным признакам будущего бойца, а потом...

Я не удержался и покачал головой.

У каждой расы есть своя планета, есть свой дом, место, где она родилась. И только у нас родины нет. Когда-то она, конечно, существовала. Но это было в незапамятные времена, и пока все мои исследования архивов, а я проводил их очень тщательно, не принесли никаких результатов, не дали мне названия планеты, откуда мы шагнули к звездам. Расы, которым мы принадлежим, сменяются одна за дру-

гой, а мы остаемся, для того чтобы сражаться и умирать, на потеху. Собственно, теперь мы только это и умеем.

Я ощутил во рту горечь, словно нализался ядовитой чечевицы.

Вот кто мы. Раса гладиаторов, раса вечных гастарбайтеров.

Ладно, не стоит на этом заикливаться. О чем это я сейчас... Ах, да, после того как маленький мнемозаврик будет куплен, надлежит оплатить его обучение и тренировки. И оплачивать их следует до тех пор, пока он не будет готов к первому бою. Причем перед тем, как он первый раз выйдет на арену, требуется заплатить крупную сумму в виде залога за несколько пробных боев и лишь после этого, если он в самом деле окажется толковым воином, если им заинтересуется серьезная компания, если он и дальше будет показывать неплохие результаты, с него пойдет доход. Не такой большой, чтобы разбогатеть и начать скупать звездные корабли флотилиями, но достаточный для ведения войны с заклятым врагом, обладающим примерно такими же ресурсами, как и у тебя, не навешивая на свою планету долги, которые будут отдавать и отдавать многие и многие последующие поколения ее жителей.

К чему я это? Да к тому еще раз, что я не простой гастарбайтер-боец. О моей удаче молится целая планета. Может быть, еще и поэтому я до сих пор не проиграл ни одного боя?

Гастарбайтер.

Вот забавное словечко из далекого прошлого людей. Кажется, тогда, когда они всерьез еще не вышли в космос, так называли тех, кто очень нуждался в работе и добивался ее в чужих краях любыми средствами. Любой работы. В общем, упорные они были, эти древние гастарбайтеры. И уронить это славное звание, отказавшись...

Ладно, не надо патетики. Достаточно сказать, что уйти с арены мне не позволяла забота о судьбе целой планеты. На выращивание нового бойца у моих хозяев уже нет времени. Тотальная война — это вам не шуточки.

— Сладко ли тебе, Зак? — спросил меня на следующий день тренер по воспитанию.

Я подумал, что, кажется, могу невзлюбить его всерьез. И значит... Хм, а почему бы и нет? Что если слегка пошарить у него в памяти? Конечно, это не положено, и у меня есть с людьми особое соглашение, но они вынуждают меня принять этот бой, причем самыми грубыми методами — и почему бы мне тогда не проявить некоторую бестактность?

— Не хочешь отвечать? — поинтересовался Додик.

— А что ты хотел услышать?

— Ответ на вопрос, — пробубнил этот кретин.

Ну-ну...

Я проник в его память и пошарил в ней. Очень осторожно, словно вор, вознамерившийся стянуть из гнезда остроклювых соколов папочку яиц. Тренер моего присутствия даже не заметил.

Впрочем, меня ждало разочарование. Все сведения, касающиеся моего будущего, были аккуратным образом заблокированы. Получалось, люди мои действия предвидели. Вот тут я первый раз с того момента, как мне объявили, что я буду драться с самкой, почувствовал себя униженным. Это не помешало мне сунуть нос в другие области памяти. В одной из них меня ждала счастливая находка. Они не заблокировали сведения, касающиеся моей предполагаемой соперницы. И это была очень большая ошибка. Я обнаружил весьма любопытные факты.

Они многое объясняли. Дело в том, что самки — они вообще могут драться с кем бы то ни было, защищая своих детенышей. Так устроила природа. Нас, самцов, она наделила способностью превращаться в смертоносных монстров, но как без этого мы могли бы продолжить свой род? Вот природа и наложила на нас свои табу, ограничения. Самец не может убить самку, а та готова драться лишь для того, чтобы уберечь от опасности своего детеныша или чтобы раздобыть ему пропитание.

Однако природа не предусмотрела хитроумия людей. В отношении этой конкретной самки они учудили нечто особенное. Они ее буквально накачивают ненавистью к самцам. И ее детеныш... с ним они тоже затеяли забавную штуку. Но сейчас это не имело большого значения. Меня заинтересовала именно ненависть к самцам. Получалось, если приплюсовать к ней желание выиграть ради детеныша, она, моя соперница, могла меня и завалить. Может быть, даже не только выиграть схватку, но еще и убить.

Причем этим все, происходившее со мной в последние дни, объяснялось просто идеально.

Люди. Молодцы, нечего сказать. Редкие, очень редкие гаденыши. Не зря с людьми большинство галактических рас предпочитает не связываться.

Я заглянул в другие отделы памяти тренера и мимоходом убедился в том, что его улыбка не зря показалась мне такой неприятной. Штуки, которые некоторые люди проделывают, с моей точки зрения, необъяснимы. Хотя мое ли дело кого бы то ни было осуждать? Мне бы сейчас просто выжить, мне бы избежать этого поединка.

— Нет у тебя ответа? — квакнул любитель странных развлечений.

— Нет, — сказал я, чтобы он от меня отвязался.

— И ты...

— Мне все равно, — отчеканил я. — Можете делать что угодно, но с самкой драться я не буду.

— Тебе придется, — сказал он. — И никуда ты не денешься. Шоу должно продолжаться. А зрители...

— Мне плевать на них. Найдите молодого глупого самца. Может быть, он согласится... Хотя...

— Зрители требуют Зака-непобедимого, — напомнил тренер. — И они тебя получат. Они всегда получают, что хотят.

— Только не в этот раз.

Тренер пожал плечами и ушел. Он был уже у самой двери, когда я еще раз буквально на мгновение заглянул к нему в память. И увидел, что мои слова не пропали даром. В этот раз он мне, кажется, поверил, поверил окончательно.

И тогда я вздохнул с облегчением.

На следующий день мне сообщили, что у меня есть неделя. Давление на меня прекратится, все потерянные блага мне возвращаются, но в течение этой недели я имею право передумать и согласиться на бой. Если мое согласие будет получено, то мой гонорар увеличится неизмеримо.

Я подумал, что осталось подождать только неделю, а потом все вернется в свою колею. Всего лишь неделю. Похоже, неприятности и в самом деле закончились, начиналась самая обычная жизнь. Бои, тренировки, противники, умирающие под моими ударами. Как всегда, как обычно, как должно быть.

На третий день от объявленного срока мне пришло личное сообщение. Оно было от правителей планеты Крит, той самой планеты, которой я принадлежал.

4.

Кристина обещала, что Чжи-вэй больше не придет.

— Но, Дизи, тело нужно поменять, — мягко сказала она. — Новый тренер не сразу поймет, что тебе в нем нужно делать для победы. Давай оставим это тело для другого боя, не такого важного. Я тебя общелкаю со всех сторон, сделаем голограмму, и ты всегда сможешь восстановиться.

— Я сделаю этого непобедимого Зака одним крайним когтем левой ноги, — ответила я.

Это было даже обидно — объяснять мне, что для меня так уж важен бой с каким-то самцом. Мне! Самке! Я видела его в очень удач-

ном теле накануне «Шоу титановых лап» — ну и что? Самец — он и есть самец. Даже победивший в бесчисленном количестве схваток! Ему нужны только еда, сон и теплое логово. Мне рассказывали, что он даже не хочет жить во дворце. Правда, трон ему облепили золотыми пластинками. Но что мужчины понимают в красоте?

— Я знаю, — улыбнулась Кристина. — Вся беда как раз в том, что ты сделаешь его одним крайним когтем левой ноги. И ты это сможешь на первой же минуте поединка. Но зрители включают экраны телеобъемок ради прекрасного боя. Они хотят увидеть, как ты будешь гонять его по всему рингу, они хотят увидеть новые приемы, они обязательно потребуют твою знаменитую «пляску смерти». Вот поэтому давай-ка, моя королева, займемся новой боевой плотью.

Я согласилась. Мой прежний тренер по идеологии не был таким умницей, как Кристина. Он не понимал — есть вещи, о которых мне, лучшему бойцу «Шоу победоносных», нельзя напоминать. Нельзя! Нельзя мне повторять каждый день, что я сражаюсь ради самого лучшего в мире... нельзя! Достаточно, что я сама это знаю!

Логово со стенками из ласкутушки! Да я бы спала на полу из железных плиток, присыпанном опилками, как на ринге, и выходила бы на бой голодная и даже без двойного боевого гребня на хвосте, лишь бы мне отдали детеныша.

Детеныши сильно мешают жить. Хотя бы потому, что их приходится прикреплять к себе, пока они маленькие и беззащитные. Но я держу в памяти картинки — вот мы с детенышем купаемся, вот я учу его перекручивать силовой луч внутри правой или левой ноги, чтобы сбрасывать затупившиеся когти, вот я кормлю его. И все эти картинки вместе, если смотреть их одну за другой, делают меня мягкой, словно только что снесенное яйцо в голубоватой кожистой оболочке. Я понимаю, что ради этого счастья можно пройти сквозь пять или даже шесть десятков поединков.

То, что детенышей временно забирают, — правильно. Мы сражаемся за право быть с ними — мы, самки. Мы вкладываем в каждый бой свою любовь к ним, и зрители получают прекрасные поединки. Зато когда нам возвращают детенышей, мы можем растить их в прекрасных поселках на берегах больших и теплых озер. Самое лучшее время в жизни любой самки — пока она растит своего малыша.

А за что сражаются самцы — даже думать противно. Некоторые даже за генопыль. Таких на ринге видно сразу — и их ненадолго хватает. Тренер по идеологии может помочь им отрастить и закрепить те-

ло, но когда в бою нужно срочно что-то в этом теле менять — их вялая мыслеплоть часами не твердеет!

Поэтому самцы нас боятся и не любят.

— Пойдем? — спросила Кристина.

— Пойдем, — согласилась я.

Кристина очень милая. Ей не приходится напоминать, что широкая дорожка от дверей зала к трону — только моя. Она всегда идет рядом со мной по правой или левой дорожке, которые гораздо ниже. И неудивительно — она тоже женщина.

Мы пришли в помещение, где можно работать со всеми удобствами. Там темно, сыро, однако мыслеплоть выходит не округлыми комками, а продолговатыми, и ее легче перегонять от мембраны к нужному месту. Там я легла на мягконовое ложе, оно немного прогнулось под мной, я закрыла обе пары глаз и раскрыла память.

Кристина запела.

— Свет — потоком, луч — клубком, сила — светом по спирали, сила будит искру плоти, искра плоти расцветает...

Во мне напротив мембраны зародилось ядро будущего комка мыслеплоти. Сперва это немного болезненно — как будто в тебя тычут очень тонким и острым клыком. Потом искра обволакивается, мыслеплоть нарастает. Главное, чтобы она не стала крепнуть в тебе, иначе очень больно выталкивать ее наружу. Я боли не боюсь, я ведь снесла яйцо. Ни одна самка, которая сделала это, боли уже не боится.

— Сила обретает плоть, сила обретает плоть... — повторяла Кристина. — Ничего сильнее в мире не бывает и не будет...

Я напряглась, выгнулась и выпустила довольно большой ярко-красный ком. Перевела дух и погнала его к правому бедру — лепить шипастую пластину доспехов. Теперь в песне-настройке временно не было нужды.

— Еще правее, — подсказала Кристина, когда из пластины полез ряд шипов. — Еще. Вот тут. Умница, Дизи. Проверь длину и оставь заготовки.

Это мы с ней здорово придумали — в ряду шипов отрашивать и закреплять их через один и оставлять недоросшие мягкие шипы. Когда в бою мне обломают основные, из этих заготовок я прямо на ринге могу сделать новые, а закрепить их несложно, там не так уж велика поверхность.

Кристина — замечательный тренер по мясу. Когда мы с детенышем уедем к озерам, я заплачу ей, чтобы она жила с нами.

— Я хочу, чтобы ты была моей подругой вечно, — сказала я.

— И я этого тоже хочу, — ответила Кристина. — А еще я иногда слишком боюсь за тебя. Когда кончится контракт, мы уедем вместе. Ты получишь своего детеныша, и мы будем жить у озера...

— Ага...

5.

— Значит, ты согласен?

В голосе главного тренера не чувствовалось удивления. Он просто уточнял факт. Шарить в его голове, пытаясь определить причину этого спокойствия, не хватало времени. У меня сейчас были заботы поважнее.

— Да, — подтвердил я. — Принимаю вызов.

— Вызов Дизи из «Шоу победоносных»?

— На условиях, предложенных мне три дня назад.

— За это время они несколько изменились, — сказал главный тренер.

— Условия стали?..

— Боюсь, они стали для тебя менее выгодными.

Ну, эти штучки мне знакомы.

— В таком случае, — сказал я, — бой теряет для меня всякий смысл. Вынужден снова от него отказаться.

Присутствовавший при нашем разговоре Додик издал звук, здорово напоминавший кряканье болотного жабеныша.

Я ждал.

— Хорошо, пусть условия будут такими, как тебе хочется, — сказал главный тренер.

Я с шумом пропустил воздух через ноздри.

Все, теперь пути назад нет. В лучшем случае я уйду с арены навсегда, в худшем — меня с нее вынесут мертвым. Выигрыша быть не может.

Я подумал, что как ни странно не боюсь смерти. Вечно прожить не удалось еще никому. Все на свете имеет начало. Все на свете рано или поздно заканчивается. И вот он, последний бой, до него уже рукой подать...

Хотя... Хотя... А что если есть возможность, несмотря ни на что, выиграть его? Выиграть заранее проигранный бой?

Хм... Почему бы и нет?

Тренеры ушли, а я, даже не проводив их взглядом, отправился принимать ароматическую ванну.

Надо было хорошенько обдумать вдруг пришедшую мне в голову мысль. Я должен был, что называется, обсосать ее со всех сторон. Здесь торопиться не стоило. Тише едешь дальше будешь.

Ванна была уже готова. Я опустился в теплую, приятно пахнущую фиолетовой солью воду, сложил передние лапы на груди и взглянул на свое отражение в зеркальном потолке.

М-да... Видели бы меня сейчас все эти многочисленные фанаты, привыкшие к чудовищу, которым я становлюсь, обрастая мыслеплотью. Скорее всего, сейчас они почувствовали бы разочарование. А то и презрение.

Голова не больше, чем у человеческого младенца; слабая, длинная шея; тонкие, почти без мускулов конечности; округлое, вялое тело. Как может такое создание внушать страх, приводить в трепет рыком, служить пугалом для маленьких детей и ничуть от них не отличающихся разумом зрителей боев мнемозавров?

Может. Если умеет правильно обрастать мыслеплотью, если умеет заставить ее жить, сделает частью тела, заставит на себя работать.

Я подумал, что по-серьезному с мыслеплотью не все чисто.

Временами, особенно во время боя, у меня возникало ощущение, что она, эта броня, надежно предохраняющая от повреждений мое слабое тело, словно бы начинает жить своей жизнью, совершает какие-то действия, будто способна самостоятельно мыслить.

Если прикинуть последствия, то это страшное умозаключение. Мыслеплоть, способная на собственные поступки. Пусть пока только во имя сохранения своего хозяина. А что дальше?

Вода была теплая, но я машинально поежился.

И ведь посоветоваться не с кем. Тренер сказал, что это не более чем небольшой бзик, ложное ощущение, продукт подсознания. А если — нет? Вдруг нечто подобное ощущает каждый мнемозавр, выживший в определенном количестве боев?

Я вздохнул.

Не о том мне сейчас надо было думать. Совсем не о том. Лучше еще раз попытаться найти выход из безвыходной ситуации. Безвыходной? Честно говоря, один выход есть. Он просматривается сразу. Моя смерть. И я, согласившись на поединок с самкой, его только что выбрал. Как и положено настоящему самураю.

Вот только я не самурай. Я гастарбайтер-боец, и наш кодекс несколько отличается от самурайского. Нам не обязательно в любой ситуации выбирать дорогу к смерти. Нам позволительно пытаться выжить, даже в ситуации, в которой это вроде бы невозможно.

Итак, начнем с начала.

Вызов на поединок.

Я его принял. А принял, поскольку получил сообщение от правилей... сообщение от своих хозяев. К чему лукавить? Я их собствен-

ность, я их раб, я принадлежу им с потрохами и незачем наводить тень на плетень. Так вот, хозяева сказали, что их война может закончиться. Осталось только одно, последнее, генеральное сражение. Оно все и решит. А для того, чтобы его выиграть, конечно же, нужны деньги. Много денег, гораздо больше, чем я зарабатываю обычно. Кстати, некие доброхоты поставили их в известность о том, что возможность заработать эти деньги у меня есть. Надо лишь принять участие в некоей схватке. Просто за участие в ней, независимо от исхода, будет заплачена огромная сумма.

Так вот, они, мои хозяева, приказывают мне принять вызов, чем бы это мне ни грозило. Даже проиграв эту схватку, я заработаю столько денег, что это даст им возможность закупить вооружение, гарантирующее победу. Причем в том случае, если я сумею, завоевав так необходимые им деньги, каким-то чудом еще и выжить, они обещают дать мне полную свободу. Опустить на все четыре стороны.

В общем, добрые дяденьки, нечего сказать.

Что печально, не выполнить их приказ я не мог. А выполнив его, я почти наверняка умру. Или?..

Как провести этот бой и выжить? Как свести его хотя бы к ничьей?

Я слегка прикрыл глаза.

Мечты о свободе... Зачем мучить себя грезами о невозможном? Не лучше ли попытаться прикинуть, остались ли у меня в этом мире незавершенные дела? А все прочее отнести лишь к разделу беспочвенных мечтаний, на которые просто не имеет права мнемозавр моего возраста и с моим опытом. Не стоит верить в древнюю сказочку о самце и самке, которых все-таки заставили драться, а у них хватило самообладания в самый разгар схватки скинуть с себя мыслеплоть. Поскольку продолжать сражение без нее они не могли, а наращивание новой потребовало бы слишком много времени, судьям якобы ничего не осталось, как признать ничью.

Как же... Нет, на подобные чудеса рассчитывать нечего. Особенно если учесть, кто у меня в противниках. Молоденькая самочка, по сути дела, еще толком не представляющая, чем на самом деле является ремесло гастарбайтера-бойца. Ее свели в нескольких боях со слабыми противниками, и она, легко их выиграв, поверила в свою исключительность. Вот нарвется на опытную и сильную самку, и та из нее легко сделает винегрет. А тренеры, получив премию, возьмутся за очередную дуру. Причем, возможно, это случится уже очень скоро. Но сейчас...

Опять я не о том думаю. Я выполнил приказание своих хозяев и принял бой. Теперь настало время подумать о себе, о том, как спасти

свою шкуру. И нечего забивать голову мыслями об этой глупой соплишке...

Хотя... хотя... а почему и не подумать?

Что бы сделал на моем месте настоящий политик из прошлого Зе-мля? Кто-нибудь вроде Черчилля? Он бы учел все факторы.

Какие?

Ну, например, те, что делают этот бой невыгодным для меня. Мою противницу хорошенько психологически обработали, и она ненавидит всех самцов. Тут я ничего поделывать не могу. За оставшееся время переубедить ее нет никакой возможности. Что остается? Второй фактор. Ребенок. И вот тут я кое-что могу сделать, поскольку здесь не все чисто. Как к месту оказалась некая информация, обнаруженная в памяти тренера...

Я поднял морду, взглянул в зеркало и сам себе подмигнул.

Да, вот он, единственный шанс свести драку к ничьей. Он самый. Мораль?

А думали ли о морали мои хозяева, спокойно отправляя меня на верную смерть? Им, видите ли, надо во что бы то ни стало выиграть войну. Как будто войну можно и в самом деле выиграть, раз и навсегда...

Самка?

Что ж, у меня нет выбора. Я спасаю свою жизнь, и если выживу, получу не только ее, но и свободу. Самке же смерть не грозит в любом случае. Более того, сразившись со мной вничью, она останется на арене, а вот мне все равно придется уйти.

Да, я впервые опускаюсь до махинаций. Но и случай уникальный. Слишком многое стоит на кону. Кстати... Если я все-таки выживу, если получу свободу... то почему бы мне не получить вместе с ней еще и некую сумму наличными, чтобы не просить подаяния на улице? Особенно если учесть, что согласно кодексу гастарбайтеров-бойцов все заработанные мной деньги должны принадлежать моим хозяевам.

Что останется мне?

Я мрачно улыбнулся.

Все верно. Если не позаботишься о себе сам, никто другой о тебе не позаботится. Простой, не нуждающийся в доказательстве жизненный закон.

Еще мне нужна помощь, существенная помощь, хотя бы по части информации. Одному мне не справиться.

И значит, немного погодя мне придется вылезти из ванны и связаться по гиперговорилке с неким типом по имени Телланус. О нем ходит слава, что он может безошибочно угадать исход любого поедин-

ка. Чудес на свете не бывает, и значит, подобной прозорливости есть только одно объяснение. Какое именно, догадаться нетрудно.

6.

Это было самое обычное интервью. Ритуал перед боем, с традиционными вопросами и ответами.

— Что вы можете сказать о режиме ваших тренировок?

— Он наилучший из всех возможных. Благодаря ему я сейчас в превосходной форме.

— Намерены ли вы удивить своих фанатов новыми, оригинальными приемами?

— О, да. У меня есть кое-что в запасе, и я надеюсь удивить не только зрителей, но и еще кое-кого. Сильно удивить, мощно удивить, коstedробильно удивить.

— Что вы можете сказать о своем противнике?

— Он жалок. Выживший из ума старик, которому осталась одна дорога: с недолгим посещением богадельни напрямиком на кладбище. Там его уже ждет могильная плита с надписью «Ничтожество».

— Каков ваш выигрыш от этого боя? Вам было обещано что-то в виде награды, если вы победите, кроме денег?

А этот вопрос откуда взялся? Не было его в списке, и тот, кто его задал, самым злостным образом нарушил ритуал.

Бесконечное мгновение я наблюдала, как два распорядителя со стеклянными глазами надвигаются на нарушителя, наверняка для того, чтобы увести его с конференции.

Кто он? Может, негодяя подослали конкуренты? Если так, то его нужно примерно наказать. Вот только толку-то с этого? Вопрос уже задан и на него нужно отвечать.

Что именно? Как я могу ответить на такой вопрос? Кажется, он связан с какими-то воспоминаниями...

Я вспомнила. Это было несколько недель назад. Тогда мы разговаривали с Кристиной.

О чем же?

— Чуть не забыла, — сказала Кристина. — По условию контракта тебе раз в полгода нужно проводить полное обследование. Мы и так опоздали.

После этого мы поехали в медицинский центр, причем уже в четвертый раз.

Там все были готовы к моему появлению — лишних людей я в коридорах не встретила. Только я и моя охрана. Она была нужна для того, чтобы оберегать меня от фанатов, и не только от них.

Конкуренты могли выкрасть куски моего боевого тела и скопировать.

Да-да, уже появились соперницы, которые пытались перенять мои приемы. А мы с Кристиной не для того разрабатывали идею заготовок, чтобы она растеклась по всем шоу! Своими бы когтями разодрала всех воровок!

Я сбросила плоть, убедилась, что она уничтожена, и позволила пристегнуть себя к медицинскому креслу...

Потом Кристина сказала, что мой мобиль подан, нужно только быстро проскочить по коридору к заднему входу. Мы и поспешили, но задний вход оказался в непривычном месте — к центру пристроили еще крыло, и нам пришлось проскочить через него почти бегом.

И тут случилось что-то странное.

В стене, открывшейся за поворотом, была дверь. Оттуда ко мне приближалось маленькое и жалкое существо. Оно было втрое ниже меня и вдвое тоньше. Совершенно незащитное создание детского светло-зеленого цвета. Такими бывают только малыши сразу после того, как вылупятся из яйца. Потом они довольно быстро начинают выпускать коричневую мыслеплоть, чтобы слиться с землей и камнями. А потом уже учатся делать мыслеплоть разных цветов, осваивают боевые приспособления.

— Дизи, Дизи, стой! — кричала мне вслед Кристина.

Я обернулась и увидела, как она бежит ко мне, размахивая руками.

— Стой, не оборачивайся! Стой, как стоишь! — вопила она.

— Но там детеныш! — я вдруг поняла важную вещь. — Может быть, это мой детеныш? Я заберу его и узнаю!

— Нет-нет, стой, не оборачивайся, это не твой детеныш! Ф-фух! — она подбежала. — Пойдем, машина ждет, а потом я отвезу тебя туда, где ты получишь замечательную трапезу. Мне прислали классные стимуляторы массы! После этой трапезы твои бедра станут вдвое толще!

— Но я хочу обнюхать детеныша.

— Это не твой детеныш. Он забрел сюда случайно.

— А где же тогда мой?.. — тут я стала вспоминать. — Одиннадцать или двенадцать трапез назад ты сказала, что его привезут сразу после боя с Донни Бей. Он тогда мешал мне тренироваться, и его забрали. Я одолела Донни, но потом было что-то... что-то было... я не помню! Я перестала думать о детеныше! Кристина, ты, наверное, не знала, что его привезли!

Я резко повернулась и увидела маленького, светло-зеленого, совсем без мыслеплоти детеныша.

— Иди сюда! — позвала я. — Иди ко мне!

И побежала к нему.

— Стой, дурочка, стой! — крикнула Кристина, но я и сама поняла: что-то не так. От детеныша не шла струя запаха.

Струю запаха выпускают матери и дети, чтобы найти друг друга, или самцы и самки в брачный сезон. Наверное, детеныш не понимал, что я его мать. Но он же бежал ко мне!

Я остановилась. Тут же остановился детеныш.

— Это такая игрушка, — догнав меня, объяснила Кристина. — Это картинка на стене. Это для детенышей! Живая картинка, понимаешь? Они же любят игрушки!

— Нет, это не игрушка! — закричала я и затопала.

— Дизи, Дизи! Сбегутся люди, увидят тебя!.. Бежим скорее!

Кристина с неожиданной силой потащила меня за собой.

Что-то случилось со мной — я не могла сопротивляться! Я рыдала и брыкалась, но сила не возвращалась. Пришлось подчиниться.

Когда мы оказались в автомобиле, она села напротив меня.

— Прости меня, Дизи, — тихо сказала Кристина. — Я правда тебя очень люблю. Но ты же подписала контракт...

— Ничего я не подписывала!

— Когда мне предложили быть твоим тренером, я запросила все документы. Ты подписалась, Дизи. Сперва — весь совет ваших старейшин, а внизу — ты.

— Это контракт между советом старейшин и вашими хозяевами шоу, так всегда делается, — объяснила я. — Они отвечают за меня и получают деньги. Моя подпись ничего не значит!

— Так ты его не читала? — догадалась она.

— Я его просмотрела...

— Дизи, ты расписалась в том, что для пользы шоу позволяешь воздействовать на свою психику. Я думала, ты знаешь...

— Зачем нужно воздействовать на мою психику?

Она ответила не сразу.

— Чтобы ты была самым сильным и непобедимым бойцом, Дизи, только для этого. То, что ты видела там, в центре, заложено тебе в память... оно и есть — воздействие... Это все очень сложно! Не спрашивай, прошу тебя! Потом, после боя с Заком, ты все узнаешь!

— Это будет мой последний бой? — тупо спросила я.

— Я думаю, да.

— И тогда мне вернут детеныша? Он больше не будет мне мешать одерживать победы?

Она отвернулась.

— Не вернут?! Но тогда для чего же я дерусь?!

— Ох, Дизи, если б я знала, для чего мы все деремся...

— Ответь.

— Да, вернут. После этого боя все будет просто замечательно, а поскольку ты его гарантированно выиграешь, то тебе осталось лишь немного потерпеть. Самую капельку. Вот будет бой, потом еще одно обследование, а потом тебе отдадут детеныша... Ты мне верь, главное — верь...

Вопрос. При чем тут воспоминания об этом посещении? Надо ответить на каверзный вопрос. А меня отвечать на такие вопросы не учили.

— Корону царя всех гастарбайтеров, гору золота, холм рубинов и крупный астероид лучшего в мире сыра!

Это сказала Кристина. Она пришла мне на помощь, дав нужный ответ.

Кажется, то, что она сказала, было шуткой. Людям эти шутки нравятся. Они от них приходят в хорошее настроение.

Так и получилось.

Все журналисты дружно показали зубы, оживились, загомонили. Никто даже не посмотрел в сторону провокатора, которого охранники тащили к выходу. Быстро тащили.

Я понадеялась, что они ему там, где этого никто не будет видеть, что-нибудь оторвут, и поделом. Нечего вмешиваться в ритуал.

— Вы уверены в исходе поединка?

А вот это был уже вопрос по сценарию. Кажется, теперь можно и расслабиться.

— Совершенно, — с готовностью ответила я. — Я могу дать любые гарантии.

— А что если...

— Никаких «если». Он у меня узнает, что такое небо с овчинку. Я ему глаза выдавлю, я ему оторву хвост, я ему переломаяю все кости до единой. В общем, я его порву... как это? А, вот... Я его порву, словно тузик грелку.

7.

Храм гастарбайтеров — это островок тишины и покоя. По крайней мере — сейчас. А прежде... Впрочем, они прошли, эти славные времена, сотни лет назад. И конечно, все тогда было совсем не так, и даже гастарбайтеры были совсем другими.

Стоп, вот только не нужно о прошлом. Мне нельзя отвлекаться. Сейчас я не имею права забывать о причине своего появления здесь,

я обязан контролировать каждое свое движение. Главное — пути назад нет. На карту поставлена моя жизнь. Ни много, ни мало. При таких ставках беспечность — излишняя роскошь. Она оплачивается по высшему разряду.

Ладно, не будем о грустном. У меня еще есть шанс выйти из этой заварушки невредимым, и я окажусь форменным ослом, если им не воспользуюсь.

Я остановился и осторожно понюхал воздух.

Пахло пылью, давними жертвенными благовониями, проходившим час назад этим коридором священником и еще...

Самка. Я не мог перепутать этот запах. Явственно пахло самкой. Она вошла в храм минут пятнадцать назад, и если прошла этим коридором, значит, направлялась в келью молчания. В ту самую, где каждый мнемозавр считает своим долгом провести полчаса-час перед боем, погрузившись в медитацию. Будто бы это приносит покровительство святой троицы богов-гастарбайтеров: бога — лукавого батеньки, бога — любителя жировых запасов и бога — большого носителя вечного халата, куратора базаров. Конечно, покровительство богов — штука неошутимая. Но кто знает? Вдруг в старых обычаях есть некое рациональное зерно?

Итак — самка.

Я мрачно улыбнулся.

Пока все складывалось наилучшим образом. Информаторы Теллунуса сработали профессионально. Они правильно определили момент, когда самка посетит храм. Это те единственные полчаса-час, которые она почти наверняка проведет в одиночестве. Кстати, еще среди гастарбайтеров-бойцов считается хорошим тоном, отправляясь в храм, отключать все средства связи.

В общем, моя противница сейчас гарантированно одна, и нам никто не помешает. Случай для моей цели просто идеальный. Цели, которой я хочу достичь нечестным методом.

Я тряхнул головой и слегка ударил хвостом по полу.

К дьяволу! Я спасаю свою жизнь. Ради этого хороши любые средства. И пусть будет стыдно тем, кто заставил меня принять вызов. А еще... Ну ладно, мне некуда деваться, меня приперли к стенке, но ей-то, самке...

Кто ее-то заставил бросать мне вызов? Ах, у нее была веская причина? Ее, как собачонку косточкой, поманили распорядители игры, и косточка очень весома, очень лакома. Но только ли в этой ситуации виноваты они?

Может, все-таки в основном ею двигали другие мотивы?

Тщеславие и уверенность, что она обязательно победит? А раз выпала возможность кого-то безнаказанно убить, да еще и прославиться, то почему бы этого не сделать? Кто из нас более аморален? Я, сражающийся до конца, пытающийся любыми средствами спастись из безвыходной ситуации, или она, с холодным сердцем, готовая даже убить того, кто не сможет дать должного отпора? Какой она боец, чем она отличается от мясника на базаре? Кто из нас больший негодяй?

Вот вопрос, ответ на который найти не так-то легко. А если серьезно, то и не надо. По крайней мере — сейчас. Потом, если выживу, вполне возможно, я посвящу размышлениям, поискам этого ответа всю оставшуюся жизнь. Если выживу.

Потом мне, возможно, припомнится, что у нее имелась весьма веская причина ввязаться в этот бой, и еще, что ее обработали люди. Так кто виновен в происходящем — мы, бесправные гладиаторы, или люди, зачинщики этой травли?

Стоп, вот этот вопрос тоже можно отложить на потом. Сейчас надо действовать. Настало время.

Дверь в келью молчания была из потемневшего от времени золотого дуба с Марса. Ее делили на квадраты ряды толстых железных полос.

Я остановился перед ней и подумал, что сейчас все и решится. Не там, на залитом светом ринге, а здесь, в тишине старого храма.

Так оно обычно и бывает.

Один древний кодекс людей гласит: любая война проиграна или выиграна еще до своего начала.

Воистину так.

Я подумал, что мог бы предложить ей, своей сопернице, мировую, попытаться ее уговорить отказаться от боя.

Ну, нет...

Я покачал головой.

Дудки, не пойдет она на это. Не стоит и надеяться. И незачем даже терять время.

Я толкнул дверь, и она, несмотря на преклонные годы, открылась без скрипа. За ней была узкая келья, в которой на каменной скамье сидела та самая самка, с которой мне надлежало сойтись в поединке.

Дверь открылась беззвучно, но самка почуяла мой запах и повернула голову в мою сторону.

Надо было начинать, и я сказал то, ради чего и пришел сегодня в храм. Много слов не потребовалось. Достаточно было лишь изложить суть. Я почему-то был уверен, что соперница ее ухватит, поймет смысл сказанного, и второй раз повторять не придется.

— Они тебя надули, — сообщил я. — Дешево купили. На самом деле у тебя нет и никогда не было детеныша.

8.

Окружающий мир медленно разваливался на куски, которые плавились, словно стеарин горящей свечки, и стекали вниз, вниз... кажется, там была бездонная пропасть небытия.

— Он произошел не от ящеров. Его предками были вонючие хорьки, — сказала Кристина.

Святая, непогрешимая истина.

Грязные, вонючие, противные, узкомордые хорьки.

Вот только сами-то люди после всего этого — кто? От кого они произошли, если так подло меня обманывали? А может, все-таки нет? Может, произошла ошибка?

Я с надеждой взглянула на Кристину.

Ну, скажи, что этот подлец, мой соперник, соврал, самым гнусным образом меня обманул. Я поверю, честно слово, поверю, только скажи.

— Негодяй, — промолвила она. — Подлый негодяй. Будь моя воля...

Не собиралась она ничего опровергать. Она просто ругалась, и этого было достаточно, чтобы я поняла. Сказанное врагом — правда. А потом я поняла еще одну штуку. То, что меня обманывают, Кристине не нравилось, очень не нравилась, но предупредить меня она не могла, поскольку это было бы предательством интересов родной стаи. И теперь, когда все выползло наружу, она где-то в глубине души, даже не отдавая себе в этом отчета, была рада, поскольку отныне могла мне не врать.

Вот этой, последней мысли хватило, чтобы прийти в себя, чтобы мир вокруг меня прекратил разваливаться и стекать. В общем, этого хватило для того, чтобы я пришла в себя.

Если я не одна, если есть кто-то, кто действительно стоит на моей стороне, значит, еще не все потеряно.

И все-таки я решила уточнить.

— Значит, детеныша у меня нет и никогда не было?

— Нет.

— Зачем тогда меня обманывали? Зачем мне сделали память о нем? Какая в том выгода?

— Меня могут наказать...

Она и в самом деле боялась. Такой испуганной Кристину я еще не видела.

— Я никому не скажу. Ну, выкладывай.

— Ты не сможешь этого скрыть. Я у тебя не одна, и другой тренер узнает о произошедшем, поймет по твоему поведению. Ты не сможешь этого скрыть.

— Кристина, я и так уже все знаю. Выкладывай, иначе мне придется на тебя надавить.

Я показала ей зубы. Не в том смысле, в каком это делают люди, когда хотят повеселиться. Совсем в другом. И она поняла меня правильно.

Как-то разом успокоившись, Кристина сказала:

— Ты должна драться, и не просто драться, а делать это с надлежавшей злобой, с ожесточением. Иначе не получится настоящего, красивого, увлекательного зрелища. Иначе у него не будет зрителей, иначе за него никто не заплатит денег... точнее, никто не даст еды. Зрелище обязано быть кровавым, в нем должен быть достаточный уровень энергии.

— А детеныш?

— Самка мнемозавра по-настоящему свирепеет только тогда, когда дерется во имя детеныша. Материнский инстинкт — великая вещь. Ради детеныша вы готовы проделать что угодно. Ради него любя из вас устроит по-настоящему красивое зрелище.

— Остальные самки, те, с которыми я до сих пор встречалась на арене, они тоже сражаются за несуществующих детей?

— Большая часть за существующих, — ответила Кристина. — Но есть такие, у которых талант виден сразу, едва они вылезли из скорлупы. Мы не можем ждать, пока они обзаведутся детьми, у нас нет лишнего времени. И тогда...

Голос у нее был безрадостный. Кажется, она уже мысленно распустилась со своей работой.

Напрасно.

— Другого тренера мне не нужно, — сказала я. — Другого я просто не приму.

— Кому нужен тренер бойца, проигравшего такой бой? У тебя сейчас нет причины драться по-настоящему. Пятнадцать минут назад твой соперник ее отнял. И значит, предстоит ничья. А это все равно что проигрыш.

Я с шумом выпустила из ноздрей воздух.

Как мало времени прошло. Подумать только. Неужели прошло так мало времени?

— А у самцов... — медленно произнесла я.

— Им для драки такой причины не требуется. Они самцы, они привыкли драться.

Да, конечно, эти негодяи привыкли. Драться до конца и любыми средствами. Только между собой, поскольку мудрая природа встроила в нас ограничители, разрешающие самкам сражаться лишь ради детеныша, а самцам запретила убивать самок.

А люди, значит, придумали, как использовать это в своих целях, для получения «по-настоящему красивого» зрелища.

Вот так.

— Что вы обычно делаете, когда такое происходит? — спросила я.

Если Кристина сейчас скажет, что мой случай единственный, уникальный, то я ей не поверю. Неужели она мне совет? Да нет, не может она мне сейчас соврать. Мы же с ней одна команда, мы вместе.

— Помнишь процедуру, на которую тебя возили? — объяснила она. — После нее ты обо всем забудешь. Даже о том, что тебе сказал здесь Зак. Все будет, как всегда, как и должно быть.

Это выход, подумала я. Ради своего любимого тренера я готова даже на это. А может, не только ради нее? Может, ради возвращения иллюзии, будто у меня и в самом деле есть детеныш? Не хотела я сейчас без нее жить, не хотела я терять смысл жизни.

И всего лишь одна процедура. Так ли трудно ее пройти?

— Хорошо, — согласилась я. — Поехали на процедуру. Если потопиться...

Кристина развела руками.

— Не получится. До боя осталось слишком мало времени. Вот после него это можно сделать. А сейчас мы просто не успеем. Он, этот твой соперник, все рассчитал правильно. Теперь ты не сможешь его побить. Не сможешь ты и отказаться от боя. Если это произойдет, то твоей карьере бойца конец. Тот, кто не смог один раз выйти на арену, не выйдет на нее больше никогда.

Я села на скамье поудобнее.

Хватит истерик. Для них совершенно не осталось времени. Теперь нужно думать о том, как спасти поединок, как не потерять свой авторитет бойца. Если это случится, меня ждет незавидное будущее.

Куда уходят неудачные бойцы-гастарбайтеры? Я знала. Мне это объяснили еще в подготовительной школе, для того чтобы подхлестнуть мое рвение к тренировкам. И подхлестнули. Я стала тренироваться как одержимая.

И ребенок... Нет его у меня? Так будет. Он у меня еще появится, и для этого надо, например, сегодня победить.

Шоу должно продолжаться, в любой ситуации шоу должно продолжаться.

— Значит... Что тогда остается? — спросила я.

Кристина молчала.

— Ну, говори, — поторопила ее я. — Ты сама сказала, что у нас нет времени. Должна быть хоть какая-то возможность выиграть этот бой. Она есть, я знаю. Но почему... почему ты не хочешь мне о ней рассказать?

— Потому что она очень рискованная, — сообщила мой тренер.

— Говори, я хочу знать.

— Тебе не понравится, но это единственный наш шанс.

— Не тяни время.

— Инстинкт против инстинкта. В отношении этого негодяя все средства хороши. Согласна?

— Да, хороши.

И тогда она мне объяснила свою идею. Это не заняло много времени.

Когда она закончила, я напомнила:

— Тогда и тебе придется нарушить этику. Мне — простительно, а ты тренер.

— Он первый начал, — зло парировала Кристина. — Он пожнет то, что посеял.

И вот тут я ее простила окончательно, простила полностью. Она была на моей стороне, она была со мной.

— А если узнают судьи...

— Хуже ведь не будет, правда? — ухмыльнулась она. — Что мне терять? Учти, если ты сойдешь с дистанции, моя песенка тоже будет спета. Кому нужен тренер оскандалившегося бойца?

Тут она тоже была права.

— Значит, устроим все именно так? — спросила я.

— Другого выхода нет, — напомнила она. — Но ты рискуешь, ты сильно рискуешь.

— Плевать, — мрачно сказала я. — Мне на это совершенно плевать. Зеленой слезью.

— Тогда... поехали?

— Да, но прежде ты должна ответить мне еще на один вопрос, — сказала я. — Раз уж так получилось. Потом ответ на этот вопрос могут убрать из моей памяти, но сейчас я хочу знать.

— Какой вопрос?

— Помнишь, когда мы последний раз ездили на процедуру, я видела детеныша? А ты еще сказала, что это картинка, но мне известно, что тогда ты меня обманывала. Что это было на самом деле?

— Зеркало, — ответила Кристина.

— Что такое зеркало?

— Я тебе расскажу после боя. А сейчас нам пора ехать. Нас ждут на арене. Мы уже опаздываем, слишком опаздываем.

9.

Мобиль летел почти над самой мостовой.

Фанаты должны были лицезреть своего кумира. Меня, кого же еще?

А я, между прочим, был обязан читать их видеоплакаты, вспыхивающие перед самой машиной, и стоило их миновать, тут же гаснущие. Гасли они так быстро потому, что по закону приравнивались к рекламе, а каждая минута рекламы на центральных улицах стоит просто запредельно. Даже секунды, в течение которых мимо них пролетал мой мобиль, обойдутся фанатам в копейчку.

«Смерть стервам!», «Ты крут!», «Переломай ей лапы!», «Ты должен победить!»

Что-то многовато. Хорошо ли это? Даже если учесть, что часть плакатов на самом деле тайно оплатили организаторы боя, все равно получается, в мою победу верит слишком много болельщиков.

Скверно.

Я подумал, что впервые воспринимаю плакаты фанатов именно так. Очень непривычное ощущение.

С другой стороны, я не вижу, что творится на улице, по которой на бой везут Дизи. Вот там, наверное, настоящая иллюминация, по сравнению с которой плакатики моих фэнов выглядят просто жалко.

Это успокаивало.

«Ты должен им, этим бабам, доказать!», «Мы всегда с тобой! Бригада второй опреснительной установки!» «Ты герой! Мы тебе верим!» «Долой мужской шовинизм!»

Ага, а вот это уже кто-то из фанатов Дизи, либо сумасшедшая феминистка. Кто бы это ни был, ему сейчас достанется на орехи, еще как достанется.

Мне стало грустно.

Буря страстей. Причем совершенно на пустом месте, поскольку все уже predetermined. И даже не организаторами боя, а мной, тем, кто должен в нем участвовать.

Ничья. И никуда от этого не денешься. Ничья, а вслед за ней неизбежный уход с арены. Навсегда.

Я подумал, что не представляю, как буду жить там, в обычной жизни, без боев, без тренировок, без арены. Нет, как устроить свою жизнь, я примерно знал, хорошо понимая, что ничего вечного в ми-

ре не существует, даже не раз это прикидывал. Но вот почувствовать, ошутить эту новую, так называемую другую, жизнь...

Если я все рассчитал верно, то денег, полученных за ничью, хватит для того, чтобы моя планета, точнее, планета, чьим рабом я являюсь, выиграла свой последний бой. Для меня это означает свободу. Если будет ничья, то Телланус, который еще ни разу не ошибся в предсказании результатов боя, выдаст мне, лично мне, сумму, которой хватит на безбедную старость.

Может, и в самом деле купить астероид? Вместительный купол на нем, воздух, вода, установка жизнеобеспечения и прочее стоят не очень дорого. Зато после я буду совершенно независим. Можно будет жить в свое удовольствие, жить воспоминаниями, нехитрыми заботами, а также радостями звездного фермера и стареть, стареть, стареть...

Я потряс головой.

Рано еще расслабляться, рано еще мечтать, рано еще просто думать о чем-то другом, кроме предстоящего боя.

Он пока даже не начался. И пусть его результат мне заранее известен, это будет один из самых тяжелых боев в моей жизни. Он должен быть проведен без сучка без задоринки, так, чтобы никто не подкапался.

И еще... Могли ли тренеры этой Дизи что-нибудь придумать? Нет, не могли, поскольку у них не осталось на это времени.

Дизи...

Я вздохнул.

Угрызения совести? Вот не было их сейчас у меня, совершенно не было. Таковы правила мира, в котором я живу, правила принятой здесь игры. Она идет не только на арене. Схватка — лишь заключительный этап, причем уже со стопроцентно известными результатами.

Это ей должны были объяснить. Ах, она думала, что может и дальше гарцевать по арене, не заботясь о последствиях? Ах, ей хотелось легких побед, хотелось безнаказанно крушить тех, кто не может оказать сопротивления? Ей это казалось всего лишь забавным?

Ну так вот, пусть убедится, что за подобные развлечения надо платить. Нет, даже не так. Пусть увидит и осознает, чем на самом деле занимается и для чего это делает, пусть узнает, кому это в действительности выгодно.

Я несколько раз набрал в легкие воздуха, а потом с силой его выдохнул.

Все, все, забыли. Надо думать только о предстоящем бое. И глядеть на плакаты. Фанаты должны видеть, что я их читаю. Именно по-

этому стекло с той стороны мобиля, где сидел я, осталось прозрачным. Фанаты должны видеть своего кумира. Особенно в последний раз.

«Покажи этой самовлюбленной нахалке, кто в доме хозяин!»

Ну и плакатец. Интересно, чья работа?

А вот этот? «Оторви ей хвост. Бабам на арене делать нечего!»

Ну и фанаты! Может, это все-таки дело рук тренеров Дизи? Пытаются меня скомпрометировать?

Черeda плакатов, казавшаяся бесконечной, наконец кончилась, и мой мобиль, сделав почетный круг перед амфитеатром, под крики толпы, в ореоле огней снимающих наше прибытие камер, по приказу Додика, решившего, что дань зрелищности отдана в достаточной мере, проворно юркнул к служебному входу.

И конечно, там к моему приезду уже все было готово. Я поблагодарил мобиль, выбрался из него и, пока выгружался мой тренер, окинул фойе беглым взглядом.

Собственно, меня встречали всего несколько человек. Лично главный тренер, несколько его помощников, представитель устроителей боя. И еще неподалеку я заметил робота, судя по надписям на корпусе явно частного посыльного, да у дальней стены стояла какая-то женщина. Вид у нее был независимый, словно она попала сюда случайно.

Ну нет, здесь кто попало оказаться не может. Получается, эта женщина обладает соответствующим допуском. Она является либо работником амфитеатра, либо имеет отношение к одному из дерущихся. Либо...

Я вспомнил. Ее звали Кристина, и она была тренером этой самой Дизи. Можно было поспорить, что она оказалась здесь неслучайно. Сейчас начнется.

Интересно, хватит ли у нее наглости закатить скандал? Вот только толку-то с этого?

Тут ко мне подошел Додик и сказал:

— Пойдем, нам пора.

— Там стоит тренер Дизи, — вполголоса сообщил ему я.

— Пусть стоит, — буркнул он. — Я тоже ее заметил.

А потом все произошло само собой. Мы двинулись к двери, за которой начинался коридор, ведущий к раздевалкам, и тут мои сопровождающие выстроились в колонну, а колонна эта надежно отгородила меня от Кристины. Насколько я заметил, никто не отдавал никаких команд. Все действовали как единое целое, как единый организм.

И она, тренер Дизи, очевидно, углядев это, не решилась даже дви-

нуться с места. Все так же стояла, опершись о стену, делая вид, будто не видит нас в упор.

А может, она чего-то ждет? Чего именно?

Размышляя на эту тему, я шел под надежной защитой моих сопровождающих и даже почти не обратил внимания на робота-посыльного. А тот был уже рядом со мной, подкатившись с другой, неохраняемой стороны. Он протянул мне какой-то листок, и я машинально взял его.

Что может быть опасного в обычном листке бумаги?

Может.

Я взял этот листок, так же машинально взглянул в сторону тренера Дизи, увидел, как она шевельнулась и едва заметно улыбнулась.

Конечно, это означало, что написанное на нем, по крайней мере до боя, мне читать...

— Что это такое? — спросил Додик.

— Личное послание, — буркнул я. — Не суй нос в мои дела.

Физиономия у Додика приобрела цвет спелого помидора.

И это меня порадовало.

Вот только теперь для достоверности мне придется все-таки эту бумажку прочитать.

Что там может быть? Наверняка проклятья, обещания спустить с меня шкуру и прочая чепуха. Пусть. Этим меня не прошибешь. А вот позлить тренера было бы забавно.

Я поднес листок к глазам и на ходу стал читать напечатанный на нем текст.

10.

— Я его сделала, — сообщила Кристина. — Все идет по плану.

— Точно? — спросила я.

— Как в аптеке. Он прочитал, он был настолько глуп, что прочитал.

— Но ведь это правда?

— Святая правда. Мне ничего не нужно было выдумывать, я всего лишь сделала запрос, в течение пяти минут получила ответ и принесла ему его на блюдечке, с пылу с жару. А он скушал. Что ему еще оставалось? Можешь быть довольна, он попал в такую же точно лужу. Ты отмщена.

Удовлетворение? Да, наверное, я чувствовала именно удовлетворение.

Месть — сладкое блюдо. И неправда, что его надо подавать холодным. Чем горячее, тем слаще.

— Прежде чем делать запрос, ты должна была знать, где искать. Откуда ты знала? — спросила я.

— У меня есть свои возможности, — уклончиво ответила Кристина.

Следующий вопрос вертелся у меня на языке, но я решила его не задавать. И так все ясно.

За последние полчаса я вдруг как-то резко повзрослела и теперь могла почти наверняка сказать, что Кристина знала эту вещь еще до того, как мой противник решил сыграть со мной свою подлую шуточку. И вообще как-то слишком быстро она сообразила, что именно надлежит делать, словно бы уже знала, словно просто претворила в жизнь какой-то запасной план.

А почему бы и нет?

У нее, по-настоящему хорошего тренера, должны быть заготовлены планы на все случаи жизни. И на такой тоже.

Главное, мой враг получил по заслугам. И еще получит, осознает, куда именно вляпался и чем ему придется расплачиваться за свою подлость.

Да-да, по самой высокой ставке.

Я подумала, что мне его ни капли не жаль, вот ни крошечки. При чем даже пожалей я сейчас своего противника, это бы его не спасло. Обратной дороги уже не было.

Если раньше я хотела его всего лишь побить, то теперь просто жаждала его смерти. Надеюсь, она не за горами.

11.

Моя профессия научила меня сдерживаться.

Именно поэтому я не откусил Додику голову, хотя жаждал этого. А до того мне хотелось разнести в пух и прах раздевалку, однако она осталась цела.

А еще раньше... Ах да, я прочитал то письмо. Точнее, это было даже не письмо, а ответ на некий запрос.

Суть этого ответа была проста, как манная каша. Никаких генеральных сражений в ближайшее время планета, которой я принадлежу, вести не могла, причем по очень простой причине. Война, та самая, работая на которую, я раз за разом побеждал на ринге, полгода назад кончилась, и выиграла ее именно моя планета. Точнее — планета моих хозяев. Выиграла мощно, уверенно, безжалостно. По мнению экспертов, это произошло потому, что у нее было больше ресурсов, в том числе и финансовых.

— До выхода на арену осталось полчаса, — сообщил мне Додик. — Будь готов.

— Всегда готов, — рявкнул я.

— Что-то не так? — поинтересовался он. — Проблемы?

Проблемы? Слово-то какое нашел... Есть у меня проблемы, но его они не касаются. Хотя... кажется, сейчас у меня есть почти уникальная возможность взять кое-кого за глотку. Почему бы ее не использовать? Другого случая не представится.

— Критяне выиграли свою войну полгода назад, — заявил я.

Додик замер, словно был роботом, которого выключил хозяин. Нет, даже не так, он словно окаменел. И уже это было неплохо. Люблю удивлять этих кретинов-людей.

Сейчас, кажется, мне это удалось.

Надо отдать должное Додику. Пришел в себя он быстро. Ему хватило всего лишь нескольких секунд. Вот он шевельнулся, даже открыл было рот, собираясь что-то спросить, но я не дал ему этого сделать, я задал свой вопрос первым.

— У них не появилось желания покончить с рабством?

Новая пауза.

Ага, кажется, и эта стрела попала в цель.

— Мне нужно посоветоваться с руководством, — пробормотал тренер.

Ну конечно. А как иначе? Первая реакция любого подобного Додику человека. Ускользнуть от ответственности.

Дудки, не выйдет. Он хотел быть моим тренером? Он думал, что это не очень сложная работа? По большей части — да. Однако бывают весьма интересные моменты. Такие, как сейчас, например.

— Время, — сказал я. — До выхода на арену осталось совсем немного. Ты не успеешь посоветоваться с руководством. А я, если ты сейчас не ответишь на некоторые мои вопросы, могу отказаться от боя. Потом состоится пресс-конференция, на которой зададут массу вопросов теперь уже мне, и я на них очень подробно отвечу. Думаешь, история о том, как руководители боев обманули меня и эту несчастную Дизи, не заинтересует репортеров? Они ухватят ее, словно собаку — мозговую косточку. Не сомневаюсь, твои хозяева попытаются замять скандал, но что-то в средства информации просочится. И вот тогда у них, у хозяев, не останется ничего иного, как сдать «стрелочника». И они сдадут. Догадываешься, кто им станет? Особенно если учесть, что ты тут новая птица.

— То есть ты меня...

— Ну да, — я показал зубы. — Самый банальный, классический шантаж. Как в художественных роликах. Твоих хозяев им не проймешь, а вот тебя лично... Думаешь, я блефую?

— А разве нет?

— Нет. Я знаю, что вот сейчас именно тот случай, когда я вас всех поймал. После боя сила снова окажется на вашей стороне. Но сейчас я могу получить почти все, что пожелаю.

Новая пауза, после которой Додик признался:

— Это верно.

Молодец.

Кажется, он умнее, чем я думал. Расслабляться, конечно, не стоит, но лед уже треснул. Или тронулся, как там сказано у классика? Наверное, все-таки треснул, поскольку каким образом лед может сойти с ума, я даже представить не могу. Или я не совсем понимаю язык, на котором разговаривают земляне?

— В таком случае, — сказал я, — давай-ка быстро ответь мне на пару вопросов, только честно. Учти, если соврешь, я догадаюсь.

— А потом...

— А потом я пойду драться. Если, конечно, ответы меня удовлетворят.

Судя по запаху, Додик буквально обливался потом, и можно было поспорить, что он казался ему холодным, ледяным.

— У любого хорошего тренера должен быть контакт со своим подопечным, — заявил он.

— Конечно, должен быть, — подтвердил я. — Собственно, мне от тебя надо немного. Я сейчас поведаю некоторые свои умозаключения, а ты скажешь мне, есть ли в них ошибки. Договорились?

— Да.

Вот и умница. Начнем, пожалуй.

— После того, как полгода назад планета Крит выиграла войну, — сказал я, — ее политика должна была измениться. Думаю, они сейчас буквально жаждут общаться с другими планетами и федерациями, а более всего — торговать. Так?

— Вполне возможно.

— Так, так. Торговцы, нажившиеся на военных поставках, мечтают о новых перспективах. А что им еще делать? Для того, чтобы выгодно торговать, кроме всего прочего нужен один немаловажный фактор — респектабельность.

— Ты прямо как по электронной книжке шпаришь, — пробормотал тренер. — Так же складно. А ведь ты...

— Какой-то грязный, вонючий ящер? — dokonчил я.

— Нет, я имел в виду...

— Продолжаю, — сказал я. — Итак, Криту сейчас нужна респектабельность, причем даже больше, чем заработанные мной деньги.

Респектабельные торговцы, к примеру, могут рассчитывать на кредиты, доходы от которых значительно превысят дивиденды от моих боев. Но главное даже не это, а то, что никто из серьезных партнеров, кроме землян, конечно, не будет вести торговые дела с работоторговцами, с планетой, поощряющей рабство, как бы оно ни называлось. Пусть даже раб всего один, да и тот какой-то ящер-гастарбайтер. И если наличие этого раба делает невозможным общение с сотнями торговых миров... Дальнейшее можно не рассказывать. Я верно ухватил суть перемен, случившихся с планетой моих хозяев за последние полгода?

— Верно, — неохотно подтвердил Додик.

Я с шумом выпустил из ноздрей воздух.

Один этап позади. Идем дальше.

— На то, чтобы осознать новые правила игры, им потребовалось некоторое время, — продолжил я. — Думаю, полгода — достаточный срок. А потом они насели на устроителей боев, требуя дать мне «вольную». Это совпало с появлением идеи сравнить на арене самку и самца. Ну, а раз я вот-вот должен получить свободу, почему бы не сделать мой последний бой особенно эффективным? При этом моя верная гибель — частность, не имеющая большого значения.

— Не совсем верно, — поправил Додик. — Тут сыграло роль и то, что ты очень необычный мнемозавр. Ты слишком... умный, что ли? Да, ты слишком умный. Ты отошел от природы в сторону разума. А это значит, что тебе будет легче преодолеть поставленные ею барьеры.

Вот тут я удивился.

— Устроители боев и в самом деле верят, что природу можно обойти вокруг пальца?

— Нам, людям, подобное удавалось, и не раз. Если ты знаешь нашу историю, то можешь найти в ней множество тому подтверждений.

— И каждый раз вам приходилось дорого за это платить, — буркнул я. — Так что победы, скорее, походили на поражения.

— Возможно, — промолвил Додик. — Но это нас не остановило, и мы все-таки вышли в космос, мы стали космической расой.

— Которой трудно общаться с другими расами, прошедшими иной путь.

— Это наши проблемы.

Тут он был прав. Это — их проблемы. Мне до них сейчас дела нет. Мне бы со своими расплюхаться.

Кстати...

Мне в голову пришла весьма любопытная мысль. Если они действительно верят, что наложенные природой табу можно преодолеть...

— То есть этот бой не единственный, — попытался уточнить я. — Барьер должен быть сломан? Вас, похоже, ничему, совсем ничему все ваши прошлые схватки с природой не научили. Более того, теперь от результатов предстоящего боя зависит, родится ли новый вид ристаний, сулящий прекрасные дивиденды. Поединки между самками и самцами. Ты в это веришь?

— Я — нет, — ответил Додик. — Именно поэтому я так откровенен с тобой. На мой взгляд, она тебя просто убьет, и никто о нашем разговоре не узнает. Но некто, повыше меня рангом... у него другое мнение на этот счет.

— Вот как?

— Да, он считает, что ты сумеешь переломить природу. Поэтому мне велено передать тебе некое особое предложение. Я должен сделать его минут за пять до боя.

— Как раз столько и осталось, — подсказал я.

— Поэтому и передаю.

— Жду.

— Если ты выживешь, то получишь свободу. И это немало, поскольку критяне нам не указ, а договор с ними составлен с такими допусками, что мы могли бы удерживать тебя на своей территории вечно.

— А если?..

— Если ты ее убьешь, то вдобавок к свободе получишь еще такое количество денег, что его хватит на безбедное существование до конца жизни на собственном астероиде, буде пожелаешь. В общем, очень много денег.

— Вот как, — пробормотал я.

— Да, именно. Но только мне кажется, убить ее ты не сможешь. А вот она легко и безжалостно отправит тебя в морг. И это будет правильно.

— Думаю, ты ошибаешься, — отрезал я. — Когда потеряешь должность тренера, иди куда угодно, только не в предсказатели.

Сказал я это весьма уверенно.

Еще бы только мне эту уверенность чувствовать. Расчеты — расчетами, а арена — ареной. Здесь возможен любой сюрприз.

12.

Клянусь, я его ненавидела!

Шагая на арену по коридорам, мимо шеренг вопящих от энтузиазма фанатов, мимо работников амфитеатра, бросивших свои дела ради того, чтобы полюбоваться на меня, мимо невозмутимых и бдитель-

ных охранников, я ненавидела его так люто, как никого в жизни. Я мысленно представляла, как буквально раздираю его на части, как во все стороны летят ошметки его мыслеплоти, как я откручиваю ему голову, и чувствовала от этого жгучую радость. Но этого было все равно мало, этого было мало для того, чтобы превратить желания в действительность.

На что подлец и рассчитывал, когда открыл мне глаза на махинации с моим детенышем.

А может, я не хотела, чтобы мне их открывали? Может, мне было хорошо и так?

В любом случае он за свою подлость заплатит, если, конечно, придуманный Кристиной план не провалится. А он не должен провалиться.

Я свернула за угол и увидела большую группу пестро одетых болельщиков с Риты-7. Один из них крикнул на вселинге, что верит в мою победу, и тотчас все остальные принялись скандировать приветствия. Делали они это, можно сказать, истово.

В ответ я открыла пасть, чтобы продемонстрировать клыки, и издала рык. Все, как положено, согласно ритуалу.

Вот только если еще вчера я безоговорочно принимала подобное за чистую монету, то сейчас у меня возникли сомнения. А может быть, эти яркие болельщики на самом деле наняты устроителями игр для того, чтобы поддерживать во мне уверенность, для того, чтобы я не оплошала в этой, такой важной драке?

Да нет, это уже слишком. Болельщики, как болельщики. Мои личные фэны. Никаких подстав.

Арена.

Она встретила меня ярчайшим светом, громкими криками и голо-сом комментатора.

Все, как обычно. И привычная, неистребимая, легкая нервная дрожь. Интересно, избавлюсь ли я от нее, когда буду выходить на свой сотый бой? Наверное, нет. И это правильно. Без нее удовольствие от схватки с опасным противником будет не таким полным. Ну, а если схватке не отдаешься полностью, без остатка, лучше ее и не начинать. В результате — проигрыш.

Мой противник еще не появился. Что ж, удобный случай заработать дополнительные очки — продемонстрировать публике свое новое тело. Оно того стоит. Великое дело, когда на твоей стороне бо́льшая часть зрителей. Тогда и сражаться легче. Да и противник, зная, что за него меньшинство, дерется не в полную силу, заранее настраивается на поражение.

Все это мне объяснила Кристина. И ее наставления имели смысл. Как всегда. Так же, как и те, которые я получила сейчас. О том, как выиграть бой, о том, как убить этого хитреца, решившего лишить меня заслуженной, законной победы, пытавшегося остановить меня на пути к моему блестящему будущему. Ну и пусть у меня сейчас нет дetyнша. Он будет, как же иначе? И для того, чтобы это случилось, я должна выиграть этот бой, выиграть его вчистую, убить наглеца.

Как именно?

Природа. Она мешает мне это сделать, но она же мне и поможет. Это опять придумала Кристина. Барьеру, который не дает мне его примерно наказать, можно противопоставить нечто более сильное. Что?

Заложенный той же природой и, конечно, более могучий инстинкт самосохранения.

Именно он поможет мне выиграть этот бой. Если, конечно, я буду достаточно хитрой и ловкой, если сумею его должным образом использовать.

А я сумею. И залог тому — ненависть, которую я испытываю к своему противнику.

Лютая ненависть.

13.

Итак, это заговор. А мы с Дизи, значит, в нем фигуры, пешки, которыми при соответствующей ситуации можно не задумываясь пожертвовать. Точнее, нами уже пожертвовали, причем, кем именно, мы должны решить сами.

Ну-ну, господа люди. Не слишком ли много вы на себя берете?

Впрочем, все это будет потом. А сейчас — бой, красивая схватка, поскольку зрители заплатили деньги. Немалые, между прочим.

Зрелище.

Я слегка опаздывал, но это было не случайно, это был тонкий расчет.

Думаю, сейчас Дизи красуется перед публикой, показывает свое новое тело. Пусть красуется. После нее выйду я, и вот тогда зрители, увидев, что я приготовил для этого боя, забудут о самке. Последнее впечатление, конечно же, самое сильное. Не стоит об этом и говорить. И еще, тот, кто приходит последним, тратит меньше времени на общение с фэнами.

Если честно, то мне претят все эти проявления фанатской любви. Все эти «Дикая удача, что мы тебя увидели», «Мы запомним нашу встречу, мы о ней всем расскажем», «А вот скажи нам что-нибудь, и

мы будем счастливы на всю оставшуюся жизнь». Все это вранье! И не такое уж для них счастье — встреча с тобой.

Но почему они все-таки приходят, почему рвутся через кордоны стражей порядка, обманывают охрану и подкупают тренеров? Для того чтобы прикоснуться к силе, к настоящей, внутренней силе. Не к той, которая дается деньгами или там шоблой занявших высокие посты корешей, а к внутренней силе понимания законов жизни, осознания, куда мы все, хоть люди, хоть мнемозавры, хоть другие мыслящие, идем, к умению встретить эту конечную цель, не дрогнув, как бы бессмысленна и жестока она ни была.

Смерть.

Ну да, я имею в виду ее — старушку смерть, поджидающую нас в конце любого пути. Она верная служанка природы, и она не колеблется. Приходит и делает свое дело.

А фэнам также свойствен страх перед ней. У них есть иллюзия, будто прикоснувшись к нам, они приобщатся к славе, получают некоторую защиту если не от смерти, то от сопутствующего ей забвения. Они думают, будто, пообщавшись с нами, сумеют перенять хотя бы частицу нашей силы, благодаря которой им не так страшно будет жить.

Наивные.

Какой-то человек шагнул мне навстречу и быстро заговорил:

— Так рад вас увидеть. Вы не могли бы мне что-нибудь сказать? Моя жена не поверит, что я сумел очутиться так близко к вам!

Я оскалил клыки и зарычал.

Как бы не так. Его это только подзадорило. Похоже, он принял мой рык за приветствие. Спас меня вовремя подоспевший охранник, оттеснивший рьяного фэна к стене.

Люди... презренные, подлые существа, сумевшие прорваться к звездам, используя самые нечестные пути из всех возможных. Однако прорвались, в то время как наша раса обречена на вечное рабство. Или нет? Может быть, и у нас есть какой-то выход? Может быть, стоило нам несколько изменить своим принципам...

Принципы? Какие, к черту, принципы!

Я едва не сбился с шага.

А ведь мне сейчас следует думать совсем о другом. Принципы, фэны... Все это — чешуя. Главное для меня — найти выход из ловушки, в которую я угодил.

На что я рассчитываю? Правильно, мне надлежит сыграть этот бой вничью. Тогда я получу свободу, выполню договоренность с одним жучком, который вложил в этот бой кучу денег, и сам, кстати, оторву неплохой куш.

Победа? Нет, она мне не нужна. Более того — она мне вредна. А так ли? Конечно, я подведу Теллануса, и тот первый раз в жизни не угадает победителя, но жизнь есть жизнь, и в ней все бывает первый раз. А свои деньги я получу.

Одно не дает покоя. То, что мои планы совпали с планами людей. Им, оказывается, не нужна ничья, они ждут либо моего поражения, либо моей победы. И в том, и в другом случае они сразу же начнут раскручивать маховик боев между самками и самцами. Они уж придумают, как это подать поэффектнее! Им это не впервой.

Причем в любом случае я буду тем, с кого эта вакханалия начнет-ся. Тем, на кого повесят всех собак.

Да плевать. Мне все равно, что обо мне скажут или напишут. Особенно если я к этому времени буду отдыхать на собственном астероиде.

Но есть еще совесть. Осознание того, что эти поединки будут самыми подлыми, поскольку каждого участника обработают самым жестоким образом. Так, например, как обработали меня, либо как Дизи. Ну и, конечно, добавятся варианты охмурежа под номерами три, четыре и так далее. Не менее подлые. Не менее человеческие.

Решено. Я просто сведу этот бой к ничьей, и каждый получит желаемое. Я — свободу и деньги, Дизи — деньги и возможность остаться на арене. Все будут счастливы. Относительно, конечно. Однако лучшего выхода нет.

А может, природа что-то придумала и на этот случай? Что-нибудь, делающее наш бой невозможным даже при такой накрутке? С нее станет-ся... Да нет, вряд ли. Она не бог, она всего лишь всемогуща, но не всеведуща и, значит, ошибки совершает пачками. Сама же их и исправляет, но когда еще соберется заняться именно этой?

Нет, все будет в лучшем виде, все пойдет по плану.

— Сейчас выйдешь на арену! Приготовься! Тебя ждут зрители!

Это Додик. И он, конечно, прав.

Там, на арене, я должен «сыграть монстра», ужасного и свирепого, такого, чтобы зрители остались довольны. Они и будут довольны.

А потом начнется бой, бой с заранее предрешенным исходом.

14.

Трубы!

Вот и все, теперь я его сделаю. Теперь он мой!

Удовлетворение? О, да, я его испытывала. И одновременно — печаль, что ли? Все так просто. Если тебе вовремя подскажут, как надо действовать.

Я остановилась у края арены, взглянула на своего врага, который, надо признать, смотрелся просто великолепно. Впрочем, броня из мыслеплоти должна быть не только красивой, но еще и крепкой, хорошо защищать, а также не стеснять движений. Эта...

А вот мы сейчас проверим, какова она в бою.

Да, кстати, о подсказках...

Я подумала, что Кристина оказалась настоящей подругой. Наверное, она не должна была мне советовать, как убить этого негодяя. Или должна? Ох, что-то я совсем запуталась. Ничего, со временем все прояснится.

Да, не забыть бы после боя о возможных неприятностях Кристины. Я должна сделать все, чтобы ее от них оградить. Скажу, что она мой любимый тренер и я без нее вообще не соглашаюсь драться. А устроители на это...

Устроители.

Не открой мне негодяй глаза на их козни, я сейчас шла бы барашком на заклание. Фактически, мой враг оказал мне услугу. Сам того не желая.

Вот не спасет его это, не причина это для жалости. Все равно он умрет.

Вышли герольды с очень длинными трубами и выстроились в шеренгу посередине поля, как бы отгораживая одного бойца от другого.

Сейчас они протрубят, потом повиснет минутная пауза, для того чтобы герольды успели убраться с поля. После этого все и начнется. Это будет не бой, это будет игра, точно просчитанная партия, с заранее известным мне результатом.

Вот сейчас...

Герольды протрубили. Звуки их труб здорово смахивали на крики дюжины умирающих от голода чаек.

Неважно. Сейчас это неважно!

Мой враг, не дожидаясь команды, встал и принял боевую стойку. В принципе, если он не перешел на мою половину арены и не напал на меня, это было допустимо, но по сути являлось оскорблением. Похоже, он давал мне понять, что я способна нарушить правила боя.

Ладно, мне нет до этого никакого дела.

Я вытянула перед собой переднюю лапу, согнула ее и вновь разогнула, проверяя, как растягивается моя мыслеплоть. Все было в порядке, в самом лучшем виде. А еще я, как никогда в жизни, вдруг почувствовала, буквально всем телом ощутила, что живу, существую. А умереть так легко...

Нет-нет, а вот эта мысль не к месту и не ко времени. Нужно выкинуть ее из головы, причем немедленно.

Бой! Схватка, не на жизнь, а на смерть!

Амфитеатр, как и положено, бесновался. Временами сквозь разноголосый рев прорывались крики: «Смерть!», «Порви его!», «Оторви ей хвост!». Дождем посыпались мячики с гремучим песком. Зрители «палят» ими по бойцам, чтобы их ободрить, подогнать или отвлечь. С десятков, брошенных очень опытными болельщиками, в меня даже попали, но поскольку никакого физического вреда они нанести не могли, я на них не обратила ни малейшего внимания. В какофонию звуков врзался голос комментатора, светились зеленым огромные экраны, на которых перечислялись заслуги бойцов, а также приводились не только их основные боевые характеристики, но еще и расклад официальных букмекерских контор. Согласно ему на мою победу ставили больше. Впрочем, работали еще и неофициальные букмекеры. На самом деле именно они принимали львиную долю ставок, и у них, кажется, расклад был совсем другим.

Я окинула взглядом амфитеатр.

Ах да, еще и реклама. Она была везде, полахала, горела, сверкала, умирала и тут же рождалась — объемная, радужная, тотальная реклама.

Вот бог, в жертву которому мы приносим свои жизни. Вот кому на самом деле следовало бы помолиться перед боем.

— Пошла! — скомандовала Кристина. — Начинай! Самое время.

Благодаря крепко присосавшемуся возле моей слуховой перепонки динамику я слышала ее голос совершенно отчетливо.

Да, пора начинать. Пора демонстрировать сюрпризы.

Я встала и приняла боевую стойку.

Вот и все. Теперь в этом мире остались только мы вдвоем. Никто вмешиваться в нашу драку не имеет права, и мы можем делать все, что заблагорассудится.

Да, с нами еще есть бестелесные голоса тренеров. Вот бы подслушать, что ему говорит его опекун... Хотя настоящий боец всем этим советам не следует. Они, как обычно, запаздывают. А мой противник — боец первостатейный, каким бы гаденышем я его ни считала.

Мускулистый здоровяк у гонга поднял массивную колотушку. Еще несколько секунд...

Пора!

Я напряглась, и мыслеплоть, скрывавшая мое тело, словно вскипела, приобретая новую форму, усеиваясь дополнительными шипами, среди которых были и те самые, мягкие, придуманные нами с Кристиной.

Это был очень опасный момент. Если враг ударит меня раньше, чем моя броня затвердеет, мало не покажется.

Все-таки не ударил, джентльмен хренов. И зря. Я бы на его месте саданула. Значит, и в самом деле рассчитывает на ничью. Не будет ее! Уж я-то постараюсь.

Гонг!

Кристина скомандовала:

— Нападай. Самое время!

И сама знаю.

Мы двинулись друг к другу. Сначала медленно и вроде бы неохотно, потом все убыстряя шаг, давая болельщикам почувствовать, как же мы могучи и непреклонны. Мы знали, что это заводит толпу, и нам не надо было сговариваться. Не нуждались мы в этом, автоматом работали на зрелищность действия, поскольку были профессионалами, для которых эффектность борьбы важнее каких-либо личных счетов.

Они, конечно, не забыты, им придет время, но сначала надо ублажить его величество зрителя. Того самого, который выложил за свое удовольствие деньги и, не получив его, будет весьма разочарован.

Столкновение!

Мы обменялись первыми ударами, показательными, все еще для публики. Просто для того, чтобы она нас оценила. Потом, когда драка начнется всерьез, нам будет уже не до красоты. Там мы возьмем свое пренебрежением к боли и злобой, родившейся из жажды выжить и победить. К тому моменту нас будут оценивать по-другому, но пока... Пусть потешатся. Пусть полюбуются.

Я выдала одну неплохую заготовку, с низким наклоном корпуса и ударом противника по ногам самым кончиком хвоста. И даже почти попала.

Зрители, не разглядевшие, что мой удар прошел вскользь, радостно взвыли.

Пусть воют. Они сегодня увидят и не такое.

— Молодец! — похвалила меня Кристина. — Красиво. Почти как в балете!

Ехидна. Как будто мы не с ней этот прием разрабатывали.

Принимая позу защиты, я подумала, что теперь настала очередь моего противника. Чем он меня порадует? Что он для меня приготовил? Кажется, он увлекается политикой, и названия его приемов имеют к ней отношение. Чтонибудь вроде «Крутого импичмента, на который нельзя наложить «вето»?

Посмотрим...

Глядя друг другу в глаза, сторожа каждое движение противника, мы сделали по арене почти полный круг, а потом он все-таки ударил, провел свою заготовленную комбинацию, состоящую из неожиданного падения на четыре лапы, имитации удара хвостом, вместо которого был прыжок и попытка вцепиться в горло передними лапами.

Впечатляющая попытка, которая тоже не увенчалась успехом. Зрители все-таки вопили. Может быть, чуть тише, чем после проведенного мной приема, но — вопили. Или мне только показалось, что тише? Неважно.

Бой! Схватка! Теперь уже по-настоящему.

Тут мы действительно схлестнулись всерьез. И конечно, этого не нужно было делать. По всем правилам мы должны, обязаны были еще немного помуржить, поинтриговать зрителей, но у нас не хватало на это терпения. Нам надо было выпустить пар. Слишком много его накопилось. Бессмысленной злобы, неприязни и чего там еще? Ах, да, соперничества, желания доказать свою крутизну. Знание того, что исход схватки предreshен, нас только подстегивало. За него, конечно, я поручиться не могла, но в отношении меня все было ясно.

Профессиональная ревность, во всей своей красе. Ну и что? Кому какое дело? Особенно если учесть, какой сюрприз моему сопернику приготовлен. Почему бы мне напоследок не оторваться по полной?

И мы оторвались, да еще как.

Удар, еще удар, подсечка...

Я упала на передние лапы и, развернув тело на сто восемьдесят градусов, почти наудачу хлестнула хвостом.

В точку! Вот это да, попала!

Вслед за этим я ощутила могучий, с оттягом, удар по спине, такой сильный, что покатила по арене кубарем. Дать даме встать? Ну как же. Не способен он на это. Не стоило даже и надеяться.

Честно говоря, я и не надеялась. Умудрилась вывернуться из очень неудобного положения и сделала еще одну серию подсечек. Поймать противника на них я не смогла, но оказалась на ногах и продолжила биться, да так, что следующим ударом повергла противника на арену. Тут уж ему пришлось жрать опилки, тут уж от его псевдоброни полетели куски.

И поделом гаденышу.

Амфитеатр ревел, буквально надрывался от крика. И Кристина тоже где-то рядом что-то истошно кричала, но я ее не слушала, мне было не до нее. Для меня сейчас окружающий мир просто не существо-

вал. Была я и был противник, которому надлежало вложить как следует. И пусть я не смогу таким образом его убить. Неважно. Главное, мерзавец помучается, главное — я заставлю его кататься у меня под ногами, даже просить пощады.

Просить пощады?

Может, и в самом деле свести бой к ничьей? Они ведь разные бывают, эти ничьи. Бывают почетные, когда противники расходятся с высоко поднятой головой, а бывает и так, что эту ничью один боец вымаливает у другого буквально на коленях. И вот если бы удалось свести к такой ничьей, если бы удалось заставить его унижаться... Такая ничья даже лучше победы. И значит...

Размечталась... у нас есть план, и отступать от него не стоит. Надо просто следовать схеме. А иначе не получится вообще ничего. Иначе...

Я вдруг услышала слова Кристины:

— Приди в себя. Он уже почти готов. Время наступает. Время для нашего плана.

И она опять была полностью права. Я вдруг осознала, сколько мы уже деремся, поймала ускользавшее от меня за вихрем ударов, перемещений, нападений и отступлений время. В драке я совершенно забыла о нем, а вот сейчас вспомнила. Со временем у меня всегда были сложные отношения...

Достаточно. Зрители свое получили: то безумие, отрешение от привычной, безысходной окружающей жизни, ради которых они сюда и пришли. Они получили свое сполна. Теперь я имею право действовать, как заблагорассудится.

Имею и буду. Именно сейчас, когда противник полностью ушел в схватку, когда он способен думать только о ней, его можно брать. Он готов.

Пора.

Я ушла еще от одного удара, провела хитрую комбинацию, благодаря которой буквально отшвырнула от себя этого негодяя. Так же, как и десять секунд назад. Вот только изменилось ощущение.

Оно было. Знание, чувство, что враг полностью в моей власти. Никуда не денется, будет действовать так, как я его заставляю, и все, соответственно, придет к ожидаемому итогу.

Я его убью. В ближайшие пять секунд. И это так же неоспоримо, как неоспоримы стены амфитеатра и опилки у нас под ногами. Они просто есть.

Пять секунд.

Серия ударов, благодаря которой я оказалась у него за спиной. Это

не давало мне особого преимущества. Просто теперь я знала, что он должен ударить хвостом.

Четыре секунды.

Он ударил, конечно же, промахнулся, и я нанесла ему тот, особый удар, один из трех когда-то просто на всякий случай разработанных нами еще с Чжи-вэем. Этот удар был болезненным, правда, не настолько, чтобы получить преимущество в драке, но для моих целей он сейчас подходил идеально.

В нем главное было не только попасть точно, но еще и рассчитать силу.

Три секунды.

Мы сцепились и покатались по арене, пытаясь открутить друг другу головы. Выглядело это очень некрасиво, но мне сейчас на красоту было плевать. Мне следовало провести второй удар. И я его нанесла, уже отцепившись от врага, уже откатываясь от него в сторону. Этот удар был еще болезненнее.

Две секунды.

Мы успели вскочить на ноги и закружились по арене, глядя друг другу в глаза, карауля каждое движение.

Пора, самое время. Вот сейчас...

Где-то в глубине души я хорошо знала, что этот бой выиграть нельзя. Он обречен на ничью, что бы я ни пыталась сделать, как бы ни хитрила. Негодяй прав. Для того чтобы мы, мнемозавры, не вымерли, природа поместила в нашем сознании парочку очень серьезных запретов. Преодолеть их невозможно. И план Кристины... Невыполним?

О, нет! Все получится, как надо. Если запрет нельзя разрушить, то почему бы не попытаться его столкнуть с чем-то более сильным? А что может быть сильнее инстинкта самосохранения? Да ничего! Вот его-то мы и используем.

Сейчас.

Я нанесла удар, да так неумело, что раскрылась, предоставила возможность садануть себя в болевую точку на животе. В ту самую, куда и попасть-то без помощи атакуемого почти невозможно. Но кто же желает себе зла, кто будет в этом помогать? Нет, любой мнемозавр во время боя защищает эту точку пуше зеницы ока, блокирует все направленные в нее удары.

А я помогла, сама ее подставила.

Прием был простейший, и мой противник попался на него лишь потому, что подобного от меня не ожидал. Не было в этом, с его точки зрения, никакой для меня выгоды.

А еще ему некогда было думать. Точнее — он и не думал вовсе. Его тело отреагировало само, оно не могло этого не сделать.

Одна секунда.

Удар!

Окружающий мир вспыхнул, буквально взорвался болью. И это ощущение сконцентрировало все ее оттенки и виды. Я, когда мы с Кристиной разрабатывали план, знала, что в этой точке — наш успех. И я была готова к боли, причем к самой сильной. Но к такой...

На долю мгновения я потеряла способность мыслить. Просто я отчетливо ощущала: следующий удар меня убьет, еще раз такой боли я не вынесу. И я забыла обо всем, кроме желания ее избежать, кроме желания выжить. А сделать это можно было только одним способом...

И я ударила, ударила в ответ, куда надо и с нужной силой, ничего не прикидывая, действуя машинально, позволив своему телу, не связанному более никакими ограничениями, действовать самому. Оно, это тело, сделало все как надо.

Удар пришелся в цель, и мой противник, уже наверняка готовый меня добить, рухнул на опилки как подкошенный, мгновенно превратившись из победителя в побежденного.

Ноль. Зеро. Финиш.

Впрочем, даже сейчас это было не все. Это был еще не конец, поскольку мне немедленно, пока я еще была к этому способна, надлежало своего врага добить, отправить на небесную, райскую арену, нанести «удар милосердия».

Вот сейчас...

Я качнулась вперед, восстанавливая равновесие и уже совершенно четко зная, что добивать врага придется хвостом, взмахнула им с расчетом, чтобы его увесистый кончик угодил негодяю точно в голову, а поскольку мыслеплоть с него уже опала, явив зрителям немощное, слабосильное тело, удар этот должен был буквально разmozжить противнику голову.

Ну же...

Убить его проще пареной репы. Этого голого, жалкого, скукожившегося, лежащего в позе спящего детеныша, подлого, принесшего мне столько боли, применившего один из самых нечестных приемов, сумевшего надавить на мое самолюбие...

Он лежал в позе спящего малыша, и это решило все, поскольку ни одна самка не способна ударить не только детеныша, но и того, кто на него похож.

Нет, бой был выигран вчистую, но наш с Кристиной план блестяще провалился. Я почувствовала себя проигравшей.

15.

— Эй, ящерица, ты случайно не Зак? Ну, тот самый, бывший Зак-непобедимый.

— Нет, — ответил я. — Случайно не он.

— Жаль. А то я хотел ему сказать пару ласковых слов.

— Очень ласковых?

— Очень. Лечь перед какой-то бабой... Просадил на него целую десятку... А мог бы выиграть, поставь на эту Дизи.

Я окинул собеседника оценивающим взглядом.

Мутные глазенки, пухлые, жадные губы, сальные волосы, изжеванный окуроч сигары в уголке рта.

М-да, красавец. Такой весь из себя образец человека.

— Если мужик позволил бабе себя повалить, — тянул свое чело-
век, — значит, он тряпка. Ничтожество. Ноль. Пустое место. Зря я на него ставил.

— Это точно, — согласился я. — Зря. Он и не мог выиграть. Ты вообще что-нибудь о мнемозаврах знаешь?

— А зачем мне это? Достаточно того, что я знаю, к кому обратиться, чтобы поставить купюру-другую.

Действительно, просто образец.

— А мне сдается, ты тот самый Зак и есть.

Голос прозвучал у меня за спиной, и я повернулся, чтобы взглянуть на нового собеседника.

Все-таки хорошо, что я, создавая себе личину из мыслеплоти, сегодня отошел от определенных стандартов. Как в воду глядел. Этого, второго, провести было трудно. Этот знал, с какой стороны у бутерброда масло намазано.

— С чего ты так решил? — спросил я у него.

— С того, что все мнемозавры кому-то принадлежат. И только Зак теперь свободен от любых обязательств. Именно он мог бы себе позволить от нечего делать заглянуть в бар, попить пивка и послушать, что о нем говорят люди. Всем остальным посещение баров запрещают либо хозяева, либо тренеры.

— Это верно, — согласился я.

А что еще можно было сказать? Отрицать очевидную вещь?

— Значит, ты признаешься? — прошипел кто-то, сидевший чуть дальше, что не мешало ему внимательно прислушиваться к нашему разговору.

— Все мнемозавры кому-то принадлежат, но, несмотря на это, им все-таки хочется иногда посидеть в баре и попить пива, — продолжил я. — Да так, чтобы об этом не узнали их хозяева.

— То есть ты не Зак?

Этот вопрос был задан уже совсем другим тоном. Кажется, мне поверили.

— Да нет же, не Зак, — покачал головой я. — Мне пиво нравится. Земное пиво — вещь стоящая. А мои хозяева... да что там говорить...

Ход был верным. Еще через пять минут разговора меня оставили в покое, не забыв угостить бесплатной кружечкой.

Я осторожно сделал первый глоток и подумал, что, может быть, люди не так уж и плохи. По своей природе они не злодеи. Просто их цивилизация настроена на отрицание природы, они и сами платят за это жесточайшим образом. В этом их ошибка. А может, ошибаются не они, а все остальные?

Кто бы смог это определить? Время? Пусть будет время. Оно все расставит по своим местам. Хорошо бы знать заранее, как оно это делает.

Я окинул бар рассеянным взглядом. Недалеко от меня веселилась компания мохнатых скурвов. Глаза у них располагались на концах длинных, торчащих вверх стебельков, и скуры под тихое ритмичное гудение покачивали ими из стороны в сторону. Далее виднелись двухголовые ларгы, а чуть в стороне громоздились туши бегемотцев.

Почти наверняка разговор с бывшими моими поклонниками закончился так безобидно еще и потому, что в баре много инопланетян. На их фоне я выгляжу не столь экзотически.

Кстати, надолго ли я здесь останусь? Я свободен, и устроители боев даже заплатили мне небольшие деньги, что-то вроде выходного пособия. Не будь сделки с Телланусом, передо мной маячил бы призрак голодной смерти. Но сделка была заключена, и теперь я могу себе позволить многое, например, личный комфортабельный астероид. Если купить большой астероид, а денег хватит и на него, то я мог бы позволить себе даже семью.

Семью...

Я глотнул пива и, прищурившись, посмотрел на гигантский, расположенный за спиной бармена экран телеобъемки. Что-то там показывали, какие-то новости об очередной локальной войне. Потом сюжет в телеобъемке сменился. Теперь на экране воцарилась она, Дизи. Ее в последние дни показывали часто. Бесспорно, сейчас она была самым знаменитым мнемозавром-гастарбайтером.

Еще бы! Та самая... победительница.

У нее, кажется, брали очередное интервью. А ей это явно нравилось, и она, довольно скаля клыки, что-то вещала, делилась откровениями и мудрыми мыслями.

Кто-то из посетителей добрался до регулятора звука, и я услышал, о чем, собственно, шла речь.

— ...то он, этот жалкий, ничтожный... — говорила Дизи. — Этот якобы непобедимый...

— Но ты его не убила. Некоторые зрители из-за этого считают твою победу неполной.

— Я убью следующего, кто выйдет со мной драться. А сейчас важнее другое. Главное, мне удалось развеять химеру о невозможности подобных боев. Мне удалось...

Я покачал головой.

Наверняка подобным речам ее научили тренеры. Но что она думает на самом деле? Неужели верит во всю эту чушь? Хотя... кто знает, кто знает?

Пиво было свежим и вкусным, «живым». Я сделал еще один глоток.

Так пыталась она меня убить или нет? В общем-то смерть на арене не является чем-то необычным. Однако в этот раз я, кажется, сделал все, чтобы она не смогла меня убить. И несмотря на это...

Я вздохнул.

По всему получалось, что пыталась. Причем весьма оригинальным образом. Она подставилась, дала мне возможность нанести очень болезненный удар, а потом ее тело отреагировало само. Следующий удар, нанесенный так же «не думая», должен был меня убить. Но его не последовало. Почему? Потом, просматривая запись боя, я пришел к выводу, что она меня не добила лишь потому, что упав, я принял позу спящего детеныша.

Я принялся копаться в архивах, и мои исследования принесли весьма и весьма интересные результаты.

Весьма...

Я взглянул в сторону экрана телеобъемки и не удержался, слегка оскалил клыки.

Интересно, что скажет наша великая победительница, когда, выиграв второй бой, она все равно не убьет своего противника? Все следующие бои будут проходить либо вничью, либо с проигрышем самца, но ни в коем случае не с его смертью. Все до единого. Не сразу, но на эту закономерность обратят внимание. И не будет ли это означать конец идеи боев между самцами и самками? А как только их закроют... Не будет ли это заодно и концом карьеры победительницы Свирепого Зака?

Звук снова убавили. Поэтому, что еще сказала Дизи, я не слышал. Да и стоило ли? Все и так было ясно. Что она запоет, когда окажется за бортом? А ведь это произойдет неизбежно.

Природа очень предусмотрительна. И чаще всего выживают те, кого она одарила некоторыми дополнительными средствами защиты. Как, например, нас, самцов-мнемозавров. В архивах я нашел документы: в глубокой древности, на другом конце Галактики бои между самками и самцами проводить уже пытались. Ничего у устроителей этих древних боев не вышло. Совсем ничего.

Самцы не могли убить самок, не могли нанести им последний удар, но стоило им проиграть бой и потерять сознание, падая, они обязательно принимали позу спящего детеныша. Защита, мудро устроенная природой, гарантирующая безопасность как самок, так и самцов. В боях между самками и самцами смертей не будет. А бои на арене хоть иногда должны заканчиваться смертью. Зрители это любят.

Я осушил кружку и заказал новую.

А что, могу себе позволить. Я теперь, можно сказать, на пенсии. Почему бы и не выпить лишку? Глядишь, какие-нибудь интересные мысли придут в голову.

Какие? Ну, вот такая, к примеру.

Люди. Они ведь не останавливаются. Они и не такие барьеры брали. Как ловко они нас стравили и уговорили на этот бой. Можно поспорить, они найдут выход и из этого, вроде бы безвыходного положения, придумают, как обмануть природу и в этом случае.

Так, может, я зря считаю себя пенсионером? Может быть, ничего не кончилось?

У меня есть время и некоторое количество денег. И еще я кое-что смыслю в политике. Это — ценно, поскольку никто из мнемозавров в ней ничего не понимает. Кстати, кто мешает мне обучить кое-чему всех желающих собратьев? А они найдутся. Их будет много, поскольку ручеек тех, кто вышел в тираж, кто уже не способен драться на арене, кто на ней не умер, он, этот ручеек, не иссякает.

Я не могу поселить на своем астероиде всех. Он не безразмерный. А вот если я вместо покупки астероида займусь политикой, дело найдется для каждого. И будут дополнительные средства. Есть люди, которые осуждают рабство и которым не нравятся эти бои. Они нам помогут, они обязаны это сделать.

Причем все это в истории людей уже было. Рабство и борьба с ним. И всегда находились те, кто помогал рабам, кто был на их стороне. Мы не будем отстаивать свои права насильственным способом. Это не тот путь. А вот создать партию, ставящую своей целью освобождение мнемозавров, чем не занятие? В ней найдется место и занятие всем. Потом, когда мнемозавры получают свободу, мы найдем

неосвоенную планету, их в Галактике немало, и снова возродим на ней свою цивилизацию.

Вот эта мысль меня буквально оглушила.

Планета?

А ведь это вполне возможно. У мнемозавров вновь может появиться своя планета. Будет трудно, поскольку мы не умеем ничего, мы способны только драться на арене. Но мы научимся, обязательно научимся. И кстати, мои знания пригодятся и там. Они будут нужны как хлеб, поскольку у суверенной планеты должна быть конституция, органы управления и прочее, прочее. Все это нужно для того, чтобы не скатиться в дикость, снова не стать предметом купли-продажи, опять не превратиться в рабов.

Перед моими глазами все плыло. Ощущение было такое, словно я неожиданно оказался на вершине высокой горы и стою на ней, пораженный открывающимся видом, с трудом глотая разреженный воздух, все еще не веря, что это я и что все это произошло со мной.

Передо мной поставили очередную кружку пива, но я отодвинул ее в сторону.

Нет, сейчас мне нужна ясная голова. Я должен все взвесить и хорошо обдумать. До мельчайших деталей. Прежде чем начать действовать.

А время действовать настанет. Очень скоро. И главное — я хорошо представляю, куда нам надо идти и чего мы хотим достичь. Будет очень трудно, но любого, прошедшего школу арены, трудностями не испугаешь.

Главное есть цель, и она, в принципе, достижима. Есть средства, есть время и есть желание.

Пенсия? Отдых?

Ну нет, кажется, я сейчас нашел занятие, которого мне хватит до конца жизни. Для того, чтобы к нему приступить, надо лишь встать, выйти из бара и начать действовать. Вот сейчас, не теряя времени.

Я взглянул на мордочку Дизи, все еще маячившую на экране.

Рано или поздно мы встретимся еще раз. Как единомышленники. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Но когда еще это будет... А пока...

Я расплатился, встал и не спеша двинулся к выходу из бара.

Пенсия? Сытое, бездумное доживание оставшихся дней на персональном астероиде?

Фигушки, не дождетесь. Мой последний бой продолжается. И закончится он еще не скоро.

ЗЛОДЕЙ ПРИШЕЛ

И

Из всей кинопоттерианы фильм «Кубок огня», конечно же, наиболее зрелищный, динамичный, но и «взрослый». Собственно, уже в третьей ленте детская сказка примерила одежду хоррора, теперь же атрибуты щекочущего нервы кино окончательно правят бал. Неслучайно Британский совет по классификации фильмов вынес вердикт: детям до 13 лет разрешается смотреть ленту только в присутствии взрослых. Жутковатых сцен в картине и в самом деле хватает, хотя они не настолько страшные, чтобы серьезно напугать нынешнюю малышку. Но милая сказка о юных волшебниках закончилась. Какие уж тут сказки, когда Главное Зло, которое прежде присутствовало лишь в намеках, наконец-то обрело реальный облик. То, чего с таким нетерпением несколько лет ждали все киноманы, наконец произош-

Четвертый фильм сказочной киносериалы о мальчике-волшебнике. «Гарри Поттер и Кубок огня» уже признан самым дорогостоящим проектом в истории мирового кинематографа: бюджет картины составил 168 млн фунтов стерлингов. Но это не единственный рекорд картины. Только за первый уик-энд проката в Америке Поттер собрал более 100 млн долларов и попал в пятерку фильмов с максимальными кассовыми сборами за всю историю американского проката.

ло: Волан-де-Морт возродился в физическом облике.

Пересказывать сюжет картины нет необходимости — он практически полностью повторяет содержание одноименного романа. Главный враг магического и человеческого мира воскрес, его приспешники вышли из подполья, а Хогвартс тем временем готовится принять студентов из двух других знаменитых школ волшебства, Шармбатона и Дурмстранга, для совместного участия в главном событии всего тайного мира — Турнире Трех Волшебников...

Что ж, затраченные фунты стерлингов оправдали себя. Похоже, авторы фильма решили продемонстрировать все самые последние достижения по части спецэффектов. И, надо признать, им это удалось. Чего стоят хотя бы сцена сражения Гарри с драконом во

время турнира или появление из глубин горной реки корабля Дурмстранга...

Штатные перестановки явно пошли на пользу поттериане. Американцы Коламбус и Куарон слишком уж скрупулезно переносили на экран текст романов, из-за чего первые три фильма страдали обилием затянутых сцен.

Теперь же место за режиссерским пультом занял британец — крепкий профессионал Майк Ньюэлл, в чьем послужном списке такие известные фильмы, как мелодрама «Четыре свадьбы и одни похороны», гангстерский боевик «Дон Жуан де Браско», комедия «Колдовской апрель». «Гарри Поттер и Кубок огня» стал для Ньюэлла удачным дебютом в жанре фантастики. Четвертая картина не только зрелищнее предшественников, она сильнее и в драматургическом плане. Ньюэлл попросту выбросил все лишнее и максимально спрессовал действие. Фильм смотрится на одном дыхании, напряженно. И юмору здесь нашлось место. Даже не столько юмору, сколько редким, но всегда адекватным моменту комическим вкраплениям, легким и невымученным.

«Британизация» проекта коснулась и актерского состава. Едва ли не самым большим сюрпризом оказалась роль Волан-де-Морта, воплотить которую взялся культовый английский актер Рэйф Файнс (его имя наши журналисты почему-то частенько коверкают, называя «Ральфом»). Для Файнса это пер-

вый опыт в откровенно коммерческом кино; будучи серьезным драматическим актером, он снискал славу совсем иными ролями — в фильмах «Список Шиндлера», «Английский пациент», «Грозовой перевал», «Красный дракон», «Дитя Маконы». Кстати, в процессе съемок поттерианы красавчику Файнсу пришлось пожертвовать не только шевелюрой, но и выбрить даже руки и грудь.

Надо сказать, что создатели четвертого Поттера постарались втянуть во вселенную Роулинг самые различные символы современной культуры. Например, роль отвязной рок-команды в сцене рождественского бала исполнили музыканты легендарной английской группы «Radiohead» и вокалист не менее популярной «Pulp» Джарвис Кокер. Основную же музыкальную тему обеспечил опять же англичанин — Патрик Дойл («Госфор-парк», «Путь Карлито»), сменивший вездесущего американца Джона Уильямса. Таким образом, нынешний фильм о Гарри Поттере смело можно назвать самым английским из четырех.

Пожалуй, одно вызывает раздражение: уж больно неспешно экранизируют романы Роулинг, а юные актеры между тем стремительно растут — на момент окончания съемок четвертого фильма Руперту Гринту, исполнителю роли Рона Уизли, исполнилось уже 17 лет. И это не особенно удалось скрыть гримерам. Впрочем, при нынешней-то акселерации...

Юрий КОРОТКОВ

СМЫСЛ СЛАБЫЙ, НЕТЕЛЕВИДНЫЙ...

Одним из самых крупных кинопроектов года стала экранизация компанией Уолта Диснея сказки Клайва Льюиса «Лев, Колдунья и волшебный шкаф» (более известной нашему читателю по переводу Н.Трауберг: «Лев, Колдунья и платяной шкаф»).

Жили-были два друга-профессора. Звали их Джон Рональд Руэл Толкин и Клайв Стейплс Льюис. Сдружил их интерес ко всевозможным мифологиям и эпосам — они даже основали литературный кружок «Инклинги».

Рассорило друзей, как это ни парадоксально, христианство. Католик Толкин посчитал, что в «Хрониках Нарнии» теолога-протестанта Льюиса синкретика мифологических источников слишком навязчиво разрывается библейскими отсылками, и всячески обругал первую часть семикнижия — «Лев, Колдунья и платяной шкаф» (первой она является по времени написания — 1950 год, однако позже был создан приквел «Племянник чародея»). Живы друзья-противники в наше время, поводов к ссоре у них бы не было. Их главные произведения ожидала примерно одинаковая судьба.

Как и Толкин, Льюис был ярким противником экранизации своих сказок. Однако после смерти писателя они появились: в 1967 году

вышел десятисерийный телесериал по «Льву, Колдунье...», а в конце восьмидесятых британская BBC выпустила три телевизионных фильма, охватывающих четыре сказки эпопеи Льюиса.

Современная мода на английскую классическую сказку не могла пройти мимо столь популярной саги. Христианские послы первоисточника нынешних продюсеров не очень интересовали — их манил хорошо раскрученный брэнд, ведь одна только первая книга была издана общим тиражом в 65 миллионов экземпляров на более чем 30 языках мира.

В результате получилось... то, что получилось. Масштабный и дорогой проект с привлечением известного режиссера и ведущих мастеров спецэффектов так и остался масштабным коммерческим проектом — не более. Очередная красивая сказочка, слезливая и назидательная, с почти полным отсутствием «послания» в частности и смысла вообще.

Все христианские мотивы настолько выхолащены, что, узрев сие, порадовался бы не только ярый атеист, но, пожалуй, и Усама бен Ладен. Тема предательства Эдмунда хоть и выведена на первый план, но абсолютно неубедительна, и вряд ли в этом виноват юный актер, честно пытающийся отобразить мятущуюся душу околдованного мальчишки. Самопожертвование Аслана — ключевое в книге — подано так, что эта жертва выглядит стратегическим ходом хитроумного льва в грядущей битве. «Представьте себе, что существует земля, подобная Нарнии, и что сын Бога, ставший человеком в нашем мире, стал львом там, и затем вообразите, что случилось бы», — так объяснял идею книги Льюис. По этому фильму — не представим. Не получится.

Зато сама битва, которой в книге посвящена пара страниц, становится центральным эпизодом ленты. Безусловно, снята она шикарно, хотя и разбивается на огромное число эпизодов, по которым совершенно не ясны ни тактика, ни стратегия противостоящих сил. Но сами представители этих сил проработаны весьма тщательно, и битва выглядит как видеоэнциклопедия мифологических существ — хоть кадрово рассматривай. Отсутствующее в книге бегство от волков через реку на экране также соответствует высшим голливудским стандартам погонь. Однако завязка фильма почти точь-в-точь копирует начало вышедшей годом раньше британской ленты «Пятеро детей и

Это». Правда, в наш век всеобщего плагиата и «римейков по-киркорovski» это не должно удивлять...

Удивляет другое. Льюис, несмотря на обилие пафоса, порою весьма ироничен. Постановщик Эндрю Адамсон, знаменитый благодаря блестящей и очень смешной мультдилогии о Шреке, был вполне в состоянии раскрасить экранизацию мягким юмором. Однако сюжет фильма линейен, немного слезлив и абсолютно лишен даже самых легких и невинных шуток. В результате у зрителей — типичный «эффект замещения»: они начинают хихикать в самых пафосных моментах.

К тому же зрители, не читавшие книги, просто не поймут некоторые эпизоды. Ладно, забудем про историю фонарного столба и Белой Королевы, но откуда взялся сам платяной шкаф, зачем в картине появляется нелепый дядюшка Кирк, почему герои охотятся (это в стране-то говорящих зверей!) на Белого Оленя? Может, создатели надеются, что детишки, увидев столько непонятностей, захотят прочесть книгу?

В последнее время за океаном модно в целях политкорректности не упоминать Рождество (не дай Аслан задеть какие-нибудь нехристианские конфессии), а называть его просто Праздником. В Нарнии под властью Колдуньи много-много лет не было Рождества, и это инкриминируется как одно из главных зол Белой Королевы. Льюис стал почти провидцем.

Тимофей ОЗЕРОВ, агностик

ШЕСТЬ ДЕМОНОВ ЭМИЛИ РОУЗ

(THE EXORCISM OF EMILY ROSE)

Производство компаний Lakeshore Entert., Firm Films
и Screen Gems Inc., 2005.

Режиссер Скотт Дерриксон.

В ролях: Том Вилкинсон, Лора Линни и др. 2 ч. 01 мин.

Не так уж часто встречаются киноленты, которым трудно дать оценку. Этот фильм не захватывает ни спецэффектами, ни сюжетными хитро-сплетениями, ни саспенсом — любители леденящих душу триллеров будут сильно разочарованы. Но тем не менее картина достойна того, чтобы досмотреть ее до конца.

Смешение жанров (а это в чем-то и религиозная притча, и мистическая лента, и криминальная драма) не пошло на пользу фильму. Все излишне отвлеченно и сверх меры плавно. В основу сценария легли реальные события, произошедшие в Германии в 70-х годах прошлого века с девушкой по имени Анна Лиза Мишель. В новой интерпретации это история о священнике, которого обвинили в умышленном убийстве, после того как он, с разрешения Церкви, провел обряд экзорцизма над девятнадцатилетней Эмили Роуз, и девушка погибла. На стороне священника лишь его адвокат — скептик и агностик Эрин, не верующая в Бога, но верящая в правоту священника.

Вряд ли можно отнести картину Скотта Дерриксона к жанру «хоррор». Это, скорее, религиозная трагедия. И изгнание дьявола — лишь предлог рассказать историю, в которой спорно все: не только само метафизическое мировоззрение, но и правосудие. И все вызывает вопросы — кроме, естественно, веры, которая по определению не требует доказательств. А то, что можно доказать, верования не достойно.

Настольная книга инквизиторов-экзорцистов «Молот Ведьм», к счастью, потеряла свою актуальность. И времена уже не те — Салемские процессы остались в далеком прошлом. Появилась сила, способная одолеть устоявшееся веками отношение к потустороннему, имя которой — мирское правосудие... Однако правосудие узколобо. Оно не способно верно истолковать неподдающиеся логическому обоснованию события. Оно чрезмерно привержено фактам.

Нынешнее прагматическое отношение к сверхъестественному не дает ответов на вопросы нравственности и ответственности и перед Богом, и перед людьми. И в этом, вероятно, главная идея ленты.

Вячеслав ЯШИН

КИНГ КОНГ

(KING KONG)

Производство компаний Big Primate Pictures (Новая Зеландия) и Universal Pictures (США), 2005.

Режиссер Питер Джексон.

В ролях: Наоми Уоттс, Джек Блэк, Эдриан Броуди и др. 3 ч. 07 мин.

Новое творение новозеландского режиссера Питера Джексона, превратившегося ныне чуть ли не в главного поставщика типично голливудского масштабного кино, поражает отнюдь не размахом съемок и гигантским бюджетом в размере \$207 млн. И не своей продолжительностью — ведь во всех отношениях Большой фильм должен идти три часа, хотя старый славный «Кинг Конг» 1933 года был почти вдвое короче. И наконец, вовсе не тем, что режиссер умудрился в одном произведении поведать, как минимум, четыре совершенно разных истории. Начал с ретро-романа с элементами мюзикла (немножко в духе «Чикаго») о временах Великой депрессии; переключился на приключенческую картину, действие которой происходит где-то в Южных морях (косвенный намек на океанский «Титаник»); затем увлекся перипетиями фантастического фильма ужасов с участием чудом уцелевших доисторических монстров (тут, скорее, приходит на ум «Парк юрского периода»). А в итоге все свел к невероятно душещипательной мелодраме, смысл которой выражен в знаменитой финальной фразе.

Прежде всего в «Кинг Конге» Питера Джексона повергает в недоумение тот факт, что этот самый человек мечтал о римейке с девятилетнего возраста, когда впервые посмотрел по телевизору классический вариант («Кинг Конг» 1976 года тогда еще не существовал). Он собирался снимать данный фильм еще до экранизации «Властелина Колец», принесшей ему всемирную славу и огромное состояние, и продолжал клясться уже во время работы в непреходящей любви к первоисточнику...

Джексон сделал, пожалуй, самую слабую картину в своей кинособиографии. Он предал собственную мечту о наивной и трогательной сказке ужасов про «красавицу и чудовище», сотворив безразмерное, распадающееся на части, бестолковое и неправдоподобное по спецэффектам, грандиозное, монструозное зрелище со слащаво-сиропным пафосом. После ожидаемого коммерческого успеха режиссер вполне сможет заявить: «Я — Кинг Конг мира», перефразируя знаменитую фразу из «Титаника», чей кассовый рекорд все равно не будет превзойден.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

ЭОН ФЛАКС

(AEON FLUX)

Производство компаний MTV Films, Lakeshore Entertainment, Valhalla Motion Pictures и Colossal Pictures (США), 2005.

Режиссер Карин Кусама.

В ролях: Шарлиз Терон, Мартин Шокас, Джонни Ли Миллер и др.
1 ч. 33 мин.

В далеком будущем после уничтожившей почти все живое глобальной катастрофы на планете осталось всего пять миллионов человек. Все они живут в единственном «оазисе» — городе Бренна, окруженном бескрайними и непроходимыми девственными джунглями. Правит городом-государством Совет, возглавляемый семейством Гудчайлд, которое когда-то спасло население планеты от вымирания. Теперь в окруженном мощными стенами Бренне царит спокойствие и умиротворение. Но в обществе, где все превосходно, обязательно найдутся недовольные. И они есть — повстанцы из организации «Моника». Их агент — сексуальная и безжалостная убийца Эон Флакс — получает задание ликвидировать президента Бренны. Но, встретившись с ним, Флакс узнает невероятное. И теперь ей предстоит принять решение, на чьей же она стороне...

«Эон Флакс» — хай-тековский симбиоз «Матрицы» и недавнего «Острова». Только вместо художавого Нео столь же стильная и утонченная Эон Флакс, также затянутая в черное и демонстрирующая потрясающие кульбиты, невероятную растяжку и чудеса рукопашного боя. Исполнявшая «вживую» большинство трюков прелестнейшая Шарлиз Терон на съемках едва не сломала позвоночник. К счастью, все обошлось, и ее акробатические номера достойны высшей похвалы.

Режиссер Карин Кусама, снявшая феминистский боевик «Женский бой», осталась верна себе: новая лента — еще один гимн женскому превосходству. Несколько аляповатый сценарий и временами бестолковая работа оператора (в аниме, созданном каналом MTV, такие огрехи не были столь заметны, как в полнометражном кинофильме) порядком подпортили впечатление от неплохого сюжета и визуального пиршества. Ну а к идее фильма каждый отнесется по-своему: мир хорош именно потому, что мы видим его единственный раз, от рождения до смерти.

Алексей АРХИПОВ

БИБЛИОТЕКАРЬ: В ПОИСКАХ КОПЬЯ

(THE LIBRARIAN: QUEST FOR THE SREAR)

Производство компаний ApolloProScreen GmbH & Co. Filmproduktion KG, Electric Entertainment и Turner Network Television, 2005.

Режиссер Питер Уинтер.

В ролях: Ной Уайл, Лиза Бреннер, Кайл Маклахлан, Келли Ху и др.

1 ч. 30 мин.

Тридцатилетний «вечный» студент Флинт Карсен (Ной Уайл), имеющий 22 (!) диплома, в конце концов был отчислен с последнего факультета. Знания — знаниями, но как выжить в реальности — для него тайна за семью печатями. Неустроенная личная жизнь и привычное раздолбайство прекращаются в тот момент, когда он получает феерическое приглашение на работу. В городской общественной библиотеке ему доверено быть Хранителем артефактов. Да каких — здесь и Святой Грааль, и Ящик Пандоры, и Меч Экскалибур, и один из трех фрагментов легендарного копья Лонгиния!

Один из артефактов похищают в первую же ночь. Карсен обязан найти его и вернуть в библиотеку. И начинаются приключения в духе Индианы Джонса, путешествия на Амазонку, в Шангри-Ла и, конечно же, борьба с похитившим артефакт древнейшим и злобным Братством Змеи, во главе которого стоит погибший прежний Библиотекарь...

Конечно, создатели фильма следуют проторенным путем Харрисона Форда и Майкла Дугласа. Но есть одно существенное отличие. Мускулистые герои в широкополых шляпах и с суровыми обветренными лицами были почти что суперменами. Герой Уайла, напротив, скромняга-неврастеник, книжный червь и маменькин сынок. Какие подвиги — он и к обычной-то жизни мало приспособлен... Но тем не менее, пользуясь своими бесценными мозгами, парень обходит все препоны. В чем несомненную помощь ему оказывает мускулистая телохранительница Николь — олицетворяющая те самые мышцы, которых лишен главный персонаж. Этот тандем героев — образец для подросткового подражания.

Скромный бюджет, легкий, но интригующий и забавный сюжет, красивый видеоряд и удачный подбор актеров — что еще надо для успеха приключенческой ленты? Не шедевр, разумеется, но его и не ждали.

Вторая часть появится уже в этом году.

Вячеслав ЯШИН

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

О каждом из этих фильмов журнал писал не раз. Но информационным поводом для автогра предлагаемого эссе, писателя Василия Мидянина, послужил сам факт выхода их «в одном флаконе».

Кинематограф — искусство индустриальной эпохи, в техническом плане развивавшееся столь стремительно, что порой полностью менялось на памяти всего одного поколения. Звук, цвет, объемное изображение, компьютерная графика, система объемного звука Dolby Surround, цифровое качество, экран размером с многоэтажный дом — за сто с небольшим лет после первого прибытия поезда на бульвар Капуцинов кино, в особенности фантастическое, проделало гигантский путь. Современная прокатная лента обязана ошеломить зрителя множеством резких раздражителей: красочными взрывами, оглушительными звуками, причудливыми спецэффектами, рваным клиповым монтажом, агрессивной игрой актеров, и лишь в этом случае ей обеспечено высокое место в рейтингах. С каждым годом в Гол-

ливуде появляются все более и более эффектные и дорогие работы, которые язык не поворачивается назвать фильмами — это масштабные шоу, гигантские гала-представления, грандиозные гладиаторские бои, требующие все больших и больших затрат, чтобы и дальше поражать воображение пресыщенных зрителей. На фоне суперсовременных кинематографических колоссов меркнут вчерашние кассовые чемпионы. И если революционные для своего времени «Терминатор-2» и «Чужие» еще не утратили некоторой свежести, то, к примеру, первые «Терминатор» и «Чужой» уже выглядят безнадежно отставшими: архаичные спецэффекты, бледная цветопередача, нелепые реалии изображенного будущего. Теперь-то мы понимаем, что вряд ли будущее за крайне неэффективными в эксплуатации киборгами и

космическими танкерами, и невидимая империя машин в «Матрице» кажется зрителю более «прямой и явной угрозой», нежели гигантские разумные танки, попирающие гусеницами груды человеческих черепов. Пройдет еще двадцать лет, и эти шедевры окончательно устареют, постепенно перекочевав в музеи кино и в ночные сеансы телеканала «Культура» — или что там у нового поколения будет вместо телевидения и канала «Культура»...

Фильмы, оставшиеся на обочине магистрального пути кинематографа, ожидает печальная судьба. Восемьдесят процентов немых лент были навсегда потеряны с наступлением эры звукового кино: негативы, которые, казалось, никого больше не заинтересуют, просто сывали или сжигали. Катастрофа повторилась с приходом в кинематограф цвета — правда, уже в гораздо более скромных масштабах, ибо ценность старых фильмов уже стала очевидной. Впрочем, уцелевшие ленты, за исключением некоторых этапных работ вроде «Носферату» и «Нибелунгов», ожидало практически полное забвение. И это очень печально, поскольку многие картины более чем полувековой давности, кажущиеся современному зрителю архайчными, способны составить серьезную конкуренцию большинству современных лент и в плане режиссуры, и в отношении актерской игры, и по части операторского мастерства.

Увы, развитие кинематографа вширь абсолютно не предполагает его развития вглубь. Продюсеры, вкладывающие в фильм десятки миллионов долларов, не хотят рисковать и предоставлять режиссеру и актерам право на эксперимент. Появление блокбастера, который хотя бы не глуп до смешного и не скроен откровенно по типовым лекалам — каждый раз событие. Между тем многие старые фантастические «интеллектуальные блокбастеры» наподобие «Доктора Стрейнжлава» или «Метрополиса» смотрятся на удивление свежо и по-прежнему оказывают заметное эмоциональное воздействие на зрителя, не говоря уже о предоставляющейся уникальной возможности ощутить дух того времени, когда создавался фильм.

Развитие систем home video значительно облегчило широкому зрителю доступ к тем старым кинематографическим шедеврам, которые ранее можно было увидеть разве что в музеях кино или глубоко за полночь по дециметровым каналам. Московская фирма FILM PRESTIGE, известная своими тематическими подборками классических кинолент на DVD-дисках — «Одри Хэпберн», «Федерико Феллини», «Еврохоррор», «Великие мюзиклы», «Великие комедии», — выпустила в свет восемь фильмов, объединенных в два бокса: «Американская фантастика. SCI-FI col-

lection» и «Шедевры фантастики». Несмотря на столь широко заявленную концепцию серий (возможно, в расчете на грядущее продолжение), достаточно даже беглого взгляда на уже имеющуюся подборку, чтобы вычленить гораздо более конкретный концепт, объединяющий обе коллекции: практически все фильмы сняты в пятидесятые годы прошлого века. Это было любопытнейшее время на переломе эпох, когда в недрах патриархального западного общества уже вовсю шли глубинные вулканические процессы, вскоре переросшие в молодежные революции, которые во многом изменили мораль, эстетику и принципы западного образа жизни. Подобные процессы не могли не находить отражения в искусстве, в частности, в кинематографе — создатели кинолент уже пытались привносить в свои работы элементы нового мироощущения, однако все еще находились в плену сложившихся в тридцатые — сороковые годы традиционных канонов и стереотипов, согласно которым главный герой непременно должен быть мужественным белокурым атлетом, все актрисы — ослепительно красивыми, а завершаться фильм должен неизбежным хэппи-эндом. Несмотря на то, что кино США, как и прочие отрасли промышленности, после второй мировой войны бурно развивалось экономически, в идейном плане наметился серьезный кризис. Прежние стереотипы уже не

успевали за стремительно меняющейся общественной ситуацией.

Восемь знаменитых фильмов, предлагаемых современному зрителю в данных коллекциях, стали культовыми — либо сразу после выхода, либо десятилетия спустя. По ним вполне можно судить о том, что представляло собой американское фантастическое кино в послевоенные годы.

Фильм «Кинг Конг: восьмое чудо света» (1933) — единственная лента «золотого века» Голливуда, которую составители сочли достойной быть включенной в «Шедевры фантастики». Выбор, безусловно, справедливый: для развития мирового фантастического кино первый «Кинг Конг» значит столько же, сколько «2001 год: космическая одиссея» или «Звездные войны». История гигантской обезьяны, бесчинствующей в Нью-Йорке, хорошо известна российскому зрителю: в годы перестройки в СССР весьма шумно прошел римейк легендарного фильма, снятый в 1976 году Джоном Гиллермином. Тем не менее оригинал выглядит значительно динамичнее, интереснее и внушительнее римейка — даже несмотря на свой более чем почтенный возраст. Довольно изобретательные спецэффекты впечатляют и по сей день; можно себе представить, какое потрясающее воздействие они оказывали на неискушенных зрителей тридцатых годов, когда на сеансах «Драку-

лы», неспособного сейчас напугать даже ребенка, случались массовые обмороки, а продюсеры наивного и даже забавного по нынешним временам «Знака вампира» в рекламных целях предлагали крупную сумму любому смельчаку, который решится посмотреть этот фильм в пустом зале, и желающих рискнуть не нашлось... Кроме голливудских подражаний и пародий «Кинг Конг» также породил японский ответ океанскому гигантскому монстру — знаменитого Годзиллу, ставшего в последней четверти XX века чуть ли не национальным символом Японии. Предприимчивые жители страны Ямато, кстати, не побрезговали в дальнейшем столкнуть своего огнедышащего земляка с его американским прототипом в фильме «Годзилла против Кинг Конга», имевшем также продолжение под названием «Бегство Конга». Черно-белый «Кинг Конг» настолько потряс в раннем детстве Питера Джексона, будущего создателя знаменитой трилогии «Властелин Колец», что тот навсегда заболел кинематографом и отдал дань уважения великому шедевру, сняв римейк, максимально приближенный к фабуле оригинала.

Немного странно, но «Кинг Конг» в коллекции «Американская фантастика» представлен почему-то на немецком языке, так что диалоги с экрана порой звучат диковато.

Фильм «Нечто» Д.Карпентера и вдохновивший его «Нечто из друго-

го мира» (1951) К.Ниби имеют между собой мало общего, впрочем, как и с первоисточником обеих картин — рассказом Д.Кэмпбелла «Кто там?». Общее во всех трех произведениях — лишь полярная станция, где происходит действие, вмерзший в лед кровожадный пришелец и тягучая атмосфера ужаса, напряженного ожидания развязки. Увы, уровень развития кинематографической техники пятидесятых не позволил Ниби воплотить на экране фантастические метаморфозы инопланетного монстра, которые столь впечатляюще описаны у Кэмпбелла и которыми доводил до истерики впечатлительных зрителей Карпентер, поэтому Нечто в фильме Ниби предстает не бесформенным звероподобным метаморфом, а напоминающим чудовище Франкенштейна гомункулом-растением, которому для роста и регенерации требуется человеческая кровь. Тем не менее фильм получился весьма зловещим и впечатляющим, несмотря на традиционный голливудский хэппи-энд, опять же не похожий ни на абсолютно безнадежный финал фильма Карпентера, ни на угрюмо-тревожную концовку рассказа Кэмпбелла.

Фильм «Война миров» был снят в 1953 году, когда еще совсем свежа была память об ужасах второй мировой войны. Видимо, именно поэтому такое сильное впечатление произвела на публику уэл-

лсовская история о том, как Землю покоряют захватчики с Марса. Кроме того, лет за десять до этого грандиозную панику в Нью-Йорке спровоцировала радиопостановка «Войны миров» знаменитого кинорежиссера Орсона Уэллса — стилизованная под сводку новостей, она оказалась воспринята обывателями как прямой репортаж с места событий. Скандальный успех этой постановки подвиг студию Paramount Pictures на съемки кассового колосса. Как водится в американском кино, от первоисточника в сценарии практически ничего не осталось: действие было перенесено в современность, сложнопостановочные сцены с гигантскими боевыми машинами марсиан были исключены в связи с трудностью реализации, треножки заменили парящими над землей механическими «лебедями», напоминающими китайские игрушки или карусельные лодочки, а американские войска по ходу действия применяли против марсиан не только артиллерию, но и атомную бомбу — впрочем, столь же безуспешно, как их предшественники из романа Герберта Уэллса применяли маломощные взрывчатые вещества XIX века. Несмотря на примитивный сценарий и крайне слабую игру актеров, эта лента не только стала кассовым хитом и получила заслуженный «Оскар» за спецэффекты, но и послужила мощным толчком для дальнейшего развития фантастического кино.

Кинолента «Они!» (1953), номинированная на «Оскар» за спецэффекты, также не блещет особой оригинальностью. Интересна эта черно-белая история о нашествии на Лос-Анджелес гигантских плотоядных муравьев прежде всего тем, что ее сюжетная схема стала в дальнейшем хрестоматийной для множества более поздних «биологических фильмов-катастроф», в том числе для «Чужих». Эпизод, когда герои проникают в муравейник и замирают, обнаружив гнездо монстров, был практически дословно повторен в грандиозной *сage* Д.Камерона. Картина поставлена с размахом, и движущиеся макеты огромных насекомых выполнены для своего времени на весьма высоком уровне.

Фильм «Запретная планета» (1956) должен оказаться особенно близок отечественным любителям фантастики: его спецэффекты, звуковое оформление, фабула, антураж и декорации были многократно повторены в советских фантастических фильмах 60 — 80-х годов и при просмотре оригинала опознаются без труда, вызывая ностальгическое чувство. Мало того, в этом очень красивом фильме, над визуальным рядом которого работали оscarноносные операторы, художники, декораторы и костюмеры, во множестве угадываются детали дизайна, фабулы, а также образы героев двух будущих грандиозных киноэпопей, ре-

шительно изменивших положение вещей в кинофантастике и во всей отрасли в целом — «Звездного пути» и «Звездных войн». Джордж Лукас в годы юности определенно был поклонником этого космического боевика: он даже стилизовал под титры «Запретной планеты» фирменный логотип своего знаменитого киносериала и уползающее от зрителя в бесконечность «краткое содержание предыдущих серий». Завязка фильма также хорошо знакома зрителям по многочисленным фантастическим лентам: спасательный корабль садится на необитаемую планету, на которой пропала исследовательская экспедиция. Экипажу корабля предстоит столкнуться с коварным и беспощадным инопланетным монстром...

«Запретная планета» стала одной из самых характерных американских фантастических лент двадцатого столетия. Тем не менее фильм выгодно отличается от многих аналогичных работ на редкость связным, по-настоящему захватывающим и психологичным сюжетом, а также продуманным и оригинальным дизайном будущего. Хотя для современного уха и диковато звучат фразы вроде: «В последнем десятилетии XXI века люди наконец высадились на Луне» или «Двадцать лет назад на эту планету совершил вынужденную посадку исследовательский корабль. Наша задача — поиск уцелевших...». Фильм стал жи-

вительным источником не только для многочисленных подражаний и заимствований, но и для бесчисленных пародий — от «Голого космоса» (главную роль в котором исполнил все тот же Лесли Нильсен, сыгравший капитана космического корабля и в «Запретной планете») до «Амазонок на Луне», ставших настоящей коллекцией штампов из второсортного фантастического кино пятидесятих.

Вторжение похитителей тел» (1956) Дона Сигела — легендарный фильм легендарного режиссера, удостоившийся, как и «Кинг Конг», уже двух римейков. Фильм снят в стиле нуар, в духе черных саспенсов Фрица Ланга и Альфреда Хичкока — за исключением того, что у Хичкока и Ланга происходящие таинственные и зловещие события всегда объяснялись естественными причинами: преступными интригами, шпионскими операциями, коварными планами гениальных злоумышленников. У Сигела почти кафкианская история маленького городка, в котором дружелюбных жителей внезапно заменяют их бесстрастные и беспощадные двойники, неумолимо преследующие главных героев, объясняется падением на Землю из космоса неких инопланетных растений, способных принимать форму любого живого существа. Черно-белое «Вторжение похитителей тел», тревожное и за-

гадочное, снятое в комиксовой стилистике, неплохо смотрелось бы вставной новеллой в «Городе грехов» Роберта Родригеса, который во время создания своего фильма определенно использовал наиболее удачные элементы визуального решения из строгого, лаконичного и стильного шедевра Сигела.

«План 9 из открытого космоса» (1959) Эдварда Вуда — кино совершенно удивительное, признанное в прошлом веке худшим фильмом всех времен и народов, поразительный кинематографический кадавр, в котором уникально плохо абсолютно всё: сценарий, режиссура, игра актеров, декорации. Летящие тарелки в кадре показываются на ниточках, инопланетные агрессоры наряжены в подпоясанные атласные рубахи, позаимствованные у официантов из русского ресторана с Брайтон-бич, в качестве аппаратуры инопланетного корабля выступает одинокий осциллограф на конторском столе. Картонный задник, который в каком-то другом фильме изображал уходящие в перспективу могильные памятники, с дивной непосредственностью выдвинут на передний план, отчего некоторые кресты едва доходят актерам до колена. Все до единого герои несут с экрана пафосный бред, держатся с пугающей неестественностью и время от времени цепляют ногами покачивающиеся надгробные плиты... «План 9 из открытого космоса» настолько без-

образен, что выглядит беспощадной пародией на самые вопиющие штампы жанра.

Однако фильм вовсе не задумывался столь чудовищным. Эдвард Вуд был настоящим энтузиастом, киноманом и подвижником. Хронический недостаток денег на свои сомнительные в коммерческом и художественном плане проекты он пытался компенсировать неистощимой энергией и искренней верой в то, что делает. Он вставлял в фильм куски из кинохроники и чужих фильмов, некоторых начинающих актеров убеждал сниматься бесплатно — за возможность пополнить их небогатую фильмографию. Когда у других съемочных групп был обеденный перерыв, он просился на полчаса в чужие декорации — и снимал очередной эпизод. Будучи человеком не вполне адекватным, он относился к своему детищу очень серьезно и даже вообразить не мог, что оно положит начало новому направлению — трэш-кинематографу. В дальнейшем знаменитый Роджер Кормен уже сознательно использовал приемы Вуда, стремясь максимально удешевить кинопроизводство и сократить до минимума съемочный процесс. До логического завершения дело довел Ллойд Кауфман, который на собственной студии «Трома» начал снимать фильмы изначально трэшевые, «мусорные», предельно дешевые и демонстративно

плохие, с нарочито глупыми сюжетами, грязной операторской работой и совершенно кошмарной актерской игрой; именно ему удалось создать моду на трэш-кинематограф, элементы которого ныне широко используют такие зубры, как Квентин Тарантино, Оливер Стоун, Роберт Родригес и Дэвид Линч.

Удивительно, но если просматривать подряд оscarоносную «Войну миров» и прошедший почти незамеченным «План 9 из открытого космоса», отчетливо видно, что последний выглядит «самым плохим фильмом всех времен и народов» только с позиций позднейшего времени. На самом же деле он вполне уверенно следовал в фарватере кассовых монстров кинофантастики пятидесятых, и многие приемы, совершенно искренне доведенные Вудом до абсурда в его ленте, не менее причудливо, нелепо и комично с современной точки зрения смотрятся в «Войне миров», откуда большей частью и позаимствованы.

Кинолента «День триффидов» по знаменитому роману Д.Уиндема (1962, совместно с Великобританией) относится к шестидесятым годам прошлого столетия, однако снята она в духе и манере пятидесятых. Вновь Земля атакована плотоядными инопланетными растениями (похоже, тема способной передвигаться враждебной флоры чрезвычайно беспокоила кинематографистов в те годы).

Большая часть планеты захвачена кровавыми жадными триффидами, которые неторопливо, с характерным зловеющим стрекотанием охотятся на беспомощных людей, в одночасье ослепших после созерцания необычного метеоритного дождя. Лишь те немногие, кто не видел странных вспышек на небе и сохранил зрение, способны противостоять растительным монстрам...

Фильм по-английски нетороплив и основателен. Порой возникает ощущение, что действие излишне театрализовано: актеры разыгрывают длинные мизансцены, ведут пространные диалоги, ни на миг не забывая, что к камере нельзя поворачиваться спиной. Тем не менее «День триффидов» производит довольно сильное впечатление. В первую очередь, это заслуга мастеров спецэффектов, создавших довольно точный и адекватный образ триффидов — кошмарной пародии на *Homo sapiens*, бесформенного двухметрового куста, отдаленно напоминающего человеческую фигуру; в переплетении ветвей взгляд невольно пытается уловить знакомые очертания и теряется, так и не справившись с непосильной задачей. Хороша режиссура С.Секли, напоминающая режиссерскую манеру А.Хичкока. Весьма впечатляет эпизод, когда зрячий герой пересекает Лондон, заполненный толпами слепцов, сосредоточенно и молча перемещающихся по ули-

цам и площадям; впоследствии эта идея была многократно обыграна в фильмах про зомби, подобные ленты стали особенно популярны в шестидесятые годы.

В целом DVD-коллекции «Американская фантастика» и «Шедевры фантастики», скорее, заслуживают общего названия «Американское фантастическое кино 50-х». Видимо, составителям так и следовало их назвать, выработав более четкую концепцию единой серии, тем более что вряд ли в дальнейшем будут выпущены боксы с фильмами от шестидесятых годов до наших дней — те и так уже достаточно известны, постоянно переиздаются на DVD и регулярно демонстрируются по телевидению, чтобы привлечь дополнительного зрителя. В этом случае шедевральный, но несколько выпадающий из общего ряда «Кинг Конг» вполне можно было бы заменить, к примеру, «Тварью из Черной лагуны» (1954) Д.Арнольда или «Днем, когда остановилась Земля» (1951) Р.Уайза. Весьма любопытное же фантастическое кино США тридцатых годов вполне заслуживает самостоятельного бокса, в который кроме вышеупомянутого «Кинг Конга» могли бы войти, допустим, «Франкенштейн» (1931) и «Человек-невидимка» (1933) Д.Уэйла либо «Доктор Джекил и мистер Хайд» (1932) Р.Мамуляна.

С другой стороны, совершенно непонятно, что делает в этой ком-

пании фильм Эда Вуда: если все остальные ленты — это этапные работы, вехи в истории мирового или, по меньшей мере, американского фантастического кино, каждая из которых ознаменовала собой новую ступень в развитии жанра, то «План 9 из открытого космоса» — свидетельство глубочайшего падения фантастического кинематографа, энциклопедия всех известных к тому времени штампов, ляпов и небрежностей. Безусловно, фильм интересен для знатоков и гурманов, да, пожалуй, и для некоторых любителей фантастики, обладающих достаточным скептицизмом и чувством юмора, но место ему — в кунсткамере, в музее кино, в специальной трэш-коллекции рядом с аналогичными кинобезумиями «Магазинчик ужасов», «Дурной вкус» и «Токсичный мститель». На развитие собственно фантастики он влияния практически не оказал, отразив лишь детские болезни фантастического кинематографа.

И все же, несомненно, следует поблагодарить составителей этих любопытных коллекций за то, что они попытались донести до современного зрителя хорошо забытое старое фантастическое кино, отголоски которого постоянно возвращаются к нам в работах новых режиссеров, очень многое заимствующих у своих легендарных предшественников.

Василий МИДЯНИН

ЛИДЕРЫ 2005

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор самых кассовых нереалистических фильмов года.

Как и следовало ожидать, абсолютным лидером года оказался заключительный фильм «Месть ситхов» из цикла «Звездные войны», вышедший спустя 28 лет после появления первой из картин, которая, как оказалось, была «Эпизодом IV». Джордж Лукас наконец-то замкнул повествование и вряд ли захочет снимать новые кинофильмы, хотя не отвергает возможности делать это на телевидении. Киносериал «Звездные войны» действительно стал самым успешным во всей истории проката, собрав в целом (правда, без учета инфляции) \$2182,9 млн в США и \$4211,1 млн в мире. Однако другой популярный цикл — о мальчике-волшебнике Гарри Поттере — уже преодолел миллиардный рубеж в Америке и трехмиллиардный во всех странах, а ведь выпущено пока только четыре ленты из семи. Увы, серьезно уступает в «соревновании саг» киносериал о Бэтмене, несмотря на то, что новая картина о Человеке-Летучей Мыши смогла превзойти отметку \$200 млн в США. Но в сумме пять фильмов (в новейшей киноистории саги) не достигли миллиарда и в мире получили чуть более \$1,6 млрд. Интересно, что Эндрю Адамсон, руководитель группы спецэффектов в третьей и четвертой сериях «Бэтмена», затем поработал в качестве сопостановщика двух весьма удачных «Шреков» и теперь может постараться закрепить успех экранизацией одной из сказок британского писателя К.С.Льюиса — «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и волшебный шкаф». Кстати, ныне в прокате действительно доминируют игровые и анимационные фэнтезийные картины, предназначенные для семейного просмотра: «Чарли и Шоколадная фабрика», «Цыпленок Цыпа», «Лемони Сникет: 33 несчастья» (вышла в канун 2005 года). Да и фильмы «Фантастическая четверка» и «Роботы» наверняка смотрели преимущественно юные зрители. А у взрослых было только два суперхита — «Война миров» и «Кинг Конг», скорее, относящиеся к жанру фантастической мелодрамы. Любопытно и то, что плохо воспринятые американцами фантастические триллеры-боевики «Константин» и «Остров» прошли «на ура» за пределами США — только так они и сумели окупить огромные бюджеты.

В нижеследующем перечне знаком * помечены ленты, вышедшие под занавес 2004 года. Фильмы, прокат которых еще продолжается, поме-

чены знаком **. Данные о картинах 2005 года приведены по состоянию на 18 декабря.

1. «Звездные войны: Эпизод III — Месть ситхов» (Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith), космическая опера Джорджа Лукаса, бюджет — \$113 млн, кассовые сборы в США — **\$380,3 млн**, кассовые сборы в мире — **\$848,5 млн**.

2. «Гарри Поттер и Кубок огня» (Harry Potter and the Goblet of Fire), фантазия Майка Ньюэлла, \$150 млн, **\$252,6 млн** (прогноз — **\$300 млн**), **\$708 млн**. **

3. «Война миров» (War of the Worlds), видовая драма Стивена Спилберга, \$132 млн, **\$234,3 млн**, **\$588,9 млн**.

4. «Чарли и Шоколадная фабрика» (Charlie and the Chocolate Factory), фэнтезийная комедия Тима Бартона для семейного просмотра, \$150 млн, **\$206,5 млн**, **\$471,9 млн**.

5. «Бэтмен: Начало» (Batman Begins), приключенческий фильм Криса Нолана, \$150 млн, **\$205,3 млн**, **\$371,85 млн**.

6. «Фантастическая четверка» (Fantastic Four), кинокомикс Тима Сто-ри, \$100 млн, **\$154,7 млн**, **\$329,5 млн**.

7. «Цыпленок Литтл»/«Цыпленок Цыпа» (Chicken Little), анимационный фильм Марка Диндала для семейного просмотра, \$60 млн, **\$128,8 млн** (прогноз — **\$150 млн**), **\$185,1 млн**. **

8. «Роботы» (Robots), анимационно-компьютерный фильм Криса Уэджа, \$75 млн, **\$128,2 млн**, **\$260,7 млн**.

9. «Лемони Сникет: 33 несчастья» (Lemony Snicket's A Series of Unfortunate Events), мистическая комедийная фантазия Брэда Силберлинга, \$140 млн, **\$118,6 млн**, **\$208,2 млн**. *

10. «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и волшебный шкаф» (The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe), фэнтезийная сказка Эндрю Адамсона, \$180 млн, **\$113,2 млн** (прогноз — **\$205 млн**), **\$154,7 млн**. **

11. «Звонок 2» (The Ring Two), мистический фильм ужасов Хидэо Накаты, \$76,2 млн, **\$160,9 млн**.

12. «Константин»/«Константин: Повелитель тьмы» (Constantine), фантастический триллер Фрэнсиса Лоренса, \$100 млн, **\$75,6 млн**, **\$229,7 млн**.

13. «Изгнание дьявола из Эмили Роуз»/«Шесть демонов Эмили Роуз» (The Exorcism of Emily Rose), мистический триллер Скотта Дерриксона, \$19 млн, **\$75,1 млн**, **\$127 млн**.

14. «Кинг Конг» (King Kong), фантастико-приключенческая ретро-ме-

лодрама Питера Джексона, \$207 млн, **\$66,2 млн** (прогноз — **\$300 млн**), \$146,2 млн. **

15. «Ужас Амитивилля» (The Amityville Horror), мистический фильм ужасов Эндрю Дагласа, \$19 млн, **\$65,2 млн**, \$106,4 млн.

16. «Колдунья» (Bewitched), фэнтезийная комедия Норы Эфрон, \$85 млн, **\$62,25 млн**, \$130,1 млн.

17. «Белый шум» (White Noise), мистико-мелодраматический триллер Джеффри Сакса, \$56,4 млн, **\$91,2 млн**.

18. «Уоллес и Громит: Проклятие кролика-оборотня» (Wallace and Gromit: The Curse of the Were-Rabbit), Великобритания—США, фэнтезийная анимационная комедия Стива Бокса и Ника Парка, \$30 млн, **\$55,5 млн** (прогноз — **\$57 млн**), \$177,3 млн. **

19. «Труп невесты» (Corpse Bride), анимационная фантазия Тима Бартона и Майка Джонсона, \$40 млн, **\$53,3 млн** (прогноз — **\$53,5 млн**), \$116,6 млн. **

20. «Игра в прятки» (Hide and Seek), мистический триллер Джона Полсона, \$30 млн, **\$51,1 млн**, \$122,6 млн.

21. «Автостопом по Галактике» (The Hitchhiker's Guide to the Galaxy), фантастическая комедия Гарта Дженнингса, \$50 млн, **\$51,1 млн**, \$104,5 млн.

22. «Почти как в раю»/«Между небом и землей» (Just Like Heaven), мистико-романтическая комедия Марка Уотерса, \$58 млн, **\$48,3 млн**, \$64,7 млн.

23. «Толстяк Альберт» (Fat Albert), фэнтезийная комедия Джоэла Звика, \$48,1 млн, **\$48,55 млн**. *

24. «Отмычка»/«Ключ от всех дверей» (Skeleton Key), мистический триллер Иэйна Софтли, \$43 млн, **\$47,8 млн**, \$91,9 млн.

25. «Бука»/«Бугимэн: Царство ночных кошмаров» (Boogeyman), мистический фильм ужасов Стивена Т.Кея, \$20 млн, **\$46,5 млн**, \$66,9 млн.

26. «Приключения Шарк-боя и Лавы в 3D» (The Adventures of Sharkboy and Lavagirl in 3D), детская приключенческая фантазия Роберта Родригеса, \$39,2 млн, **\$66,7 млн**.

27. «Братья Гримм» (The Brothers Grimm), приключенческая фантазия Терри Гиллиама, \$88 млн, **\$37,9 млн**, \$99,5 млн.

28. «Остров» (The Island), триллер-боевик Майкла Бея, \$126 млн, **\$35,8 млн**, \$160,3 млн.

29. «Дом восковых фигур» (House of Wax), мистический фильм ужасов Жауме Коллет-Серры, \$40 млн, **\$32,1 млн**, \$68,8 млн.

30. «Стелс» (Stealth), триллер-боевик Роба Коэна, \$100 млн, **\$31,7 млн**, \$76,5 млн.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

Д Ж О Х О Л Д Е М А Н

ПРАВО

Иллюстрация Евгения КАПУСТИЯНСКОГО

НА ЗЕМЛЮ

Если занимаешься недвижимостью, нужно уметь общаться с людьми. Но иногда общение сводится к кивкам и улыбкам, пока клиенты строят замки на песке, и к ожиданию, когда сможешь спустить их на землю, — иными словами, заговорить о том, что они на самом деле могут себе позволить. Впрочем, финансовые иллюзии — одно дело, а психопаты — совсем другое. Вот кто (по первому впечатлению) меня ожидал, когда в мою жизнь вошел Лысый.

Лицензию агента я получила всего несколько месяцев назад, хотя, с тех пор как скончался мой муж, много лет занималась недвижимостью, иногда от случая к случаю, но больше двух лет полный рабочий день.

Обычно я умею определить, серьезно настроен клиент или нет, еще до того как он откроет рот. Лишь только он переступает порог моего офиса, я уже это знаю. Мужчин без «дражайшей половины» к солидным не отнесешь. Поэтому, когда однажды жарким августовским днем ко мне явился, отчаянно потев и обмахиваясь газетой, лысеющий, с животиком мужчина средних лет, я растянула губы в нейтральной улыбке и решила: пусть понаслаждается немного прохладой кондиционера.

На мое «здравствуйте» он не ответил, просто плюхнулся на стул и, собрав в морщины лоб, уставился на меня. Он не моргал, и бровей у него как будто не было.

Когда он заговорил, губы его едва шевелились.

— Вы занимаетесь передачей земельной собственности.

— Конечно. Мы помогаем землевладельцам...

— Владелец. — Он деревянно качнул головой. — Никто. Ничем. Не владеет. Вы живете на нашей земле и ее отравляете.

Я присмотрелась внимательнее.

— Вы индеец?

Прищурившись, он подался вперед, и я немедленно подумала про баллончик с перечным газом, который держу в нижнем ящике стола.

— Один из этих... один из вас? Нет. Я только так выгляжу. На данный момент.

— Боюсь, я вас не понимаю.

Он снова дернул головой.

— Поймете.

Лысый запустил руку во внутренний карман пропотевшего костюма из хлопковой жатки, а моя скользнула (хотелось бы надеяться, незаметно) к ручке нижнего ящика. Но он достал цилиндр, оказавшийся на самом деле тремя свернутыми в трубочку фотографиями. Когда

он их развернул, они почему-то сделались плоскими и жесткими, как пластмассовые подставки для тарелок. Фотографии он разложил передо мной, словно огромные игральные карты. Хватило одного взгляда, чтобы сердце у меня екнуло и едва не остановилось.

Они были трехмерными и двигались. Никаких там кинофильмов, комиксов и прочей ерунды. Каждая фотография походила на окно.

Лысый с силой постучал по первой пальцем.

— Вот как тут было, когда мы первоначально заключили контракт.

Передо мной простиралась вулканическая пустыня, — такую я видела в репортаже «Нейшнл Джеографик» о Гавайях.

— Когда нам были переданы права на землю.

Он стукнул по второй, на которой зеленел чудесный, почти райский лес.

— А вот это снято несколько веков назад. А возможно, всего столет. Для нас — вчера.

Потом он толкнул ко мне третью.

— И вот что вы сделали.

Полуденная пробка в центре города, всего в нескольких кварталах от моего офиса. Я почти чувствовала вонь выхлопов.

Взяв фотографию, я поднесла ее к лицу. Действительно, вонь выхлопных газов! И шум движения. От двух других тоже исходил слабый запах: серы и древесного перегоя.

— Впечатляет.

А что тут еще скажешь? Сложив фотографии стопочкой, я вернула их на середину стола.

— Вы — непредвиденная случайность. Это не ваша вина. Но мы создавали это место чистым и пригодным для жизни. Сотни миллионов лет назад мы его озеленили, оно расцвело, стало вырабатывать кислород, — как мы и планировали. А вот вас мы не планировали. И вы сводите на нет все наши труды.

— Подождите-ка! — Подобные идиотские ситуации были описаны только в книжках, которые читал муж. — Вы что, говорите о планете... целиком?

Лысый кивнул.

— Собственность. Планета.

Он закрыл глаза. Прямо-таки слышно было, как в мозгу у него поворачиваются колесики. Потом глаза его открылись. Не спрашивайте, как это произошло, ведь веки у него даже не шевельнулись.

— Мы ее купили. Мы ее отремонтировали. Задолго до моего рождения. Теперь мы готовы въезжать. А вы здесь живете.

— Значит, вы с другой планеты?

Он склонил голову набок.

— Из другого места. Из другого времени. А теперь в другое место придется отправиться вам.

— Не понимаю, — сказала я, хотя все прекрасно понимала, и мне это не нравилось. — Да и вообще, кто вы такой?

— Я — как вы. Я занимаюсь вопросами собственности.

— Агент по торговле недвижимостью?

— Да. Нет. Скорее, юрист. — Он снова закрыл глаза: может, думал, а может, переводил. — Вы нежелательные элементы. Паразиты. Но вы разумные существа, что усложняет мою задачу. Не будь вы разумными, мы бы от вас избавились. Вы же выводите насекомых. Но есть соглашения. Законы, которым мы должны подчиняться.

— Подождите, подождите. Вы могли бы просто... избавиться от нас, как от жуков?

— Даже быстрее. Насекомые — крайне живучие существа. Но, как я говорил, существуют законы. Мы должны дать вам возможность по собственной воле освободить территорию. Обосноваться в другом месте... Только не здесь и сейчас. Главное — не здесь.

— Вы имеете в виду, перебраться на другую планету?

— Конечно. Разве вы этого не делали?

Я покачала головой.

— Нет!

Шел шестьдесят седьмой. До первой высадки на Луну оставался еще год.

— Мы сплошь и рядом так поступаем. Проще простого.

Достав из кармана еще один цилиндр, он щелчком его развернул.

— Вот извещение.

Я недоуменно воззрилась на него.

— На каком это языке? На китайском?

Лысый кивнул.

— На вашей планете семьсот шестьдесят три миллиона китайцев. Их численность больше, чем у какого-либо другого народа, а потому китайский выбран основным языком. Прикоснитесь к извещению.

Стоило мне это сделать, как язык вдруг превратился в английский.

— Как вам это удалось?

— Понятия не имею. Не моя область. — Он встал. — Впрочем, это извещение теперь уже не моя забота.

Даже не попрощавшись, он направился к двери.

Я посмотрела на документ. Внизу значилась моя фамилия. Документ давал нам пятьдесят лет, после чего все люди, оставшиеся на Земле, будут уничтожены.

— Подождите! — крикнула я. — Кому мне полагается это вручить?
— Мне все равно. Я должен был лишь представить документ вам.
— Я хочу поговорить с вашим боссом. — Я изо всех сил старалась не выдать паники. — С вашим начальством.

— У меня нет босса.

— Но кто-то же вам дал эту бумагу! — Я схватила документ.

— А, так вы про Совет?

Он дважды хлопнул в ладоши.

Возникли две старухи и один старик — семи футов ростом, худощавые и одетые в черные балахоны. Зрачки у них двигались вверх-вниз, а не из стороны в сторону.

— И что же на сей раз? — спросила одна из старух.

— Она сомневается в полномочности акта передачи собственности.

Старуха поглядела на меня строго.

— Правила сходны с вашими законами о земле. Его раса получила разрешение изменить экологию, эксплуатировать и осваивать ресурсы. Как только земля будет освоена, они могут вступить в права собственности.

— А как же мы?

— Прискорбно. Непредвиденные обстоятельства.

— Но разве у нас нет никаких прав?

Переглянувшись с коллегами, она посмотрела на меня серьезно.

— Откуда? Говоря вашим языком, не вы купили это владение. Не вы его осваивали. Вам придется выселяться.

Трое стариков исчезли.

— И это все? — я посмотрела на Лысого.

— Как видите. Достаточно просто.

Он открыл дверь.

— Но я всего лишь агент по продаже недвижимости!

— И я тоже.

Ступив на яркий свет, он развеялся как дым. Остался лишь запах раскаленной улицы.

Прошла, наверное, минута, прежде чем я смогла изучить документ. Он был холодным на ощупь, а еще твердым и гладким, как пластик. Внизу стояли какие-то закорючки, которые с некоторой натяжкой можно было счесть подписями, ниже — мои фамилия и адрес, а дальше что-то вроде морзянки: точки и тире. Впрочем, стоило мне отвести глаза, как тире задвигались.

Я задумалась, не позвонить ли юристу. Но текст был достаточно ясен, даже понятнее обычного контракта на продажу участка: 14 ав-

густа 2017 года любые оставшиеся на Земле представители человечества будут уничтожены. Как раз такое слово и было употреблено, никаких эвфемизмов. Я, наверное, доживу, ведь мои родные с обеих сторон отличаются долголетием.

Позвонить в полицию? Так ведь оператор вызовет врача.

Открыв шкаф, я достала старую записную книжку мужа. Перелистывая дрожащими руками страницы, нашла наконец нужный номер под буквой «Дж» — Джеремя. Джеремя Фиппс — писатель-фантаст. Я его ни разу не встречала, но они с мужем ходили играть в пул.

Был уже полдень, но мой звонок, очевидно, его разбудил. Надо думать, писатели по утрам не работают — в отличие от банкиров и рилторов.

Я сказала, что мне нужен совет по поводу одного загадочного предмета, и спросила, нельзя ли встретиться с ним во время ланча и узнать его мнение. «За мой счет, — добавила я. — «У Леонардо» подходит? Упоминание хорошего итальянского ресторана воодушевило его, и он согласился встретиться со мной в час.

Затем я позвонила знакомой, чтобы она меня подменила, и когда она появилась без четверти час, сложила фотографии и контракт в большой конверт и отправилась в «У Леонардо». Обычно я прохожу эти семь кварталов пешком, но жара на улице была под сто градусов по Фаренгейту. Включив кондиционер в машине на максимум, я на несколько минут вернулась в офис. Поступив так, я, наверное, внесла свой вклад в загрязнение атмосферы, но теперь, пожалуй, поздно волноваться.

Сидя у окна в кабинке размером с автостоянку, я потягивала холодную «колу», пока не увидела, как перед рестораном появилась престранная личность. У нее была косматая седая борода и грива седых волос, связанных в хвост. Приехал мистер Фиппс на старом, ржавом велосипеде, в обрезанных джинсах и футболке с эмблемой команды «Флорида Гейторс».

— М-да, странная история.

Я не показала ему фотографии и извещение сразу, а сначала рассказала, как ко мне пришел незнакомец и стал нести загадочную чушь. Принесли две кружки пива, я медлила, а он свою опустошил залпом. Я заказала большую пиццу-делюкс, решив, что остатки он сможет забрать домой.

— Этот Лысый нагнал на меня страху, — говорила я. — Его манера показалась мне угрожающей. Но, наверное, все дело в выборе слов.

— Он что, иностранец?

— Вроде того. — Достав три фотографии, я разложила их на столе. — А как вам это?

Взяв одну, он присмотрелся внимательней, поднял к свету, потом перевернул и оглядел оборотку.

— Гм-м...

— Видели когда-нибудь что-то подобное?

Скользнув глазами по остальным двум фото, он запустил пальцы в бороду.

— Не понимаю. Три листа пластика?

— Присмотритесь. Это же сцена из доисторических времен! А вот пробка на углу Шестой и Университи, а здесь...

Он поглядел на меня недоуменно.

— Вы все это на них видите?

— Не на них, а в них! Они же трехмерные, они движутся. От них даже пахнет! — Схватив доисторическую картинку, я глубоко потянула носом и ткнула фотографией в его сторону. — Адский запах!

Нерешительно понюхав, он положил фотографию на стол.

— Да, м-м... послушайте... Не хочу совать нос не в свое дело, но, может, у вас кислотный флэшбэк? Я знаю, как...

— Я никогда в жизни не употребляла наркотиков!

Джеремиа успокаивающе поднял руку.

— Просто пытаюсь подойти к делу научно. — Он отдал мне фотографии. — Рассмотрите их внимательно. Они остались прежними?

— Кроме этой. — Я перевернула фотографию. — Вы смотрели на нее вверх ногами. — Я достала документ из конверта. Он не изменился. — Взгляните.

Осмотрев обе стороны, он едва ли не ткнулся носом в пластик, точно выискивал на его поверхности пыль.

— Опять фотка?

— Нет. Это извещение. Оно дает человечеству пятьдесят лет, чтобы убраться с Земли.

— Не выйдет. — Прищурившись, он почесал бороду, явно подсчитывая. — На Земле три с половиной миллиарда человек... получается, около двухсот тысяч в день... скажем, восемь тысяч в час. Такую прорву народа автобусами на другой конец города не перевезешь. Не говоря уже о Марсе или других местах. — Он покачал головой и не то хохотнул, не то фыркнул, выпустив воздух через нос. — Не проходит.

— Вы думаете, я сошла с ума?

Джеремиа пригвоздил меня взглядом: глаза у него были угольно-черные и налитые кровью.

— У каждого свои отношения с реальностью.

Принесли пиццу. Я заказала еще два пива и схватила свое, как только его подали.

Джеремиа оказался просто-таки машиной для поглощения пиццы: шесть кусочков против моих двух. А ведь весил он не больше ста двадцати фунтов. Может, он ест только тогда, когда платят другие?

— Вот что вам нужно, — сказал он, не донеся до рта последний кусок. — Вы должны заинтересовать своим пластиком ученых. На Земле нет такого материала, который бы вел себя так, как вы говорите.

— Вы мне поверили?

— Ну... условно. Зачем вам лгать? У меня нет ни престижа, ни денег. И никогда не будет.

Он тронул среднюю фотографию, оставив на ней сальное пятно.

— Это угол Шестой и Университи.

— Верно. — Я стерла отпечаток.

— И вы сейчас видите движущиеся машины?

— Да. Во всяком случае, мне так кажется.

Джеремиа встал.

— Закажите мне еще пива. Я сгоняю туда и подниму пальцы. Потом вернусь, и вы сообщите, сколько их было.

Посмотрев, как он уезжает, усердно крутя педали, я заказала еще два пива и канноли. Может, мне удастся прикончить его прежде, чем он вернется? А пиво меня отвлечет.

Несколько минут спустя он появился на перекрестке и поднял три пальца. Потом повернулся: за спиной он держал два пальца другой руки буквой «V».

К его возвращению я почти расправилась с канноли.

— Хотите доест? — я подвинула ему тарелку. — Вы подняли три пальца, а еще два держали за спиной.

Медленно кивнув, он взял с тарелки недоеденный пирог.

— Предположим, вы не станете никому рассказывать про межгалактического риэлтора. Предположим, просто назоветесь медиумом. Например: сделайте что угодно на углу Шестой и Университи, а я посмотрю в кусок пластмассы и опишу ваши действия.

— А мне ответят, что у меня есть скрытая камера.

Он отхлебнул пива.

— В редакции газеты она вам не поможет. И на телестудии.

— В лаборатории, — возразила я. — Нужно заставить ученых прислушаться.

— Ага, но сперва надо привлечь их внимание. — Выпив залпом половину кружки, он поставил ее на стол. — Когда вы заканчиваете?

— В пять.

— Визитка есть?

Порывшись в сумочке, я нашла визитную карточку.

— У меня имеются кое-какие связи. Ждите звонка.

Джеремиа объявился ровно в пять на машине, за рулем которой сидел молодой человек. Черный «шевроле» был старым и пыльным, с магнитной нашлепкой, рекламирующей местную телестанцию. Черная машина во Флориде? Какая дешевка!

Парнишка сиял глуповатой улыбкой, впрочем, что с него взять, он ведь настроился развлекаться вовсю. Водитель сказал: у них что-то там забронировано сразу после рекламы в половине седьмого. Согласившись поехать с ними, я протянула для пожатия руку. И вот тут-то увидела второго молодого человека в черном и с громоздкой камерой.

— Рэнделл Армитейдж, — представился водитель. — А это Джон Бьюфорд Маршалл. Встречались с ним раньше?

— Нет, — призналась я. — Я редко смотрю телевизор. Что происходит?

— Наш оператор будет вас снимать непрерывно вплоть до самого эфира. Вы не против?

Я пожала плечами. Кондиционера у него в машине не оказалось, но и до студии недалеко. Усевшись, я тут же чихнула от пыли.

— Поехали. И не жалейте «лошадей».

Остановив несколько минут спустя машину у входа на телестанцию, водитель помог оператору выбраться и понес за ним тяжелую батарею. Оба они шли задом, снимая, как я скриплю подошвами по гравию дорожки.

— Не слишком интересно, — задумчиво сказала я. — Кому захочется смотреть подобное?

— Это не для шоу, — объяснил Джеремиа Фиппс, — а для ученых, после того как они очнутся.

Рэнделл откровенно ухмылялся, что укрепило мою решимость. Мне хотелось посмотреть, какие у них будут лица, «после того как они очнутся».

Нас посадили в студии, довольно дешевой и унылой во всем, что не попадало в объектив. Стол диктора новостей был пустым и чистеньким, пахло от него лимонным полиролем. У дальней стены, позади всех нас села, не представившись, женщина с планшеткой.

От кофе пахло замечательно, но, уже поднеся чашку к губам, я спросила:

— А я смогу сходить в туалет?

— Боюсь, что нет, — сказал оператор. — Только после эфира. Я отставила чашку.

— Сейчас покажу вам три фотографии.

— Только одну, пожалуйста, — попросил Джон Бьюфорд. — Ту, которую мы сможем проверить.

— Ладно. — Я всмотрелась в снимок. — Час пик, разумеется. Туристы тащатся в своих машинах по Шестой авеню и обнаруживают, что налево, на Юниверсити, поворот воспрещен. Все отчаянно гудят... словно от этого когда-то был толк. — Я подняла глаза. — Конечно, это вам мог бы сказать кто угодно. Еще вижу низенького мужчину в соломенной шляпе, он выгуливает огромного пса. Датского дога.

— Надо бы послать кого-нибудь с рацией, — сказал Джереми.

Рэнделл кивнул, но не согласился:

— У нас тут не радио, а телевидение.

— Можем сделать потом, — нейтрально предложил оператор. — Объясните нам, как это случилось?

— Конечно. — Я задумалась, а кто тут, собственно, главный. Говорила я в камеру. — Сегодня около половины двенадцатого в мой офис на Тридцать третьей улице вошел странного вида мужчина. Я риэлтор агентства по продаже недвижимости «Стар-риэлти». — Немного рекламы еще никому не вредило.

Затем я по возможности дословно пересказала наш разговор. Подняв фотографию к камере, я объяснила, что смогла увидеть, услышать и унюхать. Рэнделл смотрел на меня с таким видом, будто я покрылась хитиновыми чешуйками и отрастила крылья, Маршалл — чуть милосерднее. Молчаливая женщина с планшеткой встала и ушла.

— Сначала проведем простой тест, — предложил Маршалл. — Я отправлюсь на перекресток и напишу что-нибудь на большом листе бумаги. Никто не знает, что я нацарапаю... Я и сам пока не знаю. Вы прочтете надпись вслух. Затем наша вторая переносная камера, такая же, как эта, покажет мой автограф.

— Ладно. Просто держите листок лицевой стороной к северу по Шестой. Или поверните несколько раз.

Маршалл удалился в компании какого-то юнца.

— И кто нам поверит? — удивилась я. — Он же мог оставить записку. Или еще несколько часов назад сказать, что собирается написать.

— Вы плохо представляете специфику телевидения, мэм, — улыбнулся оператор. — Люди доверяют камере.

— Совершенно точно, — согласился Джереми. — Книг-то они больше не читают.

Мне было слышно, как в соседней комнате женский голос сообщает новости.

Несколько минут спустя Джон Бьюфорд Маршалл поправил галстук, и вошел другой человек, чтобы стать за камерой. Зажглись софиты.

— Мэм?

Я вышла вперед, и ассистентка припудрила нас обоих. Пока ему обрабатывали подбородок, он сказал:

— Дайте мне средний план нас двоих в нижнем углу кадра, на заднем плане, Рэнделл.

— Есть, босс.

Может, он и был боссом? Минуту спустя из темноты сказали:

— Через пять.

Три зеленых огонька, оранжевый, потом красный.

— Спасибо, Тельма.

Маршалл демонстративно посмотрел на наручные часы, хотя настенные висели в студии в трех местах.

— Спасибо, что объяснили необычный талант нашей гостьи... Видите репортера, миссис Хокфилд?

— О, да. Он стоит на тротуаре возле музыкального магазинчика на Юниверсити. Разговаривает с оператором. — Я поднесла пластик поближе к глазам. — Не слышу, о чем он говорит. Слишком шумно.

— Сейчас он начнет писать...

Рэнделл действительно начал писать и минуту спустя повернул лицом ко мне плакатную доску.

— Ерунда какая-то...

— Просто скажите нам, что, как вам кажется, там написано.

— Ничего мне не кажется. Там написано: ОНА С ПЛАНЕТЫ ТЕТА.

Джереми Фиппс произнес слово, которое, по-моему, на телевидении не допускается.

— Десять секунд, переход на внешнюю камеру.

Я следила за его лицом, а не за монитором. Глаза у него вылезли из орбит — весьма отрадное зрелище, после его-то недоверия.

— Как... откуда... что за планета Тета?

— Понятия не имею. Я-то определенно не с нее! Я состою в «Дочерях американской революции»*.

— Сейчас начнутся звонки, — предрек Джереми Фиппс.

* Женская общественная организация, объединяющая потомков участников войны за независимость. (Прим. перев.)

Пронзительно зазвонил телефон в главном офисе. Еще два — на сей раз в самой студии — сердито моргали красным.

— Сдается, сейчас вы узнаете о Тете гораздо больше, чем вам хотелось бы.

Как выяснилось, фраза была своеобразной шуткой. Оказалось, Джеремиа познакомился с Рэнделлом благодаря научной фантастике (Рэнделл был фэном), и последний решил над ним подшутить в духе любимого жанра.

В течение следующих нескольких дней я действительно вдоволь наслушалась о жителях планеты Тета и о Роне Хаббарде, еще одном писателе-фантасте, который нашел для себя (или придумал себе) религию, окрестив ее дианетика, или сайентология. После того, как фразу ОНА С ПЛАНЕТЫ ТЕТА показали по всем каналам, ко мне в офис ежедневно стали являться по двадцать—тридцать сайентологов.

Как я уже говорила, в нашей профессии нужно уметь общаться с людьми, а потому мое кредо гласит: живи и давай жить другим, если, конечно, речь идет о религии. В глубине души я, наверное, ни в что не верила, даже в учение епископальной церкви, в согласии с которым меня воспитывали, а если что-то и было, то иссякло, когда мой муж умер молодым. Впрочем, все, что помогает прожить еще один день, меня устраивает. Сайентологи болтали странные вещи, и не стану делать вид, будто я что-нибудь понимала, но они казались добро-сердечными и порядочными людьми.

К тому же они мне верили. После истории с Тетой я не смогла достучаться ни до одного ученого. Ну и ладно. Мне верили сайентологи. И они покупали дома. Господи, они просто расхватывали их, как горячие пирожки! Каждый год, начиная с шестидесят седьмого и кончая восьмидесят первым, когда я отошла от дел, я получала «золотые булавки» как лучший агент по продажам. Тогда мало кто хотел купить дом в Гейнсвилле, расположенном равно далеко и от Мексиканского залива, и от океана.

Сайентологи продолжали появляться и после того, как я отошла от дел. Они рассматривали фотографии, а некоторые даже утверждали, будто что-то в них видят. Может, так оно и было, я не знаю.

Фотография, запечатлившая недавнее прошлое, начала меняться, когда появились рабочие и построили железную дорогу. Это было в середине девятнадцатого века, на том самом месте, где в будущем возникнет перекресток Шестой и Университи. Если я доживу до девяности, то увижу Гражданскую войну. Кажется, здесь разыгралась какая-то битва.

Но раньше 14 августа 2017 года она на фотографии не появится. А ведь в этот день, если верить Лысому, нас всех уничтожат. Я не смогла заинтересовать этим никого, кроме Джереми Фиппса, а он уже давно скончался.

Но перед смертью он подбросил мне идею. Возможно, она сработает.

В 2017 году мне исполнилось семьдесят восемь: тело поизносилось, но я не жаловалась. 14 августа я надела лучшее выходное платье и осталась ждать в гостиной, поставив рядом с собой на столик кувшин чая со льдом.

Незадолго до полудня в дверь постучал Лысый, а потом, не открывая, просто просочился сквозь нее. Он нисколько не изменился.

— Не вставайте. Вижу, вам это трудно.

— Спасибо.

Отерев лицо платком, он оглядел мою загроможденную гостиную: я никогда не могла заставить себя избавиться от любимого хлама.

— Ну и что это будет? — осведомилась я. — Великий взрыв? Ядовитый газ?

— А что бы вы предпочли?

— Лед, наверное, как сказал поэт. Будет чертовски жарко.

— Лед и мне бы подошел. — Он сел на диван. — Можно?

— Угощайтесь.

Налив себе стакан чая со льдом, он выпил его почти залпом, потом промокнул платком губы.

— Тогда, пожалуй, начнем...

— Подождите. Я хочу еще раз поговорить с Советом.

— Чего ради? Просто лишний раз их потревожите.

— Вы их вызывали раньше. На сей раз все гораздо серьезнее.

— Едва ли. Во всяком случае, для меня.

Вид у него сделался раздраженный, но он дважды хлопнул в ладоши. Появился Совет, двое сели рядом с ним, а третья (возможно, та самая, с которой я говорила полвека назад) застыла перед кофейным столиком.

— Что же у нас теперь? — раздраженно спросила она.

— В предыдущем разговоре, — осторожно начала я, — вы сказали, что ваши законы о земельной собственности сходны с нашими.

— В некотором смысле... да.

— У нас есть статья о «владении, основанном на утверждении правового титула вопреки притязанию другого лица». Иначе говоря, «право сквоттеров».

— Мне об этом известно.

— То есть кто-то живет в некоем владении определенный промежуток времени без перерыва, но и без разрешения владельца. «Открыто и не скрываясь». К нам это применимо?

— Это возможно применить к расе, случайно развившейся на планете, которая принадлежит кому-то другому. Но соглашение, заключенное с его расой, — она кивнула на Лысого, — первичное. И обусловлено тем, что они провели капитальное изменение окружающей среды. Экологии.

— Так он и сказал.

Поднявшись (колени у меня скрипнули), я подошла к окну и театральным жестом раздвинула занавески.

На горизонте под солнцем поблескивало море.

— Пятьдесят лет назад наш город лежал в сотне миль от моря. Сейчас это остров. За пятьдесят лет мы изменили экологию Земли больше, чем его раса за пятьдесят тысяч лет. Или даже за пятьсот тысяч.

Поглядев на море, она кивнула.

— Но мы свои шаги планировали! — вскинулся Лысый.

— И мы тоже, — парировала я. — Мы предполагали, к чему это все приведет.

Ну, может, не так скоро, но об этом я умолчала.

Старуха нахмурилась.

— Она говорит правду. — Потом старуха обратилась к Лысому: — Ее доводы более веские.

Трое членов Совета растворились в воздухе.

Лысый некоторое время сидел молча, потом допил чай и встал. Подойдя к окну, он кивнул.

— Ловко придумано. Но время на нашей стороне. Мы вернемся, когда ваша раса вымрет. — Он подошел к двери. — Думаю, к тому времени вы получите свой лед.

И исчез облачком пара.

Думаю, со льдом, когда он на нас надвинется, мы справимся.

Забавно. Когда живешь практически на пляже, почти никогда не ходишь купаться. Но сегодня, пожалуй, я отправлюсь.

**Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ**

А Л Е К С А Н Д Р Г Р О М О В

ФАЛЬСТАРТ

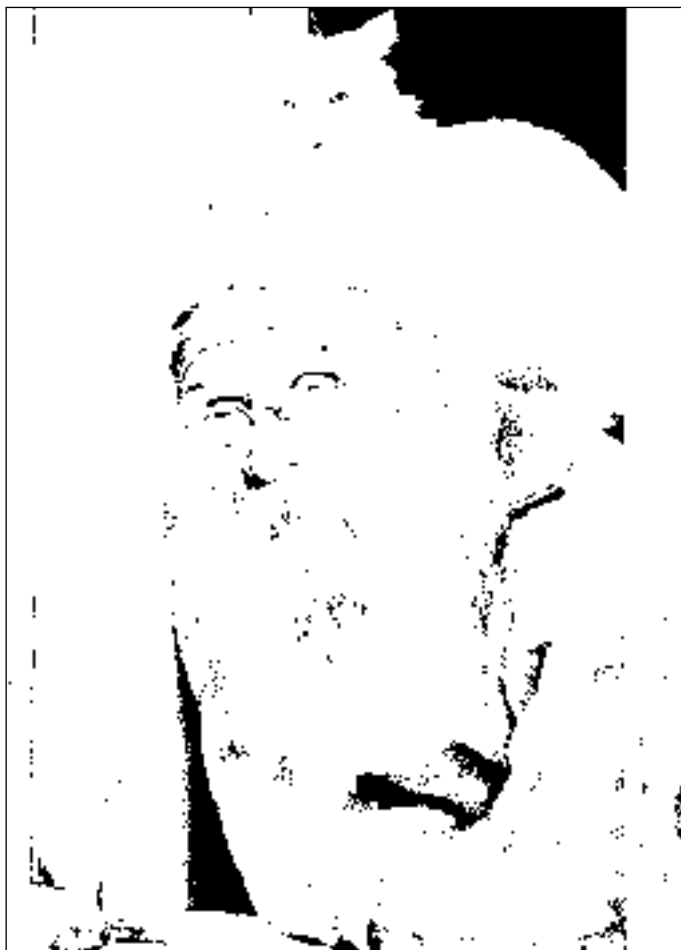

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Знаю, знаю: многие по сей день твердо убеждены, что споры силикатных грибов были случайно доставлены на Землю возвращаемым космическим аппаратом заодно с веществом какой-то кометы, без которого, как они считают, нам отлично жилось. Некоторые думают, что споры эти спокон веку жили себе и не тужили в глубоководной впадине, пока кому-то не приспичило извлечь их на поверхность. Есть и такие, кого не сшибить с убеждения: все это дело рук военных с их секретными лабораториями и лабораторными секретами. Но лично я так не думаю.

Если честно, это вообще не мое дело. Когда оно касалось всех и каждого, в том числе и меня, я еще пешком под стол ходил. А когда стало ясно, что нам с этим жить, какая мне, скажите на милость, разница, откуда что взялось? Поздно задавать вопросы. Главное — уходить оно не собирается. И еще существенная деталь: людей не трогает. Ну и живи себе, лишних проблем не поднимай и рубаху на груди не рви. Толку-то от всех этих споров! Когда в трактире начинают хватать друг друга за грудки, выясняя, кто прав, а кто дебил от рождения, я сразу ухожу. Не выношу пустопорожного шума. То ли дело: сел за дубовый стол по-человечески, пива выпил, рыбкой закусил... Хорошо!..

Ничего. Пройдет время — утихнут страсти, это я вам говорю. Скиснут, как несвежее пиво. Да вы уже сейчас посмотрите: кто спорит до хрипоты? Молодежь вроде вас? Как бы не так. Все больше старички, мои ровесники. Вот помяните мое слово, лет через десять всем будет едино: что микосиликоиды, что какой-нибудь царь Хаммурапи. Кроме, конечно, историков, но это же курам на смех. Мой старший внук знаком с одним ученым, только не с историком, а с химиком. Говорит, несерьезный человек, полено толком расколоть не умеет. И прочие ученые, надо думать, не лучше.

Кто из них еще ничего, так это биологи. Точнее, биотехники и особенно лесопатологи. Они на нашу биостанцию иной раз заглядывают. Я там дятлов развожу. Ну, не совсем развожу то есть, а мастерю для них жилплощадь. Вроде скворечников. Для мелких дятлов — небольшие, а для большого черного дятла — он желна называется — дуплянка нужна такая, что кошка влезет. Если, конечно, еще не знакома с дятловым клювом.

Этот черный — большой специалист по жукам-усачам. Особо ценный кадр. Где жук размножится, там лес гибнет, туда наши мужики дятлов везут. И расселяют. Можно даже сказать — трудоустраивают. На местном пищевом ресурсе.

Но не о дятлах речь.

Речь о том, как нам досталось такое счастье. Вот именно: не мы заслужили, а нам досталось. Не совсем даром, нет. Помучиться пришлось всем, особенно поначалу. Только не надо мне говорить, будто вы никакого особенного счастья не ощущаете. Это оттого, что вам сравнить не с чем. Молодые вы еще. Дети совсем. А я сравнить могу, потому как хорошо ее помню, ту, прежнюю жизнь.

Эй, Семен, ты брось гундеть. Что за привычка встречать в чужой разговор? Не видишь, что ли, у нас тут беседа. Парням польза, а мне развлечение. Ну иди, иди себе, не мешай...

Так вот я о чем, значит. О прежней жизни. Жил я тогда в большом городе, даже очень большом. Десять с лишним миллионов живых душ. Если всех людей из домов разом выгнать на улицы да во дворы, так они теснее встанут, чем деревья в самом густом лесу. Домищи, чтобы вместить такую прорву — огромные, и в двадцать этажей, и в сорок, и даже больше. Не деревянные, как у нас, а из специального камня — железобетон называется... Чего? Ну да, смешное слово.

А между домами — улицы, да такие, что посередине нипочем не пройдешь. Машины там — вжик, вжик! В обе стороны. Одни туда, другие обратно, притом в несколько рядов. Как муравьи на своей тропе, только каждый такой «муравей» поболее телеги будет, и несутся они так, будто без их обязательного присутствия за тридевять земель через пять минут непременно мировой катаклизм случится. Шум, гам, дышать нечем. Дня не проходило, чтобы кого-нибудь не задавило или чтобы машины не столкнулись. Честное слово, не вру. А ведь жили люди в этом кошмаре. Человек, он ко всему привыкает.

Чем занимались? Кто чем, но по большей части чепухой всякой. Ну, заводы стояли, дым в небо пускали из труб — это я еще понимаю. Много народу на тех заводах работало, вещи разные делало, те же машины, к примеру. Кто поезда под землей водил, кто за порядком присматривал, кто торговал, кто еще чего... Но больше всего народу работало в конторах. Скажу прямо, я этого не видел, мне старики рассказывали... вот как я вам сейчас. Трудно поверить в такое, а еще труднее понять, но вы уж постарайтесь.

Приходит человек в один из этих больших домов и первым делом включает компьютер. Это, значит, ящик такой для тупых, ну и для лентяев тоже. Кому, скажем, лень считать, или нарисовать чертежик какой-нибудь, или написать что-то — компьютер тут как тут. Сидят. Морщат лбы, губы кривят, затылки расплющивают. Иной ткнет в клавишу пальчиком и снова сидит час, якобы думает. Считается — работает. А если начальник не видит, так подчиненный развлекается. В игры играет или по Сети общается с такими же обормотами, каков сам.

И то сказать: работа у многих такая, что от пустой забавы ее не сразу и отличишь.

Смешно? Нет? Ах, тебе завидно? Глупый ты, молоко на губах не обсохло. Хочешь попробовать такой жизни? Теперь уже не попробуешь, и не мечтай. Можешь, конечно, бражку гнать из ягод или мухоморы жрать, и будет тебе счастье. Примерно такое же, как перед компьютером, это я тебе точно говорю. А станешь подолгу задумываться о той жизни — считай, пропал. С глузду двинешься. Вон как дед Андриян, который режет по дереву всякие вещи из прошлого — микроволновки там, ноутбуки, мобильные телефоны... Вся изба у него в деревянных идолах, и он на них молится. Спятил, одно слово.

Нет, что было, то уж совсем прошло. Кончено. Навсегда. Вперед глядеть надо, не назад... Эй, ты чего вертишься? Тебя для чего сюда прислали? Слушать? Вот и слушай.

Вот что я скажу: дураки люди были тогда, ничегошеньки в жизни не понимали. И я дурак был, не стыжусь сознаться. Мы ведь как считали? Сыты, одеты, в тепле сидим, вода горячая прямо в дом по трубам бежит, работой не шибко утруждаемся — вот и ладненько, так и должно быть. То есть не совсем так, а чтобы еще лучше: меньше трудиться, слаще пить-есть и еще чтобы еморроя от сидения не было. Ну и, само собой, чтобы всякие финтифлюшки электронные вокруг нас так и кишели — их тогда прибабасами называли. Чтобы еще мощнее, еще мельче, а главное, еще круче — мол, у меня одного такое, а у вас нет. А как у вас оно появится, так я свое продам или выброшу и взамен самый наиновейший прибабас себе куплю. Я, мол, современный, меня девочки любят, завидуйте мне... Смейтесь? Ну, смейтесь, смейтесь...

Я хоть не сразу, но понял: нельзя человеку предлагать все, чего ему хочется. От такой жизни устают, когда всё перепробуют, и уже жить ленься. Большой мир, и люди в нем больные. Хуже всего, когда человек болен, а думает, будто здоров. Есть такие болезни, взять хоть алкоголизм. Ну, у нас-то болезнь была иная — «весьмирдянаса». Не мы ему чем-то обязаны, а он нам, поскольку мы в нем родились. Осчастливили его собой.

И при всем том полная беспомощность! Ни избу поставить, ни выжить в лесу одному, ни даже дров толком напилить-наколоть — ну ничегошеньки не умели! Городские — они такие. Да только кто в ту пору не был городским? Мало оставалось таких, неиспорченных.

Мы, русские, в этом смысле были еще ничего, а уж если на остальной мир взглянуть... Ох, держите меня! Как бедствие какое-то стихийное, так сразу у них та еще дурь полосатая. Сначала глазют на вул-

кан или, например, на цунами, как оно к ним идет, фотографируют да радуются, как будто силы природы существуют исключительно для их удовольствия, а потом: «Ах, спасайте меня!». А чего дураков спасать-то? Зачем? Они ведь до самого конца убеждены, что не они дурни, а мир устроен несправедливо, причем не весь, а так, местами. Да почему ж несправедливо? Очень даже справедливо! А если ты глупый, то и страдай за свою глупость или резко умней, верно я говорю?

Ум — это ведь еще не мудрость. Ум — это когда человек правильно понимает, кто он такой в этом мире и что в какой ситуации делать не откладывая. А коли упрямо не понимаешь — ну, извини...

Теперь-то таких дурней совсем мало осталось, и за то природе отдельное спасибо. А с чего пошло начало, а? С чего, я спрашиваю? Ну хотя бы вот ты ответь, с чего? Да, я с тобой говорю, чего вертишься? Ну?

То-то. С микосиликоидов. И выходит, что они нам благодетели, хоть и грибы неразумные.

Помню, как все начиналось. Сперва понемногу, и никто ничего не понимал. Ну, мост бетонный рухнул ни с того ни с сего, ну, дом рассыпался — печально, конечно, а бывает. Шум, крики, телекамеры, суд над строителями, журналисты пеной исходят. Потом — бац! — сенсационное открытие: найдены споры грибов, пожирающих бетон. И кирпич тоже, но медленнее. Вселенская напасть! А напустить на нее ученых с ихними ядами и техникой! А обеспечить их по первому разряду, чтоб поскорее новых ядов напридумывали! А создать им все условия! Потому как ежели они не справятся, то всей цивилизации хана и амба. Карау-у-ул!..

Чего веселитесь-то? Хорош ржать. Честное слово, не вру — именно так люди и думали. Не верили в зарю новой жизни, а верили в хану и амбу. Вам, молодежи, теперь этого не понять, а вот я понимаю. Им бы пораскинуть мозгами, людишкам тогдашним, ан нет — разучились. Услышал что-то по телевизору — это тоже ящик такой, — пере-сказал своими словами знакомым, и готово, сошел за умного. Из тех, о ком говорят: хорошая голова, да дураку досталась.

Ну, сколько-то народу было задавлено рухнувшими домами, это факт. А только не меньше людей посамоубивалось, когда увидело: всё, конец прежней разлюли-малины. Дурак всегда скор на выводы. Видит он: стена дома, где у него квартира на четырнадцатом этаже с ванной и теплым сортиром, начала понемногу крошиться. Потом глядь — грибы из нее полезли дружно, как опята. Очень похожи, только фиолетовые и несъедобные. Ну, значит, дело ясное: собирай вещи в узел и дуй в деревню, пока тебе на маковку не упал трухлявый потолок, руби из-

бу, потому как микосиликоиды на дереве не растут, а о каменном доме забудь навеки. Верно говорю, нет?

Ага! Как только до самого тупого дошло, что мир меняется без возврата, самоубийцы на тот свет табунами пошли. На рельсах расстелились, из окон посыпались, а уж бельевых веревок извели на себя столько, что ежили их связать вместе, можно как раз достать до Луны. У химиков-то ничего с микосиликоидами не вышло — ну, не желали силикатные грибы помирать от ядов! Уж как с ними ни бились, каких только мер ни применяли — и распыляли на стены и балки какие-то эмульсии, и примешивали в бетонные смеси всевозможные добавки, и облучали чем-то — все без толку. Замедлить грибной рост еще удавалось, а прекратить совсем — вот вам! Откуда взялся гриб — неведомо, как с ним бороться — неизвестно, такие вот дела.

Особенно возопил народ, когда дошло до самого глупого: потеря бетонных и кирпичных жилищ — даже не полбеда, а такая мелкая малость, что и говорить о ней не стоит. Чепуха на постном масле. Настоящая проблема в другом: без силикатов нет доменных печей, мартенов и прочей металлургии, а без металлургии нет ничего. То есть это тогда люди так думали. Мы-то с вами знаем: все, что человеку на самом деле нужно, у него есть, а лишнее — это еще надо посмотреть: не баловство ли? Сто против одного, что окажется баловством.

Но тогда казалось, что мир воистину рушится. Грибы сожрали огнеупоры — и привет горячий. Металлы плавить не можем. Плотины крошатся, напор воды не держат — спустить воду, покуда сама не прорвалась, и долой гидроэнергетику. С тепловыми электростанциями тоже не лучше. Значит, производим электричества вдесятеро меньше, чем прежде, и производство постоянно уменьшается, металла нехватка, запчастей нет, вся промышленность, от тяжелой до радиоэлектронной, сипит и задыхается, а главное, впереди не видно никакого просвета. Цивилизация кончилась, человечество обречено. Какое-то время еще побарахтаемся, а потом переселимся поближе к природе, будем желудями питаться и по веткам прыгать... Хватит ржать, сказано вам! Это сейчас смешно, а тогда было не до смеха...

Кто мало что почувствовал, так это чукчи и еще эскимосы всякие. Ну какое дело эскимосу до бетона и огнеупоров? Вот в Африке, говорят, хуже. Краем уха слышал, что берберы всех коз у себя повывели, потому что коза — первый враг дерева. Теперь они овец разводят и из последних средств за опреснение морской воды взялись, потому что леса у них там не растут без полива, а дерево всем нужно. Их глиняные-то дома, знамо дело, развалились.

Ну да Африка далеко, леший с ней. Европейцам, надо сказать, тоже пришлось несладко. Кто выиграл, так это мы, Россия. У нас леса, у нас житье. Недаром к нам так и лезут отовсюду всякие пришлые, а мы смотрим, что за люди, и ежели негодящие, ежели по своим законам прожить надеются — от ворот поворот. Так-то.

Но и нам это не сразу далось, ох, не сразу. Покуда поняли, что вот оно, счастье, натерпелись. Не от грибов натерпелись, не от природы — от самих себя. Уклад был не тот. Да, собственно, никакого уклада поначалу не было.

Вот, скажем, наше село. Раньше здесь хутор был — один домишко, да полтора сарая, да бабка слепая лет девяноста с гаком, одна-одинешенька. Теперь — сами видите. Тех халуп да землянок, какие мы понастроили где попало, только-только из города вырвавшись, уж вовсе не осталось. А главное, народ был невыделанный, каждый сам по себе да еще с прибабахами насчет личной свободы и обеспеченных кем-то прав. А кем? Кто тебе будет их обеспечивать? С какой стати? Твои проблемы, ты и решай.

Что? Ты... это... как тебя звать? Иваном? Ты, Иван, не ерзай, в глазах мельтешит. Сидеть неловко? Понимаю... А ты встань, небось не рассыплешься. Чего говоришь? Помогать надо друг другу? Всем миром? Правильно. Только мы в те времена до этого еще не докумекали.

Пришлось докумекать. Тоже, конечно, не сразу. Харчами делились друг с другом, это я помню. Хотя тоже находились любители урвать себе кус побольше, однако ж до февраля с голодухи никто не помер. В Осиновке о ту пору большой продуктовый склад был, ну мы туда и ходили за двадцать верст. Да не мы одни. Осиновским это не больно-то нравилось. Попервоначалу мы с ними в колья бились, а потом, когда они Илюху Жукова жаканом застрелили, мы к ним в открытую уже не ходили. Только тайком да ночью. И я, пацаненок, ходил.

Ну, перезимовали кое-как. Человек пятнадцать к весне умерло, да и у прочих животы к хребту прилипли. Что дальше делать? Как жить?

А был среди нас такой Руслан Фатихович, мужик крепкий, хоть и нехристь. Собрал он нас на сходку. Надо, грит, учиться крестьянствовать, не то околеем. Перво-наперво: распахать, заборонить поле. Добыть, хоть с боем отбить, посевной материал. Инвентарь достать. Хорошо бы угнать трактор или хотя бы лошадку. Нет — на себе будем пахать. Женщин — на огороды. Ребятишек — на рыбную ловлю, на сбор лесных даров. Щавель, крапива, улитки с лягушками — сожрать все можно. Хоть воробья из рогатки, да подбей. Хочешь лопать — приноси пользу. Дармоедов не кормим.

Да, мол, вот еще что. Настоящие избы рубить надо, а халупы — по боку. Строим всем миром, распределяем по жребию, и так до тех пор, пока каждая семья не въедет в новый дом. Годится?

Пошумели мы, кто-то насчет колхоза сострил, но согласились. Выбора-то нет. К середине лета построили первый дом. Уж не знаю, как Руслан со жребием схимичил, а только дом ему достался. Ничего, говорит, будем еще строить, всем хватит.

До сбора урожая построили еще два дома. Хорошие вышли дома, только без оконных стекол и с глухими ставнями — стекло ведь тоже в некотором роде силикат. Печи сложили из дикого камня, какой в полях валяется. Правда, мало его осталось. Спросите любого ученого, из чего в основном состоит земная кора? Из силикатов. Как только гранит или шпат какой-нибудь вылез на поверхность, так глядь — фиолетовыми грибами оброс, а там и рассыпался в пыль. Да вы видели это много раз.

Но не о камнях речь, а о том, что начали мы понемногу верить: жизнь налаживается.

Бац! Приезжают аж на четырех джипах. В коже, с оружием, наглые. Бандиты, словом. Они до той поры в городе шуровали, да город окончательно рассыпался и городом быть перестал. Значит, по их понятиям, пора садиться на шею тем, кто сбежал в деревню и с нуля новую жизнь подымает. Нам то есть. Подходящая шея.

Здрасьте-приехали! Всю жизнь мы о том мечтали.

Постреляли они немного, больше для острастки. Тут Руслан и говорит: «Стойте тут, договариваться с ними я пойду». И пошел. Кое-кто его даже зауважал — бесстрашный мужик! Только недолго продержалось то уважение.

Воротился — так, мол, и так. Мы их кормим от пуза, и ежели бабу или девку какую захотят из наших, так чтобы им не перечить, а они нам за это защиту. От кого? Да хоть бы от осиновских. Или от других бандюков, мало их, что ли?

Мы так и ахнули. А дома построенные? Сколько сил вложено! А урожай? Он хоть и порядочным ожидался, да все одно ясно: к весне снова клади зубы на полку. А тут еще этих корми от пуза?

Руслан наш на то усмехнулся: ничо, прокормим. А домишек вы себе еще понастроите. И пошел.

«Вы», значит. Уже не «мы», а «вы». Отделил.

Приуныл народ. Кучками собирается, судачит, ругается вполголо-са. Кое-кто уже мыслит бросить все к черту и махнуть куда-нибудь в совсем глухие леса, где и джипу не проехать. Да только все это больше на словах, чем на деле.

На деле совсем другое вышло. Бабы, какие помоложе, да девки в лесу попрятались. А в крайней землянке собралось человек десять мужиков да я, мелкий шкет, потому что случайно их разговоры подслушал. Не хотели они брать меня с собой, а пришлось, чтобы не выдал. Не, я не выдал бы, зря они боялись. Я и тогда считал, и теперь считаю: правильно люди решили. Нечего ждать по российской привычке, когда совсем худо станет. Свербит — думай. Придумал — говори, если дело не одного тебя касается. Сказал — делай.

И сделали. Бандиты от нас такой скорости точно не ожидали. Заняли они новые дома, самый лучший — «бригадиру», два других — рядовым, и Руслан с ними. Он для них человек полезный, вроде старосты деревни. Вмиг друг друга поняли. По-научному — симбионты.

Ну а мы, значит, планктон. Чего с ним чикаться? Не слепые, видят: бабы у них, старики, дети малые. Всех жалко. Значит, всё вытерпят, только бы до смертоубийства дело не дошло.

Только зря они так думали и караульных не выставили. Ночь тихая-тихая была, только цикады на лугу стрекотали. А под утро запылали разом все три дома. Двери мы потихоньку подперли, ставни тоже, хворост таскать не стали, чтобы не нашуметь, зато плеснули на стены и крыши бензином, какой добыли из бандитских же джипов. Крыша — дранка. Запылала вмиг. Изнутри — крики матерные. Потом пальба сквозь двери и ставни, да только без толку. Потом уже ничего, даже воплей почти не слышно, так сильно огонь гудел. Только один бандит и выскочил, чтобы смерть принять не в доме, а во дворе.

Вот такие пироги. Хотя и жаль нам было того, что своими мозолями да потом добыто, а как иначе? Избы можно и новые срубить, а где новый стержень для души возьмешь, если прежний потерял? В иных деревнях такие же бандиты по многу лет бесчинствовали — жидковат оказался тамошний народец. Иные за сто верст к нам тайком приходили — за опытом. Была охота ноги бить! Какой опыт, зачем? Все, что тебе нужно, ищи в себе, а коли не найдешь, то я уж не знаю... Только тот раб, кто рабом быть согласен.

Ну чего забубнили? Известные вещи говорю? Всякий раз одно и то же?

Да, всякий. И еще не раз придется вам это выслушать, покуда в разум не войдете. Я помру — другой найдется. Должен же кто-то вас учить.

Что, уши вянут? Да ты, Митяй, никак уйти хочешь? Ну-ну, ступай. Сколько горячих тебе нынче по заднице перепало — десяток? Сейчас еще столько же добавят — и обратно сюда, меня, старика, слушать. Не отвертись. Потому как одних розог мало — кого высекли, тот понимать должен, во-первых, за что, а во-вторых, почему нельзя иначе.

Вот тебя — за что? Лесину свалил, пенек выше нормы оставил? Ну и правильно, по грехам твоим десять розог — в самый раз. Лесина только рубится быстро, а растет медленно. Что у нас есть-то, кроме леса? Камня дельного совсем мало, железо бережем, тяжким трудом оно добывается. А раз леса много, то его и не жаль, так, что ли?

То-то. Все ты понимаешь, а упрям — колом не перешибешь. Специально для тебя расскажу еще одну историю. Это уж лет через пять было после того, как мы бандитов пожгли. Выбрали, значит, в старосты самого рассудительного, а при нем сход из мужиков, какие потолковей и постарше. Живем. Я в ту пору вымахал с коломенскую версту и начал на девок заглядываться. Присмотрел одну по сердцу, Катей звали. Она была из новеньких, тоже бывшая городская. Много тогда людей по свету бродило — кто со временем осел где-то и корни пустил, а кто и сгинул. Очень многие за развалины городов до последнего держались, все надеялись, что на микосиликоидов найдется управа или они как-нибудь сами собой вымрут. Жили хуже всяких крыс, копались в кучах хлама, всё еду искали. Но еда та, как сказал бы биолог, принципиально ограниченный ресурс. Кончилась — иди гуляй. Кошки с собаками, какие уцелели, и те из городов ушли. Вороны над городами перестали летать.

Ну так вот. Пришла Катя к нам в деревню не одна, а с больной матерью. Выделили им пустующую землянку — берите пока, не жалко. Не знаю уж, чем Катина мать болела — по-моему, всеми болезнями, сколько их есть. Охает, стонет, работать не может. Потом, правда, на чужом огороде ее застучали, когда она ночью на промысел вышла. Гребет все подряд в мешок этак по-хозяйски размеренно, как комбайн, и охать забыла. Еще и до того соседки судачили — белье у них с веревок стало пропадать. Сроду такого в нашем селе не водилось. Шепотки пошли, подозрения, взгляды косые. Вроде и свои кругом, а как будто чужие. Неуютно.

Ну, уличили наконец, а что делать — непонятно. Собрался сход, решает. Одни говорят: всыпать воровке орешника, как полагается, да прилюдно, да хорошенько! Другие в сомнении: а вдруг она вправду больна, а не прикидывается? Помрет ведь под лозами. Вон в землянке лежит, стонет. Третьи: гнать ее из села, раз выдрать нельзя! Вот еще новости — не тронь ее! Ты куда пришла, дорогая? К дикарям? Так и у тех свой закон имеется.

Я-то, конечно, подслушивал. Тревожно стало, и сердце будто клещами сдавило: а ну как правда выгонят Катю мою ненаглядную? Ведь она мать не бросит. Решил: буду упрашивать мужиков. На колени встану. А нет — брошу все и уйду вместе с Катей куда глаза глядят.

Слеп был, что верно, то верно. Кто влюбленный, с тем еще хуже бывает. Забыл, что яблочко от яблоньки редко далеко откатывается. Бреду, как в воду опущенный. В лес забрел. Слепни кусают — я не чую. Солнце садится, и сосны стоят огненные. Красота дивная, а мне не до красот.

Вдруг дымком потянуло. Опа! Глядь — Катя моя ненаглядная под кучей валежника огонь раздувает. А куча нарочно собрана возле трех сухих елей, какие я уж давно на дрова присмотрел, да все было недосуг свалить. Знаете, как вспыхивает сухая ель? Свечкой! В один момент.

Не понял я тогда, что у Кати было на уме, — просто-напросто пожара испугался. Лето стояло сухое, и ветерок дул точно на наше село. Пойдет с этой стороны верховой пал — через час от села головешки останутся. Не отстоишь.

Ну, заорал я не своим голосом, кинулся тушить. Катя, как меня увидела, давай уносить ноги. А нижние ветви ближней ели уже горят!

Как я с огнем голыми руками воевал, сами сообразите. Но не поверите — сбил пламя с веток! А мох сухой? А кусты? Одежда дымится, руки и лицо в пузырях, а сделать ничего не могу, огненный круг все шире, еще чуть-чуть — и пойдет пал по лесу. Повезло: мужики из села увидели дым, прибежали кто с чем. До полуночи мы огонь сбивали и топтали, а потом еще дежурили до утра, чтобы не возродился. И, ясное дело, вопрос: кто виноват?

Я всю вину на себя взял. Так и так, мол, помрачение разума нашло. Разжег костерок там, где не надо. Почто жег? А просто так. Захотелось.

Мужики мне ни на грош не верят, а я на своем стою. Я, мол. Настоящую-то поджигательницу никто не видел, хотя подозрения были. Мне: «Опомнись, дубина! Ты ж наш, ты ж в доску свой! Кого покрываешь?». Я в ответ: «Никого, вот крест. Виноват — отвечу».

И ответил. За большую вину, сами знаете, полагается сто ударов, ну а мне за упрямство высыпали двести. Всё хотели, чтобы я в своем вранье раскаялся и на истинную виновницу указал. Кати с мамашей в ту же ночь след простыл — ушли они из села и больше не возвращались. Попытались со злости нас пожечь да и побрели по свету искать, где люди пожиже, где должного уклада нет, где за чужой счет прожить можно. Есть такие — больше клопы, чем люди.

Только я ничего этого тогда не понимал. Лежу на лавке со спущенными портками, руку закусил, справа и слева лозы свистят, все село собралось смотреть. Десять ударов — передых. И вопрос мне: «Ну так кто зажег, ты? Врешь. Говори правду. Ах, все-таки ты? Ну тогда вот

тебе еще!». Озверели мужики, лупят что есть силы да с оттягом. Вот тебе еще разик! И еще! С пылу, с жару. Осознал, нет? Тогда нá еще!.. Я себе руку чуть не до кости изгрыз, а двести ударов выдержал. Сознание, как назло, уж потом потерял, когда меня домой тащили.

Мать меня лечит и жалеет, только я ее не слушаю. В голове одна Катя. Не верил я, что она тварь, не верил, что насовсем ушла. Мечталось: вернется, и если не обнимет, так хоть спасибо скажет. Пусть хоть взглянет на меня не как на пустое место. Куда там! Молод был, глуп, да и любил ее сильно. Кто любовью не страдал, тому не понять.

И зря, доложу я вам. Жаль мне вас, кто не испытал. Вот хоть тебя, Антипка. Сей раз тебя небось за пакость какую-нибудь секли? Ну правильно, не за любовь же. Чешись, чешись. Не запоет твоя душа под лозами, нищий ты, не жизнь тебе дана, а так — огрызок. Что вспомнишь на старости лет? Разве кувыркалась душа твоя в небе жаворонком, разве пела? Мало ли, что моя пела сдуру — главное, пела! Это даже хорошо, что меня тогда нешутейно выдрали — лучше запомнилось.

Прошло время, образумился. И как будто пелена с глаз упала — разглядел Дашу-Дашеньку, соседку. Когда я поротый в избе лежал, она к нам по двадцать раз на день забегала — то молочка мне принесет, то медку и уходить не хочет. А я ее гоню, будто дурной, счастья своего в упор не вижу. Не скажу, что красавица — куда ей до Кати, что лицом, что фигурой, — ан вышло, что лучше Даши для меня никого в целом свете нет. Вот как оно в жизни бывает.

Прошло немного времени, посватался. Осенью свадьбу сыграли. Мы с Дашей будто два ручья слились и вместе потекли. С поля домой иду — радуюсь. Детей подняли, потом внуков. И было нам счастье до того дня, когда моя Дашенька поутру не проснулась. Бывает, во сне ее вижу, и она зовет меня к себе. И то верно: пора бы. Пожил на свете достаточно. Однако вас вот, балбесов, приходится уму-разуму учить — значит, не все дела еще переделал.

Вот, скажем, тебя, Влас, за что драли? Хотя знаю, вспомнил: за буйство пьяное. Это ты, значит, Николаю оба глаза подбил? Ну и поделом тебе всыпали. Думаешь, пить всем дано? Это искусство. Не владеешь — ходи поротый.

Тебя, Антипка, я даже спрашивать не желаю, ну а ты, Иван? Серьезный вроде парень. Обругал, говоришь, матерно? А кого? Тетку Матрену? Ах, она первая?.. Ну-ну. А ты, стало быть, не выдержал и отбрыхнулся. Молодец! Отбрыхнешься еще разок — получишь вдвое больше и опять ко мне попадешь, на беседу. Что «несправедливо»? Ты смекни: сколько лет ей и сколько тебе? Какое еще равноправие? Ты где таких слов нахватался? Она троих детей подняла и троих похоро-

нила — чем ты ей ровня? А на заметку возьму. Войдет это у Матрены в привычку — никуда от нее орешник не денется, можешь ей передать.

Про тебя, Митяй, уже знаю. Кто у нас остался — ты, Егор? Ну а тебя-то за что? Ась? Отказался глинище раскапывать? И сколько дали — десять? Все двадцать? И это, по-твоему, много?

Я бы еще добавил. Почему, почему... По заднице! Ты что, меня совсем не слушал? О чем я тебе толковал битый час? О силикатных грибах я толковал! О том, что без них не было бы России. Или я это пропустил? Стар стал, мысли в голове путаются. Так слушай и не перебивай. Еще раз: микосиликоиды — спасение России. Без них она уже исчезла бы с карты, это как пить дать. В прежние времена, с точки зрения ее властей, в ней только и было ценного, что газ, да нефть, да некоторое количество людей, которые все это из-под земли добывают да перекачивают тем, кто поумнее. Свои, значит, дураки, стадо и вообще лишние. Ну и убедить их в том, что они и в стаде свободны, развратить мелкой вседозволенностью и принять такие государственные программы, чтобы вроде как забота о людях, а на деле — вымирание. Пенсии старикам платить, чтобы дети и внуки могли их не содержать. Пусть нищенские пенсии, ан все же с голоду не околеешь. А раз так, то вроде бы и детей рожать незначит. Планирование семьи, личная карьера, мягкие законы, да много еще чего — вроде всё на благо, а на деле в точности наоборот. Чему тут завидовать — пиру во время чумы? Если бы все осталось как было, вы бы попросту не родились, понятно вам?

Народ? А что народ? Сказано же: развратился. И вымер бы в лучшем виде, если бы не микосиликоиды. У западных народов с их привычкой платить кому ни попадя незаработанные деньги еще хуже было. Опять же, от корней они сильнее оторвались, чем мы, им с нуля начинать куда тяжелее было. Да и мы поначалу думали — кошмар, напасть, бедствие ужасное, а оказалось — лекарство. Новая попытка. Дунул судья в свисток и не засчитал забег. Фальстарт называется. Оно и к лучшему. Всякому, в ком есть хоть немного ума, еще в старые времена было видно: не туда бежали и не так. А бежали!

И ты, Егор, отказался копать глину? Спятил, не иначе. На чем же будут расти силикатные грибы, спасение наше, ась? На пнях? На навозе с соломой, как шампиньоны? Не будут они там расти. Не дай Бог, наступит такой день, когда погибнет последняя грибная спора, что тогда делать станем? Нет уж, не надо. Пусть все останется, как есть. Сам вижу, что не идеально, но лучше так, чем никак. Поэкспериментировало человечество — и напоролось. К своему счастью, я так понимаю. Ну а вы-то — поняли? А поблагодарить общество за науку

догадались? Тогда прощевайте до следующей беседы после порки. Шу-чу, шу-чу... Свободны, короче. А мне вздремнуть пора...

Ах, как хорошо посидеть на завалинке летним вечером под теплым небом, пронизанным стрижами! Старик привалился спиной к бревенчатой стене, прикрыл глаза. Под бок, взявшись невесть откуда, подобрался ласковый кот Тишка, боднул головой просто так, не требуя рыбки, заурчал. Вот и коту хорошо. Кот-котик. Не голодный — значит, сколько-то мышей сегодня поймал. Вот и молодец.

О-хо-хонюшки... А ведь правду сказал парням: пожил на свете достаточно, пора в домовину. Жизнь выпала длинная, сколько дел успел переделать — не сосчитать. Ослаб, сносился, а к себе жалости нет, еще годен кое на что. К примеру, мастерить жилье для дятлов — санитаров леса или делать кое-кому словесное внушение после внушения орехового. Польза? Польза.

Тем, кого нынче драли, польза явная. Молодежь нынче шустрая, так и кипит — это хорошо, зато норовит выпустить пар во всяческих непотребствах — это плохо. Ничего, эти еще не потерянные, даже Антипка. Войдут в разум, никуда не денутся. Да куда им деваться-то? Или уходить и пропадать, или жить, как велит общество. Кто помысленнее, тот найдет себе умственное место — агрономом станет, или лесопатологом, или врачом, или библиотекарем, или даже инженером, у них много работы. Дороги, мосты, связь, добыча металла, что нынче очень непросто... Цивилизация-то не погибла, погибли лишь старые глупые представления о ней. Ну и мир их праху, авось не возродятся.

Не так уж интересно, что будет дальше; главное — живут люди, и живет страна. Живет, и нет никакого страха, что сгинет, пропадет, развееся. Хрена вам — будет жить. Вот и ладно, а подробности — дело десятое...

Об одном только не сказал парням — о том, что обидно и унизительно быть обязанным спасением страны фиолетовым грибам. Неразбавленная правда — самая горькая вещь на свете. Ладно, сами догадываются. Нечего тыкать их носом в... это самое. Человек — он тогда звучит гордо, когда есть для него в мире нечто большее, нежели он сам. Посечь ради усвоения ими этой истины — полезно, а душу не тронь. Может, именно эти ребята или их правнуки покажут, что нет в человеке неистребимых дефектов, что человечество в следующий раз сумеет обойтись и без микосиликоидов?

Хочется верить. А пока — копайте глину. Выкапывайте ее побольше.

Б О Р И С Р У Д Е Н К О

МЕРТВЫЕ

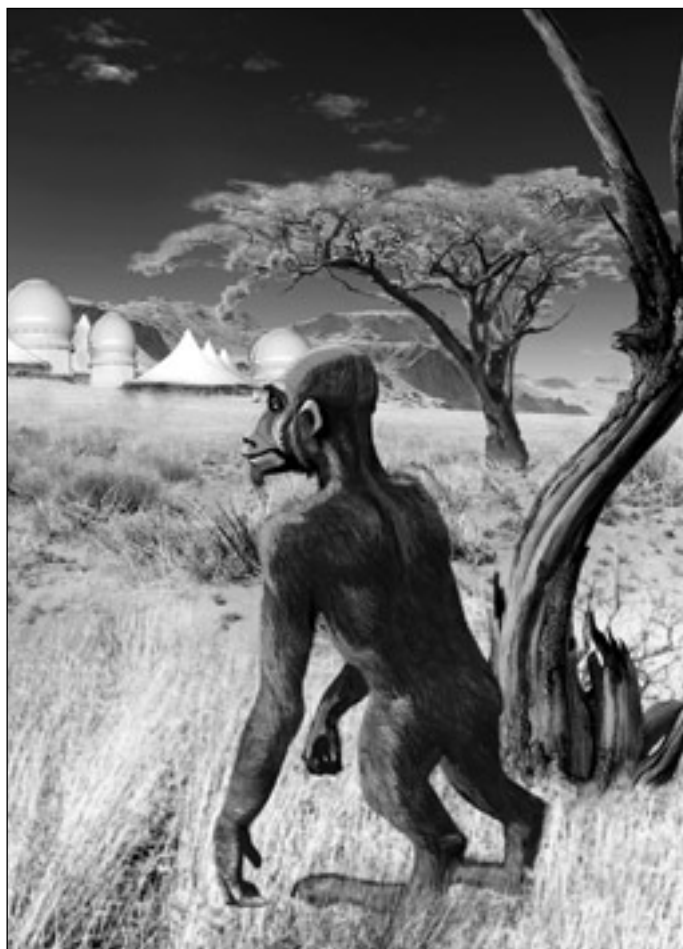

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ЗЕМЛИ

Отчего-то этой ночью сон мой был особенно долог и крепок, разбудил меня лишь металлический щелчок, который означал, что уже семь утра и двери камер открыты электрическим импульсом, посланным с центрального пульта охраны. С этого звука начинался день каждого обитателя нашего дома.

Я кое-как открыл глаза. Над дверью скудно светила синяя ночная лампочка. Окно оставалось темным: длительность осенней ночи все увеличивалась, а наружное освещение из соображений экономии здесь отключалось ровно в одиннадцать вечера. Я поднялся и подошел к окну: абсолютно рефлекторно, поскольку сквозь стекло, словно заклеенное с улицы черной бумагой, ничего разглядеть невозможно. Лишь включив свет, я увидел прутья решетки и убедился, что за прошедшую ночь в моей судьбе ровным счетом ничего не изменилось. Я по-прежнему в камере.

Строго говоря, это место называлось не тюрьмой, а спецобъектом номер такой-то-дробь-такой-то. Занимаемые нами помещения именовались, естественно, не камерами, а комнатами, что, впрочем, никак не отражалось на сути. Предназначением спецобъекта была строгая изоляция его обитателей от остального мира. А намертво привинченные к полу ножки кроватей и стола, наличие в каждой комнате унитаза и умывальника и отсутствие иных предметов мебели, за исключением стенового шкафа, обнажали эту суть до полного неприличия.

Я попал сюда в результате собственной глупости, и осознание этого обстоятельства, точнее, не утихающий сарказм по отношению к самому себе, не позволяло мне окончательно поддаться меланхолии. Когда началась эпидемия и страна фактически распалась на удельные владения тех, кто в тот момент обладал реальной властью над территориями — будь то президентские выдвиженцы или обыкновенные бандиты, — способ моего существования не претерпел почти никаких изменений. Болезнь надо мной не властна, а преодолевать всевозможные кордоны на границах областей и городов, да и вообще на каких бы то ни было границах не составляло для меня труда. Я путешествовал, по-прежнему нигде не задерживаясь надолго и стараясь не привлекать к своей персоне излишнего внимания.

Ловушки на меня расставляли достаточно давно, хотя и без малейшей надежды на успех: поймать меня в результате спланированных и организованных действий невозможно в принципе. Встретиться со мной можно лишь по моей собственной доброй воле... или из-за мо-

ей беспечности. Я постоянно держал в поле зрения своих недоброжелателей — криминальные организации и работающих на них продажных сотрудников милиции. Федеральная служба безопасности в число возможных врагов никогда не входила. Во-первых, потому что я никогда не преступал закона. Во-вторых, даже если бы такое случилось, ФСБ до этого нет дела — мелкая сошка вроде меня ее не интересует. В-третьих, я не предполагал, что спустя пять лет после начала Катастрофы Служба все еще сохраняет былые силы и влияние. Ну, и последнее: я ровным счетом ничего не знал (добавлю: и не мог знать) о существовании Конторы и, конечно же, самого Проекта. Поэтому взяли меня очень легко.

Я вяло помахал руками, имитируя зарядку, затем побрился и почистил зубы. Несмотря на все проделанные процедуры, спать мне сегодня хотелось по-прежнему, я даже задумался на минуту: а не забраться ли обратно в койку, наплевав на завтрак, однако чувство голода победило дрему. Я достал из шкафа и натянул одежду — светло-синие брюки и куртку, нечто среднее между больничной пижамой и униформой заключенного, — после чего вышел в коридор.

По-видимому, разоспался сегодня не один я. И коридор, и открывавшаяся в его конце общая комната, которую мы называли гостиной, были тихими и пустыми. Лишь из-под двери моего ближайшего соседа Игоря выбивалась полоска света. Разумеется, я не стал стучаться. Пробуждение — процесс сугубо интимный, и вмешиваться в него посторонним непозволительно. Хотя посторонними любого из нас по отношению друг к другу можно называть весьма условно. Все мы здесь находились примерно по одной и той же причине.

Но именно в этот момент я почувствовал приглашение Игоря и зашел в его комнату.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе, — ответил он без энтузиазма. — Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

— Отчего такой пессимизм?

— Что-то происходит, — сказал он. — Что-то назревает... Тучи какие-то сгущаются.

У Игоря тонкое, нервное лицо потомственного интеллигента. Он очень редко улыбается, но выглядит, скорее, не мрачным, а сосредоточенным, чем бы ни занимался — от игры в шахматы до поглощения пищи. Я уже успел убедиться, что его предчувствиями пренебрегать не следует. Но что могло случиться с нами здесь?

— Почему тебе так кажется?

— Не знаю, — покачал он головой. — Ничего конкретного.

— Может, кто-то опять намерен донимать нас бессмысленными вопросами?

— Может быть... Или просто плохая погода, — Игорь решительно поднялся. — Ладно, пойдем к Ёжику.

Комната Ёжика последняя в коридоре по нашей с Игорем стороне. Ёжик сидел на кровати, подобрав ноги под себя, и безоблачно улыбался.

— Проснулся, Ёжик? — спросил Игорь. — Тогда поднимайся, дружище, скоро завтракать.

Когда Игорь разговаривал с Ёжиком, лицо его становилось другим. Разглаживались сеточки морщин возле уголков глаз, взгляд делался мягче. Мы все хорошо относились к Ёжику, но Игорь привязался к нему больше других.

Он помог Ёжику одеться и подтолкнул к умывальнику. Ёжик недовольно заворчал — умываться он не любил, — но все же открыл кран, намочил ладони и старательно протер лицо.

— Ну вот видишь, как хорошо, — одобрил Игорь, вытирая его полотенцем.

— Плохо, плохо, — возразил Ёжик, отфыркиваясь.

Ёжик был похож на Иванушку-дурачка, каким его рисуют в детских книжках: круглолицый, курносый, с золотистыми волосами, вьющимися крупными кольцами. Он и на самом деле был дурачком. Олигофрения. Но парень он безобидный, несмотря на атлетическое телосложение, и трогательно-ласковый, абсолютно бесхитростный. Все мы ломали головы, пытаясь понять: почему Ёжик здесь оказался?

— Молодец, — сказал Игорь, завершив утреннюю процедуру тем, что расчесал щеткой его золотистые кудри. — Посмотри-ка на себя в зеркало!

Но смотреть в зеркало Ёжик не захотел.

— Плохо, — повторил он жалобно, словно прислушиваясь к чему-то извне, слышному только ему.

Мы с Игорем переглянулись.

— Что плохо, Ёжик? — спросил я. — Что тебя беспокоит?

Но Ёжик уже забыл о своем волнении.

— Кушать надо, — объявил он. — Ёжик будет кушать, и Игорь будет кушать, и Профессор тоже, и Вартан, и Костя...

Он первым вышел из комнаты и торопливо зашагал в столовую, широко размахивая руками. Мы пошли следом, не пытаясь за ним угнаться: когда Ёжик спешит к столу, соперничать с ним бесполезно.

Столовая расположена в противоположном конце коридора. Дверь открывается автоматически, трижды в день на полчаса, за которые мы должны были управиться с едой. Ну, а пока мы вкушали пищу, незримый персонал споро и ловко прибирался в наших комнатах, всякий раз их тщательно обыскивая. Смысла в этом мы не видели: все, что можно было объявить запретным и отобрать, давно изъяли.

Но кормили тут неплохо. Не ресторан, конечно, но и на тюремную кухню не похоже. Что-то вроде заводской столовой или даже среднего дома отдыха из далеких времен. Вартан и Костя уже здесь. Они расставляли на столе миски, в которые накладывали из общей кастрюли что-то дымящееся и густое.

— Доброе утро, — сказал Вартан. — Сегодня у нас геркулес, хлеб с сыром и кофе с молоком. И еще по ложке винегрета. А если кто не любит винегрет, я не обижусь.

— Держи карман шире, — буркнул Костя. — Тебе волю дай — за всех подметешь. И как в тебя только влезает!

Худенький, невысокий Вартан чрезвычайно любил поесть и соперничал в своей страсти к съестному с Ёжиком. Как ни странно, это совершенно не отражалось на его комплекции. Он очень тосковал по национальной острой еде, однако местные повара рецептами армянской кухни явно не владели. Ёжик уже плюхнулся на свое место и принялся стремительно опустошать поданную Вартаном тарелку. Вартан посмотрел на него с легкой завистью, но есть начал с не меньшим аппетитом. Мы присоединились к остальным, и в комнате установилась тишина, нарушаемая лишь скрежетом ложек по дну тарелок да чавканьем Ёжика. В столовой, как правило, мы не разговариваем.

Полчаса вполне достаточно для еды. Когда замигала лампочка, наши тарелки и кружки опустели. Мы покинули столовую, и дверь закрылась до обеда. Сейчас, восстанавливая чистоту и порядок, там орудует персонал, появившийся из-за служебной бронированной двери.

— Партию в шахматы? — лениво предложил Вартан.

— Пожалуй, — согласился я. Немедленно погружаться в работу мне сегодня не хотелось.

По сравнению со своими товарищами, я находился в лучшем положении именно из-за того, что имел постоянное занятие, которое не позволяло скучать. Математику нужен только карандаш да стопка чистой бумаги. Конечно, очень мешало отсутствие специальной литературы и периодики; подозреваю, за последние годы я здорово отстал от своих коллег, однако предпочитал об этом не думать. Заключение вернуло меня в то далекое время, когда я, подобно десяткам тысяч вузов-

ских выпускников, был готов броситься на решение любых задач за аванс и зарплату, которых хватало лишь на то, чтобы не думать о хлебе насущном. Здесь я совершенно неожиданно для себя снова начал заниматься давно заброшенной диссертацией, по памяти восстанавливая ход былых размышлений. Я не тешил себя иллюзиями: тема диссертации, конечно же, давно устарела и вряд ли сегодня представляла научный интерес. Я просто работал, получая от своего занятия немалое удовольствие. Собственно, за это да за возраст (мне стукнуло сорок — больше, чем любому из них) я и получил от товарищей прозвище Профессор. На самом деле, до того как судьба моя радикально изменилась, я был всего лишь научным сотрудником.

На нашем спецобъекте имелась относительно неплохая библиотека. В книгах нам не отказывали. Вартан и Костя читали запоем, а потом обсуждали прочитанное, споря едва не до крика. Тяжелее всех переносил изоляцию Игорь. Большую часть времени он проводил в своей комнате, погруженный в невеселые размышления, или беседовал о чем-то с Ёжиком. Но о чем можно беседовать с Ёжиком? И главное, как? Сам Ёжик, кстати, чувствовал себя лучше всех. Пожалуй, здесь ему было намного комфортней, чем в неприветливом внешнем мире. Когда Ёжика впервые привезли сюда — до отказа накачанного транквилизаторами, безразличного ко всему, худого, коротко остриженно — Косте с Игорем (нас с Вартаном здесь еще не было) понадобилось немало времени и усилий, чтобы научить его доверять им. Спусти несколько недель Ёжик отошел, успокоился, отъелся и отрастил золотистые локоны. Ему было хорошо здесь, тепло, сытно и безопасно. Рядом находились друзья. Думаю, необходимость покинуть спецобъект в одиночку, без нас и, самое главное, без Игоря, ввергла бы его в ужас.

Мы расставили фигуры. Игорь и Костя подсели наблюдать за игрой, а Ёжик просто смотрел на нас со светлой улыбкой. В шахматы Вартан играл неплохо. Наверное, на уровне первого разряда. Причем, по его словам, специально не учился, если не считать нескольких прочитанных книг по теории шахматной игры. Я уважаю настойчивость и упорство, поэтому позволяю Вартану взять надо мной верх в одной партии из трех-четырех. Впервые выиграв у меня, он надулся от гордости и принялся усиленно намекать на свое родство с чемпионом мира Тиграном Петросяном, однако мы отнеслись к намекам без должного почтения. Вначале Вартан обиделся, однако как человек легкий и отходчивый быстро оттаял, но в дальнейшем уже не возобновлял попыток убедить нас в существовании мифической родственной связи.

Вартану достались белые фигуры, он двинул вперед пешку, и мы быстро разыграли ферзевый гамбит. На восьмом ходу Вартан слегка задумался, но тут наша партия завершилась. Последовал очередной щелчок электрического замка, и в стене, отделявшей наши помещения от служебных, открылась дверь.

Это был доктор Анциферов — единственный человек из местного персонала, который имел непосредственный доступ в наш блок, если не считать охранников. Впрочем, охранники заходили сюда лишь в исключительных случаях. Обычно мы видели их только сквозь решетки и небьющиеся смотровые стекла.

— Извините, что помешал, — сказал Анциферов. Сквозь марлевую повязку голос его звучал немного глухо. Хотел бы я знать: на кой черт он всегда таскает эту повязку, словно находится среди пациентов инфекционного отделения. — Господин Яковлев! Прошу вас пройти в смотровой кабинет.

Яковлев — это я. Но возмутился Костя.

— Помилуйте, доктор, — саркастически воскликнул он. — Вы же осматривали нас только вчера. К чему такое рвение? Дайте ему хотя бы доиграть партию!

Анциферов напряжился и подобрался, отчего, как мне показалось, значительно сократился в линейных размерах.

— На то есть причины, — сухо ответил он и отвернулся, показывая, что не желает дискутировать.

Спорить я не стал. Направляясь в смотровую, бросил взгляд на шахматную доску: Вартану здорово повезло, что партия наша прервалась. Всего через шесть ходов его ожидал полный разгром, хотя пока он об этом не подозревал. Анциферов шел за мной почти вплотную.

— У нас только одна минута, — зашептал он вдруг. — Слушайте меня внимательно! Тем, кто с вами будет разговаривать, нельзя отказывать. Не пытайтесь больше притворяться, что вы ничего не понимаете. Они знают о вас все и не намерены терять время. У них его просто нет. Ради Бога, постарайтесь их не раздражать...

Коридор закончился, и Анциферов замолчал. Последовал щелчок очередного замка, дверь открылась.

Сюрприз. Двоих, что ждали меня, я видел не в первый раз. Но все наши предыдущие беседы проходили по-другому. Прежде мы всегда общались с помощью микрофонов через толстое стекло, делившее смотровую пополам. Сегодня никакое стекло нас не разделяло, посетители находились на моей половине. Старший — морщинистый, с седым ежиком волос на голове — смотрел на меня с выражением, кото-

рое я бы назвал равнодушной свирепостью. Может быть, таким образом он намеревался сразу же подавить сопротивление, но, возможно, эта маска была для него вполне естественной. Во всяком случае, напугать меня ему не удалось. Как обычно, он был в штатском, однако, угадав в нем несомненного лидера любых посещавших нас «гостей», мы давно прозвали его Генералом.

Тот, что был моложе — мы дали ему кличку Стажер, — тоже не выглядел учителем изящной словесности. Массивный, с тяжелыми длинными руками, сжатые кулаки на столе, сверлящие глаза. Доктор Анциферов сел на стул в дальнем углу, как бы подчеркивая, что с посетителями у него мало общего, и даже смотрел он в другую сторону.

— Яковлев, — сказал Генерал, — садитесь. О чем вы сейчас думаете?

— О шахматной партии, которую мне не удалось доиграть, — вежливо ответил я, и это было почти правдой.

— Вы здесь уже три месяца, если я не ошибаюсь? — прищурился Генерал.

— Примерно так.

— Почему вы не спрашиваете, зачем вас здесь держат? Почему не возмущаетесь?

— А это имеет смысл? — удивился я.

— Не имеет, — согласился он. — И все-таки?

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Так почему вы меня здесь держите?

— Потому что вы исключительно опасны. Вы представляете угрозу для общества. Как, впрочем, и ваши приятели.

— Если вы имеете в виду Вартана, Костю и Игоря, я познакомился с ними только здесь, — уточнил я. — И только благодаря вам. Но, может быть, вы все же скажете, чем я столь опасен?

— Я мог бы достаточно долго распространяться на эту тему, — жестко усмехнулся Генерал, — жаль, времени у нас уже нет. Итак, вы по-прежнему отказываетесь от сотрудничества?

— И в мыслях не держал! — воскликнул я. — Хотя для начала неплохо было бы узнать, в чем же оно заключается. Но если вы опять ждете от меня каких-то нелепых признаний, то...

— Прекратите!

Взгляд Генерала буравил меня, а Стажер то и дело сжимал и разжимал огромные кулаки, словно дожидаясь команды «фас!». Все это мне совсем не нравилось.

— Мы наблюдаем за вами достаточно долго, мы знаем о вас все, и в признаниях нет нужды.

— В таком случае вам должно быть хорошо известно, что я никогда не нарушал закона.

— Вас просто не сумели схватить за руку. Вы профессиональный мошенник, игрок-гастролер. Казино и тотализаторы. Не знаю, как вам это удастся, но вы никогда не проигрываете.

— Тут я с вами согласиться не могу, — возразил я. — Проигрывать мне все же приходилось. Но, в конце концов, это неважно. Насколько я понял, моя вина, с вашей точки зрения, состоит лишь в том, что мне везет чаще, чем другим. Забавное обвинение, вы не находите?

— Такое везение статистически невозможно. Кстати, вы никогда не играли в одном и том же казино больше двух раз. И это понятно. Появись вы в любом казино хотя бы трижды, засветились бы немедленно. И тогда бы с вами разговаривали не мы и не здесь.

— То есть вы намекаете, что когда я попал сюда, мне опять повезло? — невесело усмехнулся я.

— Именно так, — подтвердил Генерал. — Вот это действительно удача, что именно мы первыми обратили внимание на ваши способности. Во всяком случае — пока. А дальнейшее зависит от вас.

— Что это значит?

— Это значит, что вы должны для нас кое-что сделать.

— Для вас? — я перевел взгляд с Генерала на Стажера и обратно.

— Не валяйте дурака! — лицо Генерала потемнело от прилива крови. — Для страны, черт возьми! Для государства!

«А оно еще существует?» — печально подумал я, но вслух сказал иное.

— Признаться, я и теперь не вполне понимаю...

— Вы все поймете, — заверил Генерал. — Настоящий разговор у нас еще впереди. Пока же я просто предлагаю решить вопрос в принципе.

— Даже для принципиального решения нужна какая-то основа, — твердо сказал я. — Хотя бы в самых общих чертах. Ну, подумайте: сейчас я говорю «да», а завтра вы объявляете, что мне предстоит трижды в день прыгать с Останкинской башни без парашюта.

— Останкинская башня давно закрыта для посещений, — поморщился Генерал. — Но смысл в ваших словах есть. Так вот, в общих чертах речь пойдет о небольшой работе на Территории.

Я ждал чего-то подобного, но все равно не смог удержаться от смешка.

— Тогда лучше с Останкинской башни! Результат будет таким же, но времени потратим меньше.

— Перестаньте паясничать! — рыкнул он. — Нам известно, что вам приходилось бывать на Территории. Вы оттуда вернулись. И до сих пор живы.

— Это произошло совершенно случайно, — запротестовал я. — К тому же я находился там очень недолго. Да вы же все знаете, меня допрашивали здесь об этом раз десять, не меньше!

— Ни слова больше о случайности! — воскликнул Генерал. — Три месяца исследований показали, что вы, как и все ваши здешние приятели, иммунны к Болезни. Я вообще убежден, что об этом вы знали с самого начала! Впрочем, я не намерен спорить. Нам известно главное: на Территории вы провели двое суток. Три года назад за это же время мы потеряли там целую дивизию.

— По сравнению с дивизией, мои возможности намного скромнее.

— И все же мы попытаемся их использовать. Кажется, в прошлом вы могли бы стать неплохим ученым? До того как превратились в банального жулика, паразитирующего на теле нашей многострадальной родины...

Тут Генерал явно перестарался. Мне ненавистна дешевая патетика и отвратительны использующие ее никуда не годные актеры.

— Не пора ли хоть немного вспомнить о своем гражданском долге, — продолжал Генерал в том же ключе, все больше вгоняя меня в тоску. — Когда-нибудь нужно платить долги... Впрочем, у вас нет иного выхода.

— Почему? — насторожился я.

— Потому что вовсе не исключено, что вы являетесь скрытым носителем Болезни. Закон о карантине вам, надеюсь, известен?

— Позвольте, вы же сами только что упомянули трехмесячные исследования...

Генерал повернул голову в сторону Анциферова, и тот, глядя мимо меня, монотонно заговорил:

— Господин полковник был не вполне точен...

«Ах, оказывается, полковник», — подумал я.

— ...в вашем организме не обнаружено известных на сегодняшний день форм вируса. Но мы знаем, насколько быстро он мутирует, маскируясь белками своего носителя. Что касается вашего личного иммунитета, он действительно не исключает возможности передачи вируса вовне. Сам переносчик заболевания при этом может оставаться совершенно здоровым. Науке известна масса подобных примеров, начиная от малярийного комара и кончая африканскими зелеными макаками, выпустившими в мир вирус СПИДа.

— Какое же место на этой шкале вы отводите мне? — не удержался я.

— Возможно, следующее, — ответил Анциферов. Он вовсе не хотел меня уязвить, это было просто бесстрастное мнение ученого, от которого по телу пробежал холодок.

— У нас тоже нет выхода, — Генерал нетерпеливо пошевелил плечами, показывая, что я ему уже начал надоедать. — И если слова о долге для вас лишь пустой звук...

— Не я начал войну, не я выпустил Блезнь! И не я сотворил Территорию. О каких долгах идет речь?

Взгляд его на мгновение засверкал ненавистью, но тут же погас.

— Вам плевать на войну и на Блезнь, плевать на тех, кого она убила и продолжает убивать. Ваша жизнь не только не ухудшилась с начала катастрофы. Напротив: вы чувствуете себя вполне комфортно. Все вы здесь — просто стервятники. Но меня утешает мысль, что когда-нибудь вы останетесь на Земле в одиночестве...

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — давайте сменим тему. В чем же заключается эта небольшая работа?

— В сборе информации, — ответил он. — Мы должны знать, черт возьми, что там сейчас происходит и чего нам следует ожидать завтра.

— Неужели у вас нет специалистов? — воскликнул я. — Разведка, спецназ, десантники? Авиация, наконец!

Губы Генерала скривились в нехорошей ухмылке.

— Авиация и десантники пока есть, — сказал он. — Но только потому, что мы перестали их туда посылать.

— Разве? — искренне удивился я.

— Да-да, оттуда не возвращаются! — рявкнул Генерал. — Там не работает радиосвязь. Самолеты исчезают с экранов локаторов — и мы не знаем куда. Вам этого достаточно?

— И вы надеетесь, что мне удастся то, что не сумели сделать специалисты?

Возникла небольшая пауза, в течение которой Генерал раздумывал над ответом.

— Не очень надеюсь, — ответил он наконец. — Но другие способы мы уже испробовали.

— Ничего себе аргумент, — насмешливо пробормотал я.

Генерал вновь налился кровью, но сдержал себя.

— Вы можете подумать до утра, а мы пока побеседуем с вашими... коллегами, — проговорил он. — Думайте хорошенько!

— Значит, они тоже?.. — осторожно начал я, но Генерал остановил меня взмахом руки.

— Тоже. Только не надо делать вид, что вы об этом не знаете.

Тут я решил, что самое время обидеться всерьез.

— Я ничего не знаю, — отчеканил я, глядя ему прямо в глаза. — Просто по той причине, что мы никогда не беседовали на подобные темы. И если вы завели речь о возможном сотрудничестве, я бы рекомендовал вам для начала хоть изредка допускать правдивость моих слов. Тем более, что проверить их вам не составит никакого труда. Мы прекрасно знаем, что микрофоны в этом заведении установлены даже в сортирах.

Как ни странно, на этот раз Генерал не обиделся. Ухмыльнулся, причем довольно благодушно, и поднялся со стула.

— До завтра, — сказал он, показывая, что разговор закончен.

Доктор Анциферов тоже встал, приготовившись меня сопроводить, но на пороге я задержался.

— Могу я задать один вопрос?

— Спрашивайте, — разрешил Генерал.

— За что вы посадили сюда Ёжика? Какой вам толк от слабоумного?

Несколько мгновений он смотрел на меня с непонятным выражением.

— Вы узнаете об этом... очень скоро... я надеюсь.

Когда мы шли обратно, я спросил Анциферова:

— Почему он нас так ненавидит?

— Он действительно считает вас переносчиками заразы, — неохотно ответил тот. — Не он один, кстати.

— Вы тоже?

— Какая разница... Но дело не только в этом. Он сам болен. В лучшем случае ему осталось месяцев шесть—восемь, не больше...

— Но если он инфицирован...

— Если бы он был инфицирован, то находился бы совсем в другом месте, — скривил губы Анциферов. — Что за глупости! Вирус здесь ни при чем. У него саркома.

Странно, подумал я, мы почти забыли, что кроме Болезни есть множество иных поводов оставить этот мир. Но вслух произносить этого не стал.

— Мне будет жаль расставаться с вами, — сказал я. — За это время я успел к вам привыкнуть.

Анциферов окинул меня странным взглядом. Приязни в нем точно не было.

— Не могу ответить тем же, — сдержанно произнес он. — Но удачи пожелаю. Полагаю, она вам понадобится...

* * *

«Ты все слышал?»

«Конечно».

«Что нам делать?»

«У нас нет выхода. Он полностью искренен в своих намерениях уничтожить нас, если мы не согласимся».

«Какой смысл в нашей смерти?»

«Смысла нет. Причина — отчаяние, рожденное бессилием. Он просто несчастный человек, пытающийся хоть что-то сделать в последние отведенные ему месяцы. Они собираются нас использовать и называют это Проектом, который должен быть завершен в любом случае».

«Наше уничтожение означает провал их Проекта».

«Провал — всего лишь один из возможных вариантов завершения».

«Что думают остальные?»

«То же самое. Пока у нас все равно нет выбора...»

* * *

В отряде Ибрая было двадцать семь Бессмертных. Двадцать семь воинов, отмеченных печатью Создателя. До начала операции Ибрай никого из них не знал. Бессмертных собирали по всему правоверному миру, уцелевшему после порчи и огня, насланных врагами Учения. Враги не признавали своей вины. В эпидемии порчи они обвиняли братьев Ибрая по вере. Они утверждали, что «Абу Маджи» обратился против своих создателей, хотя каждый истинно верующий знал: «Разящий меч» совершенно безопасен для тех, кто каждый день пятикратно обращает молитву на восток. Эту истину Ибрай испытал на себе, ведь именно он был одним из тех, кто доставил контейнеры с «Абу Маджи» по назначению. Он остался невредимым и несколько недель наблюдал, торжествуя, как «Разящий меч» собирает кровавую жатву. Враги лгали, все время лгали, и ложь была наименьшим из их преступлений.

Совершенные злодеяния требовали отмщения, и Ибрай готовился мстить. Но месть стала не главной причиной рейда Бессмертных. Миссия Ибрая была намного важнее. Он знал, что многие из врагов сами пали жертвой своего коварства. Немало их городов сегодня представляли собой такие же руины, как и родина Ибрая — горный поселок Ваджшер. Война должна продолжаться до полной победы. Каждый, кто не разделяет Учение, есть враг, подлежащий уничтожению. Следующий удар будет нанесен с мертвых земель, в которые «Абу Маджи» превратил часть территории противника, оттуда обрушится

неисчислимая лавина бойцов, не знающих пощады. Ученые мужи уже почти отыскали средство от порчи. Вслед за отрядом Бессмертных через мертвые земли пойдет армия воинов.

Двадцать восьмой спутник Ибрая воином не был, хотя тоже относился к Бессмертным. Ибрай не знал даже его имени. Он и другие воины должны были называть его просто Ходжа — господин. Этот человек с короткой бородкой на круглом лице был довольно молод (вряд ли возраст его намного превосшел рубеж тридцатилетия), однако среди самых верных слуг Создателя он занимал очень высокий пост. Услышав, что Ходжа отправится с ними в долгий и опасный путь, Ибрай постарался собрать о нем какие-то сведения. Узнать удалось немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы исполниться гордостью за то, что именно ему, Ибраю, доверили честь сопровождать такого человека.

Ходжа был ученым. В свое время он учился в лучших университетах мира, неизменно поражая наставников своим талантом. И именно Ходжа был в числе тех, кто ковал «Разящий меч», оттачивал его смертельное острие. Ибрай не стал делиться своим знанием с бойцами — он уважал требования дисциплины и конспирации. Однако каждый из Бессмертных и сам почувствовал высокое значение их миссии.

Поход отряда Ибрая был не только разведывательным. Самые выносливые воины, Шадри и Усман, несли два герметичных контейнера, которые надлежало раскрыть, когда отряд минует эту покинутую территорию. И тогда враг получит еще более сокрушительный удар. Ибрай поставит последнюю точку, определив час окончательной победы.

Они легко пересекали границы, оставшиеся лишь на старых картах, уничтожив по пути деревню неверных. Деревню можно было, конечно, обойти стороной, но Ибрай хотел посмотреть, каковы его воины в деле. Жаль, что работа оказалась несложной. Враги не были готовы к атаке, у них почти не оказалось оружия. Что до скрытности рейда — она была сохранена. Бессмертные не оставили в живых ни одного человека — ни взрослых, ни детей.

Отряд продвигался медленно. Окружающий лес был настолько диким и густым, что Ибраю приходилось то и дело сверять с компасом направление движения. Сейчас они шли все вместе, компактной группой: держать впереди разведку не имело смысла, в этой чаще разведчики могли просто потеряться. Ибрая несколько беспокоило, что здесь отчего-то не работала радиосвязь. Эфир на всех частотах заполняла шелестящая атмосферными разрядами тишина. Это странно. Мертвые земли были и в правдивом мире, однако там радио рабо-

тало как обычно. Может, это очередная уловка противника? Но, поразмыслив, Ибрай отверг такое предположение, хотя бы потому, что их маленькие личные рации, дальность действия которых не превышала двух километров, действовали в обычном режиме.

По лесу они шли уже второй день, не встретив ни единой души, что отнюдь не сделало их менее бдительными. Ибрай, как и каждый из Бессмертных, немедленно отмечал происходящие вокруг них изменения. Первое: в лесу не было жизни. Ни птиц, ни зверей. А позже исчезли даже комары, еще вчера висевшие над каждым Бессмертным надоедливый зудящий облаком. Ибрай раскопал несколько муравьиных куч, но не нашел ни одного насекомого. Дома этих маленьких существ оказались пусты, словно их хозяева пустились в поспешное и паническое бегство, обронив впопыхах лишь несколько яиц и куколок. Такого Ибрай прежде не видел: и «Разящий меч», и ответная порча неверных поражали только людей. Животным и уж тем более насекомым, как подтвердил Ходжа, они никак не могли причинить вреда. Даже этот мудрый человек был немало удивлен открытием Ибрая.

Другой странностью оказалось поведение светила. Оно стояло уже высоко, и хотя небо затягивала сплошная облачная пелена, очертания солнечного диска угадывались достаточно четко. Взглянув в очередной раз на компас, Ибрай увидел, что красный конец магнитной стрелки показывает вовсе не в сторону солнца. Озадаченный, он даже легонько встряхнул прибор, но стрелка вновь заняла прежнее положение. Ибрай знал, что такое магнитные бури, однако поведение стрелки было иным. Она не дрожала, не дергалась из стороны в сторону, но уверенно указывала новое, непривычное направление. Страны света как будто поменяли свое положение, переместившись против хода часов на четверть круга.

Ибрай остановил отряд для краткого совещания. Он с удовлетворением убедился, что его воины удивлены, однако совершенно не напуганы. Ходжа предположил, что там, куда указывает синий конец стрелки компаса, сосредоточено много железа. Может, здесь огромный завод или кладбище военной техники? Или секретная лаборатория, в которой враги разрабатывают новое оружие? Сейчас не это было главным. Гораздо важнее определиться, куда двигаться дальше. Продолжать ли следовать указаниям прибора или ориентироваться исключительно по солнцу?

«Нужно узнать, что находится на севере, — высказал мнение Ахмад. — Нам не придется идти далеко. К тому же мы всегда можем вернуться тем же путем».

Ибрай, в принципе, был с ним согласен. Главной задачей отряда оставалась разведка, именно для того, чтобы узнать о происходящем здесь, они сюда и пришли.

Внезапно раздался гортанный крик Джамала. Он расположился на самом краю крохотной полянки и сейчас вскочил, направив оружие куда-то в темное сплетение кустарника. Ибрай вновь восхитился выучкой своих воинов. Без малейшей паники они мгновенно и слаженно развернулись в сторону предполагаемой опасности, готовые немедленно открыть огонь. Протекла долгая минута, а потом Бессмертные поняли причину беспокойства Джамала. Что-то медленно двигалось из тени деревьев в сторону яркого пятна солнечного света, шевеля траву. В движении этом не ощущалось ничего угрожающего. Джамал подобрал с земли сухую валежину и осторожно отвел низкие ветви. Это был корень. Станный белый корень с гладкой, блестящей кожей, на которой кое-где выступали короткие отростки; выбравшийся из влажной земли, он неторопливо тянулся на поляну, полностью игнорируя присутствие людей. Он достигал толщины бедра взрослого мужчины, но явно не представлял никакой угрозы. Добравшись до центра, слегка углубился в почву и замер.

— Ш-шайтан! — выдохнул Ахмад.

Подошел и коснулся корня стволом автомата — вначале легонько, потом сильнее. Ничего не произошло. Джамал выхватил тяжелый нож и рубанул с отяжкой. Нож глубоко врезался в древесину, на почву брызнули капли прозрачного сока. Джамал с усилием выдернул клинок и взмахнул еще раз. За несколько ударов корень был перерублен пополам. И внутри, и снаружи он выглядел как самая обыкновенная деревяшка. Это было всего лишь растение. Ничего интересного. Мало ли странностей среди сотворенного Создателем! Ибрай приказал отправляться в путь.

* * *

Последние полчаса поездки в никуда наша бронированная повозка тряслась с такой силой, будто дорога сплошь была изрезана противотанковыми рвами. Может, так оно и было на самом деле: иллюминаторы для пассажиров в чреве камуфлированного чудовища с восемью колесами не предусмотрены, созерцать местность мы не могли.

Генерал и его молчаливый спутник с кулаками-кувалдами занимали места спиной к кабине. Мы сидели на скамейках вдоль бортов, крепко ухватившись за поручни, и беспокоились главным образом о том, чтобы очередной мощный толчок не подбросил нас к потолку.

Ёжик чувствовал себя лучше всех. Болтанка его не тревожила. Напротив, он считал это чем-то вроде новой забавной игры, которая оказалась ему по вкусу. Ёжик широко улыбался и ласково кивал нам, губы его шевелились, но в грохоте, заполняющем металлическое пространство кузова, слов разобрать было невозможно. Путь, который выбирал невидимый нам водитель, оказался странно петлистым: к вертикальным толчкам добавлялись боковые, будто вездеход, не снижая скорости, то и дело уворачивался от столкновений с чем-то или кем-то.

Катастрофа началась двадцать один год назад, когда смертники Армии Учения сменили упакованные пластидом и стальными шариками пояса шахидов на контейнеры с вирусом «Абу Маджи». Они называли его именем какого-то своего мученика за веру. Если быть точным, оригинальное название звучало немного иначе: «Разящий меч Абу Маджи», но вирусологи вполне обходились и кратким вариантом. Как ни странно, даже соединенными усилиями разведок мировых держав так и не удалось выяснить, где именно варилось это адское зелье. Ясно было лишь то, что его изготовление требовало исключительно сложного современного оборудования, высококвалифицированных научных кадров и огромных финансовых вложений. На этот раз первый удар был нанесен не по Америке, а по Европе.

Болезнь вспыхнула сразу в нескольких столицах, распространяясь с невероятной скоростью. Первое время медики пребывали в неведении относительно источника эпидемии: идентифицировать шахидов, выливших содержимое своих контейнеров на пол дискотек, ресторанов, музеев или просто в центре городской площади и погибших одними из первых, среди сотен прочих трупов было невозможно. Все разъяснила ликующая информация, появившаяся спустя месяц на сайте Армии Учения. «Карающий меч откован. Он поразит нечистых, истребив всех до одного». Тут фанатики значительно преуменьшили возможности своего меча. «Абу Маджи» вместе с «нечистыми» одинаково эффективно косил и «чистых».

Америка наглухо закрыла свои границы, но было уже поздно — «Абу Маджи» забросили на ее территорию заранее, камикадзе с контейнерами давно бродили по улицам мегаполисов, дожидаясь условного сигнала. У России возможность перекрыть границы отсутствовала давно, однако принципиального значения это не имело — везде события развивались по одинаковому сценарию.

Что произошло дальше — хорошо известно. Точечные удары возмездия тактическими ядерными, а затем и нейтронными бомбами по предполагаемым центрам производства «Абу Маджи» и возможным

спонсорам Армии Учения, почти полное прекращение добычи нефти на Среднем Востоке, карантинные зоны, расплывающиеся на континентах, словно чернильные кляксы по промокашке, и постепенно сливающиеся в огромные Территории, границы стерильных земель, на которых укрывались те, кому это полагалось по статусу или было по средствам, семилетний абсолютный хаос, постепенно сменившийся неким подобием стабилизации... Хотя стабилизация — слишком сильно сказано. Просто люди обладают потрясающей способностью приспособляваться.

Наша Территория начиналась к юго-востоку от Москвы и занимала огромное пространство. Болезнь оказалась не единственной бедой, обрушившейся на эти земли. В шестнадцатом году грянуло чудовищное землетрясение. По всем геологическим законам такого землетрясения здесь произойти просто не могло. Но оно случилось, и хотя его эпицентр располагался глубоко на Территории, катаклизм затронул десятки крупных и мелких городов вне ее пределов. Впрочем, истинные масштабы землетрясения не были известны до сих пор — подсчитывать потери на земле, по которой прошелся безжалостной косой «Абу Маджи», никто не брался.

Болезнь, катаклизм, а теперь еще и это.

Я воспроизводил в памяти утреннюю встречу с Генералом. На этот раз он был сдержан, сух и точен в ответах.

«Почему вы нас посылаете туда именно сейчас?» — спросил я.

«Потому что послать больше некого, — был ответ. — Вы слышали о городе Лисьегонке? Нет? Значит, теперь уже никогда не услышите. Две недели назад он был уничтожен. Кто и как это сделал, нам неизвестно. Но мы знаем, что это пришло с Территории. И туда же убралось, когда работа была закончена».

«Нечто подобное происходило раньше?»

«Только однажды. Четыре года назад пограничный с Территорией населенный пункт был стерт с лица земли. Тогда и стартовал Проект. Мы начали искать таких, как вы. А теперь времени уже нет. Мы не можем пассивно ждать следующего удара...»

Он по-прежнему ненавидел каждого из нас, наш Генерал в чине полковника, но сейчас мы были единственным его оружием, единственной надеждой. Пожалуй, я несколько несправедливо заподозрил его в театральной патетике. Генерал был искренен в своих эмоциях, он просто не умел выражать их иначе.

Я не сумел понять сути лишь одной его реакции — когда осторожно, но твердо сообщил, что мы ни в коем случае не намерены остав-

лять на спецобъекте Ёжика. Генерал будто ждал этого. Он улыбнулся странной улыбкой, выразившей одновременно злорадство и облегчение. «Наши намерения в данном случае полностью совпадают», — ответил он.

Мы ехали уже больше часа и начали ощутимо уставать не только от дороги, но и от неопределимости времени и расстояния, отделяющего нас от конечной точки маршрута. Расхожее утверждение, мол, хуже всего ждать и догонять, всегда поражало меня своей нелепостью. Странно, что кому-то может не нравиться азарт и романтика погони. И, уж конечно, ощущения убегающего гораздо менее комфортны, чем того, кто его преследует. Да и в ожидании можно найти немало полезного — хотя бы возможность спокойно поразмыслить. Но сейчас такой возможности у нас не было. Мысли от тряски разлетались, словно стальные шарики из лопнувшего подшипника. Я ощущал себя неодушевленным предметом, плохо закрепленным грузом, сохранность которого абсолютно безразлична и отправителю, и получателю.

Вездеход сбросил скорость и неожиданно плавно остановился. Грохот двигателя сменился тишиной, звенящей в наших ушах, как согласное пение миллионной комариной армады. Генерал и его помощник, обалдевшие от поездки не меньше нас, неловко протиснулись к выходу, распахнули дверцы и первыми спрыгнули на землю. Мы терпеливо ожидали команды, и она последовала спустя пару минут.

— Выходите!

Снаружи стояла темная и довольно теплая для этого времени года ночь. Разминая затекшие мышцы ног, я сделал несколько шагов в сторону от тусклого пятна света из кабины, запнулся о корень и едва не врезался лбом в дерево. Постепенно оживающие чувства подсказывали, что мы находимся на опушке леса. Мои спутники топтались на невысокой и редкой траве, а Стажер тем временем сноровисто выбрасывал из кузова плотно набитые вещевые мешки.

— Территория начинается примерно в полукилометре отсюда, — негромко заговорил Генерал. — Через сорок минут начнет светать. В мешках у каждого из вас пятидневный запас продуктов, одеяла, теплые вещи и всякие полезные мелочи. Экипировали вас специалисты, так что в этом отношении все в порядке. Там же оружие, хотя вряд ли в нем возникнет нужда. В одном из мешков рация со сменным комплектом батарей. Ее с собой не берите, оттуда связаться все равно невозможно, оставьте где-нибудь неподалеку, на приметном для себя месте. Рация водонепроницаемая, с ней ничего не случится. Задача, полагаю, вам ясна. Пройти в глубь Территории, взять пробы почвы,

воды, воздуха и прочего. Выяснить все, что возможно, о происходящем там. Не подвергать себя опасности. Нам нужна только информация. Мы ждем от вас сообщений через пять дней.

— А если сообщений не будет? — вежливо поинтересовался Костя.

— Тогда, естественно, ждать перестанем, — с зеркальной, но изрядно приправленной сарказмом вежливостью ответил Генерал. — Но хочу вас предостеречь: не пытайтесь вместо выполнения задания скрыться. У нас есть возможность узнать об этом и отреагировать соответственно. Вы меня понимаете? Это не угроза — просто констатация, мы не имеем права рисковать. Вот и все, что я собирался вам сказать. Какие-нибудь вопросы есть?

— Скажите, уважаемый, — спросил Вартан, нарочито усиливая акцент, — а ваш сотрудник, он что, совсем немой, да?

Отвечать Генерал не стал. Вместе со Стажером они захлопнули дверцы кузова, а потом забрались в кабину водителя. Вездеход глухо заревел, обдал нас душным выхлопом, развернулся по широкой дуге и скрылся во мраке. Мы оставались неподвижными до тех пор, пока шум мотора полностью не растворился в ночи.

То ли мое зрение постепенно адаптировалось к темноте, то ли начинался рассвет, но сейчас я довольно хорошо различал не только силуэты своих спутников, но и ближайшие деревья.

— Ну что ж, есть время позавтракать, — Костя нагнулся к ближайшему мешку. — Надеюсь, фонарики они не забыли положить.

— Я бы не стал сейчас пользоваться фонариком, — сказал Игорь. — Лучше подождем, пока рассветет.

— Ты что-то чувствуешь? — спросил я.

— Да... мне кажется. Но я не понимаю... Что-то совсем незнакомое... Хотя довольно далеко отсюда.

— А оно нас чувствует?

— Не уверен... Нет, скорее всего, нет.

Игорь — полный телепат. То есть он не только «слышит» чужую мысль, но и способен транслировать собственную. У адресата трансляции при этом возникают весьма необычные впечатления, и с непривычки переносить их немного жутковато. Ты воспринимаешь не речь, не слова — никакого «голоса извне» — и даже не образы, а ощущения, которые тебе не принадлежат и которые приходится затем переводить в слова. Словно бы под черепной коробкой вдруг неведомо откуда появляется абсолютно чужое и не зависимое от тебя существо. Но с помощью Игоря мы общались все то время, когда нужно было обойтись без участия тех, кто следил за каждым нашим шагом.

— Ты не попытался понять, что Генерал имел в виду, когда говорил о возможности нас обнаружить? — спросил Вартан.

— Попытался, но не понял, — сказал Игорь. — Однако Генерал не блефовал. У него действительно есть какой-то сюрприз.

— Чего там понимать! — проворчал Костя. — Микропередатчики, зашитые где-то в мешках или в нашей одежде. В определенное время выдадут короткий контрольный сигнал, который наверняка постоянно пеленгуется. Конечно, мы можем потратить сутки или двое, распарывая каждый шов. Или просто выкинуть все к чертовой матери и рвануть отсюда голышом, но нас немедленно начнут ловить, потому что пеленг меняться больше не будет.

— Значит, надо сначала найти штаны и ботинки, я правильно говорю? — спросил Вартан. — А наши вещи посадить на попутный поезд?

— Только он обязательно должен идти в глубь Территории, — уточнил Костя. — А таких тут нет, насколько я знаю.

— Здесь вообще нет никаких поездов, — вздохнул я.

* * *

Генералу я не соврал. На Территории я действительно оказался случайно, сознательно подвергать себя опасности заболеть я бы не стал. После выигрыша в блэк-джек за мной погналась банда, державшая «крышу» казино в паршивом придорожном мотеле под претенциозным названием «Эскамилльо». Моя ошибка заключалась в том, что в тот раз я позволил эмоциям возобладать над трезвым расчетом. Посетителей казино бессовестно грабили, используя крапленые карты — именно это возмутило меня настолько, что я забыл об обычной осторожности. В карты я, как правило, не играю, поскольку результат игры (если она ведется честно) плохо поддается прогностическому анализу. Рулетка — другое дело. Характер вращения колеса, степень шероховатости поверхности, форма шарика, среднее усилие бросающего — все это после десяти—пятнадцати минут наблюдения складывалось в моем мозгу в четкую вероятностную картину, которая позволяла мне делать ставки с восьмидесятипроцентной гарантией успеха. При таком соотношении шансов роли игрока и казино меняются на противоположные. Я неторопливо выигрывал заранее определенную сумму и уходил, ловко имитируя поведение дурака, на которого свалилось неожиданное счастье. Иногда для отвода глаз я позволял себе намного более крупный выигрыш, однако последней ставкой проигрывал все, на мой взгляд, лишнее — и тогда покидал казино, горько оплакивая потерянные деньги. Даже ушлые владельцы заведений провожали меня,

не сомневаясь, что в выигрыше остались они, а не случайный посетитель. И только спустя какое-то время осознали: воюющий от обиды простофиля обменял в кассе оставшиеся у него фишки на десять тысяч долларов. Их тысяч долларов.

Потом я перебирался подальше, минуя два или три санитарных кордона. Генерал был не совсем прав: я не то что трижды — дважды не играл в одном и том же казино. Благо их развелось за последние годы невероятно много: при отсутствии контроля из центра каждый губернатор использовал этот источник дохода на всю катушку.

Но в тот раз все происходило по-другому. Крупье, который точно знает, какая карта выпадет следующей, становится бесценным источником информации, хочет он того или нет. Изменение размера зрачков, сокращения лицевых мышц, движения рук — все это с абсолютной достоверностью подсказывало мне: брать или отказаться от продолжения игры. Я открывал двойку на девятнадцати или прекращал игру, набрав тринадцать, потому что следующим шел туз. Тогда я не смог остановиться вовремя, мной безраздельно владел азарт. Нет, не игрока — это был азарт преследователя и мстителя. Я прекратил игру, вытянув из кассы казино около сорока тысяч. Для заведения подобного уровня это было немалой утратой, которой хозяева допустить не могли.

Я отлично понимал это, и следующие полчаса провел в баре, демонстрируя поведение счастливицы, сорвавшего заветный плод с дерева Фортуны. То есть делал вид, что накачиваюсь спиртным, щедро угощая облепивших меня девиц, кормившихся придорожной любовью. Одну из них я даже пригласил в номер. Мне позволили спокойно покинуть игровой зал, поскольку грабить намеревались именно в номере. Поэтому я туда не пошел. Сделав вид, что отлучаюсь на минуточку в туалет, вручил ключ своей случайной подруге и попросил ее ждать меня в комнате, а сам покинул негостеприимное заведение через узкое окно сортира.

По давней привычке свою машину я всегда ставлю на самом удобном для поспешного бегства месте. Поэтому очень скоро мчался по ночному шоссе. К сожалению, мой отъезд не остался незамеченным: один из охранников дежурил на стоянке. Помешать мне он не успел, но спустя несколько минут за мной погнался целый отряд. Все они были местными жителями и знали окрестности намного лучше меня. Шансов скрыться без следа я не видел и сделал единственное, что мне оставалось: свернул на дорогу, ведущую на Территорию.

За мной они, конечно же, не поехали — ну какой дурак станет искать там свою кончину! Однако я знал, что преследователи так просто не откажутся от добычи и непременно будут стеречь какое-то время, дожидаясь моего возвращения. Поэтому был вынужден выезжать с Территории в ином месте другой дорогой, на поиски которой у меня ушло почти двое суток. Выпавшие мне за это время впечатления я бы не отнес к положительным и старался вспоминать о них пореже. Я был уверен, что заразился, но относился к этому философски. Конец настанет рано или поздно и даже лучше, если он настигнет меня в расцвете сил: медленно и мучительно умирать вместе с остальным миром, участвовать в его агонии — все это представлялось мне весьма печальным занятием. Однако оказалось, что Территория надо мной не властна. Я узнал это при пересечении очередной областной границы, когда получил на контрольном пункте результат обязательного экспресс-анализа крови.

Видимо, как раз тогда я и попал впервые в прорезь прицела Проекта. У Конторы оказалось достаточно осведомителей и среди гангстеров, и среди врачей на кордонах во всех суверенных владениях.

— Чего мы ждем? — спросил Вартан. — Белого дня, что ли? Давай трогаться. Обойдемся без фонариков. Пока совсем не рассветет я пойду первым, вы за мной. Не потеряемся.

— Вообще-то они нас могут не только пеленговать, но и слышать, — задумчиво произнес Костя.

— Только до границы Территории, — отмахнулся Вартан. — Там их «жучки» лапки откинут в разные стороны. А то, что я в темноте вижу — они и так знают.

— Тогда там и поговорим, — заключил Игорь. — Пошли!

Неглупый человек стоял, по всей видимости, в основании Проекта, определив первую зону поиска кандидатур среди удачливых игроков. Не просто удачливых, но удачливых постоянно и, самое главное, незаметных в своей удаче. За исключением того самого случая я никогда не играл в карты. Вартан же никогда не испытывал счастье за столом рулетки, и потому до встречи на спецобъекте мы не знали друг друга. Способности Вартана не ограничивались нокталопией, еще он был живым инфралокатором, именно это качество позволяло ему различать масть и старшинство карты вне зависимости от того, какой стороной она к нему повернута. Подозреваю, впрочем, что карты, обращенные ребром, Вартан прочитать бы не сумел, однако его партнерам такое в голову, конечно же, не приходило. Но главным достоинством Вартана, с точки зрения Генерала, был, разумеется, иммунитет к Блезни.

— Сколько времени ты провел на Территории? — спросил я.

— Около недели, — Вартан приподнял вещевой мешок и опустил на землю. — Ого! Тяжелый, однако.

Только сейчас я осознал, что армянский акцент из его речи совершенно исчез, и не удивился этому. Здесь, без надоевших наблюдателей, ни у кого из нас не было необходимости играть и притворяться.

— Я же говорю, что часть груза нужно немедленно съесть, — проормотал Вартан и откинул клапан, но вытащил из своего мешка не еду, а пистолет с длинным стволом.

— «Стечкин», — хмыкнул Костя, взял у него оружие, повертел в руках и вернул Вартану. — Неплохо, конечно, хотя лично я предпочел бы «клин» или «кипарис». Ладно, дареному коню в зубы не дают.

— Не смотря, — поправил Игорь. Он был занят тем, что готовил к походу Ёжика. Тот вскинул мешок одной рукой без малейших усилий, надел лямки на плечи и теперь ждал, пока Игорь подтянет пряжки.

— Кто не смотря? — выпал из темы Костя.

— Да никто, — ответил Игорь.

— Нечего там смотреть, — сказал свое слово Вартан. — Идти надо, вот и все дела!

— Между прочим, оружие я все же советую приготовить, — заметил Костя. — Кобура открытая, пристегивается к поясному ремню. Неплохо бы потренироваться быстро выхватывать пистолет. Мастерства Билли Кида вам, конечно, не достичь, но хотя бы на уровне деревенского участкового...

Костя — профессиональный военный, единственный в нашей компании. И единственный из своего подразделения, кто остался в живых, когда то ли свихнувшийся, то ли в стельку пьяный начальник отдал приказ лупить по Территории из «градов», забыв о том, что всего час назад сам отправил туда Костин взвод спецназа. Это случилось после первой атаки с Территории, о которой говорил Генерал. Как Костя выжил, оставалось загадкой, потому что когда начальника скрутили, спасательная команда смогла обнаружить на месте ракетной атаки лишь обугленные клочки плоти.

Костю тогда не нашли. Он появился в расположении части только спустя четверо суток, объяснив, что все это время валялся в лесу без памяти после контузии. Через несколько месяцев, когда всю спасательную команду убила Болезнь, кто-то из Проекта обнаружил, что Костя до сих пор жив. Ему пришлось много хуже, чем нам. Костю содержали в жестком карантине спецобъекта около двух лет. Он был первым пациентом доктора Анциферова и большую часть своего за-

ключения — до тех пор пока на спецобъекте не начали появляться другие узники — провел в одиночестве.

Кроме пистолетов Генерал вооружил нас десантными ножами в ножнах, которые после несложной манипуляции способны превращаться в кусачки. Их мы тоже прицепили к поясам, прежде чем двинулись цепочкой в глубину леса, выдерживая расстояние, достаточное, чтобы разглядеть спину идущего впереди. За Вартаном шел Костя, потом Игорь и Ёжик, я оказался замыкающим. То ли Вартан обнаружил тропинку, то ли исключительно аккуратно выбирал путь, но шагать было нетрудно: ноги не цеплялись за корни деревьев, а ветви подлеска не хлестали по лицу. Впрочем, утро приближалось быстро, и наступил момент, когда помощь Вартана стала нам уже не нужна. Нет, тропинок здесь не обнаружилось, но этот участок леса оказался сухим и не слишком густым, почва ровной; он больше походил на городской парк, хотя и заброшенный.

— Привал, — сказал Вартан, сбрасывая с плеч мешок к корням толстого дуба. — Мы на Территории, вот теперь можно нормально поговорить. И перекусить, кстати. Нет, честно, мне за время поездки все кишки так протрясло, что просто необходимо их чем-то заполнить.

Мы настороженно осматривались. Лес был тих и пуст. Слишком уж тих, показалось мне.

— Ну, что будем делать? — спросил Игорь.

— Вариантов у нас немного, — пожал плечами Вартан. — Собственно, всего два. Или мы идем вперед, собираем, насколько возможно, информацию, а потом возвращаемся... или плюем на все и уже сейчас рвем отсюда.

— Куда? — хмыкнул Костя.

— Да куда угодно, лишь бы подальше от наших друзей. Например, в Казахстан, Китай или хотя бы за Урал. Я слышал, Контора там власти имеет немного.

— Чтобы достать нас, власти много не требуется, — мрачно сказал Костя. — Достаточно слух пустить, что пять опасных уродов сбежали. И награду пообещать. Любой алкаш будет только мечтать, чтоб найти да настучать поскорее. А местные со страху спать перестанут, пока нас не выловят да огнеметом не пожгут. Нет, я за то, чтобы все сделать по-честному, как договаривались.

— А ты уверен, что эти молодцы из Конторы будут выполнять договор? — спросил Игорь. — Может, просто выкачают из нас информацию, а потом все равно под огнемет? Что вы на этот счет думаете, Профессор?

— Я думаю о том, что совершенно не представляю, какие дела сейчас творятся в Китае. А также в Казахстане и за Уралом. Возможно, там мы наткнемся на такую же Территорию. В сущности, оба варианта мне не нравятся одинаково. Но не исключено, что существуют и другие.

Ёжик уловил общий невеселый настрой, принялся что-то взволнованно бормотать, постукивая кулаком по земле, но внимания на него не обращали. Взгляды моих спутников сейчас были устремлены на меня.

— Например? — заинтересовался Вартан.

— Ну, хотя бы просто не возвращаться.

— Как это?

— Ты же знаешь, что Территория отнюдь не пустует, — ответил я.

Некоторое время он смотрел на меня, а потом внезапно вскочил, словно подброшенный подкидной доской.

— Я-то знаю! — возбужденно крикнул он. — А ты знаешь, что говоришь? Ты сам-то хоть что-нибудь здесь видел?

— Кое-что, — миролюбиво попытался я уклониться от продолжения, но Вартана это не удовлетворило.

— Ты ничего не видел, если так говоришь! — акцент его вновь стал отчетлив.

— Подожди, Вартан, — остановил его Костя. — Кажется, у нас есть тема для обсуждения. Странно, что мы не сделали этого раньше. Каждый из нас побывал на Территории и что-то о ней знает. Наверное, немного. Самое время поделиться этой толикой с остальными. Давай ты, Вартан.

— Я скажу, — Вартан моментально успокоился, как с ним происходило всегда. — Я был здесь год назад. Сбил с дороги, какая-то сволочь на развилке сломала шлагбаум и выкинула знаки. А когда понял, что еду не туда — было поздно. Машина попала на такой ухаб, что я пробил картер. Через пять минут двигатель намертво заклинило. Но я еще не знал, что нахожусь на Территории, и как дурак поперся по дороге дальше, рассчитывая добраться до какого-нибудь жилья. А потом дорога кончилась.

— Где?

— Нигде. Просто кончилась, и все. Асфальт уперся в лес, будто дорожники просто бросили свое дело. Только здесь до меня дошло, куда я попал. Конечно, я немедленно повернул назад, но тут появились твари.

— Кто? — спросили мы в один голос. Кроме Ёжика, конечно.

— Твари, — повторил Вартан. — Похожи на людей, но совсем не люди. Очень страшные.

— Мутанты? — предположил Игорь.

— Нет, — энергично помотал головой Вартан. — Мутанты — тоже ведь люди. Но эти к человеческому племени не имеют отношения, я уверен. Они меня не увидели — было очень темно. Я заметил их первым и успел спрятаться в лесу.

— Как они выглядели? — спросил Костя.

— Не могу сказать точно, — замялся Вартан. — Я же говорю: было очень темно, и я смотрел на них издалека. Длинные руки, большие головы наклонены вперед...

— Обезьяны? — предположил Игорь.

— Нет! Они двигались совсем не так. Очень странно они двигались. Плавно и быстро. Как тени.

— Может, это и были тени? А ты просто ошибся в темноте? — задал я вопрос, но Вартан презрительно фыркнул, не удостоив меня ответом.

— Что было дальше?

— Я рванул в лес и, конечно, заблудился. И это тоже очень странно. Вообще-то я хорошо ориентируюсь в лесу. К тому же солнце выходило из-за туч достаточно часто. Клянусь, я должен был выбраться за пределы Территории уже к вечеру следующего дня, но не вышло. Потом заметил, что лес вокруг меня очень странный. Незнакомые деревья, кустарники. Там было много ягод, но я не стал их пробовать. В общем, проплутал я в этом лесу целую неделю и остался жив только потому, что с собой у меня была какая-то еда.

— Как же ты выбрался? — спросил Костя.

— Сам не знаю, — признался Вартан. — Просто перся куда глаза глядят. И вдруг услышал вдалеке шум проходящих машин. А часа через два вышел на дорогу.

— И этих тварей больше не встречал?

— Нет, — сказал Вартан. — И ничуть о том не жалею... Ну ладно, теперь пусть расскажет Профессор.

— Кое-что у нас совпадает, — начал я. — Например, дороги, которые внезапно обрываются. На счастье, свою машину я вел очень осторожно и не разбил. Но несколько раз оказывался в таких же тупиках, о которых говорил Вартан. Тогда я разворачивался и ехал обратно. Поскольку возвращаться туда, откуда приехал, мне не хотелось, я пытался отыскать обходной путь. Съезжал на лесные грунтовки. Выбирался на новое шоссе и вновь утыкался в тупик. С солнцем тоже происходило что-то не то — тут я Вартана понимаю очень хорошо. Мне вдруг казалось, что светило находится вовсе не там, где ему по-

ложено быть в это время суток. Честно говоря, особо над этим я тогда не задумывался, все-таки главным ориентиром для меня служили дороги. Обе ночи я провел на просеках. Ничего необычного не заметил и выбрался к вечеру второго дня.

— Насчет солнца и у меня совпадает, — сказал Костя. — Но, боюсь, кроме этого, мне рассказать почти нечего. Меня тогда действительно здорово оглушило. Я даже не знаю, сколько там провалялся... Ну, еще сны какие-то, бред. Хотя и странный. Я словно плыл — не по воде, нет! — просто в пространстве, плавно и медленно. Вокруг мелькали непонятные тени, раздавались странные звуки, а потом я снова полностью отключался. Окончательно очнулся на лужайке. Лес вокруг был самый обычный. И я тоже, поплутав немного, пошел на звук магистралей. А когда вышел, узнал, что отсутствовал четверо суток. Должен был исхудать — но нет, только проголодался.

— Это ни о чем не говорит, — произнес Игорь. — В коме жизненные процессы сильно замедляются.

— Ну а ты что нам расскажешь? — спросил Костя.

— К сожалению, тоже немного. Я пробыл на Территории меньше всех вас — один лишь день. Хотя, чтобы заразиться, этого вполне достаточно.

— Как ты туда попал?

— Да так... случайно, — смутился Игорь, потом немного подумал и решительно продолжил: — Попал туда по глупости. Я просто устал и хотел... да ничего я уже не хотел. В общем, просто пошел, не собираясь возвращаться. Шлепал без дороги и без цели до тех пор, пока не услышал... вернее, не почувствовал нечто такое, что меня жутко напугало. Я не знаю, боялся ли я когда-нибудь в жизни настолько сильно. Наверное, все же нет. Я даже не знаю, как вам объяснить... Словом, в какой-то момент впереди оказалось что-то страшно чужое. Равнодушное и одновременно очень опасное.

— Ты видел, что это? — нетерпеливо перебил Игоря Вартан, но тот отрицательно помотал головой.

— Нет. Я только слышал его мысли... или то, что ему заменяет мысли. Но этого оказалось достаточно. Я упал на землю и пополз назад, задыхаясь от ужаса. А потом бросился бежать. Вот, собственно, и все. На солнце я внимания не обращал. Не до того было.

— Вот видите! — воскликнул Вартан. — У нас с Игорем тоже совпадает! Только он услышал, а я увидел!

— Что же это за дрянь такая? — озадаченно спросил Костя.

— Думаю, мы очень скоро это узнаем, — пожал я плечами. — Для

полноты картины нам не хватает только рассказа Ёжика. Но, боюсь, его мы не услышим.

Мы все посмотрели на Ёжика, который ковырял что-то щепочкой, склонившись к самой земле. Ощувив всеобщее внимание, он выпрямился и улыбнулся.

— Интересно, что ты мог бы нам рассказать, Ёжик? — проговорил Костя.

— Ёжик хочет кушать, — радостно объявил тот. — Нужно кушать всем. Игорь тоже хочет кушать.

— Он мудр, наш Ёжик, и я полностью поддерживаю его предложение, — тут же подхватил Вартан и принялся распаковывать свой мешок.

* * *

Лес наконец изменился. Непролазная поросль кустов сошла на нет, Бессмертные ступали по ковру из невысокой красноватой травы меж толстых, в два обхвата, стволов деревьев, росших на порядочном удалении друг от друга. Пологие подъемы чередовались с неглубокими ложинами, по дну некоторых текли ручьи. Местность вокруг просматривалась гораздо лучше, и Ибрай выслал в авангард Сауда и Лечи. Радиосвязь здесь не действовала совершенно: эфир заполнял густой треск атмосферных разрядов, делая невозможным использование даже их маленьких карманных раций, поэтому Ибрай распорядился выключить приборы. В случае опасности разведчики должны были просто как можно быстрее вернуться к отряду.

В лесу появилась живность. Несколько раз Ибрай улавливал стремительное движение мелких зверьков, прячущихся от пришельцев в норах под корнями. Однажды над головами Бессмертных мелькнула тень птицы, скрывшейся в густой кроне дерева, прежде чем кто-либо сумел ее разглядеть. Наверное, это было неплохое место для охоты. Ибрай подумал, что когда-нибудь — когда война закончится — он вернется сюда и поохотится на славу. Но сейчас отвлекаться было нельзя, и Ибрай отогнал посторонние мысли подальше.

Он услышал позади слева короткий вскрик и обернулся. Ахмад с ругательствами яростно топтал землю. Лицо его было искажено отвращением. Ибрай подбежал посмотреть, но было уже поздно: тяжелые ботинки Ахмада превратили объект его атаки в комки синеватой слизи.

— Что это было, Ахмад?

— У-у, ш-шайтан! Не знаю. Как змея, но только хуже!

— На что это похоже? — допытывался Ибрай.

— Ни на что, клянусь! Ничего подобного не встречал. Вот такая, — Ахмад развел ладони примерно за тридцать сантиметров, — плоская и быстрая. Она бросилась из травы и хотела откусить мне ногу.

— Ты видел у нее зубы, Ахмад? — насмешливо спросил Джамал.

— Я видел опасность, Джамал, это главное, — угрюмо посмотрел на него Ахмад. — Я всегда вижу опасность, и поэтому до сих пор еще жив.

По сравнению с опытным воином Ахмадом, Джамал был просто мальчишкой, он поостерегся шутить и отошел в сторону. Ибрай еще раз взгляделся в останки раздавленного существа. Нет, ни зубов, ни даже головы разобрать было уже невозможно.

— Всем внимательней! — скомандовал он. — Смотреть под ноги!

Ибрай уже намеревался возобновить движение, однако увидел, что к отряду бегом возвращаются разведчики.

— Там деревня, — переведа дух, сообщил Лечи. — Очень странная.

— Большая?

— Нет. Всего десяток домов. Но мы таких никогда не видели.

— Они серые, как глина, — вмешался Сауд. — Похожи на шатры, только низкие и большие, совсем без окон.

— Кяфиры настолько одичали, что стали строить свои дома из земли? — усмехнулся Омар. — Вы видели тех, кто там живет?

— Нет, — помотал головой Лечи. — Но зато мы видели дым костра. Там есть люди, поэтому мы не стали подходить близко.

— Хорошо! — решил Ибрай. — Мы пойдем и посмотрим на этих дикарей.

Странная деревня расположилась в маленькой, свободной от деревьев долине меж пологих склонов холмов, поросших невысоким, но достаточно густым кустарником, поэтому скрытно подобраться к ней на расстояние прямого выстрела оказалось нетрудно. Ожидая приказа командира, Бессмертные залегли цепью всего в какой-то сотне метров от ближайшего сооружения. Куполообразные дома стояли по окружности довольно близко друг к другу, что не позволяло увидеть происходящее в центре. Именно там горел огонь, дым от которого обнаружили разведчики.

— В таких домах должны жить не люди, а муравьи, — проворчал Ибрай.

— Муравьи не разжигают костров, — резонно возразил Ахмад.

Это были действительно не муравьи, в чем Ибрай убедился уже в следующую секунду. Хозяева деревни появились совершенно неожиданно. Две невысокие и хрупкие фигуры словно вышли прямо из стены до-

ма. Недолго постояли, осматриваясь, а потом двинулись по внешнему периметру странным скользящим шагом. Ибрай торопливо прильнул к окулярам бинокля и чуть не выронил его из задрожавшей руки. Это были не муравьи, но и на людей они походили мало. Серая кожа под цвет материалу их жилищ, удлинённые безволосые черепа и, самое главное, ноги со странно вывернутыми назад коленными суставами!

— О, Создатель! — выдохнул Ибрай.

Существа были скудно драпированы обрывками грубой ткани, на шее одного из них Ибрай разглядел нечто вроде ожерелья. В бинокль он увидел и вход в жилище — овальное отверстие, закрытое щитом из того же материала, что и стены.

Существа тем временем без видимой причины внезапно развернулись и направились в обратный путь.

— Они нас почуяли, Ибрай! — выдохнул Ахмад.

Возможно, Ахмад был не прав, но известно, что любое сомнение для воина должно служить лишь поводом к атаке, поэтому Ибрай немедленно скомандовал «огонь!».

Дружно ударивший залп поразил не обе цели. Видимо, взволнованные облик чудовищ, все Бессмертные инстинктивно выбрали один и тот же прицел. Идущее первым существо покатилося по земле, пораженное сразу десятком пуль, а второе с ошеломляющей быстротой метнулось ко входу и скрылось в жилище. Движения его оказались настолько стремительными, что оставили на сетчатке глаза Ибрая лишь размытый туманный след.

Прозвучало несколько взрывов: Бессмертные стреляли по домам из подствольников. Гранаты не пробивали стены насквозь, но, взрываясь, обрушивали их внутрь. Ибраю показалось, что в поднявшихся облаках дыма и пыли он разглядел несколько беспорядочно метавшихся серых силуэтов и дал в том направлении длинную очередь. Продолжая непрерывно стрелять, Бессмертные дружно бросились в атаку. Их действия были слажены и отработаны. Один ударом ноги выламывал дверь-щит, второй немедленно швырял внутрь гранату. Сразу после взрыва они в два ствола поливали внутреннее помещение, не оставляя врагу ни единого шанса выжить, и лишь затем врывались внутрь.

Постепенно стрельба смолкла, и произошло это отнюдь не по приказу командира. Просто Бессмертные обнаружили, что стрелять больше не в кого. Пришла пора оценить результаты боя. У Бессмертных потерь, разумеется, не было. Но и большинству врагов непонятным образом удалось ускользнуть. Кроме того, что был сражен первым залпом, в дымящихся развалинах обнаружилось лишь два изуродованных

взрывами тела. Впрочем, они были изначально уродливы, со дня создания, и даже смерть не могла тут ничего ухудшить. Сморщенные лица, тонкогубые рты, прижатые к черепу крохотные уши, короткая серая шерсть, полностью покрывающая кожу, длинные и тонкие мало-сильные ручки и словно вывернутые наизнанку нижние конечности, мешочки гениталий, прикрытые грязными тряпками — так выглядели эти жалкие твари. Даже кровь их была не ярко-красной, а жидкого розоватого оттенка.

Ходжа тут же бросился внимательно рассматривать тела. Наверное, он поступал как настоящий ученый: Ибрай не мог заставить себя подойти ближе, чем на несколько шагов.

— Почему они такие, как думаешь, Ибрай? — спросил подошедший Джамал, поглядывая на Ходжу.

— Это болезнь сделала их такими, — поспешил ответить Ахмад. — Их покарал «Разящий меч Абу Маджи».

— Нет, — возразил Ибрай. — Ты чувствуешь, как они пахнут? Люди, даже пораженные гневом Создателя, не источают такой мерзкий запах. Значит, это не люди.

Он не был уверен в правильности своего заключения, но иное на ум не шло, а командир никогда не должен показывать колебаний. К тому же запах, исходивший от остывающего тела, был действительно резок и чрезвычайно неприятен.

— Ибрай совершенно прав, — подтвердил Ходжа, закончив свое короткое исследование.

С брезгливой гримасой Джамал шагнул вперед, нагнулся, сорвал с шеи существа ожерелье и принялся рассматривать.

— Вах! — воскликнул он изумленно. — Какие хорошие камни!

Ибрай не особенно хорошо разбирался в драгоценных камнях, но изумруды ему видеть доводилось, и он знал им цену. Эти прозрачные камни, неровные и грубо обработанные, имели глубокий темно-зеленый цвет. Размер каждого из них превосходил ноготь большого пальца мужчины. Ибрай даже задрожал от волнения. Если это действительно изумруды, ожерелье стоит целое состояние! Не мешкая, он осмотрел остальные два трупа — на их шеях никаких украшений не было. Однако это еще ничего не значило. Украшения носят вожди. Рабы и слуги их только добывают. Это Ибрай хорошо понимал и был уверен, что изумруды в деревне должны быть еще. Но где они? И куда подевались остальные твари?

Словно ответом на этот вопрос прозвучал возглас Лечи, осматривавшего ближайшую постройку.

— Здесь ход под землю, командир! Они спрятались под землей!

Ибрай поспешил туда. В земляном полу жилища действительно темнело круглое отверстие. Склонившись над ним, Лечи светил в темноту фонарем.

— Ничего не видно, — объявил он. — Ход вниз идет, а потом сворачивает в сторону. Я сейчас получше посмотрю. Эй, Хамза, за ноги меня поддержи, ладно?

Он лег на пол, перегнувшись в поясице и наполовину скрывшись в норе. Некоторое время слышалось лишь его кряхтение.

— Здесь... — начал Лечи и вдруг сильно вздрогнул и дико завопил: — А-а-а!

Хамза выдернул его одним мощным рывком и перевернул на спину. Ибрай увидел, что из щеки Лечи торчит крохотная стрелка. Отчего-то Лечи не торопился ее выдернуть. Он только вопил и беспорядочно размахивал руками. А на глазах Бессмертных происходило то, чего Ибрай не сможет забыть до своего последнего дня. Плоть вокруг стрелки на глазах наливалась чернотой, которая с невероятной скоростью распространялась по всему лицу. Потом кожа начала лопаться, из образовавшихся трещин хлынула густая черная слизь. Крики Лечи перешли в хрип. Он конвульсивно дернул головой, и от этого движения кусок плоти с его лица отвалился напрочь, обнажив сахарно-белую кость верхней челюсти и оскал стиснутых в муке зубов. Это была уже ухмылка мертвеца. Лечи вздрогнул в последний раз и замер.

— Никому не подходить к нему! — крикнул Ходжа.

— Гранаты! — осевшим голосом приказал Ибрай.

В дыру одна за другой полетели две гранаты. Глухо бухнули взрывы. Над дырой вспухло и осело облачко пыли. Бессмертные ошеломленно стояли вокруг тела Лечи, не смея прикоснуться к нему.

— Придется сжечь прямо на месте, — решил Ибрай. — Ахмад, Хамза! Вы сделаете это. Остальным быстро осмотреть все вокруг. Не рисковать!

Такие же ходы под землю обнаружили еще в четырех хижинах. Их забросали гранатами. Все хижины до одной тщательно обыскали, но никаких драгоценностей больше не нашли. Менее чем через четверть часа отряд скрылся в лесу.

* * *

— Что это за дерево? — спросил Игорь, когда мы остановились на короткую передышку. Задрав голову, он внимательно разглядывал густую крону одного из окружающих нас лесных великанов.

— Дуб, — не задумываясь, ответил Костя. — Или бук, или граб. Какая разница!

— Не-ет, — Игорь отрицательно помотал головой. — Я, конечно, не ботаник, но готов поспорить, что в этой полосе таких деревьев быть не может. Вы только посмотрите, какие листья!

Листья в самом деле выглядели необычно. Огромные, не менее тридцати сантиметров в диаметре, ровной округлой формы, с маленькими зубчиками по краям, они не напоминали ни одно из известных мне растений.

— Мутация, — важно изрек Вартан. — Значит, зараза и на деревья действует.

— Это не мутация, — возразил Игорь. — Дереву по меньшей мере пятьдесят лет, если не больше. Оно выглядит вполне здоровым, все листья совершенно одинаковые. Мутация такой быть не может.

— Тогда что? — спросил я.

— Думаю, это совершенно самостоятельный вид. Но не понимаю, откуда он здесь взялся.

— А это? — Костя показал на странный корень чуть вдалеке, который мы сначала не заметили. Толстый, ровный, белый, он вертикально выходил из земли, затем поворачивал почти под прямым углом, шел параллельно земле с десятков метров и, вновь совершив поворот, скрывался в грунте. Он был похож на гигантскую скобку, небрежно поставленную великаном, чтобы земля в этом месте ненароком не треснула.

— Тоже выглядит странно, — признал Игорь. — Кто-нибудь из вас прежде видел что-нибудь подобное?

Ответом ему было общее молчание. Костя подошел поближе, внимательно осмотрел корень, потом шагнул в кустарник.

— Идите сюда! — услышали мы его удивленный голос. — Тут таких целый выводок!

Мы поспешили на его призыв. Белые корни образовывали здесь настоящее поле, все они вытягивались в одном направлении, словно барьеры для бега с препятствиями — достаточно экстремального, поскольку расстояния между препятствиями да и их высота различались весьма существенно.

— Они все ориентированы с востока на запад, — заметил Игорь, мельком взглянув на белесое от туманной дымки небо.

— Да нет, я бы так не сказал, — Костя достал из кармана компас и установил его на ладони. — Скорее, с севера на юг.

Мы сгрудились вокруг него, разглядывая стрелку, которая уверенно указывала в сторону восходящего солнца.

— Ну вот, началось, — нервно воскликнул Вартан. — То самое, о чем говорили Профессор с Костей. Какого черта солнце не на своем месте?!

— Думаю, дело все же не в солнце, — попытался успокоить его Костя. — Просто где-то рядом крупная магнитная аномалия. А вы как думаете, Профессор?

— В принципе, землетрясение такой силы могло здорово сместить пласты земли и выдавить на поверхность рудную породу, — осторожно ответил я. — Подобная гипотеза о возникновении известных магнитных аномалий существует.

— Так в каком направлении мы двинемся дальше? — спросил Вартан. — По солнцу или по компасу?

— Скорее всего, аномалия расположена в эпицентре землетрясения, — сказал я. — Он немного не совпадает с географическим центром Территории, однако, думаю, самое неожиданное нас ждет именно там. Поэтому я предлагаю ориентироваться по компасу и идти строго на север. Точнее, туда, куда указывает стрелка.

— А я предлагаю другое! — энергично воскликнул Вартан. — Мы и так уже забрались достаточно глубоко на Территорию. Здесь нас уже невозможно контролировать извне. Поэтому лучше вообще никуда не ходить. Посидим здесь дня три-четыре, отдохнем, грибочки пособираем, а потом вернемся обратно. Нужны им пробы земли — пожалуйста, притащим сколько угодно! И овцы сыты, и волки целы. То есть наоборот. На кой черт нам вообще рисковать?!

— Это тоже возможный вариант, — пожал я плечами. — Вопрос лишь в том, где риск больше.

— Что вы имеете в виду?

— Мы находимся на Территории, о свойствах которой ничего не знаем, — принялся терпеливо объяснять я. — Пока мы в движении, есть вероятность встретить некий опасный фактор, однако у нас будет возможность его обойти. Другое дело, если мы длительное время остаемся на одном месте, и этот фактор сам наткнется на нас. Вероятность встречи та же, но выбирать будет он.

— Кто — он? — спросил Вартан. — Что выбирать?

— Он — это неизвестный фактор. А выбирать будет, ну, например: сожрать нас или отправиться своей дорогой. Если нас это устраивает...

— Меня — нет, — возразил Костя. — Кроме того, я сам хочу знать, что там за дрянь такая скрывается.

— Пожалуй, я соглашусь с Костей, — подал голос Игорь. — Сидеть здесь довольно глупо.

— А я останусь! — заупрямился Вартан. — Профессор, вы с ними или со мной?

— Я бы с удовольствием отдохнул здесь, Вартан. Но интуиция подсказывает мне, что шансы вернуться целым и невредимым будут намного выше, если я отправлюсь вместе с Игорем и Костей.

— И Ёжиком, — внезапно услышали мы и в изумлении обернулись. Увлеченные спором, мы не заметили, как Ёжик подошел к нам и теперь стоял рядом, очень серьезно заглядывая поочередно в лицо каждого из нас.

— Идти туда, — убежденно сказал Ёжик, показывая рукой почти точно на север. — Ёжик пойдет, Игорь тоже пойдет...

— Почему туда? — спросил его Игорь.

— Надо! Там... там... — лицо Ёжика мучительно исказилось, он явно пытался и не мог объяснить нам что-то, с его точки зрения, очень важное.

— Надо! — твердо произнес он еще раз, замолчал и отвернулся, мгновенно потеряв интерес к дальнейшей беседе.

— Ну, если и Ёжик так считает, сомнений быть не может, — с улыбкой сказал я, надеясь смягчить недовольство Вартана, но тот рассердился еще больше.

— Вот-вот, — злорадно заметил он. — Нами всегда ёжики управляли, а мы их слушались, потому и сидим теперь в глубокой...

— Да ладно тебе, Вартан, — Костя добродушно похлопал его по плечу. — Вместе сидим, вместе и выбираться будем. Так оно проще. А Ёжика всякими глупыми сравнениями не обижай.

— Да я и не собирался, наш Ёжик тут вообще ни при чем, — гнев Вартана, как всегда, испарился очень быстро, надевать свой рюкзак он начал первым и раньше всех был готов к продолжению пути.

Костя тоже взялся за рюкзак, но внезапно резко выпрямился. В руке его будто сам собой появился пистолет, ствол был направлен в лесную чащу, откуда к нам с треском сломанных ветвей и топотом приближалось нечто массивное и многоногое. Мы тоже выхватили оружие и теперь с тревогой ждали развязки. Только Ёжик оставался совершенно спокойным. Он смотрел на нас с озадаченной улыбкой, не понимая, что же могло нас так взволновать. Кусты раздвинулись, пропуская поток существ, сбившихся в плотную массу, словно овечья отара. Ростом существа не превышали собаку среднего размера, но выглядели значительно массивней. Покрытые клочковатой бурой шерстью, пригнув к земле короткие морды с торчащими вверх клыками, они бежали ровной рысцой, не обращая на нас никакого внимания. Их было несколь-

ко десятков. Через пару секунд стадо скрылось. Какое-то время мы слышали топот и треск, а потом все кончилось.

— Свины, — с нервным смешком сказал Игорь. — Просто стадо диких свиней.

— Что-то не видел я таких свиней, — возразил Костя. — Ты лапы у них разглядел? Это же именно лапы, а не копыта. И ушей я у них не заметил.

— Я вообще ничего не заметил, — признался Вартан. — Думал только о том, как бы они на нас не кинулись.

— Мне тоже вначале показалось, что это свиньи, — сказал я. — Только они действительно очень странные.

— Может, это тоже последствие Болезни? — предположил Костя. — Мутации и прочее...

Я только пожал плечами. Человеческие болезни, за редким исключением, не передаются животным и наоборот. Но здесь, на Территории, я был готов допустить все, что угодно.

— А Ёжик их совсем не испугался, — заметил Игорь. — Словно старых знакомых встретил.

— Ёжик нам еще не один сюрприз преподнесет, я это чувствую, — сказал Костя, и тут я с ним был совершенно согласен.

Легкий ветерок постепенно разгонял утреннюю марь. Солнце уже поднялось выше деревьев, и сквозь плотное сплетение верховых ветвей на землю пробились солнечные зайчики. На узкой прогалине мы вышли из тени и сразу ощутили жар солнечных лучей, необычный для этого времени года. С погодой нам просто повезло. Прислонив ладонь ко лбу козырьком, я взглянул на светило и сбился с шага. Ноги мои мгновенно ослабли, в горле пересохло.

— Стойте! — сказал я.

Вернее, попытался сказать. На самом деле из моего горла вырвался лишь хрип. Тем не менее все меня услышали и поняли.

— Солнце! — произнес я, тыча пальцем вверх. — Смотрите, это же вовсе не наше Солнце!..

* * *

Красный шар, раза в полтора больше привычного светила, висел над нашими головами, окрашивая в тревожные багровые тона траву и странные листья деревьев. Чужих деревьев, понял я в мгновенном озарении. Конечно же, никакая мутация не могла настолько исказить генотип растений всего для десятка лет. Такие деревья на Земле просто не растут. Это не Земля...

Чтобы прийти к тому же выводу, моим друзьям понадобилось намного больше времени. Умственные способности тут ни при чем. Меня не перестает поражать странное свойство человеческой психики, не позволяющее сделать и принять сразу единственно возможное заключение на основе совершенно очевидных фактов. Люди слишком часто отказываются верить даже в то, что видят собственными глазами. Им мешает эгоизм, или излишняя самонадеянность, или страх, которому они стыдятся поддаться, или тот же страх, с которым они не способны совладать.

Я тоже человек, отличный от других лишь немногим, поэтому, конечно же, подвержен страху. Но несколько иначе. Телесный, животный ужас властен надо мной, как и над всеми, но математический аппарат моего мозга всякий раз включается и работает автономно, не подчиняясь химии тела, хладнокровно просчитывая варианты возможного выхода из сложной ситуации. Иной раз на это требуются доли секунды. Потом начинается действие — реализация заданного алгоритма. Я понимаю, что алгоритм спасения будет сопутствовать мне отнюдь не всегда. Узнав на смертном одре диагноз болезни, я, вероятно, с точностью до секунды сумею подсчитать оставшийся мне жизненный срок, но это уже не поможет.

— Как такое может быть?! — наскокивал на меня Варган, словно я был непосредственным виновником происходящего. — Это невозможно!

— На вопрос «как?» я тебе ответить не могу, — сказал я. — Для этого у меня нет ни достаточных знаний, ни фактов. Могу лишь сообщить очевидное: мы находимся в другом мире и прошли сюда через некую открытую дверь. Почему она открылась — мне тоже неизвестно. Может быть, причиной тому землетрясение. Или, напротив, землетрясение стало следствием каких-то космических процессов, соединивших два мира. Но ломать голову над этим мне не хочется, нам сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше.

— Эта дверь, — с запинкой произнес Костя, — ты не думаешь, что она может закрыться?

— Не исключено, — пожал я плечами. — Вероятность такого события пока составляет пятьдесят процентов.

— Почему пока? — спросил Варган. — Почему именно пятьдесят?

— Потому что в данный момент о природе явления нам не известно ровным счетом ничего. Мы можем только гадать. В таких условиях любые предположения равновероятны. Например: закроется или не закроется.

— Ты такой умный! Всегда терпеть не мог умников, — пробормотал Вартан, но возбуждение его уже спало. — И что же ты предлагаешь?

— По-моему, это очевидно, — сказал я. — Отсюда нужно немедленно уходить. Мы не готовы к возможным неожиданностям. О них мы ничего не знаем. К тому же, полагаю, мы и так уже собрали немало информации.

— Ну вот, наконец-то и от Профессора я услышал разумное предложение, — воскликнул Вартан. — Надеюсь, возражать никто не собирается?

— Лично я — нет! — сказал Костя, и мы все вместе посмотрели на Игоря.

Тот застыл в какой-то странной, неудобной позе, словно внезапный паралич охватил его на первом шаге.

— Игорь! — осторожно позвал Костя.

— Я их слышу! — свистящим шепотом сказал Игорь. — Они идут сюда! Они близко, совсем близко!

У Кости отменная реакция. К тому же он единственный из нас, кто умел правильно использовать ее именно в таких ситуациях.

— Все в кусты! — скомандовал он. — Залечь и ни звука!

Он умел к тому же и отдавать команды, которые должны были исполняться немедленно. Все мы — и Ёжик в том числе — одновременно прыгнули в кустарник, повалились наземь и затихли. Две минуты тишины разделили нас, оставив каждого под лучами чужого света наедине со своими ощущениями. Я справился с эмоциями раньше остальных, но все равно не сомневался, что обезьяна, переместившись вдруг из африканского леса на ледяной панцирь Антарктиды, чувствовала бы себя намного уверенней.

А потом мы их увидели.

Они двигались колонной, возникнув словно призраки, слепленные из ключев тумана. Восемнадцать силуэтов (на подсчет мне потребовалось менее секунды), принимавших по мере приближения к поляне все более четкие очертания. Существа вышли на поляну, и тогда я понял, что же напугало Игоря и Вартана во время их прошлого визита на Территорию. Двенадцать из восемнадцати действительно выглядели отвратительно — кошмарные твари с серой кожей, будто сошедшие со страниц комиксов о захватчиках-инопланетянах, жутковатая помесь обезьян и ящеров. Меня настигла волна ужаса, но это ощущение принадлежало уже не мне, а Игорю. Шестеро остальных, несомненно, были людьми. Высокие и беловолосые, издалека они казались похожими

друг на друга, словно гвардейцы элитного императорского полка. Колонна приближалась, и в следующий момент я увидел то, что меня совершенно успокоило. Твари не представляли для нас угрозы. Они оказались пленниками или, скорее, просто стадом для белоголовых пастухов. На каждом из животных был ошейник из блестящего металла. Ошейники соединялись друг с другом метровыми цепочками-поводками. По обе стороны образованной живой цепочки шагали по трое белоголовых, вооруженных стержнями полуметровой длины, поблескивающими в лучах светила, словно никелированные. Станным было лишь то, что испуг и смятение Игоря отнюдь не уменьшились. Возможно, он просто не видел того, что заметил я, или пока не понял смысла происходящего. А потом я разглядел на серых существах нечто похожее на набедренные повязки и понял, что пленники не животные. Они, несомненно, обладали разумом, следовательно, были намного более опасными, и белоголовые понимали это не хуже меня.

Первое из скованных чудовищ вдруг запнулось и повалилось в траву, остановив движение всей цепочки. Ближайший из белоголовых шагнул к упавшему существу и нетерпеливо ткнул его стержнем. Однако падение, видимо, было вызвано не простой неловкостью. Существо попыталось подняться, но вновь бессильно опрокинулось на бок. Белоголовый обменялся с напарниками несколькими фразами и отстегнул упавшего от общей привязи. Потом схватил его за лапу и оттащил на пару метров в сторону. Последовал новый обмен короткими репликами. Белоголовый засмеялся и неторопливо поднял стержень, прицеливаясь в неподвижное тело. Мне стало совершенно ясно, что сейчас должно случиться, и, честно говоря, я не испытывал ни малейшего сочувствия к обессилевшей твари. Мои инстинкты были на стороне людей, разум лишь беспристрастно суммировал информацию, но в этот момент в события вмешался фактор, которого я не мог учесть.

С громким ревом, одинаково парализовавшим и нас, и чужаков, из кустов слева от меня выскочило чудовище. В длинном прыжке монстр сбил с ног белоголового, прокатился с ним в обнимку, в следующее мгновение оставил неподвижное тело и стремительно прыгнул на второго. Все это произошло настолько быстро, что белоголовые начали реагировать лишь после того, как двое из них были мертвы. Тем не менее у чудовища не было шансов на победу. Из вскинутой палки белоголового вырвался сгусток пламени. Монстр бросился в сторону, но заряд поразил его в бок. Монстр был еще жив, он попытался подняться и бессильно рухнул. Белоголовый снова прицелился, но добить противника не успел.

Почти над моей головой прозвучали гулкие хлопки. Они следовали с чрезвычайно короткими интервалами, словно автоматная очередь, и после каждого один из белоголовых безвольно складывался пополам и падал на землю. Спустя несколько секунд все было кончено. На поляну с пистолетом в руке выбежал Костя и помчался к беспомощно шевелившемуся на траве монстру. «Стой!» — хотел закричать я, но возглас мой умер, не родившись, потому что только теперь я увидел: перед нами вовсе не чудовище. Это был наш Ёжик. Я не заметил, как произошла обратная метаморфоза. Да и не понял: была ли она вообще. Опершись на локоть, Ёжик немного приподнялся и удивленно посмотрел на свой развороченный бок.

— Больно, — сказал он детским голосом.

Все время схватки скованные существа неподвижно просидели на земле в одинаковых склоненных позах, прикрыв головы лапами. Потом один из них приподнял голову, огляделся и осторожно вытянул конечность в сторону Ёжика.

— Суи, — произнес он. Именно произнес! Этот звук не был ни мяуканьем, ни рычанием. И, клянусь, интонация его была совершенно человеческой, что поразило меня столь же сильно, как и все произошедшее до этой минуты.

Я выбрался из кустов одновременно с Вартаном и Костей.

— Суи, — снова сказала существо, и вслед за ним те же звуки повторил сидевший рядом: — Суи!

— Суи! — проговорил следующий, а затем другой: — Суи! Суи!..

* * *

Когда миновал шок, вызванный встречей с тварями и страшной гибелью Лечи, отряд успел удалиться от разрушенной деревни достаточно далеко, чтобы не думать о возвращении. Но поглядывая на Джама-ла — единственного из них, кому посчастливилось стать обладателем драгоценного трофея, — каждого бойца рано или поздно охватывала досада за излишнюю поспешность. Их миссии ничуть не повредило бы, если бы Бессмертные потратили совсем немного времени для собственной выгоды. Никому из правоверных не возбранялось стать богатым. Ни Создатель, ни его пророк никогда не возводили бедность в достоинство. Конечно, жизнь воина сладка не только победой над врагом, но и ожиданием райских кущ, наполненных прекрасными девственницами, но кто возразит против того, чтобы начать знакомиться с традициями рая еще в этом мире, девственницы которого также вполне достойны внимания.

Эта досада рано или поздно обращалась на командира: именно он заставил их поспешить и не сделал даже попытки изловить в окрестном лесу две-три твари, чтобы выяснить, откуда здесь берутся изумруды. Ибрай все чаще ловил на себе неодобрительные взгляды то с одной, то с другой стороны, отлично понимая их смысл. Никто не заговорил с ним об этом напрямую ни во время марша, ни на стоянке. Отчасти потому, что все достаточно сильно устали, но также и по той причине, что завкаса недовольства еще не достигла нужного градуса. Однако Ибрай был опытным командиром и не собирался дожидаться, когда это случится, и Ходжа увидит, что руководитель не способен держать отряд в подчинении.

Поэтому, когда на следующем переходе одна из двоек разведчиков, двигавшихся параллельным маршрутом, обнаружила еще одну деревню серых в стороне от главного направления их движения, Ибрай тут же распорядился повернуть. Услышав это, Бессмертные воодушевились. Обида на командира была немедленно забыта. Каждый из них надеялся, что теперь обязательно повезет и ему. Ибрай сам думал о том же и спланировал атаку гораздо более тщательно.

— Окружить деревню со всех сторон, — распоряжался он. — Гранат больше не тратить, их и так осталось немного. Распределиться по двое, по трое на каждый дом, врываться внутрь одновременно по моему сигналу. Во имя Создателя, стреляйте точно, эти твари слишком быстры. И постарайтесь хотя бы нескольких взять живыми — нам понадобятся пленники.

Он не думал о том, как и на каком языке станет с ними разговаривать, потому что знал: язык боли понятен всем — чистым и нечистым, благородным и низким. Поймут его и серые обезьяны.

Ходжа не возражал против решения Ибрая. Он вообще ни разу не пытался вмешиваться в его руководство отрядом. Лишь негромко напомнил Ибраю, что Шадри и Усману, носильщикам и хранителям контейнеров, не стоит принимать участие в нападении, после чего скромно отошел в арьергард. Сам Ибрай решил не участвовать в штурме — командир и так должен получить свою долю. Он остался руководить с ветви могучего дерева, откуда весь поселок серых был как на ладони. Деревня выглядела такой же тихой и безлюдной, как и предыдущая, но на этот раз Ибрай, тщательно осмотревший ее в бинокль, не заметил ни одного дымка, ни единого движения. Еще больше его обеспокоило то, что отверстия-входы в жилища были почему-то открыты. Однако Бессмертные уже добрались до рубежей атаки и, затаившись, ждали сигнала к ее началу. Ибрай небрежным движением вы-

хватил пистолет, выстрелил в воздух, потом спрыгнул на землю и неторопливо зашагал сквозь кустарник к месту действия.

Как ни странно, в ответ он не услышал ни одного выстрела. Неужели Бессмертные сумели обойтись одними клинками? Впрочем, тела серых выглядели настолько слабыми, что вряд ли они могли оказать серьезное сопротивление закаленным бойцам. Если бы не их дьявольская быстрота... Ибрай ощутил легкое беспокойство. Скорость порой оказывается самым надежным оружием — как нападения, так и защиты. Побеждает тот, кто быстрее.

Тревога Ибрая усиливалась, заставив его перейти на быстрый бег, но, выбравшись из кустов, он немедленно успокоился. Все Бессмертные были целы и невредимы. Они растерянно бродили между хижинами, перебрасываясь короткими репликами, в которых Ибрай услышал разочарование.

— Здесь никого нет, Ибрай, — бросился ему навстречу Ахмад. — Совсем никого. Их очаги холодны, деревня давно покинута.

— Серые куда-то ушли, — хмуро заключил Муса. — В хижинах все перевернуто вверх дном, мы нашли одного мертвого, он уже начал вонять, и у него на шее нет камней.

— В их домах есть норы? Ты туда заглядывал?

— Норы совсем неглубокие, и там тоже никого нет.

Ибрай услышал радостный возглас. Из ближайшей хижины вылез Фазыл, размахивая поднятым вверх кулаком.

— Я нашел камень!

Его тут же окружили товарищи.

— Хороший камень! — радовался Фазыл, показывая свою находку.

— Только один, — разочарованно сказал Ахмад. — И очень маленький. Нас кто-то опередил. Интересно кто?

— Значит, они не ушли, — уверенно заключил Ибрай. — Их увели отсюда те, кто пришел раньше.

— Что же нам теперь делать? — растерянно спросил Фазыл и посоветовал: — Мы напрасно не осмотрели норы в той деревне. Может быть, нам следует вернуться и получить все проверить?

Ибрай нахмурился.

— Мы не за этим шли сюда, Фазыл. Из-за камней ты совсем забыл о нашей миссии, и мне это совсем не нравится.

Фазыл смутился и быстро спрятался за спинами бойцов.

— Мы пойдем дальше и выполним то, что нам поручено, — объявил Ибрай, бросив короткий взгляд в сторону невозмутимого Ходжи. — У каждого из вас будет все, что он только пожелает, когда священ-

ная война закончится нашей победой. Помните об этом! Сейчас все могут отдохнуть.

Отойдя вместе с Джамалом и Ахмадом в сторону, Ибрай развернул на земле карту и некоторое время внимательно разглядывал.

— Странно, — озадаченно сказал он. — По моим расчетам, мы должны находиться где-то у самых границ мертвой земли. Примерно здесь должна пролегать дорога — мы не могли ее не заметить, как бы она ни заросла. А вот тут, — он постучал по карте ногтем, — разрушенный город кяфиров. И никакого леса. Но эти деревья стоят здесь не одну сотню лет. Не понимаю...

— Может быть, это плохая карта? — предположил Ахмад.

— Это очень хорошая карта. Она сделана совсем недавно с помощью спутника — одного из немногих, которые еще летают. И мы не могли сбиться с пути — я все время проверял по компасу.

— Значит, мы шли недостаточно быстро, — сказал Джамал.

— Может быть, — с сильным сомнением произнес Ибрай. — Но не думаю, что я ошибся больше, чем на несколько километров.

— Тогда через час-два мы обязательно увидим разрушенный город, — успокоил его Ахмад. — Но что ты собираешься делать дальше?

— Мы убедимся, что город пуст, и пойдем обратно.

— А если в нем опять живут люди?

— Мы посмотрим, что за люди. Может, возьмем пленного, который расскажет нам подробнее о том, что здесь происходит.

— Нужно обязательно спросить у них, где еще есть деревни серых тварей, — подсказал Джамал. — И откуда серые достают такие красивые камни.

Ибрай промолчал. В душе он был согласен с Джамалом, но высказывать это вслух не считал нужным. Командир не должен отвлекаться на подобные мелочи. Он сложил карту и спрятал в карман.

— Поднимайте людей, пора трогаться.

Несмотря на близость границы, за которой мертвая земля должна была кончиться, лес вокруг них по-прежнему оставался незнакомым. Более того, ощущение чужеродности усиливалось с каждым пройденным шагом и столь же неуклонно росла тщательно скрываемая тревога Ибрая. Тот, кто посылал Бессмертных, совершенно не предполагал, с чем им придется столкнуться на мертвой земле.

Он почувствовал на своем плече руку Ходжи и, повинуясь его молчаливому призыву, чуть ускорил шаг, чтобы отдалиться от остального отряда.

— Думаю, мы не увидим города, Ибрай, — сказал Ходжа.

— Почему?

— Это уже не мир Создателя, — ответил Ходжа. — Разве вы еще не поняли? Не знаю как, но мы давно уже преодолели его границу.

— Что же нам теперь делать? — впервые за все время Ибрай позволил себе показать неуверенность.

— Решать вам. Но я бы посоветовал вернуться и поискать иной путь. Не забудьте о нашей главной задаче.

Ибрай хотел обдумать эти слова, но вскинул руку, давая сигнал к остановке, потому что возвращались посланные вперед разведчики. Они бежали изо всех сил, словно спасаясь от погони, и это заставило Ибрая снять автомат с предохранителя. Муса подбежал первым, еле переводя дух.

— Там! Там! — показывал он себе за спину. От волнения Муса, казалось, забыл необходимые слова.

— Там город? — попытался помочь ему Ибрай.

— Нет! Там храм!

* * *

Ёжик умирал. Мы не могли ему ничем помочь, каждый из нас понимал, что излечить такое ранение не под силу даже специалисту в самых лучших условиях. Сломанные и обуглившиеся ребра были выворочены, открывая пульсирующее месиво внутренностей. Нам оставалось лишь ждать, когда жизнь нашего товарища окончательно угаснет. Однако запас жизненных сил Ёжика был просто поразителен. Он до сих пор не потерял сознания. Ёжик виновато смотрел на нас, иногда пытался что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил губами.

Спасенное Ёжиком существо медленно приходило в себя. Металлические цепочки, сковывавшие шеи пленников, запирались замками, секрета которых мы разгадать не сумели. Пришлось просто перекусить цепи кусачками наших ножей. Я предполагал, что существа немедленно скроются, но они вовсе не собирались убежать. Они прекрасно поняли суть того, что произошло, и не боялись своих спасителей. С моей точки зрения, они могли бы даже поотчетливее обозначить свою благодарность. Не обращая на нас особого внимания, они немедленно окружили Ёжика, то ли нашептывая что-то, то ли обнюхивая; в их поведении не было угрозы. Внезапно трое из них, словно по команде, бросились в лес и исчезли. Движения их были настолько стремительны, что никто из нас и глазом моргнуть не успел. Впрочем, в этом поспешном бегстве, скорее всего, не было ничего тревожного: остальные существа не выказывали беспокойства. Главным объектом симпатии

они избрали Ёжика. То один, то другой легонько касался его конечностью, издавая многосложные звуки на своем свистящем языке. По отношению к нам они держались осторожнее, старательно избегая физического контакта. Не поручусь за остальных, но лично я был за это весьма благодарен. Источаемый существами запах казался мне совершенно непереносимым. Не знаю, как его передать, у меня нет материала для сравнения. За прошедшие годы я узнал множество новых замечательных запахов. Я знал, как пахнут заживо разлагающиеся жертвы Болезни, не один раз ощущал смердящее зловоние десятков гниющих трупов в уничтоженных вирусом поселках, но все это было не то. Запах существ был намного ужаснее, потому что принадлежал чужим, и, ощущая его волны, я всякий раз прилагал немалые усилия, чтобы справиться с рвотой. Полагаю, мои друзья должны были испытывать примерно те же муки.

— Ты в порядке? — тихо спросил меня Игорь.

— Н-нормально, — кивнул я, слотнув в очередной раз горькую слюну. — Все будет в порядке, не волнуйся.

Довольно странную компанию мы сейчас представляли — четверо людей, Ёжик и эти жутковатые существа. Я уже понял, что вовсе не они были причиной страха Игоря. Нет, его ужас и прежде, и теперь вызывали белоголовые охотники.

— Профессор, вам не кажется, что они с Ёжиком уже давно знакомы? — спросил Вартан.

— И довольно близко, — поддержал его Костя.

Я и сам несколько минут назад пришел к той же мысли и сейчас пытался понять, что же из всего этого следует. К сожалению, сам Ёжик не мог ответить на наши вопросы. Ни прежде, ни тем более сейчас.

— Кто-нибудь из вас успел разглядеть, что с ним произошло, когда он бросился на белоголовых? — спросил я. — Кто в этот момент был с ним рядом?

— Рядом был я, — неуверенно проговорил Игорь. — Но вряд ли сумею объяснить. Я просто не успел заметить, что именно случилось, хотя совершенно убежден: какое-то время это был совсем не Ёжик. Он изменился, стал другим. А потом, когда все кончилось, он так же быстро стал самим собой.

— А ты, Костя?

— Честно говоря, я тоже вначале ничего не сообразил. Даже стрелять в него хотел. Просто чудом удержался.

— Интересно почему?

— Сам не знаю. Интуиция. Чутье. Я вдруг точно увидел, где настоящая опасность. Но Ёжика все равно узнал только потом.

— Мгновенная биотрансформация, — хмыкнул Вартан. — Наш Ёжик — оборотень положительной направленности. Добрый вурдалак. Ничего себе! То-то мне с ним никогда не хотелось спорить.

— Никакой биотрансформации не было, — возразил Игорь. — Я видел и чувствовал. Внешне он оставался точно таким же, как и всегда. Но только внешне. Внутри он действительно сделался совсем другим, чужим. Как эти...

Он показал рукой, но жест его был адресован совсем не серым существам.

— Мне кажется, Генерал знал про Ёжика, — сказал я. — Странно, что он не поставил нас в известность. Хотел сделать сюрприз?

— Он просто торопился от него избавиться, — предположил Игорь. — Он его боялся, но почему-то не хотел убивать. Поэтому отправил с нами.

— На гуманиста Генерал как-то не тянет, — пробормотал я.

— А это не гуманизм, — возразил Костя. — Самый обыкновенный расчет. Ёжик, как и мы, иммунен к вирусу, да к тому же представляет собой серьезную боевую единицу. Генерал знал, что Ёжик к нам привязан, только мы могли им управлять... в определенной степени, конечно. Он был заинтересован в том, чтобы мы выполнили порученное задание — зачем же ему ослаблять группу?

— Ты сможешь нам помочь понять серых? — спросил я Игоря. — Только на тебя надежда.

— Не знаю, — ответил тот с заминкой. — Может быть. Я пытаюсь. Иногда мне кажется, я что-то слышу, но в следующий момент это ускользает. Нужно время.

— Кажется, ты боялся не их, а белоголовых?

— Да. Только я этого не знал. Тогда, в темноте, я не мог их видеть. Белоголовые не люди! — воскликнул он с неожиданной горячностью.

Я подошел и принялся внимательно рассматривать один из трупов, а потом перешел к лежащему рядом. Белоголовые выглядели совсем как люди. По крайней мере внешне я не обнаружил никаких отличий. Лица европейского типа с нормальными пропорциями. Однако не верить Игорю я не мог: он видел и чувствовал многое из того, что оставалось для нас скрытым. Но то, что они не принадлежали к нашему миру, сомнения не вызывало даже у меня. Гладкие, тонкие и, вероятно, чрезвычайно прочные темно-зеленые куртки-накидки с откиннуты-

ми капюшонами закрывали их тела от подбородка до середины бедер. Длинные рукава оставляли открытыми лишь кончики пальцев, свободные брюки из того же материала опускались на высокие ботинки, на которых не угадывалось ни одного из известных мне типов застежек. Их одежда и обувь шились явно не на Земле, и ее однообразие заставляло сделать вывод, что это форма, обозначающая профессиональную или клановую принадлежность. Я пригляделся внимательнее и тихонько присвистнул.

— Что такое? — заинтересовался Вартан.

— Смотри сам, — показал я.

Белый цвет волос был вовсе не видовым признаком убитых, а, скорее, элементом форменного облачения. Волосы оказались окрашены: у корней ясно различался их естественный цвет. У троих он был темным, у одного отдавал в рыжину, и лишь двое, кажется, были естественными блондинами.

— Белая гвардия, значит, — пробормотал Вартан.

Костя нагнулся и подобрал трубку белоголового, убитого Ёжиком первым. Серые существа отреагировали возбужденными возгласами. Одно из них подбежало к Косте с жестом, который нельзя было истолковать иначе, как протестующий.

— Ладно, ладно, не переживай так, — примирительно сказал Костя и бросил трубку на землю.

Ее тут же подобрали, собрали остальные трубки и мгновенно утащили в лес.

— Это зря, — покачал головой Костя. — Оружие врага мы должны знать.

— Не стоит с ними ссориться, — сказал я. — Особенно сейчас.

— Почему именно сейчас?

Пока я не мог ответить точно. Это был не расчет, а только надежда. Серые хлопотали вокруг Ёжика, явно чего-то ожидая.

Краем глаза я уловил быстрое движение. Костя на мгновение нагнулся, положил руку на рукоять пистолета, но тут же убрал. На границе лесной чащи возникли три силуэта. Убедившиеся в лес существа возвращались. Теперь они шли медленней, осторожно придерживая у груди лапами охапки растений.

— Чего это они? — спросил Вартан.

Серые скучились вокруг Ёжика, совсем закрыв его от нас. Негромко переговариваясь, они что-то делали с ним, не обращая на нас никакого внимания.

— Шаманство, — прошептал Костя. — Как мертвому припарка.

Лечение продолжалось не очень долго. Серые отступили: глаза Ёжика были закрыты, и хотя в лице его не прибавилось краски, выглядело оно умиротворенным, словно у спящего. Вывороченные ребра были поставлены на место, страшную рану скрывала зеленая масса — повязка из растений. Деревенское знахарство, столь же бесполезное для раненого, как и шаманство, и способное разве что немного облегчить последние часы его жизни.

Пока мы смотрели на Ёжика, серые хлопотали вокруг своего обесилевшего соплеменника. Видимо, этот случай был намного легче, потому что через несколько минут больной довольно уверенно поднялся на ноги и направился в мою сторону. Я ждал, призвав на помощь всю свою выдержку. Серый приблизился, обдав меня волной тошнотворного запаха.

Суставчатая рука осторожно коснулась моего плеча.

— Суи. Саус-си. Сеау, — вот, что я услышал.

Серый пошевелил перед моим лицом длинными пальцами и совершенно человеческим жестом указал вначале на Ёжика, а потом в сторону леса. Я ждал, не шелохнувшись. Серый еще раз показал на спящего Ёжика, на каждого из нас, обвел круговым жестом кучку своих единоплеменников и вновь протянул руку к лесу.

— Он хочет, чтобы мы пошли с ними, — подсказал из-за моего плеча Игорь, хотя все и так было предельно ясно.

— Думаете, мы должны? — с сомнением протянул Вартан.

— Они этого хотят, — тихо сказал Игорь.

— Что скажете, Профессор? — повернулся ко мне Вартан.

Слишком мало информации. Вся ситуация представлялась мне чистым листом или же функцией многих переменных. Я аналитик, прогнозист, а не ясновидящий. Я оперирую фактами, а не предчувствиями; интуиция для меня всего лишь дополнительный инструмент в построении сложной конструкции окончательного вывода.

— Как мы его понесем? — спросил Вартан.

— Сделаем носилки, — сказал Костя.

Однако нашего вмешательства не потребовалось. Серые поняли, что мы согласны, и все сделали сами. Четверо из них с неожиданной для меня легкостью подняли Ёжика и направились к лесу.

Наш отряд втянулся в лес. Серые бежали друг за другом по одному, исключая носильщиков Ёжика. Все они двигались очень быстро и, как мне кажется, могли бы идти еще быстрее, если бы не сдерживали темпа из-за нас, хотя мы не жалели сил, чтобы не отставать. Как мы ни спешили, я все же сверял путь с компасом: маршрут оказался чрез-

вычайно извилист. Серые то и дело меняли направление, будто в намерении запутать возможных преследователей. Мы углублялись в лес все дальше, и я ни разу не видел ничего похожего на тропинки — серые не нуждались в них, лес был их домом и не таил загадок.

Однажды мы сделали свидетелями странного события, на которое серые не обратили ни малейшего внимания. Справа из почвы неторопливо вылезла безглазая голова огромного белого червя. Обхватить его не смог бы и взрослый мужчина. Приподнявшись примерно на полтора метра, червь изогнулся и плавно заскользил над землей. Мы схватились за оружие, но серые не выказывали никаких признаков беспокойства. Они просто стояли и ждали. Тело червя тем временем вытягивалось из почвы, а потом голова вновь ринулась в землю. Серые тут же отправились дальше, безо всякой опаски перебираясь через застывшее в неподвижности существо, словно через трубу теплосети. И только тогда я сообразил, что перед нами вовсе не животное, а растение, подобное тем, которые мы недавно встретили в лесу.

Я поравнялся с Игорем.

— Ты их слышишь?

— Только эмоции. Удовлетворение, беспокойство, ожидание. Боюсь, большего добиться не смогу. Мы слишком разные.

— Так что делать? — спросил вечный пессимист Вартан.

— Мы туда идем из-за Ёжика, — вмешался Костя, которому, видимо, начало надоедать нытье Вартана.

— Ты думаешь, они ему помогут? — проворчал Вартан.

Серые внезапно ускорили шаг, и наша короткая полемика прекратилась. К счастью, передвигаться в таком темпе пришлось недолго. Через несколько минут мы увидели деревню.

* * *

— Это твой храм, Муса? — иронически поинтересовался Джамал.

Они стояли на границе леса и равнины — огромной, бескрайней, соединявшейся на горизонте с небом, покрытой высокой травой, которую пятнали небольшие рощи.

— Сейчас ты очень зоркий, Джамал, — огрызнулся Муса. — А у меня были только глаза, я видел то, что можно разглядеть отсюда без бинокля.

Муса ошибся, приняв это здание за храм, хотя ошибка была прощительна. С расстояния километра белый купол с четырьмя стройными башенками по периметру действительно выглядел очень похожим

на масджид святого Руни в Калибе, хорошо знакомый и Мусе, и Ибраю. Но, тщательно изучив постройку в бинокль, Ибрай понял, что это не так. Башенки не имели площадок на вершинах и явно не предназначались для призывов к молитве. Основное здание, увенчанное куполом, казалось совершенно монолитным, Ибрай не сумел разглядеть в нем ничего похожего на вход или окна. Вокруг этого странного здания довольно беспорядочно располагались строения поменьше: с десятков прямоугольных коробок, похожих на сборные жилища-временки, цилиндрические конструкции, лежащие на боку или установленные на основание. На полностью очищенной от травяного покрова площадке происходила оживленная деятельность. Ползали какие-то строительные механизмы, несколько десятков человек в одинаковой желтой униформе возились около решетчатых ферм непонятного назначения, видимо, занимаясь монтажом.

— Это тот город, который есть на твоей карте? — спросил Ахмад.

— Не знаю, — голос Ибрая был наполнен изрядным сомнением. — Те фотографии, которые я видел, совсем на него не похожи. Это совсем не город, думаю, люди пришли сюда не слишком давно.

— Что они делают?

— Мы можем пойти и узнать это прямо сейчас, — сказал Джамал, звонко хлопнув ладонью по прикладу автомата.

— Все знают, что ты очень храбрый, Джамал, — едко произнес Муса. — Но сначала посмотри внимательней сквозь стекла, если твои глаза не сумели разглядеть того, что нужно. Разве ты не видишь палаток охранников — вон там и там. Они почти не отличаются от травы, их действительно нелегко заметить. Неверные не так глупы, как ты о них думаешь, и они вовсе не потеряли осторожности.

— Можно незаметно подобраться и вырезать часовых, — недовольно ответил Джамал.

— Пока мы будем только смотреть, — оборвал их спор Ибрай. — Наблюдать очень внимательно. Ни ты, Муса, ни ты, Джамал, не заметили кое-чего очень важного. Вы когда-нибудь видели такие машины?.. Муса, вы с Ахмадом будете первыми, через час вас сменят Джамал и Фархад. Запоминайте все! Когда зайдет солнце, мы решим, как поступить.

В этот момент Джамал посмотрел на него так странно, что рука Ибрая сама собой легла на рукоять пистолета.

— Солнце уже не зайдет, Ибрай, разве ты этого не понял?

Он был прав, этот проклятый Джамал! Ибрай и сам заметил, что сегодня солнце почти не двигалось по небосклону.

— Мы в чужой стране, Джамал, — придавая голосу отеческие нотки, сказал Ибрай. — Чудеса встречаются здесь на каждом шагу, и если мы станем их обсуждать, то забудем, зачем сюда пришли. Лучше поговорим об этом, когда вернемся. А сейчас я знаю только одно: воины должны отдыхать шесть часов. И мне безразлично, что в это время будет делать солнце.

Ибрай сделал знак Ходже, и они отошли в сторону.

— Что вы мне посоветуете, Ходжа?

— Ничего, — спокойно ответил тот. — Вы все решили правильно. Нет смысла уходить до тех пор, пока мы не поймем суть увиденного. В конце концов, нас послали и для того, чтобы мы узнали, с кем и чем придется иметь дело.

Бессмертные расположились на отдых в сотне метров от опушки. Большинство просто повалились в траву и мгновенно задремали: недельный рейд вымотал воинов, к тому же взятые с собой припасы подходили к концу, и, расчетливо экономя пищу, последние два дня никто из них не ел досыта. Сейчас не было возможности охотиться, нельзя было даже разжечь костра, но воины умели терпеть лишения и не роптали. Тем более каждый уже знал, что возможный противник определен и находится всего лишь в полутора километрах, а значит, там их ждет и еда, и добыча.

Ибрай сидел, опершись спиной о древесный ствол и положив автомат на колени. Вначале он решил, что сумел прогнать сон, но усталость оказалась коварней и сильнее. Присутствие Ахмада он почувствовал лишь тогда, когда тот опустился на землю рядом с ним. Если Ибрай и спал эти полчаса, то с открытыми глазами, потому что Ахмад заговорил с ним сразу же, как с бодрствующим, хотя начало предложения от Ибрая ускользнуло.

— ...два раза, — услышал Ибрай взволнованный шепот Ахмада.

— Ты не ошибся? — спросил он, с усилием стряхивая дремоту.

— Клянусь Создателем! Они вытащили из леса серых обезьян, закованных в цепи, и увели в масджид. И это не русские!

— Ты уверен?

— Я хорошо знаю русский, я понимаю английский и некоторые другие языки, но язык, на котором они говорили, другой.

— И у всех белые волосы? — спросил Ибрай.

— На самом деле нет, — тихонько засмеялся Ахмад. — Я внимательно смотрел в бинокль... они мажут волосы белой краской, как уличные девки в Кандагаре.

— Они мажут головы краской, а ты свою бреешь, Ахмад, — отру-

бил Ибрай. — Их обычай может быть знаком воина. А их уличные девки, возможно, ходят с обритой головой, как ты сам.

И поскольку Ахмад был готов взорваться, Ибрай мягко продолжил:

— Мир велик, и не в каждом его конце удастся правильно услышать наказы Создателя.

Ахмад сник и произнес вполголоса:

— Ты до сих пор веришь, что этот мир принадлежит Создателю, Ибрай?

— Верю, — ответил Ибрай, не промедлив ни мгновения. — И даже если этот мир не наш, Создатель все равно властвует над ним. А разве может быть иначе?

— А солнце, Ибрай? Почему здесь не заходит солнце?

— На Земле немало мест, где солнце не заходит летом и не встает зимой, — произнес Ибрай. — И в тех местах тоже живут наши братья. Мне не приходилось там бывать и тебе тоже, но это не значит, что рука Создателя не простирается над ними.

— Наверное, это так, командир, — устало согласился Ахмад. — И что же мы будем делать дальше? Люди хотят есть. Мы не нашли того, что искали.

— Сегодня мы будем только смотреть, — холодно произнес Ибрай. — А потом решим, как поступить.

Советы Ахмада ему не нравились. Воин имел право на свое мнение, но лишь до того момента, как прозвучит приказ командира, да только время Ахмад выбрал крайне неудачное. Сейчас Ибрай и сам не знал, что им следует делать, поэтому каждое высказанное вслух сомнение и тем более попытку что-то посоветовать воспринимал как прямое посягательство на свой авторитет. Но Бессмертные нуждались в пище, это Ибрай прекрасно понимал. Сытый воин намного охотнее идет на смерть, даже если приказ исходит от нелюбимого начальника. А Ибрая любили: он всегда заботился о своих бойцах. Поэтому четверых Бессмертных Ибрай отрядил на охоту, наказав стрелять не ближе двух километров от стоянки и только с глушителем. Радиомаяк и карманные рации по-прежнему были бесполезны — эфир на всех волнах гудел одинаковым несмолкаемым шумом, и охотникам приходилось полагаться лишь на собственное чувство направления.

Охота, кстати, вполне могла оказаться успешной. За последние сутки лес явно начал постепенно наполняться живностью. И хотя Бессмертные еще не видели зверей — отряд из двадцати шести человек был способен отпугнуть не только робкое травоядное, но и стаю опас-

ных хищников, — однако все чаще слышали их крики и улавливали движение в кустах и кронах деревьев.

Отправив охотников, Ибрай устроился в корнях лесного гиганта, приказав будить его немедленно при любых признаках опасности. Сон навалился на Ибрая, едва он закрыл глаза. И когда кто-то принялся настойчиво толкать его в плечо, Ибрай решил, что с того момента прошло не более минуты. Странно, что веки за эту минуту приобрели чугунную тяжесть: ему пришлось некоторое время трясти головой и протирать глаза, чтобы вновь обрести способность понимать и видеть.

Перед ним замаячило возбужденное лицо Джамала.

— Командир! Белые воины увозят обезьян на самолетах!

— Какие самолеты? Откуда?

— К масджиду прилетели четыре машины. У них нет ни крыльев, ни винтов. Несколько серых вывели из масджиды и заставили зайти в машину. Серые не хотели туда залезать, и белоголовые воины загоняли их палками. А когда один серый напал на белоголового, тот сжег его совсем.

— Сжег?

— Серый прыгнул, но не смог достать, потому что ему мешала общая цепочка. А белоголовый направил на него свою палку, и серый сразу загорелся. Весь! Он закричал и умер, но продолжал гореть. Это произошло очень быстро, я бы даже не успел пересчитать пальцы на своих руках. Потом белоголовые воины погнали остальных, и те больше не сопротивлялись. Они сильно испугались того, что увидели.

— А ты? — спросил Ибрай без усмешки.

— Я? Нет! — Джамал не обиделся вопросу. Разве что удивился. — Отрубить голову можно гораздо быстрее, чем сжечь. Думаю, белоголовые воины этому просто не обучены. Мне кажется, что они вообще плохо умеют воевать. Мы можем захватить их поселок одним ночным броском, несмотря на их палки. Ты же знаешь: огнемет хорош только в ближнем бою.

Ибрай давно научился слушать и думать одновременно. А также, слушая, готовить и принимать решения — командир непременно должен уметь это делать. Поэтому его ответ созрел едва ли не раньше, чем Джамал закончил свой рассказ.

— Белоголовые берут в плен серых обезьян и увозят. Мы тоже хотели захватить серых. Но мы ничего не знаем о белоголовых. Конечно, мы сможем убить их и всех их пленников, Джамал, я в этом не сомневаюсь. А что дальше? Зачем нам воевать со всеми сразу и затевать вражду с теми, кто может стать нашим союзником? Это неразумно. К

тому же ты, надеюсь, помнишь нашу главную задачу: узнать и вернуться! Сначала нужно попытаться поговорить с белоголовыми.

— А если они примут нас за врагов и сразу захотят сжечь? — с сомнением спросил Джамал.

— Чтобы они этого не сделали, мы должны показать, что у нас нет враждебных намерений.

— Как?

— Мы поймаем несколько серых обезьян и подарим им.

— Тогда лучше поймать несколько русских, — предложил Джамал.

— Серые обезьяны слишком быстро бегают.

— Где ты найдешь русских, Джамал?! — с досадой сказал Ибрай. — Разве ты еще не понял, что их земли давно уже кончились. К тому же среди русских немало таких, у кого белые волосы, которые совсем не нужно красить. Белоголовые должны сразу догадаться, кто друг, а кто враг. Что же касается быстроты обезьян, то еще никто не убегал от пули. Нужно только лучше целиться и стрелять по ногам.

— А если белоголовым тоже нужны камни? — не сдавался упрямый Джамал.

— Сначала мы узнаем, что им нужно, а потом решим, как поступить, — ответил Ибрай, которому этот спор уже начал надоедать. — Я еще раз напому тебе, Джамал: мы пришли сюда отнюдь не за камнями. Поэтому иди на пост и продолжай наблюдение!

Когда Джамал ушел, Ибрай подумал, что напрасно поспешил назначить его своим заместителем. Джамал рвался не только к деньгам и славе, но и к власти. Он жадно искал и запоминал ошибки своего командира. Однако он был недостаточно умен, чтобы осознать: Ибрай все прекрасно видит. Он также был недостаточно опытен, а потому не знал, какие внезапные потери может понести отряд в столь трудном походе. Обдумав эту мысль еще раз, Ибрай улыбнулся и снова задремал.

* * *

Светило стояло все еще достаточно высоко, хотя часы на моей руке показывали уже около десяти вечера. Более того, по моим наблюдениям за все время нашего путешествия оно вообще очень мало передвинулось на небосклоне. Здешние сутки были явно продолжительней земных, но насколько? Мы были на ногах уже более шестнадцати часов, и усталость давала себя знать. Когда мы добрались до конечной точки маршрута, мне показалось, что я не в состоянии больше сделать ни шага. Впрочем, до настоящего отдыха было еще далеко.

В деревне нас встречали. Подчеркну: встречали именно нас, людей, и явно не как врагов. Четыре десятка обитателей поселка (точнее, я насчитал их сорок семь) ждали нас возле первых строений — низких куполов, слепленных из земли или глины. Не думаю, что серые обладали способностью общаться друг с другом на расстоянии: скорее всего, кто-то из бывших пленников был послан вперед, дабы предупредить о прибытии остальных. В числе ожидавших были самки — они отличались от самцов довольно развитыми грудными железами. Я отметил это с подсознательным удовлетворением: любая деталь, делающая серых похожими на нас, меня успокаивала. Потому что запах — жуткий запах их тел, усиленный этим сбившимся в кучу множеством, — ощущался сейчас невероятно сильно. Конечно же, я постараюсь к нему привыкнуть, но это будет нелегко.

Те, кто шел с нами — за исключением носильщиков Ёжика, — сразу же смешались с толпой встречавших. Носилки осторожно положили на землю. Толпа аборигенов молча и слаженно, будто по команде, приблизилась к нам, остановившись примерно в трех метрах. Вперед вышел туземец, одетый более основательно, чем его соплеменники: тело от горла до земли скрывалось под длинной накидкой. Кожа на безволосом лице была испещрена глубокими морщинами, свидетельствовавшими, полагаю, о весьма почтенном возрасте. Остальные серые затихли, внимательно наблюдая за происходящим. Патриарх неспешно приблизился и остановился всего в шаге, обдав меня волной смрада. Полы накидки распахнулись, открыв нитку крупных темно-зеленых камней на шее. Патриарх медленно протянул ко мне руку. На узкой морщинистой ладони лежал небольшой плод, напоминающий мандарин. Треугольные немигающие глаза внимательно смотрели на меня с неподвижного лица. Осторожно, избегая резких движений, я взял с ладони подношение. Существо отступило, шагнуло к Косте, и та же церемония повторилась теперь с ним. Затем наступил черед Вартана и Игоря.

— Мы должны это съесть? — поинтересовался Вартан.

— Желательно, — подтвердил Костя, понюхал плод, откусил кусочек и немного пожевал.

— На вкус ничего, — сообщил он. — Немного похоже на фейхоа, хотя слегка горчит. Надеюсь, живот болеть не будет.

Остальные существа следили за нашими действиями очень внимательно. Превозмогая себя, я тоже отведал плода. Вкуса я толком не разобрал, но Костя оказался прав хотя бы в том, что было не противно. Серые оживились, зашелестели на своем птичьем языке. Видимо, це-

ремония встречи прошла как надо. Туземцы вновь подняли носилки с Ёжиком и внесли в ближайшее жилище. Я шагнул было туда же, но старик в накидке удержал меня за плечо и легонько потянул к другому куполу.

— Нет, друг, ты уж извини, мы должны быть вместе, — сказал я, осторожно освободился и показал жестом, что намерен последовать за Ёжиком.

Старик секунду помедлил, а потом коротко наклонил голову, что я счел согласием и не ошибся: задержать меня он больше не пытался. Чужой запах внутри жилищашибанул мне в ноздри, он был настолько силен, что на миг я испытал головокружение. Мрак здесь не был абсолютным: несколько странных источников скудного, бледного света на стенах прореживали темноту, но чтобы глаза привыкли к внезапной перемене освещенности и я смог осмотреться, потребовалось некоторое время.

В хижине не было ничего, что могло бы сойти за самую примитивную мебель. Обрывки шкур или ткани на полу, куча каких-то палок у стены и плоский камень в центре — вот и все, что мы увидели. Возле Ёжика, уложенного на охапку шкур, хлопотали двое серых. На нас они внимания не обратили. Мы молча расселись вдоль стены. Только теперь я ощутил, насколько сильно устал. Каждая клеточка моего тела взывала об отдыхе. Мои товарищи чувствовали себя не лучше. В бледном свете «ламп» их лица выглядели изможденными.

Я принялся изучать один из светильников. Он представлял собой прозрачный мешок вроде рыбьего или бычьего пузыря, наполненного жидкостью, которая излучала слабый, слегка пульсирующий свет. Стенки пузыря оставались совершенно холодными. Это была фосфоресценция, свет, рожденный деятельностью живых микроорганизмов.

Отвлеченный этим маленьким исследованием, я пропустил нечто более существенное. Краем глаза я уловил короткое движение, а когда повернулся, обнаружил, что один из серых врачей исчез. Мои спутники находились в таком же замешательстве. Он не мог воспользоваться выходом — Костя сидел на его пути.

— Куда он делся? — ошеломленно спросил Вартан. — Ты видел, Игорь?

— Нет, — сказал тот. — Я на секунду отвернулся.

— А вы, Профессор? Костя?

Нам тоже нечего было сказать.

— Но я его слышу, — сообщил Игорь. — Он где-то рядом, неподалеку.

Эта маленькая загадка разрешилась спустя минуту. Часть пола шевельнулась, из-под шкуры, прикрывающей подземный лаз в центре хижины, совершенно незаметный в полумраке жилища, появился серый. Он нес что-то в сложенных лодочкой ладонях — осторожно и бережно, как носят последние капли воды в пустыне. Второй врачеватель тем временем осторожно приподнял Ёжика и раскрыл ему рот.

— Чем они его кормят? — прошептал Костя. — Отравят Ёжика, к черту!

— Не будем им мешать, — шепнул я в ответ. — Пусть делают то, что считают нужным.

Мы услышали, как Ёжик вздохнул, тихо кашлянул и что-то неразборчиво пробормотал, после чего вновь наступила тишина. Сеанс лечения закончился. Серые уложили Ёжика на прежнее место и один за другим покинули хижину, плотно закрыв за собой обтянутую шкурами деревянную дверь-затычку. Мы немедленно бросились к товарищу. Он спал или находился в беспамятстве, но дыхание его было ровным и глубоким, что укрепило в наших сердцах надежду на благополучный исход. В любом случае нам оставалось только надеяться и ждать.

Я решил, что хозяева деревни предоставили нам возможность долгожданного отдыха и не появятся до утра, но ошибся. Дверь вскоре раскрылась, и житель деревни внес в хижину большое круглое блюдо с плодами, корешками и непонятными кусочками. Он положил блюдо на плоский камень и тут же вышел.

— Вот и ужин подоспел, — хмыкнул Костя, взял с блюда кусочек, понюхал с сомнением и положил на место. — Чего-то мне этого не хочется. Давайте лучше поужинаем консервами.

— Тогда они на нас обидятся и завтра самих съедят, — пообещал Вартан. — Забыл историю мореплавателя Кука? Следующих гостей будут угощать блюдом, приготовленным уже из Кости.

— Это будет только завтра, — Костя распаковывал свой рюкзак.

Отчасти Вартан был прав. Обижать хозяев не следовало. И хотя Костя к дарам так и не прикоснулся, мы с Игорем и Вартаном пищу отведали. Ничего страшного не произошло. Хотя Вартан пару раз посетовал на отсутствие в наших запасах пряностей.

Мы поели, а потом быстро заснули. Моя последняя мысль была о том, что вряд ли здешнее освещение выключается на ночь...

* * *

Эта охота белоголовым особенно удалась. По узкой и извилистой лошине, что выводила на равнину к масджиду, они тащили более де-

сятка скованных цепочками серых обезьян. «Как же они их ловят?» — невольно удивился Ибрай. Несомненно, причина успеха заключена в особом оружии белоголовых, с которым тоже нужно будет ознакомиться.

Бессмертные залегли в кустах на склонах лощины и ждали начала операции. Ибрай гордился своим планом. Чтобы познакомиться и подружиться с хозяевами масджида, совсем не обязательно гоняться по здешним лесам за этими быстрыми обезьянами. Пусть ловят другие, Бессмертным достаточно лишь привести добычу. Ибрай излагал свой план, ощущая молчаливое одобрение бойцов. Сегодня воины слушали Ибрая не просто как назначенного имамами командира, а как настоящего вождя. Лишь на лице Джамала он уловил тень недовольства. Ибрай не удивился. Его план был настолько прост и очевиден, что Джамал мог и сам до него додуматься, и Ибраю пришлось бы принять его предложение.

Пленных обезьян вели под конвоем десять хозяев масджида. В руке каждого поблескивал стержень длиной сантиметров тридцать. Жаль, что возможностей их оружия Ибрай не знал, это вносило в его план элемент неопределенности. Но хотя он давно научился относиться к неизвестной опасности с осторожностью и уважением, сейчас этот фактор не имел особого значения. Белоголовых было всего десять против двадцати шести бойцов Ибрая. В подобных схватках всегда побеждает тот, кто атакует первым. Это правило работает под любым солнцем. Белоголовых конвоиров нужно было убить очень быстро и незаметно. Первой ударит снайперская винтовка Ахмада. Выстрел из нее — легкий хлопок, едва различимый слухом — свалит последнего белоголового, и остальные сбегутся к нему выяснять причину. Это естественная реакция любого народа, не успевшего привыкнуть к битве с настоящими воинами. Они собьются в кучу, образовав удобную мишень. А дальше — закопать тела и доставить обезьян в масджид под собственной охраной. Если даже не удастся обменять обезьян на камни, Бессмертные выяснят, годятся ли белоголовые в союзники. Операция должна была начаться в тот момент, когда белоголовый, идущий первым, поравняется со сломанным деревом. Колонна серых пленников и белоголовых конвоиров приближалась к намеченной точке, и Ахмад уже прильнул к окуляру своей винтовки, но все произошло совсем не так, как планировал Ибрай.

По обе стороны от колонны вспухли фонтанчики дерна и земли, в почве одновременно открылись норы, из которых горохом посыпались серые. В воздухе мелькнули десятки крохотных стрел, выпущенных се-

рыми с помощью коротких духовых трубок. Но несмотря на неожиданность, атака оказалась не слишком эффективной. Лишь один белоголовый, схватившись за лицо, со стоном повалился наземь. Остальных от стрел надежно защитила одежда. Белоголовые не растерялись, не поддались панике и отреагировали практически мгновенно: все тут же натянули на головы капюшоны и вскинули стержни. Огненные клубки ударили в нападавших, вырывая из серых тел ошметки горячей плоти. Почти каждый выстрел белоголовых находил свою цель, однако нападение не остановилось. Серых было намного больше, они рвались вперед с яростным упорством. Один из белоголовых был сбит несколькими прыгнувшими на него телами, другой выронив оружие, с воплем закрутился на месте, высоко вздергивая пораженную отравленной стрелой руку.

И все же, несмотря на численное превосходство и невероятную скорость передвижения, серые были обречены. Вспышки пламени сверкали непрерывно, поражая все новые и новые жертвы, в какой-то момент волны наступавших остановились. От полного разгрома и уничтожения серых отделяло мгновение, но его оказалось достаточно, чтобы картина схватки вновь переменялась. Скованная цепочка пленников, в самом начале боя присевших и съежившихся, внезапно поднялась. Они бросились вперед единым строем. Сразу четверо белоголовых покатались по земле, сбитые напором соединенных цепями тел. Серые вцеплялись в белоголовых, срывая капюшоны, и тогда в незащищенную кожу впивались отравленные стрелы нападавших. Ибрай понял, что настало время действовать.

Оглушительный треск автоматных очередей вспорол воздух. Оружие Бессмертных, уступая в эффектности огненным стержням белоголовых, было не менее смертоносным. Сразу десяток серых обезьян забили в конвульсиях, пятная кровью траву, и с каждой секундой счет пораженных целей увеличивался. Серые еще пытались сопротивляться, они разделились, часть из них бросилась на нового противника. Атака, рожденная глупостью примитивных существ, захлебнулась, едва начавшись. Все они были уничтожены, не пробежав и нескольких шагов. Окончание схватки представляло собой обыкновенную бойню. Наконец осознав неизбежность гибели, оставшиеся в живых серые кинулись в свои норы.

Еще несколько секунд беспорядочной стрельбы, и все закончилось. На месте схватки вновь установилась тишина. Ибрай отдал короткую команду. Бессмертные покинули свои укрытия и начали неторопливо спускаться в лощину.

В живых остались всего трое белоголовых. Они настороженно ждали, сжимая в руках огненные стержни. Еще двое слабо шевелились, лежа на земле, но, скорее всего, эти движения были последними в их жизни. Ибрай навсегда запомнил страшное действие яда серых. Так оно и случилось. Конвульсии умирающих прекратились очень скоро. Трупов серых было много больше, спускаясь по склону, Ибрай насчитал не менее трех десятков вместе с закованными пленниками.

Приблизившись к белоголовым на дистанцию двадцати шагов, Ибрай поднял руку, давая знак своим бойцам остановиться, и демонстративно медленным, миролюбивым движением закинул автомат за спину. Последние метры, отделявшие его от белоголовых, он преодолел в одиночку.

— Я — друг, — сказал он, старательно улыбаясь. — Мы пришли, чтобы помочь.

Белоголовые молча и внимательно смотрели на него.

— Я — друг! — повторил Ибрай. — Нам тоже не нравятся серые обезьяны. Мы будем убивать их вместе.

Белоголовые по-прежнему оставались в полной неподвижности, и Ибрай понемногу начал терять терпение.

— Мы пришли издалека, — махнул он себе за спину. — Мы воины Создателя и не враги вам.

Один из белоголовых осторожно шагнул к Ибраю и протянул левую руку ладонью вперед. Ибрай немедленно сделал то же самое. Белоголовый сделал еще полшага, и их ладони соприкоснулись. Некоторое время они внимательно изучали друг друга. У белоголового было лицо обычного европейца. Светлые глаза под светлыми бровями, длинная царапина на щеке, нанесенная когтем одной из серых обезьян. Ибрай, как ни старался, не сумел прочесть в глазах белоголового ни благодарности, ни неприязни. Он смотрел на командира Бессмертных с полным бесстрашием, словно ожидая от него чего-то. Но прежде чем Ибрай решил, как поступить, белоголовый отступил назад, опустил руку и произнес короткую фразу.

— Да, — кивнул Ибрай, истолковав ее смысл, как ему хотелось. — Теперь мы друзья.

Белоголовый повернул голову к своим товарищам и что-то сказал. Те негромко рассмеялись, что Ибраю не слишком понравилось, однако он тоже заставил себя издать беззаботный смешок. Белоголовый снова внимательно взглянул на Ибрая, и вновь во взгляде его Ибраю не удалось различить ни малейших признаков эмоций — разве что легкое любопытство. Ибрай ощутил недовольство: возможно, показывать

свои чувства белоголовым не позволяли обычаи, но для спасенных от неминуемой гибели они вели себя не слишком вежливо. Белоголовый заговорил, сопровождая свои слова короткими жестами. Показал на Ибрая, потом на остальных Бессмертных, а затем протянул руку в ту сторону, где находился масджид.

— Я понимаю, — согласно наклонил голову Ибрай. — Ты хочешь, чтобы мы пошли с вами.

Он в точности повторил жесты белоголового, и тот, убедившись, что понят правильно, удовлетворенно кивнул. Прицепив огненную трубку к поясу и еще раз приглашающе махнув Ибраю рукой, он в сопровождении своих товарищей зашагал прочь от места схватки. Выждав несколько секунд, Ибрай вместе с Бессмертными последовал за ними. И в этот момент случилось то, что едва все не переменяло.

Один из казавшихся мертвыми белоголовых внезапно шевельнулся. Зажатое в руке оружие поднялось, и сгусток огня ударил в спину Шадри, швырнув его на землю. Бессмертные с криками прыгнули в стороны, еще секунда — и сотни пуль разорвали бы белоголовых в клочья.

— Не стрелять! — отчаянно крикнул Ибрай, но силы раненого уже истощились, рука вновь упала на землю.

Не обращая внимания на направленные в его сторону автоматы, старший из белоголовых приблизился. Внимательно и, как показалось Ибраю, безгловато поглядел на раненого, а потом поднял оружие и дважды выстрелил. Охваченное пламенем тело изгибалось в судорогах, но белоголовый уже потерял всякий интерес к происходящему. Равнодушно отвернувшись, он сделал Ибраю знак к началу пути.

Тем временем воины помогали Шадри подняться на ноги. Ко всеобщему удивлению, он оказался не только жив, но и практически невредим. Последний выстрел раненого попал в закрепленный на спине Шадри контейнер со штампами «Абу Маджи». Массивный стальной корпус защитил его от неминуемой гибели. Подбежавший Ходжа быстро осмотрел контейнер, вначале отчего-то негромко присвистнул, но по завершении осмотра удовлетворенно кивнул и похлопал Шадри по плечу. Теперь можно было идти.

— Они не стали хоронить своих мертвых, — недовольно проговорил догнавший Ибрая Джамал. — Они даже не попытались проверить, остались ли среди них живые. Они добивают своих раненых. Так не поступают воины Создателя.

Ибрай мог бы сказать Джамалу многое. Например, напомнить о том, как он бежал от села Джучи, напоровшись на засаду и оставив там практически весь свой отряд. Нет, вины Джамала в том пораже-

нии не было — просто неверные оказались немного хитрее, так часто случается на войне. Однако о погребении своих бойцов тогда Джамал не вспоминал. Но говорить об этом Ибрай не стал, он произнес спокойно и рассудительно:

— У каждого народа свои обычаи, Джамал. Прежде чем судить, следует узнать о них как можно больше. Не стоит торопиться. Но мы будем смотреть очень внимательно и оставаться настороже.

Возможно, Джамал собирался что-то возразить, но времени у него не оказалось.

Обитатели масджида заметили их, едва отряд вышел из леса на равнину. К маленькой колонне стремительно помчались две машины. Они неслись низко над землей, быстро увеличиваясь в размерах. Ибрай, как и многие его бойцы, не раз видел десантные суда на воздушной подушке, способные перевозить до полусотни солдат. Машины белоголовых, хотя и не были похожи на известные Бессмертным, имели примерно те же габариты и, видимо, использовали такой же способ передвижения. Ибраю лишь показалось странным, что у них нет обязательного матерчатого фартука, удерживающего под корпусом воздушный поток. Машины просто парили над почвой, и трава под ними не колыхалась. Да и шума они почти не издавали.

Машины замедлили ход и мягко опустились на землю по обе стороны тропинки. В их бортах раскрылись широкие двустворчатые дверцы, выпуская цепочки белоголовых с огненными стержнями в руках; солдаты выстроились справа и слева от колонны Бессмертных. Трое спасенных белоголовых следили за происходящим довольно равнодушно. Они оставались стоять на месте, в нескольких шагах от головы колонны (любого из них Ибрай смог бы достать одним прыжком), и не выказывали намерения соединиться с товарищами, что несколько успокоило вспыхнувшую было тревогу Ибрая. Вряд ли так берут в плен. Тем более, насколько успел понять Ибрай, своих пленных белоголовые заковывают в цепи. Скорее, это походило на встречу и последующее сопровождение нежданных, но отнюдь не враждебных гостей. Никто из белоголовых ни разу не направил на пришельцев своего оружия. Они просто стояли — равнодушные и вполне дисциплинированные солдаты, ожидающие приказа командира. Вежливая осторожность или осторожная вежливость — так можно было расценить их поведение, и точно так же поступил бы сам Ибрай в подобных обстоятельствах.

Он внезапно подумал: люди ли они? И постарался вспомнить свое прикосновение к ладони белоголового. Нет, то была живая

плоть. Теплая, в меру шершавая и несомненно человеческая. Хотя никому не запрещено создавать бездушных роботов по образу и подобию, навсегда определенному Создателем. Ибрай знал, что такое вовсе не исключено: в юности он посмотрел немало американских растленных фильмов, где подобные сюжеты обыгрывались многократно.

— Не стрелять ни в коем случае! — скомандовал бойцам Ибрай. — Но оружие держать наготове!

Как только построение было закончено, белоголовый с царапиной на щеке, которого Ибрай счел старшим среди спасенных, жестом предложил продолжить движение, спокойно повернулся спиной к Ибраю и зашагал к масджиду. Едва колонна тронулась, цепочки белоголовых охранников немедленно смешались и нестройными группами двинулись следом, будто соседи на базар. Бессмертные их явно не интересовали. Машины медленно плыли в стороне. Широкие дверцы их десантных люков оставались распахнутыми, и, поглядывая на них, Ибрай некоторое время испытывал сильнейшее искушение. Белоголовые были плохими воинами, они не желали заглянуть даже на шаг вперед. Так просто было бы сейчас перебить всю эту толпу, захватить аппараты и заставить показать оставшихся в живых, как обращаться с машинами. Судя по взглядам Джамала, не одному Ибраю приходила в голову эта мысль. Но спешить не стоит, прежде нужно понять и оценить возможные выгоды союза с белоголовыми.

* * *

— Профессор! — услышал я голос, который вначале показался продолжением сна.

— Профессор, проснитесь!

Я открыл глаза и в блеклом свете фосфоресцирующих пузырей на стенах увидел над собой неясно очерченный овал лица.

— Игорь? — спросил я.

— Это Ёжик.

— Ёжик? — до меня не сразу дошло услышанное.

— Это я, Профессор, нужно поговорить... времени мало... могу не успеть, — Ёжик говорил запинаясь, с усилием, как будто вспоминая слова, но речь его звучала абсолютно осмысленно, и это потрясло меня едва ли не больше, чем все произошедшее накануне.

— Ёжик, ты... как тебе удалось?

— Грибы... это грибы. Теперь я такой же, как все, но это продлится недолго. Один раз так уже было... здесь...

Откинув шкуры, бесшумно сел проснувшийся Игорь.

— Мне было больно... всегда сначала бывает больно. Они меня нашли и лечили, я жил с ними и ушел, когда кончилась зима.

— Какие грибы, Ёжик? — спросил Костя. Они с Вартаном тоже проснулись.

— Там, — Ёжик показал рукой под землю. — Они растут там. Грибы помогают, когда больно, и тогда я начинаю понимать, как другие люди... но потом все равно приходит темнота. Я не хотел снова в темноту, я просил у них еще грибов, но они не дали, потому что грибы могли меня убить... И вот сейчас опять... я не хочу в темноту, Профессор.

— Мы с тобой Ёжик, не беспокойся, — растерянно сказал я.

Что я еще мог сказать? Я совершенно не представлял механизма действия чудесного средства серых и мог сейчас лишь созерцать его результат. Ёжик был жив. Это само по себе выглядело чудом, он явно поправлялся, положительные перемены в его состоянии происходили с фантастической быстротой. По-видимому, действие средства сопровождалось изменениями психики. Временными изменениями, как говорит Ёжик.

— Люди с белыми волосами убивают всех, — снова заговорил он. — Они хотели убить меня в прошлый раз. Они убивают сваши, а некоторых берут с собой, потому что сваши знают тайну грибов. Белые приходят издалека... Они уйдут, когда начнется зима, это будет очень скоро. Но мы уже не сможем уйти.

— Почему?

— Потому что зима, — невнятно объяснил Ёжик, со вздохом улегся и замолчал, мгновенно уснув. Пока еще он был слишком слаб.

Некоторое время мы просто молча вслушивались в его ровное дыхание.

— Итак, наших хозяев зовут сваши, — сказал Вартан. — Но зачем их убивают белые, если действительно нуждаются в грибах? Что за параноя такая?

— Ты свою собственную историю вспомни, родной, — посоветовал Костя. — Зачем турки два миллиона армян вырезали, ты знаешь? А почему последняя война началась? Эти — серые, те — белые, вот и весь ответ. Разве не так?

— Значит, наш Ёжик стал нормальным, — переменял тему Вартан. — Интересно, надолго ли?

— Он всегда был нормальным, — возразил Игорь. — Просто он другой.

Я испытывал глубокую скорбь. Бедный Ёжик! Больной шизофренией осознает, что болен, лишь в период ремиссии и со страхом ждет очередного обострения, однако не способен ощутить, когда оно наступает. Ёжик был не больным, а слабоумным. Мрак, окутывающий его разум, служил источником покоя бедняги, душа Ёжика не знала страданий до тех пор, пока мрак на время не развеялся, открыв ему истинное положение вещей. Когда мрак снова опустится, Ёжик забудет обо всем и вновь сделается счастливым — это единственное, что могло служить утешением и ему, и нам...

Мои часы показывали чуть более восьми утра, хотя понятие утра в этом мире оставалось для меня относительным до тех пор, пока не удастся установить продолжительность местных суток. Во всяком случае, я чувствовал себя вполне выспавшимся, отдохнувшим и не собирался дольше оставаться в этом душном склепе. Нашарив дверь-затычку, я попытался вытолкнуть ее и со второго раза это мне удалось. Дневной свет резанул по отвыкшим глазам, я стянул слезу и выбрался наружу.

— Однако сегодня прохладно, — заметил вылезший за мной Костя. — Это что, первые утренние заморозки?

Вместе со словами из его рта вырвались облачка пара. На земле тут и там блестели пластинки замерзшей влаги. Я поежился и поднял воротник куртки. Меня гораздо больше волновало другое.

— Я не уверен, что сейчас утро, — сказал я. — Взгляните на солнце: оно находится значительно ниже, чем вчера, когда мы зашли в хижину.

— Верно! — подтвердил Вартан. — Я очень хорошо помню, потому что залезал в нашу ярангу задницей вперед.

— И что это значит? — спросил Костя.

— То, что сейчас не утро, а день. Или даже вечер. День был вчера — я имею в виду «вчера» по нашим представлениям. И завтра тоже будет вечер. А послезавтра, возможно, настанет ночь. И боюсь, она затянется надолго.

— Неплохо бы нам вернуться домой до ее наступления, — сказал Вартан.

— Это зависит от того, как будет себя чувствовать Ёжик, — произнес Игорь, который тоже выбрался наружу и сейчас крутил головой, осматриваясь.

Росший неподалеку куст чем-то привлек его внимание. Игорь подошел вплотную и некоторое время внимательно рассматривал небольшие увядшие листья, потом сорвал один.

— Ого! — воскликнул он. — Вы только посмотрите!

Листок был похож на маленький кожаный сосуд для воды, сухой на ощупь. Но это его состояние совершенно не напоминало привычную нам осеннюю хрупкость листы, превращающейся в порошок от легкого нажатия пальцев. Листок словно дожидался дождей, которые его вновь наполнят. Игорь сорвал еще один, подошел к соседнему дереву и повторил операцию.

— В них нет ни капли влаги, — сообщил он. — Почему это произошло так быстро? Вчера ничего подобного я не заметил.

Из-за хижины выглянул, а потом осторожно вышел сваши, за ним еще двое. Эти сваши, закутанные в шкуры от ступней до горла, были очень маленького роста — их головы едва доставали нам до пояса, они стояли, разглядывая нас со странной опаской, и едва Игорь сделал шаг в их направлении, тут же отпрыгнули назад и убежали.

— Да это же дети, — сказал Костя и рассмеялся. — А я уж решил, что они размножаются как-то по-другому.

— Мы не знаем, как они размножаются, — буркнул Варган. — Цыплята тоже бывают маленькие, если ты имел в виду инкубаторы. Вон, кстати, они опять идут, можешь сам поинтересоваться, если хочешь.

Но теперь к нам приближались не дети, а взрослые. Для меня все сваши были на одно лицо, я еще не научился определять их индивидуальные различия и патриарх узнал только по одежде да ожерелью из камней, похожих на изумруды. Знакомый запах вновь острошибанул мне в ноздри, но сегодня рвотного позыва уже не возникло. Патриарх сделал жест, который я счел приветствием и постарался как можно точнее воспроизвести. Потом патриарх произнес несколько свистящих слов и движением руки пригласил следовать за ним.

— Профессор, — негромко окликнул меня Игорь, когда мы шли к хижине в центре деревни, отличавшейся от прочих более значительными размерами, — я думаю, у меня получится.

— Что?

— Я смогу их понять. Ёжик мне поможет. Он мне уже помогает, хотя и не догадывается об этом.

— Ты используешь мозг Ёжика, как ретранслятор? — сообразил я.

— Примерно так, — кивнул Игорь. — Его мозг сейчас очень сильно изменился. В прошлый раз Ёжик прожил здесь достаточно долго и научился общению. Конечно, дословного перевода от меня не ждите, но смысл я уловлю. Гораздо труднее будет переводить то, что захотим сказать мы.

— Ничего, и этого уже немало, — сказал я. — В таких делах главное — начать. Дальше будет проще, это я тебе обещаю...

Я знал, что говорил. Лингвистика зачастую выглядит как область математики. Любой язык достаточно логичен и поддается структурному анализу. Чтобы понять его, нужны отличные оперативная и долговременная память, логика и математические способности. И первым, и вторым, и третьим я обладал в избытке. Мне не хватает лишь нескольких десятков базовых слов и понятий, на основе которых строится структура языка. Эти узловые точки мне подскажет Игорь, а потом от них потянутся нити к следующим и следующим, до тех пор пока вся многомерная лингвистическая паутина не станет тканью языка.

Хижина, несомненно, являлась общественным сооружением. Не знаю, может, это был молельный дом или деревенский клуб, но сейчас здесь собралось почти все население деревни, включая и маленьких сваши. Мне вновь понадобилось собрать все силы, чтобы подавить рвоту. Жители расположились по периметру помещения, с любопытством разглядывая нас и негромко переговариваясь. Света хватало: уже знакомые нам светильники в изобилии висели повсюду. В центре хижины в земляном полу зияла точно такая же нора, как и в нашем временном доме. Чуть в стороне от нее — охапки шкур, на которые опустился старейшина, пригласив сесть и нас. В хижине мгновенно установилась тишина.

— Соа. Сва, — сказал старый сваши, а потом очень отчетливо произнес: — Друг, хорош-шо...

* * *

Ибрая страшно раздражала эта железная шапка, которую он не снимал уже несколько часов подряд, кожа на голове зудела и чесалась, ручейки пота стекали по вискам и шее. Но еще больше Ибрая раздражало поведение белоголовых, то и дело заливавшихся беспричинным смехом на протяжении всего разговора. Сама беседа началась совсем недавно, все остальное время белоголовые настраивали механизмы шапки, вертясь вокруг Ибрая и постоянно толкая его голову, словно пустую кастрюлю. Сами белоголовые тоже были в железных шапках, именно они давали возможность понимать друг друга без переводчика.

Они беседовали в просторном, но совершенно неуютном помещении, лишенном какой бы то ни было обстановки, за исключением стола и нескольких жестких, неудобных сидений, на которых распо-

ложились четверо начальников белоголовых, Ибрай, Джамал и Ахмад. Джамалу и Ахмаду чудесных шапок не дали — возможно, у белоголовых их просто больше не оказалось, — поэтому в переговорах они участвовали, лишь ориентируясь по сказанному Ибраем. Остальные Бессмертные ждали результатов в таком же помещении за дверью. То помещение вообще было пустым, словно брошенный складской ангар. Бессмертных никто не охранял — все остальные белоголовые, включая солдат, сопровождавших их к базе, занимались своими делами, вытаскивая из недр масджида какие-то тюки и контейнеры и загружая их в летающие машины, которые периодически исчезали и возвращались.

— Если вам нужны зеленые камни, вы их получите, — услышал Ибрай слова белоголового. — Сколько угодно камней. По десять за каждую обезьяну. И по пять за каждый кусок полезной земли.

«Полезная земля» — этим словосочетанием железная шапка переводила интересовавший белоголовых предмет, суть которого Ибраю до конца не была понятна, однако он не желал демонстрировать свою неосведомленность.

— Как велик должен быть кусок? — спросил он.

Белоголовый толкнул к Ибраю ногой раскрытый пустой контейнер, величиной со средних размеров чемодан.

— Это вместилище для одного куска, — был ответ. — Но не больше двух кусков на одну обезьяну.

Пока хозяева масджида настраивали свои аппараты для переговоров, Бессмертные получили возможность немного оглядеться, поскольку белоголовые обращали на своих неожиданных гостей внимания не больше, чем на предметы обстановки. Они занимались своими делами, перетаскивая из здания к летательным аппаратам какое-то оборудование, в числе которого Ибрай уже видел немало таких контейнеров.

Ибрай задумался. Тут что-то не так...

— Одна обезьяна и два куска полезной земли, — повторил он. — Мы принесем вам по четыре куска.

— Нет! — раздалось под шлемом, и белоголовые вновь беспричинно заржали. — Два куска на каждую обезьяну. Не четыре и не три. Только два! Мы возьмем обезьяну без полезной земли, но не возьмем ни одного куска, если не будет живой обезьяны.

Ибрай смахнул с лица пот, постаравшись, чтобы это выглядело незаметно.

— Где можно найти полезную землю?

— Она там, где живут обезьяны. Они прячут ее под своими жилищами.

— Еще нам нужно ваше оружие, которое стреляет огнем, — вспомнил Ибрай. Ответ последовал немедленно:

— Оружие — нет! Камни — да!

Отказ звучал категорично, и Ибрай решил не настаивать. В конце концов, то, что нельзя купить, всегда можно отнять, этот вопрос будет решен позже, камни важнее.

Он сделал вид, что задумался, переглянулся с товарищами и выдвинул встречное предложение:

— Поймать обезьяну не просто. Еще труднее найти полезную землю. Я хочу по пятнадцать за обезьяну и по десять за землю! И каждый камень должен быть вот такого размера! — Ибрай сложил большой и указательный пальцы колечком.

Новый взрыв хохота был ему ответом.

— Мы согласны, — сказал белоголовый, отсмеявшись. — Хорошим друзьям нужно платить по заслугам. Когда мы вернемся, мы привезем вам камни.

Ибрай насторожился.

— Когда вы вернетесь?

— Весной, — услышал он. — Утром. Примерно через шестьдесят ваших дней. Завтра.

— Значит, сейчас у вас камней нет? — уточнил Ибрай.

— Когда мы вернемся, то привезем много камней.

— Мы приводим обезьян, приносим землю и меняем их на камни, — твердо заявил Ибрай. Белоголовые должны были понять, что никаких отсроченных платежей в их отношениях быть не может.

На этот раз белоголовые не стали смеяться, а некоторое время совещались между собой, что Ибрай счел хорошим признаком: кажется, партнеры начали наконец проявлять к нему уважение.

— Утром, — услышал Ибрай. — Завтра.

Это был конец переговоров. Или тупик. Ибрай был очень разочарован. Белоголовые уходят отсюда очень скоро и вернутся только через два месяца, они не будут ждать, пока Ибрай наловит им обезьян. Бессмертным тоже придется идти домой и возвращаться сюда через два месяца. Срок небольшой, утешал себя Ибрай, зато удачная охота сделает всех очень богатыми людьми.

— Что такое «полезная земля»? — задал он последний вопрос, заранее ожидая услышать в ответ смех. Однако белоголовые смеяться не собирались.

— В ней растут... — тут последовал совершенно бессмысленный набор звуков, короткая пауза, а потом железная шапка медленно перевела: — ...веселые корни. Обезьяны делают полезную землю под своими жилищами.

Вот теперь Ибраю все стало ясно. «Веселые корни» — наркотик, нечто вроде опиума или гашиша. Обезьяны умеют выращивать его лучше других, поэтому белоголовые их ловят и заставляют работать. Тут было о чем подумать. Если это выгодный бизнес, Ибрай и сам мог бы им заняться. Вполне возможно, выгода от него намного превзойдет стоимость нескольких камней. Пожалуй, то, что деловые отношения с белоголовыми откладываются на два месяца, даже неплохо. Есть время, чтобы попытаться самому понять, какую пользу можно извлечь из полученной информации.

— Хорошо! — согласился Ибрай. — Через два месяца мы встретимся здесь. А теперь мы хотим немного отдохнуть перед тем, как отправимся в обратный путь.

— Вы можете оставаться здесь, сколько вам угодно, — был ответ.

Один из белоголовых подошел к Ибраю и сунул ему в руку выпуклый диск величиной с ладонь, с единственной кнопкой посередине.

— Если вы не найдете это место, когда придете в следующий раз, нажмите кнопку. Мы отыщем вас очень быстро, — сказал он.

На этом переговоры закончились, белоголовые одновременно начали снимать с себя железные шапки. Ибрай хотел сделать то же самое, но ему не дали. Подбежавшие с двух сторон белоголовые деликатно, но решительно отвели его руки и освободили от шлема, который тут же унесли.

Когда Ибрай, Джамал и Ахмад вернулись в комнату, где их ждали Бессмертные, к ним тут же подбежал Муса, дежуривший снаружи.

— Ибрай! Белоголовые уходят отсюда насовсем, — сообщил он. — Их летающие машины увозят людей и имущество, а потом возвращаются за новой партией. Солдат осталось совсем немного, это очень удобный момент, чтобы захватить все, что нам нужно.

Ибрай подавил соблазн. Использовать летающую лодку белоголовых, чтобы поскорее добраться домой, было бы очень заманчиво, но никто из Бессмертных не умел ею управлять. Тем более, что сейчас важнее сохранить с белоголовыми хорошие отношения.

— Мы не станем сейчас у них ничего отнимать, Муса, — сказал Ибрай. — Потому что у нас еще много раз будет такая возможность, и когда-нибудь мы ею воспользуемся. То, что я узнал, стоит многого. Я расскажу о том, что услышал, потом мы будем отдыхать, а за-

тра отправимся в обратный путь. Смени охрану и возвращайся в масджид.

В помещении было довольно прохладно. Погода за последние несколько часов заметно изменилась. В воздухе резко похолодало; проликавшие сквозь многочисленные щели легкой кровли порывы ветра гуляли по углам, заставляя воинов ежиться. Почти все они достали из мешков и натянули теплую одежду. Ибрай хотел распорядиться, чтобы развели костер, но подумал, что хозяевам это может не понравиться. Он решил сделать это позже, когда белоголовые исчезнут.

Вместе с Ходжой они вышли наружу. Контейнеров и других вещей на грузовой площадке оставалось немного. Ибрай услышал гневный возглас и обернулся. Из масджида быстрым шагом выходил белоголовый с царапиной на лице. В руках он держал длинную гибкую трость, его лицо искажала гримаса ярости. Следом за ним два солдата тащили за руки третьего. Тот не пытался сопротивляться и, кажется, довольно плохо воспринимал происходящее. Голова его моталась, глаза были мутными, на губах бродила бессмысленная улыбка.

По приказу командира солдаты сдернули с пленника комбинезон, обнажив до пояса, и поставили его на колени. Белоголовый с царапиной изо всех сил взмахнул тростью, обрушивая на провинившегося свистящий удар. Тот вскрикнул — боль прорвала окутавший его мозг дурман. Белоголовый ударил еще и еще раз, исторгая из уст жертвы все более громкие крики. Спина солдата покрывалась багровыми рубцами, брызнула кровь. Белоголовый бил, не переставая, и в какой-то момент крики смолкли. Голова провинившегося бессильно упала, он потерял сознание, но экзекуция не прекращалась еще некоторое время, пока палач окончательно не устал. Ибрай немного удивился такой жестокости. Телесные наказания несомненно нужны и полезны — они прекрасно поддерживают дисциплину, но настолько безжалостным следует быть лишь с врагами. Вряд ли провинившийся выживет после такой порки. Впрочем, пределы выносливости белоголовых Ибраю известны не были.

Наконец палач опустил палку. Повинуясь его молчаливому жесту, солдаты потащили неподвижное тело, бросили, словно куль, в люк летающей машины и отправились по своим делам.

Белоголовый с царапиной оставался на том же месте, опираясь на окровавленную трость. Он тяжело дышал, из груди его вдруг вырвался сухой, мучительный кашель. Ибрай уловил странный взгляд, которым пронзал белоголового Ходжа. Тем временем белоголовый наконец откашлялся, сплюнул на траву и скрылся в масджиде. Неподалеку Иб-

рай снова услышал точно такой же сухой кашель. Это зашелся в приступе один из солдат, занятых на погрузке. Ибрай коротко переглянулся с Ходжой, но заговорил вовсе не о том, о чем собирался в первую очередь.

— Как ты думаешь, за что он наказал своего солдата?

— Это понятно. Солдат тайком отведаль веселых корней.

— Я тоже так решил, — кивнул Ибрай. — У этих солдат очень плохая дисциплина. Они неважные воины, нам нетрудно будет справиться с белоголовыми, если те замыслили предательство.

Они вернулись к Бессмертным, прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи. Ждать пришлось недолго. Через пару часов последнее судно белоголовых поднялось над землей и стремительно унеслось в степь. Никто из них не зашел попрощаться с Ибраем, они просто улетели. Это могло выглядеть как неуважение, однако Ибрай понимал: у белоголовых могут быть собственные представления о вежливости. В конце концов, они оставили в полном распоряжении Бессмертных масджид, не требуя никакой платы за ночлег. Ибрай приказал развести костер, а сам вместе с Ходжой отправился осмотреть здание.

Изнутри оно ничуть не напоминало храм. Скорее, это были казарма, склад и тюрьма под одной крышей, сооруженные из прочного, но тонкого и холодного материала. Тесные квадратные помещения с крохотными оконцами под потолком сохранили резкий запах серых обезьян, пол был покрыт нечистотами. Здесь белоголовые держали захваченных рабов. Другие помещения, видимо, предназначались для хранения оборудования и припасов. Все они пустовали, лишь под ногами шуршали пластиковые обрывки и куски упаковки. Фронтальная часть масджида отводилась под жилые помещения. Две казармы (одну из которых занимали сейчас Бессмертные) и несколько комнаток для офицерского состава, в которых остались удивительно неудобные, жесткие и узкие топчаны. В целом все здание выглядело не просто оставленным, но покинутым надолго, может быть, навсегда. Это ощущение беспокоило Ибрая: не затеяли ли белоголовые какую-то игру? Не решили ли просто посмеяться над воинами Создателя? Уходя из покоренной страны, принято оставлять там небольшой гарнизон. Почему белоголовые этого не сделали?

Но, ощупав в кармане выпуклость оставленного ему белоголовыми диска, Ибрай отогнал сомнения. У белоголовых были свои, неведомые Ибраю причины поступать так или иначе, но они явно рассчитывали на очередную встречу с Бессмертными. Об этом он и сказал Ходже.

— Я в этом не уверен, — ответил тот с коротким смешком.

— Почему? — удивился Ибрай. — Зачем же они дали нам свое радио?

— Дело не только в их желании. Слышали, как они кашляли?

— Да, и что же?

— Контейнер Шадри треснул после выстрела. «Разящий меч» вышел наружу. Я насчитал еще четверых белоголовых, пораженных «Абу Маджи». И развитие болезни протекает у них очень быстро, намного быстрее, чем у людей. Даже если у них есть очень хорошие лекарства, те не спасут белоголовых. Просто не успеют. Через неделю все, кто находился здесь, будут мертвы, успев заразить тысячи своих соплеменников. А для тех, кто останется в живых, этот мир будет закрыт навсегда.

— Почему же вы, Ходжа, не приказали Шадри бросить контейнер?

— воскликнул Ибрай. — Зачем нам смерть мира белоголовых?

Ходжа взглянул на него с такой холодной властью, что Ибрай ощутил трепет. Этот человек, несмотря на свою физическую слабость, относился к тем немногим, кто был способен вызывать страх даже у Ибрая.

— Мне кажется, Ибрай, ты забыл, в чем заключается Великий План. Ни на Земле, ни в грядущих мирах не должно остаться тех, кто не разделяет Учения. Такова воля Создателя, и нам надлежит ее исполнять. Разве у тебя есть сомнения, что белоголовые представляют опасность для Плана? Они не знакомы с истинной верой, не способны ее принять и легко могут превратиться в смертельных врагов, которых у нас и так достаточно даже в землях правоверных. Неужели блеск камней ослепил тебя настолько, что ты потерял представление о реальности?

— Мне наплевать на камни и на белоголовых, — поспешил сказать Ибрай, надеясь, что эта фраза прозвучала достаточно убедительно. — Я презираю земные богатства. Для воина они не имеют значения.

— Я так и думал, — кивнул Ходжа. — Что же до серых обезьян и их веселых корней, думаю, мы и сами сможем найти им применение. — Голос его смягчился. — Не беспокойся, Ибрай, верные сторонники заслуживают щедрых наград, и мы не поскупимся. Думаю, в нашем походе мы узнали достаточно много и можем возвращаться с легким сердцем и чистой совестью. Но в обратный путь мы должны захватить несколько живых серых вместе с полезной землей...

Перед тем как вернуться в казарму, где отдыхали Бессмертные, Иб-

рай вновь ненадолго вышел из масджиды. По-прежнему было светло, как днем, однако Ибрай убедился, что светило, заменявшее этому миру Солнце, опустилось заметно ниже, чем сутки назад. Медленно, но неуклонно оно приближалось к горизонту. «Завтра. Утром. Весной», — говорили белоголовые. При этом они явно имели в виду одно и то же. Значит, всю зиму здесь будет длиться ночь? Тогда на возвращение в свой мир Бессмертным отпущено не так много времени. Интересно, из какого мира сюда пришли белоголовые? И над чем они так смеялись?

Ибрай зябко поежился под стылým ветром и поспешил вернуться в помещение. Здесь ярко пылал разожженный прямо на полу костер. Собранный в масджиде мусор белоголовых неплохо горел. Обогреть просторное и холодное помещение костер, конечно, не мог, зато выделял достаточно тепла, чтобы не дать замерзнуть спящим вокруг него воинам. Но прежде Ибрай кратко передал всем содержание его переговоров с белоголовыми и сообщил, что именно Бессмертные должны сделать перед возвращением. Воины выслушали молча, и в этом Ибрай прочитал одобрение своих замыслов. Ему никто не возразил, смолчал даже Джамал.

* * *

Когда старый сваши заговорил по-русски, я чрезвычайно обрадовался, поскольку задача существенно упрощалась. Оптимизм мой, однако, оказался несколько преждевременным. Словарный запас старейшины ограничивался всего несколькими словами, коих не хватало не только для полноценного общения, но и для начального проникновения в структуру чужого языка. Но теперь нам помогал Игорь. И, конечно же, Ёжик.

Двое суток — наших, земных суток — мы работали почти непрерывно, отвлекаясь лишь для еды и недолгого отдыха. Я удивлялся энергии и терпеливости старика. Ёжик тоже старался изо всех сил, но их у него было еще слишком мало. И хотя с каждым часом ему становилось лучше и лучше, уделять нам много времени он был пока не в состоянии.

Всякий раз, когда Ёжик пробуждался от целительного сна, я задавал себе вопрос: не начались ли процессы деградации, — но не обнаружив тревожных признаков, успокаивался. Первое, о чем я собирался спросить старого сваши, наладив полноценное общение: как сохранить мозг Ёжика таким, какой он сейчас?

Костя и Вартан тоже не теряли времени даром, старательно изучая

повседневную жизнь деревни, и узнали немало любопытного. Почва под деревней была пронизана сетью туннелей и пещер, которые составляли весьма значительную, если не главную часть жизненного пространства сваши. Пещеры служили убежищами, хранилищами, а также огородами и целыми плантациями. Там, в подземелье, при постоянной температуре и влажности сваши выращивали съедобные растения, составляющие, насколько я понял, их основной рацион. Не думаю, что сваши были полными вегетарианцами, но мясной пищей за эти несколько дней нас ни разу не угощали.

К моему смущению, отличать нас друг от друга сваши научились гораздо быстрее, чем мы их. Что до меня, то безошибочно узнавать среди других я пока мог лишь старейшину да мальчишку, чаще других забегавшего в нашу хижину навестить Ёжика. Их с Ёжиком связывала какая-то история из прошлого, в которой я пока до конца не разобрался. То ли Ёжик его спас, то ли, наоборот, мальчишка обнаружил Ёжика в лесу и сообщил взрослым. Возможно, впрочем, что в их истории присутствовали оба элемента. Во всяком случае Ёжик тоже был весьма рад визитам своего маленького приятеля.

Холоднее пока не становилось. После первого резкого падения средняя температура замерла на достигнутом уровне — примерно в районе нуля. Что давало мне надежду вернуться из этого мира до наступления снегопадов и больших холодов. А свидетельства грядущей великой стужи Игорь с Костей приносили после каждой вылазки в лес. Растения стремительно избавляли от влаги наземную часть, отдавая воду в атмосферу или втягивая глубоко под землю в корневую систему.

Наши беседы со старым сваши — мы уже знали, что его имя Хаон — стороннему наблюдателю показались бы весьма любопытными. Когда не хватало слов и понятий (а такое случалось часто), мы переходили на образы, связывая с помощью Игоря четыре наших мозга в единую ассоциативную цепь. Впрочем, это тоже помогало отнюдь не всегда: в системах мышления людей и сваши существовали огромные различия. Трудности понимания усугублялись и тем, что реалии этого мира были нам почти неизвестны.

И все же прогресс был очевиден. С каждым днем и с каждым часом мы узнавали друг о друге все больше. В первую очередь, меня интересовало состояние Ёжика. Я задавал вопросы, переспрашивал, уточнял, спрашивал вновь — до тех пор пока не считал, что понял достаточно. Открывшаяся истина оказалась печальной. Чудодейственное лекарство сваши — местная грибная культура, которую они выращи-

вали в своих подземельях — с фантастической эффективностью зализывало телесные раны, включало внутренние резервы организма, пробуждая механизмы регенерации, однако было не в состоянии излечить душу. Эффект резкой активизации умственной деятельности и повышения интеллекта был кратким и, увы, обратимым. Он медленно исчезал, когда заканчивался прием лекарства.

Подземные грибы нельзя было принимать постоянно, существовал предел, после которого лекарство превращалось в яд. Такой вывод я сделал из объяснений Хаона и, несмотря на объективные различия организма людей и сваши, не собирался подвергать их сомнению. Потому что — в этом я был совершенно уверен — Хаон не только точно понял смысл моих расспросов, но и полностью разделял нашу печаль в отношении Ёжика.

Конечно же, у каждого из нас почти одновременно возник вопрос: могут ли грибы излечивать Болезнь? Могут ли справиться с «Абу Маджи»? Для этого они должны либо обладать мощными антивирусными свойствами, либо способностью активировать организм больного настолько, чтобы он сам сумел справиться с недугом. Увы, получить ответ без специальных исследований оказалось невозможно.

Эти местные трюфели играли в жизни сваши гораздо более существенную роль, чем снадобье от болезней. Я видел, что многие женщины сваши находятся сейчас на последних сроках беременности. Такая массовость могла быть свойством биологии вида, но во все не обязательно. Земные крестьяне всех национальностей тоже регулировали время появления потомства — в основном, после сбора урожая. Насколько я смог понять, сваши ставили успех рождения и воспитания нового поколения в прямую зависимость от результатов возделывания тех же грибных плантаций. Причем связь между первым и вторым была взаимной. Традиция, религия или нечто иное служили тому причиной — в этом еще предстояло разобраться.

Второе открытие, совершенное мной во время наших бесед, касалось белоголовых. Они появились здесь совсем недавно, всего несколько периодов назад. Я не до конца разобрался в здешней системе исчисления времени, но полагаю, что «период» — аналогия местного года. К сожалению, сведения о географии этого мира, которыми располагал Хаон, оказались скудны. Я понял лишь, что в той стороне, где поднималось светило, лес переходил в огромное степное пространство, которое заканчивалось у «большой воды». В противоположном направлении лес расстилался на много месяцев пути до подножия высо-

ких гор с белыми вершинами. Что находилось за ними, Хаон не знал. Никто из сваши никогда не забирался на их склоны.

Откуда пришли белоголовые? Из-за моря или из горной страны? Могли ли на планете существовать две настолько непохожие друг на друга расы, оставаясь в неведении относительно друг друга? Или соединивший два мира катаклизм одновременно открыл двери и в третий? Я склонялся к последнему. Жаль, что я не мог точно уяснить время появления белоголовых, чтобы сопоставить его с событиями на Земле. Впрочем, кто сказал, что время в наших мирах течет одинаково?

Поначалу белоголовые появлялись здесь редко и почти не обращали внимания на сваши. Они приходили ненадолго и только в теплое время. Однако это продолжалось лишь до тех пор, пока они не узнали о свойствах грибов. Именно узнали, так сказал Хаон, полностью уклонившись от ответов на мои вопросы, как это произошло. Догадываюсь, впрочем, что это могло случиться точно так же, как и с Ёжиком. Очень может быть, что сваши спасли на свою голову кого-то из будущих гонителей, раскрыв тем самым секрет лекарства. И после этого отряды белоголовых начали охотиться за грибами и за сваши. Исследовательские экспедиции превратились в жестокие рейды. Белоголовые нападали на поселки, разрушали их, захватывая в плен жителей.

Зачем белоголовым нужны сваши? Хаон отвечал в том смысле, что суи-хо не могут расти без сваши. Большого я понять не сумел. Что это было? Своеобразная форма бессознательного симбиоза, примеров которого предостаточно и на Земле? Или агротехническая взаимосвязь культурного растения со своим создателем? А может быть, и первое, и второе, вместе взятые? Но зачем белоголовые уничтожали остальное население поселков с таким свирепым азартом и беспощадностью?

Сваши научились прятаться и защищаться. Насколько я понял, в последнее время белоголовые не осмеливались проникать в подземные лабиринты поселков.

Тем временем население поселка готовилось к зиме. Мы часто видели, как сваши небольшими группами отправлялись в лес и возвращались через некоторое время с туго набитыми мешками, которые уносили в подземные галереи. Однажды Костя с Вартаном взяли сопровождать их в одну из лесных экспедиций, где стали свидетелями сбора каких-то плодов, произрастающих подобно трюфелям под неглубоким слоем почвы. Костя и Вартан тоже попытались принять активное участие в заготовках, однако к своей досаде и смущению суме-

ли отыскать лишь пяток этих земляных яблок, хотя перевернули изрядное количество дерна. Однажды очередная партия добытчиков притащила из леса на длинных жердях несколько тушек свиноподобных животных, стая которых встречалась нам однажды. Насколько я мог понять, жители поселка остались этим чрезвычайно довольны. Нет, сваши явно не были полными вегетарианцами.

Воодушевившийся Костя сутки бродил по окрестностям и сумел-таки выследить и застрелить двух зверьков, что значительно улучшило его настроение и подняло авторитет в глазах местного населения. Одну тушку мы торжественно передали в общественные закрома, а другую разделали и поджарили на костре. Мясо оказалось неплохим, хотя слегка отдавало каким-то болотным привкусом. Убравшись в хижину — на воздухе сегодня было довольно холодно, — мы пировали все впятером: Ёжик окреп достаточно, чтобы продемонстрировать свой обычный завидный аппетит. Он становился прежним Ёжиком — веселым, милым и всегда счастливым. Мы следили за его выздоровлением со странным чувством, в котором радость и печаль сплелись воедино.

Накануне ночью (точнее, нашей условной ночью) Ёжик разбудил меня прикосновением к плечу.

— Профессор, я скоро стану другим, — услышал я его шепот. — Когда я другой — это плохо?

— Нет, — ответил я. — Просто другой. Мы тебя все равно любим одинаково.

— Нельзя любить одинаково. Я знаю, потому что все помню — тогда и сейчас. Но очень скоро забуду опять.

— Не беспокойся, Ёжик, — я попытался придать своему голосу беззаботные интонации. — Ничего не изменится, ровным счетом ничего.

— Ничего не изменится, — эхом отозвался он с какой-то отстраненной, очень далекой грустью. — Да...

И замолчал. Слушая его ровное дыхание, я ожидал продолжения, но Ёжик так и не заговорил. Сон мой умчался, и я проворочался часа два, пытаясь отделаться от невеселых мыслей.

А сегодня он выглядел вполне довольным. Лишь однажды замер с тревогой на лице.

— Нужно уходить! — заявил он. — Сейчас уходить! Очень быстро!

— Почему, Ёжик? — спросил Игорь.

— Будет очень холодно и совсем темно, — сказал Ёжик. — Долго. Когда холодно, ходить нельзя.

— Ну уж меня холодом не испугаешь, — хмыкнул Костя. — Я на Севере родился. Пробежать по снежку десяток-другой километров — одно удовольствие.

— Не будет удовольствия. Ничего не будет. Только холод и темнота, очень долго. Плохо, смерть!

— Ладно, Ёжик, сделаем, — отвлек его Вартан. — Лучше съешь пока вот этот кусок шашлыка. Ты смотри, как прожарился — пальчики оближешь!

Лицо Ёжика разгладилось, он вцепился зубами в аппетитный кусок мяса и тут же обо всем забыл. Но я продолжал раздумывать над его словами. «Очень холодно» — это как? Минус сорок, пятьдесят, семьдесят? Черт возьми, а ведь мы действительно можем попасть в очень неприятную ситуацию! Кстати, сегодня погода была действительно значительно холоднее, чем вчерашним «утром». Скачок температуры вниз оказался внезапным и резким. По ощущениям, примерно минус десять. Но особенно меня беспокоило положение светила на небосклоне. Солнце явно стремилось к горизонту, и впервые движение его за «день» оказалось по-настоящему заметным. Об астрономии я имел весьма поверхностное представление, однако догадывался, что подобное возможно при двух условиях: достаточно большом периоде собственного вращения планеты и угле наклона к орбите вокруг звезды. Зима придет вместе с ночью и будет действительно суровой!

Внезапно Игорь вздрогнул, отложил палочку с мясом и вскочил на ноги, едва не стукнувшись головой о низкий свод жилища.

— Что-то случилось! — озабоченно проговорил он. — Там что-то явно происходит!..

* * *

Последняя устроенная в лесу стоянка оказалась для Бессмертных самой тяжелой. Ночь еще не наступила, хотя солнце постепенно опускалось все ниже. Просто Ибрай вынужден был остановить отряд, вымотанный изнурительным маршем. Хуже всех чувствовал себя Ходжа, несмотря на то, что Ибрай велел забрать у него всю поклажу, и вообще помогал, чем возможно. Ибрай и сам едва держался на ногах, напругая остатки воли, чтобы скрыть усталость от подчиненных.

Температура падала все ниже, Бессмертных трясло от холода, и как ни велика была усталость, они не присели наземь прежде, чем нарубили огромную гору хвороста, чтобы было чем поддерживать огонь все время отдыха. По счастью, ветви деревьев и кустарника оказались необычайно хрупкими, словно иссушенными зноем. Они и впрямь были

сухими и ярко горели в огне, почти не давая дыма. Что произошло с ними всего за каких-то трое суток по земному времени, Ибрай не знал и не имел сил искать ответа. Просто еще одна загадка чужого мира. Больше всего его волновало сейчас то, как скоро отряд сумеет добраться до границ этого проклятого Создателем пространства.

У них практически закончились припасы, желудки воинов требовали пищи, однако лес был совершенно пуст. Ни одна тварь — летающая, бегающая или ползающая — не попала им на обратном пути от базы белоголовых. Вспоминая их, Ибрай скрежетал зубами от злости. Белоголовые могли хотя бы предупредить его о трудностях обратного пути. Они убрались от холода, наплевав на партнеров. Сейчас Ибрай начинал понимать, что обозначал их постоянный дурацкий смех. Белоголовые были почти уверены, что Бессмертные погибнут в холодном лесу, и воспринимали переговоры как развлечение. Аппарат для возвращения они дали ему в расчете на ничтожную вероятность, что Ибрай все же удастся уцелеть.

Теперь Ибрай в полной мере оценил мудрость Ходжи. Этот молодой ученый обладал способностью видеть далеко вперед. Белоголовым не миновать наказания. Кара настигнет всех, месть будет быстрой и неотвратимой, как и должно поступать с врагами Учения и Великого Плана.

Усиливающийся холод заставлял людей жаться к огню почти вплотную. Несколько раз кто-то из спящих с воплем вскакивал на ноги, гася тлеющую одежду. Следящие за кострами дежурные менялись каждые два часа, потом падали в изнеможении на освободившиеся места и мгновенно засыпали.

От дежурства были освобождены только Фазыл и Муса. Через пару часов отдыха Ибрай поднял их и отправил в разведку. Он все же надеялся, что им, опытным охотникам и следопытам, удастся отыскать поблизости хоть какую-нибудь добычу. Однако он наказал не слишком отдаляться от стоянки, дабы успеть вернуться к тому моменту, когда отряд отдохнет настолько, что будет готов к дальнейшему движению.

Когда спустя еще два часа Ибрай открыл глаза, то увидел настоящие сумерки: еще не ночь, не полная темнота, но уже не день, совсем недавно казавшийся бесконечным. Проклятая земля белоголовых предателей и серых обезьян преподносила очередной сюрприз. Ибрай представил, что будет, если мрак и мороз застанут Бессмертных здесь: им не выжить, им не найти дороги домой!

— Поднимайтесь! — заорал Ибрай, пиная лежавших вповалку воинов. — Вставайте, если не хотите остаться здесь навсегда!

Бессмертные поднимались со стонами и проклятиями, которые тут же умолкали, едва истина доходила до них.

— Скоро будет совсем темно и холодно, Ибрай, — сказал Джамал, и хотя голос его дрожал от растерянности, сейчас это не вызвало у Ибрая никакого удовлетворения.

— Чтобы этого не случилось, мы должны двигаться очень быстро, — ответил он. — Где Фазыл и Муса? Они еще не вернулись?

Он дал короткую очередь в небо, призывая охотников, подождал немного, но не услышал ответа.

— Не важно, — сказал Ибрай. — Они ушли в том направлении, куда должны идти мы все. Мы нагоним их или встретим. Вперед!

Усиливающийся холод и торопил их, и сдерживал, лишая остатков сил. У нескольких Бессмертных открылся сухой кашель, приступы которого то и дело слышал Ибрай, шагавший в голове колонны. Точно так же кашляют при первых признаках хвори, вызываемой «Абу Маджи», но легкие Бессмертных поражала не она, а нестерпимый холод. Ибрай тоже испытывал страдания, и лишь чувство достоинства командира заставляло его скрывать усталость, избавиться от которой не помогли короткие часы мучительного полусна на границе льда и пламени.

Пошел снег. Вначале редкий и едва заметный, он постепенно усиливался, обещая превратиться в настоящий снегопад.

— Ибрай! Мы потеряем Мусу и Фазыла, — задыхаясь, сказал Джамал. — Они не смогут нас найти в этом снегу.

Ибрай поднял автомат и снова дал очередь. Падающий снег приглушал звуки, и командир с горечью осознал, что если посланные им охотники не отзовутся сейчас, то надежды на встречу с ними уже не будет. Но в следующее мгновение неподалеку прозвучал ответный выстрел. Ибрай остановил отряд. Воины тут же опустили на корточки, используя малейшую возможность для отдыха, а еще через несколько минут из снежной пелены вынырнули Муса и Фазыл.

— Мы не нашли никакой пищи, — сообщил Муса, приблизившись. — Зато наткнулись на деревню серых.

— Где?

— Там, — показал Фазыл. — До нее не больше часа пути. Мы увидели ее, когда поднялись на гору.

— Ветер дул в нашу сторону, и я почувствовал запах дыма и запах мяса, — возбужденно сообщил Муса. — Там тепло и есть еда!

— Нам всем нужен настоящий отдых, командир, — сказал Джамал. — Отдых в тепле и еда.

В словах его не было никакого вызова, только просьба, мольба, рожденная предельной усталостью. Впрочем, Ибрай уже принял решение.

— Мы идем в деревню серых, — сказал он, повернувшись к отряду. — Нам всем нужен отдых. Но право на этот отдых мы должны доказать силой нашего оружия и веры.

— Шал-ла! — отозвались воины единым вскриком, к которому присоединились даже те, чьи легкие, пораженные стужей, уже начали необратимо крошиться мелкими льдинками.

— Нам нельзя рушить жилища. И постарайтесь не убивать сверх необходимого. Чем больше мы возьмем живыми, тем скорее узнаем тайну серых обезьян, — закончил Ибрай.

Он передвинул на плече ремень автомата так, чтобы спусковая скоба находилась рядом с указательным пальцем.

— Показывай дорогу, Фазыл!

Следопыты отряда Фазыл и Муса были не только охотниками. Они были лучшими из полевых разведчиков, которых когда-либо знал Ибрай. Его опасения, что они потеряют направление, окончательно исчезли в тот момент, когда подбежавший Муса сообщил, что они обнаружили совершенно свежий след серых. Снегопад уже успел полностью выбелить почву, но был еще не настолько силен, чтобы замести свежий след. Этот серый прошел здесь всего за несколько минут до появления отряда, и теперь Ибрай исполнился уверенностью, что все будет хорошо. Им повезло: обезьяна не успела заметить отряд. Нападение на деревню станет для ее обитателей полной неожиданностью, а умудренные опытом Бессмертные уже не совершат прежних ошибок. У них будет тепло, еда, а кроме того, пленники и, возможно, драгоценные изумруды, о которых Ибрай против воли все же вспоминал с вождением.

Ибрай снова остановил отряд на короткий отдых. Нужно было собраться с силами и составить точный план атаки. Поселок серых стоял за холмом. Ибрай решил обогнуть его вершину по правому, более пологому склону, густо поросшему деревьями и кустарником, которые скроют отряд, позволив приблизиться незамеченными почти вплотную к поселку. Близость цели придавала всем новые силы. В глазах воинов появился прежний блеск, в лицах — решимость и уверенность в победе.

Между тем снегопад заметно усилился, темнота сгушалась.

— Все будет так, как Создатель обещал каждому Бессмертному, — шептал Ибрай бойцам, расходящимся веером в белесой мгле. — Идем

двойками, каждый должен видеть своего соседа. Подберитесь как можно ближе и атакуйте одновременно по сигналу ракеты с именем Создателя на устах...

* * *

— Сюда идут Те, Кто Убивает, — сказал Хаон.

Я пока еще очень плохо разбирался в его интонациях и еще хуже — в мимике, однако ничуть не сомневался, что старейшина деревни сильно обеспокоен.

— Это белоголовые? — спросил я.

— Нет, — сказал Хаон. — Они похожи на вас. Они пришли оттуда, где обрушилась земля. Они убивают сваши. Почему они это делают?

«Там, где обрушилась земля» — мы уже знали, что этим понятием сваши обозначают зону катаклизма, соединившего наши миры. Вряд ли Генерал за столь короткое время сумел бы сформировать еще один отряд из людей, не подвластных болезни. К тому же зачем им убивать местных обитателей?

— Ты не ошибся, Хаон? Оттуда никто не мог прийти, кроме нас.

— Они пришли, — Хаон вытолкнул вперед молодого сваши. — Он видел их и остался в живых, когда Те, Кто Убивает, помогли белоголовым. И теперь они идут сюда. Их заметили в двух тысячах шагов от поселка, сейчас они уже ближе. Они идут убивать.

Я наскоро объяснил товарищам, о чем идет речь, хотя и сам пока еще мало что понимал.

— Сколько их? — спросил Костя, и я перевел вопрос.

Хаон трижды поднял раскрытые ладони.

— Тридцать, — пробормотал Костя. — Что за черт?! Кто это может быть?

Игорь шагнул вперед и очень осторожным, медленным движением взял молодого сваши за обе руки. Тот пугливо отшатнулся, отдернув руки. Игорь немедленно отпустил его, а потом, выждав некоторое время, снова протянул к нему ладони. Сваши беспомощно оглянулся на старейшину и покорился. Ему было страшно, он часто дышал, однако попытки высвободиться больше не делал. Постепенно дыхание его выровнялось, глаза закрылись. Он стоял перед Игорем, расслабившись и чуть покачиваясь, и в какой-то момент я испугался, что сваши просто упадет. Так продолжалось минуту или две. Наконец Игорь разжал ладони и повернулся к нам.

— Замечательная зрительная память, — сообщил он. — Чрезвычайно яркие образы. Такого я никогда не встречал у людей. Как кино.

— Что ты там такое увидел? — нетерпеливо спросил Вартан.

— Лучше я вам покажу, — предложил Игорь. — И Ёжику тоже. Я хочу, чтобы Ёжик это увидел. Встаньте ко мне поближе...

Это было похоже на объемный взрыв, и я находился в его эпицентре. Окружающее пространство смазалось и исчезло. Образы давили со всех сторон, прорываясь под черепную коробку, они имели цвет, объем и бетонную твердость, они мгновенно заполнили мозг, который теперь и сам был готов взорваться от невыносимого давления. Я услышал, как кто-то рядом со мной коротко вскрикнул. Вартан? Костя? Я и сам едва сдерживал крик, и в тот момент все кончилось. Пространство вновь сузилось до размеров хижины, я немного поморгал, избавляясь от раздвоенного изображения на сетчатке, и отер со лба пот.

— Мог бы и немного полегче, Игорь, — хрипло произнес я.

— Извините, Профессор, — виновато сказал он. — Просто у нас мало времени.

Я осознал, что этот сеанс телепатии вряд ли занял более нескольких десятков секунд.

— Кто эти люди, Костя? — спросил я.

— Повидал я таких, — на его щеках ходили желваки. — Террористы. Не понимаю, откуда они здесь взялись?

— Меня сейчас больше всего интересует, как нам быть, — проворчал Вартан. — Эти головорезы, как я понимаю, направляются сюда. Не вижу иного выхода, кроме срочной эвакуации.

— Куда? — поинтересовался Игорь. — Ты знаешь, какая температура на улице?

— Куда — это не мне решать и не тебе, — ожесточенно парировал Вартан. — Тут и без нас есть кому думать. У них здесь пещер нарыто километрами, под землю и нужно уходить.

— Нельзя, — слово это прозвучало четко и твердо, я даже не сразу понял, что произнес его Ёжик. — Если жилища разрушат, все люди умрут.

И вновь мне потребовалась лишняя секунда, чтобы понять: под словом «люди» Ёжик имеет в виду не только и не столько нас, сколько сваши.

— Не рождаются дети, а те, кто рождается — не доживут до лета, — так же внятно продолжал он. — Суи-хо погибнут, и все вместе с ними. Когда рождаются дети, суи-хо начинают жить. Когда живут суи-хо, растут дети.

Он замолчал и застыл в полной неподвижности, уронив голову на

грудь. Суи-хо — это грибы, которые растут под жилищами сваши, машинально отметил я. При чем тут грибы? Дети, грибы... симбиоз? Впрочем, разбираться в этом сейчас не было времени. Я понял одно: если поселок захватят и сваши спрячутся в глубокие подземелья, грибные плантации, расположенные в самых ближних к поверхности камерах, конечно же, будут уничтожены. Или заброшены, что то же самое.

— Уходите сейчас, и до захода солнца вы успеете туда, где обрушилась земля, — сказал Хаон. Я перевел эту фразу товарищам, одновременно пытаюсь восстановить полный контроль над своими эмоциями.

— Не думаю, что мы должны убегать, — проговорил Костя.

— А как мы сможем противостоять тридцати бандитам! — воскликнул в отчаянии Вартан.

— Ёжик не пойдет, — сказал Ёжик. Со светлой улыбкой он смотрел на нас своим прежним детским взглядом. — Ёжик останется. Сюда идут плохие. Ёжик их не пустит!

Лечение завершено, понял я. Ёжик абсолютно здоров, он стал таким, как прежде. Он вновь счастлив, потому что ему неизвестно время выбора решения. В каждый момент своей жизни Ёжик знает, как должен поступить.

Я смотрел на него, и моя душа наполнилась болью, но мозг безразлично подсчитывал вероятность успеха в нескольких вариантах. Ясно, что Ёжик с нами не пойдет. Но у нас нет шансов, даже если мы решим уйти без него. Нет, домой мы вернуться не успеем. Температура падает с невероятной скоростью. Где предел? Снегопад по плотности и густоте был подобен тропическому ливню. У нас нет одежды полярников, нет лыж, палаток. Глубокий снег и темнота не позволят нам двигаться быстро, мы потеряем силы, и тогда мороз убьет нас... Вступить в переговоры с бандитами? Что мы можем им предложить? Тепло и пищу? Они собираются взять это и без всяких переговоров. Защищаться? Пять пистолетов и примитивное оружие сваши против автоматов трех десятков обученных бойцов? Это похоже на коллективное самоубийство. Но отчего я решил, что выигрыш определяет лишь количество, совершенно позабыв о качественных характеристиках... Некая мысль, вертевшаяся в моем мозгу, внезапно оформилась в подобие идеи.

— Слушай, Игорь, — негромко спросил я, — ты сможешь держать всех нас пятерых в единой коммуникативной сети? Только чтобы не слишком давить на психику. Не лишать самостоятельности.

— Я никогда и не... — начал было обижаться Игорь, но вовремя спохватился. — Могу. Только не очень долго.

— Сколько?

— Полчаса, сорок минут. Больше вряд ли.

— Этого достаточно, — кивнул я.

— Ты что-то придумал? — заинтересовался Костя, но я уже повернулся к Вартану.

— Насколько нам известно, ты очень хорошо видишь в темноте. А снегопад тебе сильно мешает?

— Не очень, — ответил он. — Какая разница!

— Тогда, полагаю, у нас есть шанс, — сказал я, не веря самому себе...

* * *

«Сражения выигрываются не числом, а умением».

«Умение управлять войсками есть важнейшее из воинских искусств, ведущее к победе».

«Обученный воинскому делу солдат стоит десяти необученных. Но умеющий исполнить приказ командира в бою без раздумий и сомнений ценнее во сто крат»...

Эти и другие военные афоризмы, вычитанные мной в разных книгах в разное время, память услужливо извлекала из своих хранилищ, но не в них дело. Наши противники, несомненно, были профессионалами. Соперничать с ними на равных мог лишь Константин. Но в их рядах наверняка не имелось такой совершенной машины убийства в ближнем бою, каким был Ёжик. Никто из них не мог с такой легкостью пронзить взглядом мглу, как Вартан. Анализировать ситуацию с такой же скоростью и точностью, как я. И самое главное, при всем своем опыте, выучке и дисциплине они не были объединены в механизм, действующий мгновенно и слаженно, немедленно реагирующий на любое изменение обстановки.

Из нас пятерых Игорь никогда не держал в руках огнестрельного оружия. Ёжик не умел с ним обращаться. Мы с Вартаном были знакомы с пистолетами не понаслышке, однако в профессиональные стрелки явно не годились. И все же мы, впятером, представляли собой идеальную и опаснейшую боевую машину. Ее глазами был Вартан. Враги не могли заподозрить, что любое движение каждого из них, сейчас подбирающихся к поселку в полной уверенности, что сгущающаяся тьма и снегопад служат достаточным укрытием, было известно нам, словно мы наблюдали за ними при ясном солнце. Мой мозг служил

аналитическим центром, ежесекундно выдающим прогноз развития событий в зависимости от положения фигур на доске сражения. Костя — наш полевой командир — на основе анализа принимал решения и отдавал приказы. Он же вместе с Ёжиком играл роль острия обращенного против врага оружия. А связь между нами, мгновенную и непосредственную, обеспечивал Игорь. Пожалуй, не Костя, не я, а именно он был самым важным звеном созданного нами механизма. Благодаря ему любой из нас видел происходящее глазами каждого, чувствовал, слышал, думал как единое пятиглавое, десятирукое существо, слившись в единое большое Я.

Наши враги умели воевать и понимали значение дисциплины. Но их было слишком много, и потому они не могли сравниться со Мной в скорости решений и действий. Я был один, Мне не было необходимо дожидаться приказов и понимать их смысл.

Двое из наступавших на левом фланге слишком спешили. Они оторвались от остальных, потеряв с ними зрительный контакт. Это был очень удачный момент для атаки! Я-Ёжик прыгнул вперед и сломал им спины, мягко откатился по снегу в сторону и исчез прежде, чем предсмертный стон одного из них достиг ушей ближайшего соратника. Тем временем Я-Костя занял позицию справа, удобно пристроив ствол «стечкина» в древесной развилке и дожидаясь, когда наступающие враги полностью выйдут из-за прикрытия деревьев...

* * *

— Ты слышал? — спросил Сауд присевшего рядом с ним Бен-Али.

— Нет.

— Там, справа от нас, идут Джума с Ахмадом. Мне показалось, что я услышал стон.

— Джума! Эй, Джума! — негромко позвал Бен-Али. — Эй, Ахмад!

Он немного подождал и позвал еще раз. Тихий шорох падающего снега был единственным ответом.

— Они ушли вперед, — решил Бен-Али. — В этом снегу очень легко потерять направление и плохо слышно. Сейчас они остановятся, и мы их догоним.

Им понадобилось сделать всего несколько десятков шагов, чтобы увидеть тела Ахмада и Джумы, уже начавшие превращаться в снежные холмики.

— Что это?! — Сауд быстро водил вокруг себя стволом автомата. — Кто это сделал?!

Слева ударили выстрелы. Их было четыре, и они раздались один за

другим с равномерностью шелчков метронома. Сауд знал на слух, как стреляет оружие каждого из бойцов отряда. Эти звуки принадлежали не американским М-16, не русским «калашниковым» и не израильскому «узи» Салеха. В отряде не было оружия, выстрелы которого звучали бы так. Он понял это, но не успел испугаться всерьез, потому что в это мгновение чьи-то чудовищные лапы оторвали Сауда от земли и свернули ему шею...

...За плечами Ибрая были сотни боев. Когда на левом фланге внезапно началась перестрелка, он понял: что-то идет не так. Темнота и снегопад полностью лишали его возможности правильно оценить происходящее. Ибрай по цепочке передал приказ немедленно собраться, а когда спустя несколько минут задохнувшиеся бойцы сгрудились вокруг него, увидел, что их стало меньше на одну треть.

— Что происходит, Ибрай?! — воскликнул Джамал. — Кто стреляет?

Ибрай и сам бы хотел это знать. Но враг был невидим, студеная мгла сделалась его главным союзником. Нужно было немедленно отступить, иного решения Ибрай не видел, хотя это отступление похоже на бегство. Он раскрыл рот, чтобы отдать приказ, однако не успел этого сделать, потому что Я-Вартан и Я-Я синхронно выпустили с тридцатиметровой дистанции короткие очереди по тесной кучке людских тел, окружавшей своих вожаков.

Плотный снегопад укрыл вспышки выстрелов, даже на таком расстоянии не позволяя определить позиции стрелков, но примчавшиеся из темноты пули пробили голову Джамала и превратили в кровавое месиво левое плечо Ибрая. Рядом с ним неподвижно лежали Фазыл и Омар. Хамза с воем ползал по снегу, прижимая руки к животу. Бессмертные открыли ответный огонь. Вначале плотные очереди понеслись на звук — туда, где уже никого не было, но еще трое из них свалились, пораженные невидимым стрелком с противоположной стороны. Бессмертные высаживали в темноту обойму за обоймой. Враг был повсюду, бесплотный и неуязвимый, он нес неизбежную гибель. Рядом с Ибраем тоненько взвизгивал Ходжа. Он вжимался в снег, закрыв голову руками. Он не был воином, страх полностью лишил его рассудка, и Ибрай понял, что Ходжа скоро умрет.

Наступила тишина. Приподняв голову над телом Омара, Файзулло крикнул в темноту:

— Эй! Мы сдаемся! Не стреляй!

Я-Костя выглянул из-за укрывавшего его толстого древесного ствола, выстрелил и снова шагнул в укрытие. Файзулло снова вскрикнул и

этот его крик, перешедший в хрип, стал последним. Смерть была со всех сторон, ужас неумолимо овладевал каждым из оставшихся в живых, а вместе с ужасом пришла паника. Беспорядочно стреляя, Бесмертные с воплями бросились врассыпную. Точность стрельбы Я-Вартана и Я-Я не могли сравниться с мастерством Я-Кости, однако расстояние до цели было невелико, и еще двое врагов упали в снег мертвыми лицами, а третий наткнулся на Я-Ёжика...

Не имело смысла преследовать шестерых оставшихся. Они бежали от места схватки в разных направлениях, падали, поднимались и вновь мчались вперед. Пройдет всего несколько часов, и холод вместе с отчаянием убьет их без Моей помощи. С четырех сторон Я вышел на поляну.

Ибрай был еще жив и не потерял сознания. Прищулив глаза, сжимая в правой руке пистолет, он ждал, когда возникшие из темноты фигуры подойдут поближе. Ибрай знал, что скоро умрет, но не хотел уходить из этого мира в одиночку. Один из врагов подошел совсем близко. «Пора», — решил Ибрай и попытался вскинуть пистолет. Но мороз успел превратить одежду, пропитанную кровью, в ледяной панцирь, сломать который у Ибрая неостало сил. Ибрай осознал, что должен покориться неизбежному и со вздохом выпустил пистолет из ладони.

— Кто ты? — спросил Ибрай склонившееся над ним существо. — Убей меня.

Существо выпрямилось, отшвырнуло ногой пистолет Ибрая в сторону и равнодушно отступило.

— Убей! — простонал Ибрай, уже понимая, что не получит от врага даже этой милости. А когда открыл глаза в очередной раз, увидел, что рядом никого нет.

...Ходжа остановился лишь тогда, когда силы полностью иссякли. Он не слышал за спиной звуков погони, он был цел и невредим. Угроза немедленной гибели миновала, и Ходжа шепотом вознес Создателю краткую молитву. Затаив дыхание, он вслушался: ни единый звук не нарушал морозную тишину леса. Только монотонный шелест падающего снега. Ходжа остался один. Он переступил на месте, снег под ногами отозвался громким хрустом, вернувшем Ходже ощущение реальности. Что толку в бегстве! Он не достиг спасения, он лишь немного отсрочил свою смерть.

Стужа неумолимо вытягивала из тела остатки тепла. Пошатываясь и запинаясь, Ходжа двинулся в белесую мглу. Он шел без цели и надежды, он был почти спокоен, потому что сил не оставалось даже на

отчаяние. И хотя Ходже казалось, что путь его длится бесконечно долго, на самом деле он успел сделать лишь несколько десятков коротких шагов. Потом колени его ослабли, и Ходжа мягко завалился на снег. Сейчас он почти не чувствовал холода, ему стало совсем хорошо. Ходжа слабо улыбнулся и умер.

...Я вновь смотрел на мир своими глазами, удивляясь тому, насколько сузились его пределы. Рядом со мной стояли Костя, Вартан и Ёжик, а дальше только лес, тьма, снег и холод, который усиливался, казалось, с каждой минутой. Будь у нас термометр, уверен, мы смогли бы увидеть движение столбика ртути по направлению к резервуару.

— Нужно скорее возвращаться, — сказал я. — Старайтесь не дышать глубоко, закройте шарфами рты.

Прежде чем тронуться в обратный путь, Костя завязал шарфом рот Ёжику. Тот недовольно засопел, однако сопротивляться не стал.

— Д-думаю, это наш последний выход на свежий воздух, — пробормотал Вартан. Голос его из-под повязки звучал крайне неразборчиво, но мы поняли.

Он шел первым — единственный, кто способен был отыскать верный путь в наступающей вселенской мгле. К счастью, дорога в поселок оказалась короткой, надеюсь, никто из нас не успел застудить легкие.

Мы поочередно пролезли сквозь узкую дверь жилища, и, очутившись в тепле, смогли освободить лица от успешных смерзнувшихся повязок. Впрочем, тепло это было относительным — лишь в сравнении с открытым воздухом. Вряд ли температура здесь превышала нулевую отметку. Хаон вместе с Игорем ждали нас — последние из оставшихся наверху. Подняв крышку подземного лаза, он приглашающе взмахнул рукой и спустился последним, наглухо запечатав за собой вход...

* * *

Они тоже светились, эти странные грибы суи-хо. В полумраке обширной пещеры, освещаемой лишь лампами живого света, они были похожи на отражения звезд в глубоком пруду, составляя созвездия, скопления и галактики, меж которых неторопливо перемещались сваши. Я услышал писк новорожденного. Очередные роды новой зимы. Хаон передал ребенка матери, принял послед и уложил в междугрядье, присыпав ровным слоем земли.

— Не могу к этому привыкнуть, — прошептал Игорь.

— Нам и не надо привыкать, — сказал я. — Просто знай, что это

происходит так. Их жизнь зависит от этих грибов (и наша, кстати, пока мы находимся здесь), а существование грибов точно так же связано с ними. Эти грибы становятся тем, что есть, только когда получают от сваши все продукты жизнедеятельности. Абсолютно все, вплоть до плацентарных белков. Таковы условия симбиоза. Эти недоделанные арийцы, белоголовые, к несчастью, во всем разобрались правильно, поэтому и охотятся за сваши. Грибы не растут без своих хозяев. Вернее, не приобретают целебных свойств.

— Лихой у них бизнес, — хмыкнул Вартан. — Уверен, бабки на нем наваривают сумасшедшие. Да и я бы сумел по миллиону в минуту зарабатывать.

Игорь сумрачно посмотрел на него, и Вартан, поперхнувшись, виновато отвел взгляд в сторону.

К нам бесшумно подошел Хаон и протянул глиняное блюдо с аккуратно разделенными на три крохотные горки порциями эликсира. Я взял свою, положил в рот и тщательно разжевал, привычно ощущая легкую горечь мицелия. Мои товарищи сделали то же самое. Эта процедура происходила ежедневно. Не знаю, какие опасности для нашего здоровья таил влажный сумрак подземных галерей, но отказываться от профилактики никто из нас не намеревался.

— Что-то Костя с Ёжиком задерживаются, — озабоченно заметил Игорь. — Часов двенадцать уже отсутствуют.

— Костя нашел вход в карстовый лабиринт. Он считает, что до границы миров можно попытаться добраться под землей.

— Не заплутали бы, — вздохнул Игорь. — Сейчас я их совсем не слышу.

— С Ёжиком не заплутает, — успокоил Вартан. — Ты же сам прекрасно знаешь. Ёжик выведет откуда угодно. Пусть ищет, мне тоже не хотелось бы сидеть под землей целых два месяца. Чем-то это похоже на тюрьму. А вы как полагаете, Профессор?

Нет, так мне совсем не казалось. Хотя там, наверху, нас действительно стерег самый надежный на свете сторож — восьмидесятиградусная стужа. Для тюрьмы подземная страна, укрывшая нас, была слишком обширна. То, что происходило здесь, внизу, чрезвычайно занимало меня, и никто не ограничивал в постижении происходящего. Я чувствовал — и не мог в том ошибаться, — что сумеречное пространство сваши хранит немало загадок, ответы на которые смогут изменить очень многое в моей жизни. Да и не только в моей.

— И все же их отсутствие меня беспокоит, — начал Игорь, но в этот момент его перебил возглас Вартана.

— Костя с Ёжиком идут!

Вечный сумрак пещер ему не мешал. Он первым увидел возвращавшихся товарищей. Нам же с Игорем пришлось ждать еще некоторое время, пока мы различили в полумраке их силуэты.

— Куда вы подевались?! — первым возмущенно набросился на них Вартан. — Нельзя уходить так надолго! Если бы что-то случилось, мы бы не знали, где вас искать!

— Случилось, Вартанчик, — ухмыльнулся Костя. — Но ты не обижайся, дорогой. Потому что все в порядке. Думаю, мы нашли дорогу.

— Почему ты так думаешь? — с недоверием спросил я. Отыскать в темных лабиринтах верный путь за такое короткое время казалось мне маловероятным.

— Потому что так считает Ёжик, — легко ответил Костя. — Ты сам у него спроси.

— Ёжик знает, — тут же подхватил тот. — Туда, туда надо! Будет светло и не холодно.

Он выглядел совершенно довольным и лишенным всяческих сомнений. Как всегда. Но этого мне было недостаточно.

— Там туннель — огромный и почти прямой, — сказал Костя. — Собственно, не туннель, а словно бы трещина в земной толще. Полагаю, что она возникла после землетрясения. Мы шли по ней два или три часа и вдруг ощутили, как все вокруг изменилось. Я не могу объяснить, вам нужно оказаться там самим и почувствовать. Но я уверен, что мы достигли границы.

— Ну и чему ты радуешься? — ворчливо спросил Вартан. — Еще не известно, как выбираться из этого подземелья.

— Ты знаешь, Вартан, в данном случае я склонен доверять Ёжику, — ответил Костя. — Он же тебе сказал, что знает.

— Знает! — радостно затряс головой Ёжик. — Ёжик знает!

Я посмотрел на Игоря.

— Это только уверенность? Может быть, он просто очень сильно хочет вернуться?

— Нет... — после небольшой паузы проговорил Игорь. — Мне кажется, Ёжик действительно знает. Кстати, мы так и не спросили у него, как он выбрался с Территории в прошлый раз.

— А если мы не найдем дороги? Если заблудимся в лабиринтах? — попытывался Вартан.

— Разве мы можем с тобой заблудиться! — засмеялся Костя. — Ты нас откуда угодно выведешь. Да и Хаон правильную дорогу подскажет.

Только в этот момент я обнаружил, что нас не пятеро, а шестеро. Старый сваши, видимо, уже несколько минут молча стоял за моей спиной.

— В самом деле, почему бы вам, Профессор, не поговорить на этот счет с Хаоном? — предложил Игорь. — Мне кажется, он догадывается, о чем мы тут толкуем.

Я повернулся к старому сваши.

— Хаон, — начал я медленно выговаривать звуки чужого языка. — Когда отсюда ушел Ёжик?

— Была зима, — прозвучал ответ. — Он ушел туда, где кончается земля. Мы долго искали. Думали, что умер.

Я перевел друзьям сказанное Хаоном. Вряд ли под словами «там, где кончается земля» он имел в виду границы своего мира. Скорее всего, речь шла о пределах жизненного пространства племени, за которые сваши старались не выходить без необходимости. Но самым главным было то, что Ёжик сумел самостоятельно отыскать обратный путь. Он знал дорогу домой — почуял или нашел на ощупь в результате длительных блужданий в темноте, это уже не столь важно.

— Мне кажется, теперь понятно, как мы должны поступить, — сказал Костя. — Мы сумеем выбраться раньше, чем наступит весна.

Да, теперь и я в этом почти не сомневался. Мы найдем свет. Свет родного для меня мира, наполненный дыханием смерти, имя которой «Абу Маджи». И тьма подземелий, пронизанная надеждой по имени суи-хо. Я был склонен полагать, что содержащееся в грибах вещество способно победить Болезнь. Но еще есть сваши, без которых суи-хо не могут расти. Сваши, которые не могут жить без суи-хо. Создатели эликсира, способного спасти чужой мир, но не способные им поделиться...

Не знаю, какая нужда привела сюда белоголовых, но они нашли свое решение проблемы и следовали ему равнодушно и жестоко. Существует ли иное решение? То количество эликсира, которое нам удастся взять с собой с разрешения наших хозяев, не сможет спасти всех. Однако его должно с лихвой хватить на исследования. Путь к спасению будет обязательно найден. Я вспомнил про Генерала — в последнее время я отчего-то часто вспоминал о нем. Наверное, он уже не ждет нашего возвращения. Возможно, сейчас с мрачным равнодушием обреченного он готовит новую группу разведчиков. Вряд ли болезнь — его болезнь — сумела сломить Генерала. Я дал себе слово, что при любых обстоятельствах он будет первым, кому поможет лекарство. Но для этого нам нужно успеть вернуться вовремя.

— Тогда нам следует поторопиться, — сказал я.

ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ В МЕЙНСТРИМ

В этом году мы решили изменить формат традиционного интернет-голосования для посетителей сервера «Русская фантастика». Отныне вопросы и варианты ответов предлагают писатели — члены Творческого совета журнала, и они же комментируют итоги голосования. По результатам жеребьевки право первым «проэкзаменовать» читателей сайта досталось Олегу Дивову. К сожалению, не обошлось без накладок. В связи с тем, что на главной странице сайта длина текстовой строки ограничена определенным количеством знаков, руководство сервера переформулировало оригинальный вопрос, не поставив об этом в известность ни писателя, ни редакцию. Но в результате этого технического сокращения изменился и внутренний смысл.

Итак, вопрос, вывешенный на сайте, прозвучал так: «Что сейчас в России называют «мейнстримом»?

Голоса распределились следующим образом.

Коммерческий проект: фантастика среднего качества, ловко приотворяющаяся «актуальным искусством» — 40%;

маргинальное творчество: заузная эстетская фантастика, мода на которую намеренно раздута — 21%;

неформатные тексты, смыкающиеся с традиционной фантастикой, но не укладывающиеся в рамки популярных серий — 6%;

самостоятельное направление в литературе, активно использующее приемы и наработки НФ — 16%;

отдельная ветвь литературы — 14%.

В голосовании приняло участие 530 респондентов.

Из-за всей этой «технической» неразберихи традиционного анализа опроса не получилось, но заметки писателя по проблеме, поставленной в вопросе, нам показались не менее интересными. И уж точно — претендующими на актуальность.

Этот опрос был обречен. Его заказали мне, а я невезучий. И администрация сайта «Русская фантастика» самовольно изменила формулировку вопроса. Честное слово, мне вовсе не интересно, что вы ду-

маете о том, что думают другие. Я хотел знать, что думаете вы сами. Поэтому вопрос был такой: «То, что в России сейчас называют мейнстримом, это на самом деле...». Разница вроде невелика, но принципи-

альна. Как разница между фантастическим мейнстримом и просто мейнстримом. Увы, несколько сот человек успели подписаться под ответами, не подходящими к переформатированному вопросу. Понятия не имею, что мои респонденты имели в виду.

Оставим этот казус на совести «Русской фантастики». А мы поговорим.

Нынешний русский мейнстрим — явление внежанровое. Зачастую авторы, которых с равной уверенностью относят к мейнстриму, не совпадают даже по направлениям. На одном полюсе мейнстрима — натурализм Улицкой, на другом — патентованная фантастика Пелевина. И это что, «основной поток»? Он таким должен быть? Разумеется, нет. Просто у нас в мейнстрим записывали оптом всю качественную сюжетную прозу, умеренно интеллектуальную и содержащую четкие маркеры «чтения для лиц с высшим образованием».

В русскоязычной фантастике подобные тексты есть. Но они не позиционируются как мейнстрим, не воспринимаются критикой как мейнстрим и не доходят до читателя, ориентированного на мейнстрим. Хотя в мейнстриме обретается немало фантастики модных авторов. Внешняя причина банальна: корпоративность. Уже стало нормой — если Дмитрий Быков пишет фантастический роман, это все равно мейнстрим. Для чистоты эксперимента надо бы уговорить Лукь-

яненко сделать реалистическую книгу и посмотреть, что будет.

Но есть причины глубинные, на которые почему-то редко обращают внимание фантасты.

Изначально западный мейнстрим — широко востребованная проза, отражающая современные реалии. При этом мейнстрим не чурался мистики и фантастики, лишь бы они работали на решение задач текста. «Степной волк» с его выходом в пространство бреда — полноценный мейнстрим. «Волхв» мог показаться мистикой тем, кто не слышал об НЛП, но оставался мейнстримом. В мейнстрим попадали и тексты абсолютно условные — как детективно-этические конструкции Дюрренматта. Сейчас примеров не меньше. В автобиографическую книгу М.Ниёми «Популярная музыка из Виттулы» (тираж больше миллиона, однако!) просто врезан, грубо и стильно, фантастический эпизод. «Сага» Т.Бенаквиста — полная антиутопия, если, конечно, читатель готов это признать.

Мейнстрим — не формат, а набор задач. По этому критерию я отнес бы именно к мейнстриму такие знаковые советские тексты, как «Мастер и Маргарита» и «Алхимист Данилов». А вот братья Стругацкие в эту канву не ложатся. Они решают принципиально иные задачи. Конечно, фантаст всегда отражает реальность. Но, в отличие от «мейнстримера», он не ограничивается констатацией фактов.

Серьезной фантастике не присущ момент смирения. Ее герой либо заслужит свет, либо не заслужит покоя. Фантастика — богоборческая литература в лучшем смысле слова. Она дергает за усы Гомеостатическое Мироздание. Требует счастья для всех, и чтобы никто не ушел обиженным.

Вполне логично, что, конструируя миры, фантасты доигрались до собственного литературного государства в государстве, которое некоторые обиженные зовут «гетто». Фантастика живет в отдельном пространстве, копирующем структуру пространства современной прозы, с делением на все те же «масскульт», «неформат», «маргиналии» и... «мейнстрим»! У нас даже полноценная женская проза есть. И бабская тоже, в количестве изрядном, куда ж без нее.

В мейнстриме фантастическом все, как за забором гетто, только свое. Модные книги, резкие книги, никакие книги, «книги, о которых говорят». А встречаются такие, что, кажется, перекинь их через забор, и они легко впишутся в «большой мейнстрим». Яркий пример из прошлого — пронзительный роман «Зона справедливости» Лукина, из настоящего — воздушно-легкий «Гиви и Шендерович» Галиной.

Ну, кидали Лукина за забор. Недолёт вышел. Почему?

Да потому что за забором постсоветское общество. Пост-советское. Там даже не подозревают, что «Кысь» — это ненамерен-

ный плагиат с романа «Бойня» одиознейшего Петухова. И что «Фантастика» Акунина — вариации на тему «пионерской НФ». За забором — другая система координат. У нее те же векторы: на одной оси — комфортность текста, на другой — узнаваемость. Но сама шкала сдвинута по третьей оси. Ведь за забором люди живут в мире, где бытие определяет сознание. Это мир принципиально познаваемый, его гармония легко поверяется алгеброй. Большая ошибка. Поэтому третья ось — ось экзистенциального ужаса. Поэтому за забором так много религии и так мало Бога. Там принято считать, что Пелевин пишет не о жизни, а о буддизме. Иначе Пелевин стал бы дисконфортен и не моден. Но изобретатель формулы «актуальный педераст» раскладывает по тексту правильные маркеры, чтобы год за годом оставаться актуальным фантастом.

В текстах лучших фантастов-«натуралов» религии мало, а Бога полно. Здесь чудо — норма, и только от героя зависит, станет чудо лестницей в небо или ступенью на эшафот. Гомеостатическое Мироздание готово раздавить тебя, но ты не лишен права бороться и права на выигрыш. Вписываясь в контекст, ты неминуемо слепнешь... Книга, построенная на таких принципах, априорно не комфортна для читателя, «вписанного в контекст» технократической цивилизации. Потому что контекст диктует, как должна выглядеть

правильная книга, правильно взламывающая стереотипы. Выход за рамки пугает и бесит. Всегда были четко очерченные рамки контркультуры, маргинальной культуры, даже культуры, пардон, дерьма. Когда пришел реалист Толстой и макнул читателя носом в его собственные фекалии — настоящие, а не контекстуальные, — начался скандал, и графиня изменившимся лицом побежала пруду. А когда пришел фантаст Ефремов с пропагандой казарменного коммунизма, начался сплошной восторг. Почувствуйте разницу.

Вывод напрашивается сам собой. У фантастического мейнстрима, решающего свои типичные задачи, нет шансов за забором. Гораздо легче выйти на широкую аудиторию с традиционной фантастикой. Или научиться писать чистую реалистику.

Тем не менее фантасты глядят в сторону «большого мейнстрима» с надеждой. Ведь если делаешь взрослые тексты, откровенно недобирающие читателя в рамках фантастических серий, надо хотя бы частично перепозиционироваться. Поставить одну ногу на площадку, где «умная проза» приветствуется, награждается и продается. Для одних авторов это будет отдушина, для других прорыв в новое измерение. Вроде бы разумный подход, но зиждится он на ложных исходных данных. За забором идут свои процессы. Сегодня там ценится, в основном, «акту-

альная» проза, весьма умеренно нагруженная идеями. Тексты, ставящие под сомнение привычную читателю картину мира, выживают только за счет камуфляжа а-ля Пелевин. Но, похоже, скоро им в мейнстриме не останется места. Наступает эпоха повального комфортного чтения. Отмирает жесткое деление на «книги для умных» и «масскульт». Вводится постулат — на первый взгляд, очень верный — «разная литература для разных задач». А что получится?

Мейнстрим станет форматом.

В ближайшие годы он должен наконец-то оформиться. Судя по запросам рынка, мейнстримом станут называть крепкую сюжетную прозу среднего качества, строго реалистическую и четко ориентированную на средний класс. Тексты с ярко выраженным фантастическим элементом будут выдавлены за границу понятия «мейнстрим», допустимой останется легкая мистика с непременным разоблачением. И минимум жанровых экспериментов.

На довольно продолжительный период нишу мейнстрима в России займет нормальный буржуазный роман.

А фантастика останется фантастикой.

Куда ей деваться-то.

Олег ДИВОВ

Следующий вопрос задал поклонникам фантастики Александр Громов. Приглашаем вас принять участие в голосовании.

Мария ГАЛИНА

ХОМЯЧКИ В ЭГЛАДОРЕ

*Москва: Форум,
2006. — 208 с.
(Серия «Другая
сторона»).
4000 экз.*

Уж казалось, настолько истоптан толкинизм, что ничего более на этой грядке не вырастет интересного. Не рассматривать же всерьез бесчисленные фанфики или замену плюсов на минусы в духе «добрый дедушка Мелькор»... В «Хомячках в Эгладоре» тема выстраивается совершенно по-новому. У Галиной объект изучения не Средиземье как таковое, но психология фанатов-ролевиков.

Итак, двое молодых людей, Дюша и Генка (угадайте, кто из них он, а кто она), получают приглашение поучаствовать в толкинистской ролевке, донести колечко до Ородруина. А почему бы и нет? «Хомячкам», как будет впоследствии именоваться эта парочка, все равно нечем заняться жарким летом. Для них это все вновь, энтузиазм подпитан иронией, так что «спутники» не воспринимают происходящее всерьез.

А зря! Смешная, наивная игра с каждым часом становится все более странной. «Что-то нехорошее в воздухе»... Назгулы с балрогами оказываются не такими уж условными, возникают подозрительно похожие на настоящих эльфы... Дюша с Генкой чем дальше, тем меньше получают удовольствия от игры, но выйти из нее уже не могут: события вокруг закручиваются в такую воронку, из которой не вырваться.

Поначалу еще кажется, что происходящее можно объяснить реалистически. Ан нет — сама реальность, в которую погружены герои, трансформируется, все более приближаясь к реальности толкинского Средиземья. Но и такое объяснение, как обнаруживается в финале, поверхностно. На самом деле все еще хуже, чем мнится. То, что начиналось как обычная ролевка, оказывается мрачной интригой темных сил. Более темных, чем вы думаете.

Конечно, философская посылка тут не нова — человеческая вера творит нашу реальность... и не только нашу. Но у Галиной философские экзерсисы — на периферии повествования, а главное, что волнует автора — это столкновение коллективного мифа и живой беззащитной человеческой души.

Виталий Каплан

Алексей ИВАНОВ

**ЗОЛОТО
БУНТА, или
ВНИЗ ПО
РЕКЕ ТЕСНИН**

*СПб.: Азбука,
2005. — 704 с.*

*(Авторская серия
Алексея Иванова).*

23 000 экз.

Алексей Иванов ныне числится в писателях «основного потока», пусть и вышел он из лона фантастики. Однако его романы «Сердце Пармы» и «Золото бунта» номинируются на жанровые премии и даже получают их, да и многие знатоки фантастики полагают, что оба романа мейнстримом считать нельзя: слишком силен в них элемент небывалого. Это фантастика — но только высшей пробы. Чище литературный металл отыскать трудно...

«Золото бунта» повествует о временах, наступивших на реке Чусовой после Пугачевского бунта. Чусовая — «река теснин» — представляет собой нить, протянутую между коренной Россией и Сибирью. По берегам этой серебряной нитки живут «люди воды» (русские) и «люди леса» (остяки), поселившиеся здесь в незапамятные времена. На горных заводах, в поселках сплавщиков и солдатских казармах здесь сталкиваются разные версии христианства: традиционное православие и разного рода «согласия» староверов. И вот «истязательский» толк старообрядцев вступает в сговор с остяцким шаманом, который располагает чудовищной магической силой. Шаман верой и правдой охраняет истязателей во время сплава, а при случае может расправиться с врагами — после Пугача человеческая жизнь в тех местах ценится ужасающе низко. Книжные начетники, «старцы», находят множество оправданий жутковатому сговору. Но главный герой романа, сплавщик Осташа Переход, случайно раскрыв тайну, не видит правды в действиях «истязателей», а один только вред для души. И в этой коллизии постепенно открывается главный вопрос романа: как долго можно обманывать себя и попираť высшую истину в собственной жизни, но все-таки рассчитывать на спасение?

Иванов вернул нашей литературе настоящий классический роман, роман Толстого и Шолохова. Его историко-мистическая эпопея таранит кудреватые мудрейки постмодерна и прочей зауми. Возможно, романы Иванова сыграют роль фундамента для возрождения традиций нашей литературной старины...

Дмитрий Володихин

Алексей КАЛУГИН

**И ЧЕРТ
С НАМИ**

Москва: ЭКСМО,

2005. — 384 с.

(Серия

«Абсолютное

оружие»).

11 000 экз.

Новый НФ–детектив А.Калугина тесно связан с его же романом «Не так страшен черт». Спустя год после событий, описанных в первой книге, циничный, но по-русски сентиментальный бывший частный детектив Дмитрий Каштаков снова ввязывается в разборки между мафиозной «Семьей» Москвы, НКВД и спецслужбами Ада и Рая. Однако если в романе «Не так страшен черт» расследовалось дело о «копирайте Создателя», то в новой книге Каштаков и его напарник, демон Анс Гамигин, берутся раскрыть загадку продолжительности человеческой жизни и находят доказательства, что жизнь — ограниченная по времени версия shareware... Биологическое образование и работа в описываемом НИИ на Погодинской дают о себе знать — тема генетики автору известна не понаслышке.

Если всерьез относиться к вызывающе ироническому взгляду фантаста на религию, то некоторые образы могут смутить верующего читателя. По счастью, подобных моментов не так много в книге, автор старается не слишком злоупотреблять обсуждением окколотеософской проблематики. И альтернативный антураж используется только лишь для создания собственного видения нашего настоящего и усиления действия романа, которое разворачивается в современном читателю мире.

Главное же достоинство книги в другом — в виртуозно выстроенной детективной интриге, что не часто встречается в синтезированном жанре.

Формально роман, конечно же, сиквел, однако он будет интересен и читателям, не знакомым с прошлой книгой: сюжетно книга самостоятельна. Интересны попытки фантаста соединить элементы разных жанров — собственно детектива, боевика, киберпанка и твердой НФ. Получилось не без иронии и действительно увлекательно. Даже не очень режет глаз некоторая публицистичность текста, выраженная в едких авторских замечаниях в адрес нынешней политической ситуации в России.

Вячеслав Яшин

НИЛ ГЕЙМАН

ЗАДВЕРЬЕ

Москва: АСТ,
2005. — 412 с.

Пер. с англ.

А. Комаринец.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

Читающей публике, в общем-то, должно быть понятно, почему переводчик предложил свое название вместо оригинального «Neverwhere»: в Никогда проживает Питер Пэн — так изредка переводят у нас его волшебную страну. Правда, «Задверье» неминуемо включило совершенно лишние ассоциации с Кэрроллом, но зато косвенно намекнуло на известнейший роман Харуки Мураками «Страна Чудес без тормозов и Конец света», с каковым у книги Нила Геймана есть определенная связь.

И все же отзыв голосов Питера Пэна и его друзей писатель, вероятно, слышал. Персонажи Геймана — вечные дети, в каком бы многовековом возрасте они ни пребывали. И смысл их жизни в Никогда-Нигде — игра, пусть и жестокая, кровавая до натуралистичности. Играет и сам автор, декларативно ставя знак равенства между Состязанием и Существованием.

Барри поместил свою Нетландию вне времени и пространства. Гейман, щекоча нервы соотечественникам, размещает свои заповедные земли прямо под Лондоном. В туннелях подземки, в заброшенных шахтах, в катакомбах живут, далеко не благоденствуя, представители людского рода (так и хочется сказать: бывшие представители), а бок о бок с ними — самые невероятные существа. И хотя в их образах угадываются отголоски мифов, рождены они воображением писателя. И пожалуй, он единственный, кто понимает их запутанные взаимоотношения. Гейман отщипывает читателю по кусочку от известной лишь ему одному истины, но так до конца и не раскрывает ее — хотя основную интригу произведения завершает вполне наглядно.

Путь в под-Лондон большинству простых смертных, к счастью, заказан. Но «пограничные» личности могут проникнуть «за дверь»: именно этот выигрыш (или проигрыш) и выпадает главному герою, карьеристу маркетологу, ведать не ведавшему, что ждут его совсем иные битвы.

Вероника Ремизова

Дмитрий
ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО 2033

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 544 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
8000 экз.

Москва разрушена ядерным оружием. На поверхности — радиация и хищные мутанты, лишь несколько тысяч людей выжили на станциях метро. Но эта книга интереснее и сильнее, чем обычные постапокалиптические фантазии. Она выстроена на основе жанра «сказок» — завлекательных и жутких историй, которые пересказывают друзьям ночью у костра или после отбоя (это древнейший догомеровский жанр, из которого выросли все остальные ветви литературы). Рассказы о вое из темного туннеля, о пропавших часовых и чудом спасенных детях — этим историям тысячи лет, и все равно они каждый раз звучат по-новому.

Московская обыденность здесь выворачивается наизнанку и грубыми стежками сшивается по выкройке нового мифа. Артем, житель станции «ВДНХ», по зову судьбы отправляется в долгий квест по туннелям, чтобы спасти свой подземный дом от нашествия «черных» — мутантов. На пути к далекому Полису («Библиотека им. Ленина») ему встречается немало ловушек и опасностей, но он чудесным образом спасается от гибели и продолжает движение. Впереди его ждут новые задачи и препятствия, новые микросоциумы, в каждом — свои господствующие иллюзии. Его тревожат сны и загадочные видения, он чувствует в себе внутреннюю силу противостоять «черным», ищет путь к победе и находит...

Первый вариант текста несколько лет висел в интернете, благодаря помощи читателей вселенная метро Глуховского проработана до мельчайших деталей. Книгу отличает правдивость психологических портретов и социальных зарисовок, совершенство стиля. Это один из самых зрелых и ярких романов прошедшего года. Автор щедрыми мазками описывает совершенство материальной и духовной культуры утраченной эпохи, ставит точный диагноз болезням руинизированного общества. Ни разу не обнажив публицистического жала, все свои оценки он встраивает в художественные образы. Проведя в финале окончательную черту, сам через нее не переступает — он ведь автор, а не персонаж фантастической истории.

Сергей Некрасов

Сергей ЧЕКМАЕВ

**БРЕМЯ
СТАГНАТОРА**

*Москва: АСТ,
Транзиткнига,
2006. — 320 с.
(Серия «Звездный
лабиринт»).
5000 экз.*

Молодой фантаст Чекмаев не верит в Прогрессоров, какими их описали братья Стругацкие. Не верит он и в Геометров, придуманных Сергеем Лукьяненко, — гуманоидов, которые в своем стремлении ко всеобщему благу стали настолько рациональны, что напроць утратили гуманоидную сущность. Казалось бы, это частное дело Чекмаева — во что он верит, а во что нет, но о его неверии прямым текстом сказано на первой странице романа, и это может означать только одно: молодой писатель решил вступить в творческий поединок с мэтрами, причем на их поле. Что ж, начинание смелое...

Прогрессорам и Геометрам Чекмаев противопоставляет стагнаторов. Землянам страсть как надо колонизировать чужие миры, а пригодных для колонизации планет не хватает, вот и приходится селиться на тех, где уже проживают аборигены. Этим самым аборигенам теперь нельзя давать развиваться, а то еще наткнутся на колонистов, да и разделяются с ними на всякий пожарный. На планете Надежда палки в колеса прогрессу ставят стагнаторы — сотрудники крайне немногочисленной Тайной Службы. Работа у них грязная — надо стравливать, похищать, подставлять аборигенов, погрязших в средневековье, разжигать между ними войны. А стагнаторы — как бы хорошие люди, они от своей работы сильно страдают, то и дело подумывают о самоубийстве. Вот какие страсти у Чекмаева кипят!

Художественные достоинства романа не слишком велики. Сюжет выстроен профессионально, однако повествование перегружено лишними деталями и нравоучительными монологами. Но самое неприятное — в другом. Чтобы оправдать действия стагнаторов, Чекмаев напирает на немногочисленность земной колонии, которая не сможет защитить себя от миллионной армии аборигенов. Но какой смысл тогда в процессе колонизации? Если спасение перенаселенной Земли отпадает, все здание романа начинает трещать по швам... Увы, этот поединок с мэтрами Чекмаеву выиграть не удалось. Подождем следующего раза.

Александр Ройфе

Борис
ЗЕЛЕНСКИЙ,
Святослав
ЛОГИНОВ

АТАКА ИЗВНЕ

*СПб.: Лениздат,
2005. — 368 с.
(Серия «Боевая
фантастика»).*
7650 экз.

В книге нет ни единого отрицательного персонажа, а в качестве неизбежного антагониста героям выступает само устройство мира. Принцип динамического дуализма утверждает, что у каждой вселенной есть некая пара, вместе они составляют нечто вроде тан-демов Добро—Зло, Свет—Тьма. Развиваясь, одна из вселенных заставляет другую сжиматься, что ведет к уничтожению в ней любых объектов — от планет до межзвездной пыли. С причинами и следствиями этого принципа и борются герои романа.

Происходящее показано с двух точек зрения — человеческой и жителей империи Кахоу. Земную расу представляет не отличающийся особой сообразительностью вчерашний курсант Алексей Суровцев — источник непрекращающейся авторской иронии. От империи же выступают сразу два персонажа — это фрейзер третьего ранга Шарби Унц и опальный ученый Тэйтус Пшу, создатель теории динамического дуализма. Построенный на их похождениях сюжет является собой не столько единое романное полотно, сколько некие отдельные новеллы, складывающиеся в общую картинку. Причем у каждой такой новеллы — главы свой жанр — нашлось место космоопере и шпионской прозе, конспирологии и приключенческой фантастике.

Идейную ценность роману придает борьба с ксено-фобией. Авторы не только высмеивают «основные принципы» националистических теорий, но и — уже со всей серьезностью — рассуждают о возможных последствиях развития подобных настроений.

Однако весьма огорчил уровень издания книги. Ощущение, будто возвращаемся в середину девяно-стых: красочная, боевая обложка, совершенно не со-ответствующая содержанию, обилие опечаток, слабая работа редактора...

К сожалению, минский фантаст Борис Зеленский не успел закончить этот роман самостоятельно, и уже после его смерти книгу по кусочкам, из отдельных сцен, идей и диалогов собрал питерский писатель С.Логинов.

Константин Бобов

Сергей ЧЕЛЯЕВ

**НОВЫЙ ГОД
ПЛЮС
БЕСКОНЕЧНОСТЬ**

*Москва: Форум,
2005. — 368 с.
(Серия «Другая
сторона»).
4000 экз.*

Издательство «Форум», затеявая серию «Другая сторона», обещало выпускать в ней «неформатную» интеллектуальную фантастику. Изданием нового романа Сергея Челяева оно в наибольшей степени выполнило обещание — если сравнивать с другими книгами серии.

Роман написан в редком для наших дней стиле рождественской сказки. Главный герой, наш современник Вадим, под Новый год влюбляется. Он в восторге от своих чувств, он верит в них, он пылает ими. Неожиданно Вадима выносит из нашей реальности в другую, а оттуда в третью, четвертую, пятую... Сила, которая гонит его, не получает четкого определения. Автор, к счастью, не дает путешествию по мирам превратиться в дурную бесконечность и закольцовывает сюжет, устроив счастье главного героя.

Каждый вояж по иной реальности логически мотивирован: на основе происходящего автор заводит разговор «о странностях любви». В сущности, происходит «воспитание чувств» центрального персонажа. Здесь он напрасно надеется на обещанную любовь, которую не в состоянии принять, там отказывается от любви дарованной, тут жертвует любовью во имя долга... С каждым переходом ловушки становятся все изощреннее. Главный тест Вадим не проходит, но ведь иное поражение стоит победы. В результате всего случившегося простоватый парень взрослеет, приходит к пониманию того, что любовь нельзя предавать ни при каких обстоятельствах, хотя сделать это невероятно легко, и каждый день судьба подкидывает ситуации, подталкивающие к предательству.

Господи, как хорошо, что хоть кто-то в нашей фантастике пишет о чувствах, оставив на время звездолеты, драконов и прочих викингс!

У романа хватает недостатков: небрежная работа автора со стилем, крайняя затянутость в последней трети текста, переход к почти неприкрытой публицистике под занавес... Но все эти слабые стороны роман Челяева искупает двумя ярко выраженными достоинствами — это добрая и честная книга.

Дмитрий Володихин

Сергей ДОРЕНКО

2008

*Москва:**Ad Marginem,*

2005. — 240 с.

30 000 экз.

Скандалный журналист Доренко написал роман не столько скандальный, сколько модный — по рецепту «смешать, но не взбалтывать». Во-первых, Путин; во-вторых, китайцы и даосизм; в-третьих, узнаваемые персонажи: «почти как настоящие» Сечин, Патрушев, Березовский, Дугин, Лимонов. Даже «вдова Лужкова». Еще наличествуют чеченские боевики, грозящие взорвать АЭС. И американцы — они, привыкшие загребать жар чужими руками, в конце концов и получают все, приходят на готовенькое.

Уже само название романа говорит о том, что действие его отнесено ко времени грядущих выборов. Собственно, этим фантастический элемент и ограничивается. Да еще тем, что террористы осуществляют захват именно Обнинской АЭС, которая уже несколько лет как заморожена. Ну и сюрреалистическое увлечение Путина «путем Дао» свидетельствует о том, что перед нами скорее фантазмагория, нежели фантастика.

Критики уже успели назвать автора «гибридом Пелевина с Прохановым», кое-кто из политиков уже успел обидеться... Так что шумный успех роману обеспечен.

Впрочем, Доренко не первопроходец: «антиамериканские» романы (от Дмитрия Янковского до Вячеслава Рыбакова) появились у нас лет пять назад, а антиутопия ближнего прицела и того раньше.

Вопрос о том, уместно ли использовать роман как площадку для пропаганды политических идей, по-моему, надуман — вспомним хотя бы «Бесов» Достоевского. От романиста требуется только одно — излагать эти идеи в художественной форме. Не удастся совместить публицистику с «беллетристикой» (в буквальном смысле этого слова — *belle lettre* — красивое письмо) — роман получится плохим, удастся — хорошим. И действительно, Доренко упрекают в чем угодно, намекают на «заказ из Лондона», но никто не скажет, что роман написан плохо.

Впрочем, ничего существенно нового ни о персонажах политической сцены, ни о грозящих нам «сценариях» мы не узнаем.

И вообще — сколько можно пугать людей?

Татьяна Рудницкая

МОЖНО ТОЛЬКО ПРЕКРАТИТЬ

Стивен КИНГ. ТЕМНАЯ БАШНЯ. АСТ.

Долгие годы поклонники мира Темной Башни жили горестно-радостным ожиданием — когда же наконец неторопливый Кинг закончит «труд своей жизни»? И вот последний, седьмой, том грандиозной эпопеи вышел в свет, фанаты радостно ринулись в открывшуюся дверь — и что же они там увидели? Об этом рассуждает коллега Кинга по фантастическому цеху писатель Олег Овчинников.

Кинга я люблю с детства. С рассказа «Поле боя», мистическим образом проникшего на страницы «Юного техника». С шестого тома «Монстров Вселенной» и великолепно переведенного «Сияния». С первого «кэдмэнковского» собрания сочинений в истекающих кровью суперах. С первого АСТовского, приобретенного ради улучшенных переводов. И наконец, с Британского First Edition, на которое пришлось перейти, чтобы не зависеть от расторопности переводчиков. Да, я выучил английский по Кингу. Да, это с меня он писал героиню «Мизери». «I'm your fan number one!» — лет пять назад написал я на mail@stephenking.com и вскоре получил ответ: «I know, Oleg. Nice to meet you». Так что предупреждаю, объективных заметок не ждите. Особенно когда речь идет о «Темной Башне» — заключительном романе одноименного цикла, который

Кинг создавал на протяжении всей творческой жизни, ровно тридцать лет и три года.

Итак, как помнит возмущенный Постоянный Читатель, шестая книга, «Песнь Сюзанны», обрывается буквально на полусло—. С этого —ва и начинается седьмая. Ка-тет Роланда разбросан по мирам и временам. Джейк и Отец Каллагэн на счет «три» врываются в логово манхэттенских вампиров в 1999-м. Роланд и Эдди носятся по окрестностям Бриджтона-1977 в поисках места, где истончается грань между мирами. А Сюзанна и Миа, худшая из ее ипостасей, собираются разрешиться от бремени в мрачном госпитале Федика. Но уже через сто страниц герои собираются вместе, правда, в уменьшенном составе, а Миа производит на свет не мышонка, не лягушку, а... помните жуткую куклу на паучьих ножках в одной из первых сцен «Ночного Дозора»? Это и есть

Мордред — ребенок-паук, сын двух матерей и двух отцов, существо смертоносное и очень одинокое. Новый враг ка-тета.

Вместе с сюжетом «Башня» унаследовала от «Песни» черту, вызвавшую недоумение даже у ярых фанатов писателя. Стивен Кинг, сделавший персонажем романа собственного двойника, мало-помалу продвигает своего протеже на главные роли. Но мы и так знаем, что писатель есть столп, поддерживающий равновесие миров, и не менее значим, чем Башня или Роза, так к чему подчеркивать очевидное? А зачем наделять своей внешностью близнецов, охраняющих замок Алого Короля? По количеству самоупоминаний отдельные фрагменты книги приближаются к мемуарам Сапармурата Низова (хуже — к первому абзацу данной рецензии), когда порой неясно, о ком пишет автор: о героях или о себе любимом. Не правда ли, режет глаз? В самом деле, что ни страница, то Кинг — если не Стивен, то Кримсон. Инциденту с синим минивэном целиком посвящена одна из частей романа. Только выплеснув на бумагу всю боль, писатель удаляется на второй план, чтобы творить, спиной подпирая Башню, как и положено столпу.

Если уж говорить о рези в глазах, нельзя не упомянуть о более широком, по сравнению с предыдущими томами, использовании Кингом всевозможных «дан-тетов», «девар-тоев», «кан-ка ноу реев» и прочих словечек им же придуманного глоссария. Особой смысловой нагрузки они не несут, но разве мо-

жет автор серьезного эпоса обойтись без эльфийского языка?

Но хватит о минусах. Попробуем поискать плюсы. За что мы любим Кинга? За красивые слова «драйв» и «саспенс», за иронию и умение писать об отвратительном, не вызывая отвращения. Казалось бы, в книге, которая является апофеозом творчества, автор должен продемонстрировать и апогей мастерства. Однако превзойти себя Кингу удалось лишь по части ироничного описания отвратительного. Действительно, если вы не слишком впечатлительны, некоторые эпизоды невозможно читать без улыбки. К примеру, тот, где убогий прислужник Род несет своей подружке корзину использованных гигиенических салфеток, предвкушая изысканное лакомство и последующие утешения.

С драйвом сложнее. Герои больше разговаривают, чем идут, и больше идут, чем сражаются. Даже главная батальная сцена романа — захват базы Разрушителей — динамикой напоминает подводную съемку. Враги все делают медленно: оборачиваются, меняются в лице, тянутся к оружию... Только Роланд стреляет молниеносно. «Выстрелы прозвучат и стихнут так быстро, что я порой думаю, для чего это планирование, эти разговоры, если все всегда заканчивается пятью минутами крови, боли и глупости», — недоумевает Стрелок. Вместе с читателем.

Саспенса в романе тоже немного. Инфернальному ужасу попросту негде спрятаться в прямолинейном,

как Путь Луча, квесте. Все враги известны и выстроены по ранжиру: Низкие Люди, Уолтер, Мордред и его папаша Альый Король — и именно в таком порядке будут уничтожены. Причем пресловутый Человек в Черном, которого Стрелок преследовал шесть томов, погибает вовсе без его участия. Локальный всплеск драйва и саспенса случается ближе к концу книги, когда остатки ка-тета попадают в затерянный в снегах дом отшельника Дандело. Трудно поверить, что Кинг выдумал эту убойную смесь ужаса и несвежих шуток, ни разу не посмотрев «Аншлаг»!

Увы, но не только врагам достается от автора. Друзья Роланда тоже уходят — один за другим. Кто-то получит пулю в лоб, кто-то не вовремя обнимет Стивена Кинга, кто-то уйдет сам, осознав, что ему больше нет места в сюжете. И как бы ни кокетничал автор, утверждая, что «так написалось», что «иногда герои живут и погибают по собственной воле», мы — взрослые люди и все понимаем. Роланд был один, когда начинал свой путь, в конце его он снова должен остаться один. Ну разве что в компании немного художника, способного творить чудеса при помощи карандаша и ластика. Любимых героев жалко. Они умирают медленно, красиво, реалистично... но в их смерть почему-то не веришь. Ведь, как сказал Джейк, умирая во второй раз: «Тогда ступай. Есть другие миры, кроме этого».

Заключительный том эпопеи — последний шанс свести концы с концами. И Кинг их сводит. Картина

мира Башни предстает перед читателем во всей полноте. На страницах книги появляется и долгожданный Тед Бротигэн из «Сердец в Атлантиде», и Патрик Дэнвилл из «Бессонницы», и еще один старый знакомец, на встречу с которым читатель не рассчитывал, но тем она приятней. В то же время некоторые моменты остались за кадром. Например, битва на Иерихонском холме, в которой молодой Роланд потерял свой первый ка-тет. В свое время Кинг грозился посвятить ей отдельную книгу, но ограничился несколькими короткими отступлениями. Или эпизод, когда Келвин Тауэр и Аарон Дипно спасают Отца Каллагэна от нацистов. Каким образом они оказались в нужное время в нужном месте? Загадка! Правда, Кинг замечает мимоходом, что отцы-основатели «Тет Корпорэйшн» достойны отдельной книги. И книга наверняка будет написана. Скорее всего, не одна. Но уже не Кингом, а кем-нибудь из продолжателей.

Что же касается финала... В послесловии Кинг, предвосхищая возмущение читателей, говорит: «Меня самого такая концовка не сильно радует, но это правильная концовка. Единственно возможная». В самом деле, хороший эпос — как квартирный ремонт: его нельзя закончить, можно только прекратить. Чтобы через годик-другой — а может, через десять — возобновить. Мне кажется, я даже знаю, с какой фразы начнется новый виток.

Олег ОВЧИННИКОВ

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Победителем нынешнего этапа конкурса по итогам голосования жюри стал Александр Григоров. Представляем молодого фантаста.

Григоров Александр Николаевич родился в 1978 году в Харькове. Закончил Национальный автомобильно-дорожный университет. Работал сначала сценаристом, а потом редактором творческого объединения ЧИЗ, сейчас журналист творческого объединения «Овертайм». Писал сценарии для программы «Не время», тележурнала «Фитиль». Является капитаном команды КВН ХАДИ и членом харьковского КЛФ «Фантаст». В профессиональном издании публикуется впервые.

В финал конкурса вышли: А.Василенко, проживающий в Германии, А.Лобин из Ульяновска и М.Бобров из Гомеля.

Условия конкурса смотрите на сайте www.esli.ru.

А Л Е К С А Н Д Р Г Р И Г О Р О В

МЫСЛИ ВСЛУХ

Я потерял работу. А что такое Мысль без работы? Пустое место, не больше.

Вот у меня исчезают ботинки. Прямо на глазах растворяются. И на ногах, естественно. Дальше дело за одеждой. Бывалые рассказывают, что в первые дни безработицы выходить из дому не хочется — боязно и стыдно. Вспоминаешь, как сам прыскал в кулак при виде обнаженной Мыслишки. Особенно пикантно смотрится голая Мысль о Бесплатном Образовании — строгая учительница в очках, прикрывающая одной рукой маленькие груди, а другой — кучерявый лобок.

Я тоже постепенно становлюсь прозрачной Мыслью. Пока из всех неудобств — только босые ноги.

Выгляжу я обычно. Мужчина под тридцать, среднего роста. Взгляд еще не угас от рутинной повседневности, но глаза уже подернулись тоскливой пеленой. Сдержанный оптимизм наряду с ощущением того, что годы идут. Порог кризиса среднего возраста со всеми полагающимися симптомами — периодическими запоями, случайными половыми связями и просмотрами спортивных программ по телевизору. Полноват немного, на бицепсах остатки былых занятий силовой гимнастикой. Не знаю, кто послужил моим прототипом — нас, как и людей, при рождении не спрашивают: «Каких родителей вы бы хотели?».

Одно точно — это человек, для которого Мысль о Борьбе с Глупостью в определенный момент стала главной. Тут я и появился на свет. А сейчас исчезаю.

О причинах думать не хочется. Всегда не хочется думать о плохом. Меня забывают. Я больше никому не нужен. Мысль о Борьбе с Глупостью никому не приходит в голову. Может, и витает в воздухе, но в макушку не стучится. А как тут постучишься, когда мы находимся от людей так далеко? Это дорога с односторонним движением — от человека к Мысли. Обратной связи нет.

Выхожу покурить на лестничную клетку. Вообще-то я живу один и частенько без зазрения совести курю на балконе, а иногда и прямо на кухне. Но это в крайних случаях, когда выпью. И вспоминаю о ней.

Мы прожили вместе пять лет. Ее звали Мысль о Примирении. Мы познакомились в автобусе. Я держал за шкурку юнца, отказывавшегося платить за проезд бабушке-кондуктору, а она била меня ладошками по плечу. Мне было совсем не больно, но мальчишку я все-таки отпустил. Он так быстро сунулся в открывшиеся на остановке двери, что не заметил, как с руки слетел маленький желтенький ключик на марлевой веревке. На ключике блестяла надпись ХТЗ. Он хватился его уже на тротуаре, но вернуться в автобус побоялся. А она посмотрела на меня строго и сказала, что маленьких обижать нехорошо. Я огрызнулся:

— Простите, но это моя работа.

— Прощаю. Но объяснять ребенку нужно по-другому! — срывающимся на плач голосом ответила она. Тогда я не мог представить, что взрослому так обидно за постороннего шалопаю.

— Так они по-другому не понимают!

— А вы пробовали?

— И не собираюсь! Посмотрел бы я на вас, когда этот ангелок подойдет к вам вечером с ножичком в руке.

— Вот именно — «посмотрел бы»! — она совсем по-детски надула губки и манерно поправила прическу. — А заступиться слабо?

— Нет, не слабо... — пробубнил я под нос.

За разговором мы не сразу заметили, что давно идем по аллее, соединяющей два жилых массива. Говорили, не глядя друг на друга. Каждый смотрел себе под ноги. Но украдкой я все-таки поглядывал на ее снежно-белое в мелкую веснушку лицо. И на рыжие пряди волос тоже поглядывал. Украдкой, чтобы она не заметила и не заподозрила интереса к ней. Потом мы попрощались, и ее маленькая стройная фигурка исчезла в темном зеве подъезда.

Я и на следующий день пришел к тому подъезду. Но уже не один — с букетом тюльпанов...

— А чего это мы не на работе? — интересуется сосед по площадке.

У нас с ним негласный договор — если один слышит, что другой выходит покурить, то по возможности поддерживает компанию.

— Так это... — я кивнул на голые ступни, — без работы я со вчерашнего дня.

— Шутить прекращай, а то дошутишься! — подыгрывая мне, погрозил пальцем сосед.

— Какие тут шутки? Через неделю загнусь совсем.

— Слушай, у меня есть одна знакомая Мыслишка, — сосед проникся трагизмом ситуации и заговорщицки выпустил дым через ноздри, — в Отделе Трудоустройства. Ты давай это... решать что-то давай! Я тебе не дам загнуться за здорово живешь!

— Спасибо, дружище, но я пока подожду. Люди, ты ж их знаешь, они такие: утром встал, опа! — и вспомнил о тебе. Так что не хорони меня раньше времени.

Окурки в банке из-под кофе мы затушили синхронно.

— Сам-то чего бездельничаешь? — поинтересовался я, уже открывая дверь.

— Рано мне еще на работу.

На часах — полдень. Мой сосед работает Мыслью о Букеровской Премии.

Наш союз был обречен с самого начала.

Не могут две такие разные Мысли жить под одной крышей.

И однажды утром вторая половина нашей постели оказалась аккуратно застланной. Сначала я тосковал и истязался переживаниями, среди которых «неужели есть кто-то лучше меня?» оказалось самым безобидным. Потом я забыл о ней. А когда вспомнил и позвонил, мне ответили:

— Она здесь больше не живет.

— А вы не подскажите, куда она переехала? Телефончик не дадите?

— Стерлась она.

Что же это получается? Мысль о Примирении никому не нужна? Быть такого не может. Из шести миллиардов хотя бы один должен об этом думать. Значит, у нее, кроме меня, больше никого не было?

И тогда я всерьез испугался. Выходит, не только человек может стереть Мысль, но и одна Мысль другую? Обо мне, кроме нее, тоже думать некому. Оставалась хрупкая и тоненькая, как китайская ваза, надежда на людей...

Но даже тогда я и подумать не мог, что когда-нибудь войду в эти двери.

— Здравствуйте. Я к вам от...

— Т-с-с! Знаю, знаю, ваш сосед звонил сегодня утром, пойдемте...

Смазливая, но слегка запуганная Мыслишка о Карьерном Росте быстро встала из-за стола, зашнуровала тесемки на папке и поставила ее на полку. Взяла меня за руку и повела по коридору к запасной лестнице. Мы спустились на самую нижнюю площадку, где стояли два стула с ободранными сиденьями и пепельница в виде ладони.

— Значит, так, — суетливо закуривая, пролепетала Мыслишка, — есть две вакансии: Мысли о Зарплате в Пятьсот Долларов и Мысли о Квартире в Центре. Только решить вам нужно до конца дня — завтра не моя смена, а послезавтра таких мест уже не будет.

Она говорила с таким напором, как будто решалась ее собственная судьба.

— Вы знаете, мне бы что-нибудь более интеллектуальное...

— Да вы что! Это сейчас самые востребованные вакансии! Знаете, сколько людей об этом думают? Это гарантированная работа лет на пятьдесят минимум!

— Но я никогда не работал... гм... в этой сфере. У меня нет никакого опыта.

— Ой, да бросьте вы. В таких делах — какой опыт? Там и образования-то никакого не нужно.

— Но это совсем не для меня...

Она показала жестом: «Молчать!». На цыпочках подошла к перилам и посмотрела вверх. Убедившись, что там никого, вернулась.

— Хорошо. — Она поправила воротник белоснежной блузки. Пристально посмотрела на меня и на секунду отвела взгляд в сторону. — Есть эксклюзивная вакансия. Только для своих. — Она понизила голос: — Мысль о «мерседесе» серии «S»!

— Я, конечно, благодарен, но... но у меня есть еще и принципы!

Она хохотнула так громко, что сама испугалась. Полная конспирация, и вдруг такой смех.

— Да вы посмотрите на себя: взрослый мужчина стоит перед девушкой, потряхивает своим... — она посмотрела чуть ниже моего пупка и засмушалась, — ...хозяйством и рассуждает о каких-то принципах! Смех, да и только! Через два дня вы полностью сотретесь, кому тогда нужны будут ваши принципы? В общем, так: до конца дня я жду вашего звонка, номер вы знаете.

И она быстро-быстро застучала каблучками по лестнице.

Да, я уже второй день хожу в одной рубашке. Благо, нам не страшны капризы погоды. Настоящая Мысль холодов не боится, а дождя,

припустившего с утра, и подавно. Казалось бы, чего проще: возьми и надень другие брюки вместо тех, что исчезли.

Я пробовал — они тоже растворились. Потом плюнул. Знаете, когда на горизонте видно собственное стирание, взгляды окружающих перестаешь замечать.

В тот день я никуда не звонил.

Жутко чешутся ступни. Говорят, человек, как и рыба, начинает гнить с головы. У Мыслей наоборот — стирание начинается с ног. И вот этот зуд очень похож на первый звоночек. Готовься, Мысль, к забвению!

За последнюю неделю я изменился не только внешне.

Теперь я готов поверить в ту чушь, о которой раньше и слышать не хотел. Например, в то, что можно найти работодателя, если забраться на крышу высокого дома. Дескать, так ты оказываешься ближе к человеку, который может о тебе вспомнить.

Странно, я всегда предполагал, что люди живут внизу. Сразу под Мыслями обитают Желания, а уж они напрямую управляют человеком. Поэтому Желания о безработице никогда и не слышали. Любое из них может всегда похлопать человека по плечу и напомнить о себе. Это я узнал от Желания Познать Истину — оно иногда залетало к нам.

Я поднялся на последний этаж и открыл люк, ведущий на крышу. Пусть люди находятся выше Мыслей, от безысходности я готов поверить и в это.

Ветер приятно холодит тело. Когда он дует в лицо, чувствуешь себя плывущим по морю кораблем. Потоки плавно обходят тебя, и кажется: поставь правильно парус — взлетишь. И закружишься, закружишься... а там, глядишь, кому из людей в голову стукнешь.

На обитом листовым алюминием краю крыши стоит Мысль о Самоубийстве. Она обеими руками манит к себе, как мать зовет ребенка на руки. Судя по взгляду старой карги, тот, кого она зовет, приближается к краю. Я не вижу работодателя старухи, посторонним Мыслям не место в уже занятой голове. Вижу только, что древняя паскуда отлично делает работу. Еще десяток шагов, и... «ветер станет приятно холодить тело».

— Алё, мамаша, а что это тут происходит?

Карга дернулась и наконец заметила меня.

— Пошел прочь, супостат! Не мешай работать!

— Слышишь, давай заканчивай. — Я подошел ближе. — Это же глупо!

— Не подходи! — Старуха приняла угрожающую позу и сделала

пасс руками. — Она сама обо мне подумала. Девка молодая еще, а уже порченная. Удалец бросил ее, так она и решила броситься. Сама, ясно?

— А ты и рада!

— Рада, касатик. Бог миловал, пока без работы не сижу. В последнее время даже сверхурочно тружусь.

— Так тебе одним заказом больше, одним меньше. — Я прищурился. — Дай посмотреть на нее.

И, не дожидаясь разрешения, сам вошел в сознание девушки. Это только так сказано — вошел. На самом деле я остался на месте, но теперь мог видеть ее. Щупленькая девчушка с короткой прической и полными слез глазами. Она медленно шла навстречу смерти.

Будь Мысль о Самоубийстве помоложе да посильнее, такой трюк не удался бы. Однако и я за последние дни изрядно ослаб, так что схватка вышла короткой, но честной. Еле хватило сил, чтобы поднять бабулю и взвалить на плечо. Она отчаянно сопротивлялась: царапалась и сучила короткими толстыми ножками в подранных чулках телесного цвета. Пара десятков метров до люка далась мне с огромным трудом. Из последних сил я сбросил каргу вниз. Только когда ругань под крышкой стихла, осел на теплый гудрон. И услышал плач.

Девочка тоже сидела, поджав ноги. Красные глазенки бессмысленно смотрели на алюминиевый край крыши. Я помог ей встать и в какой-то момент даже почувствовал, что на ногах начинают проступать носки, но то оказалось лишь видением. Мы спустились по лестнице на первый этаж. У подворотни, ведущей на проспект, я покинул девчушку. Дрожа и вжав голову в плечи, она мелкими шажками побежала по тротуару.

Я опять ощутил слабость. Прислонился к стене и посмотрел вниз. У меня нет правой стопы.

Он подошел ко мне, когда я остановился передохнуть. Держась за столб светофора, я пританцовывал на одной ноге. На нем черный плащ, черные брюки и черная широкополая шляпа.

Мысли о Расправе появляются, когда другого выхода нет. Когда невозможно отказаться от их предложения.

— Больно?

— Ничего, привыкну.

— Долго привыкать не придется. Тебе осталась от силы пара дней.

— И у вас, как всегда, есть ко мне предложение?

— Как всегда. — Он огляделся. — Давай куда-нибудь зайдем.

Мы зашли в кафе на углу, возле фонтана. Там варят хороший кофе. Ну как хороший — такой, каким он и должен быть. А стоит так,

как обычный кофе стоять не должен. Мы привыкли не глядя переплачивать за то, что и так должно быть.

Он снял плащ и повесил его на вешалку у входа. А я сел за столик, в чем был.

— Есть такой заказ, — болтая ложечкой в чашке, сказал он. — Убрать мелкую Мыслишку из окружения Мысли о Власти.

Мысли способны не только растворяться, но и наоборот — расти. Уродливая Мыслишка может со временем преобразиться, похорошеть и стать чертовски привлекательной. Мысль о Безвозмездной Помощи родилась на свет замухрышкой, а сейчас — топ-модель. Мысль Альберта Эйнштейна о Теории Относительности влачила жалкое существование в пригородной лачуге. Я видел эту Мысль недавно — шикарно одетый джентльмен громадного роста. Все зависит от того, сколько людей о тебе думает и тем самым дают работу.

Случается, что Мысль тоже может стать работодателем.

Мысль о Власти неуязвима уже потому, что сидит в головах тысяч людей. И убрать ее — все равно что найти Утопию. Однажды я столкнулся с ним в театре. «Крутые» Мысли любят посещать театры, это повышает их статус.

Против такого громилы я бы не попер ни за какие деньги.

Но сейчас речь не о деньгах.

— Ступню мы тебе вернем, одежду, которая не исчезнет, выдадим. — Он прихлебнул из чашечки. — На время. Выполнишь заказ — с год проживешь припеваючи и без работы. А нет — все равно тебе не жить.

— Спасибо. Но, боюсь, не оправдаю ваших надежд. Это все равно что нищего отучить от Мысли о Попрошайничестве. Не-воз-мож-но.

— Именно потому, что это не-воз-мож-но, мы и обратились к Мысли, у которой нет иного выхода. К тебе то есть. Не бойся. Полное имя клиента — Мысль о Месте Депутата Гордумы.

Немногим легче.

— И как вы предлагаете его убрать?

— Сначала дай согласие.

А что я, собственно, хорохорюсь? Работа почти по специальности. Другое дело, оправдывает ли высокая цель убийство? Пусть даже Мысли. Даже плохой. И не стану ли я в один ряд с такой же мразью, против которой борюсь? Не лучше ли стереться праведником, чем существовать дальше грешником?

Не лучше. Да и какой из меня праведник?

К тому же у меня появилась идея.

— Я согласен.

Мне показалось, или Мысль о Расправе улыбнулся?

— Со снайперской винтовкой когда-нибудь дело имел? Вот и ладненько. Значит, прямо напротив его офиса стоит старое здание...

— Не надо. Дайте его домашний адрес.

— Это — верная гибель. А так, тихонечко сядешь, прицелишься...

— Я не хочу тихонечко.

— Дело твое. В конце концов, нам важен результат. Процесс — прерогатива исполнителя.

Он подозвал официантку. Прибежала мелкая Мыслишка о Чаевых. Заказчик расплатился и начал одеваться. Застегивая последнюю пуговицу, бросил мне:

— Записывай адрес...

С кем я только ни дрался. С Мыслями об Изнасиловании, причем сразу с тремя. С подвыпившей Мыслью о Нецензурной Брани тоже бодался. Крепко мне тогда досталось, но и он еле ноги унес. Один раз даже сцепился с Мыслишкой о Красивой Жизни. Она въехала на своем «инфинити» в развалюху какого-то старика. Накинулась на пострадавшего: «Да ты знаешь, кто мой муж?!». До рукоприкладства дело не дошло. Я просто дождался милиции и выступил свидетелем.

Но с «крутыми» Мыслями пока не пересекался. Только изредка думал: «Отнять бы у этого горлопана в телевизоре неприкосновенность, да зарплату назначить, как у всех — как бы он тогда запел?».

Кстати, Мысль о Физическом Истязании жила в моем доме этажом выше. Шикарная девица, доложу я вам.

И район, в котором живет мой клиент, тоже шикарный.

И костюм на мне не менее шикарный.

А вот пистолет можно было найти и получше.

Подхожу к дверям подъезда старинного дома. Звоню.

— Добрый вечер. Вы к кому?

— Здравствуйте, мне в седьмую, — отвечаю спокойно.

— Проходите, вас ждут.

Даже так? Наверное, охранник что-то перепутал. Щелкнул замок, я вошел в теплый подъезд, стены которого оказались сплошь обиты пластиком.

Дверь в квартиру номер семь, что находится на четвертом этаже, приоткрыта. Изнутри доносится классическая музыка.

Крадучись иду по длинному коридору: налево — кухня, направо — туалет. Налево — столовая с барной стойкой, направо — просторная, но пустая гостиная.

Он сидит в кабинете. В махровом халате, с щетиной на лице. Барин. Завидев меня, встал и расправил плечи. Очень широкие плечи,

доставшиеся в наследство от спортивной юности. Подошел и пожал руку.

— Очень приятно. Присаживайтесь. Или сразу стрелять будете? — хозяин совершенно по-дружески рассмеялся.

Заметив мою легкую растерянность, добавил:

— Да знаю я все. Работа у меня такая — все знать. Что пьете в это время суток? Коньячок?

— Не откажусь.

План придется слегка изменить. Клиент изображает дружелюбие, но верится в эту игру с трудом.

— Раз уж у нас такая душевная встреча... — я достал из-под ремня пистолет и положил его на стол.

— Да уж... давайте — за знакомство, — он вручил мне бокал.

Выпили.

— Ну и на что вы рассчитывали, господин борец с глупостью? Пу-ли мне, что президенту закон об импичменте — наложил вето и все! Извините за профессиональный юмор.

— Я не собирался вас убивать. Наоборот, — хотел предложить со-трудничество.

— И для этого вооружились?

— Должен же я создать видимость выполнения заказа?

Я вкратце изложил идею: объединить наши Мысли в одну — власть и борьба с глупостью. Неплохая программа для молодого кан-дидата.

Он садится в кресло, я получаю нового работодателя. Заказчикам с прискорбием сообщаю, что провалил задание. Они бросают никчем-ного исполнителя на произвол судьбы — естественного стирания с не-го вполне достаточно.

— Хорошо придумано. Сразу и не скажешь, что это пришло в го-лову Мысли, который забыл собственную подругу.

Это он зря. Это напрасно.

— Что от меня требуется? — деловым тоном поинтересовался Мысль будущего народного избранника.

— Мне нужно увидеть того, на кого мы будем работать.

Он прошелся по кабинету. Отхлебнул из бокала. Подкурил сигару и выпустил дым. В общем, думал, как мог.

Он полностью уверен в своих силах. Предложение и вправду вы-годное — одна Мысль хорошо, а две лучше. А как меня нажухать, он придумает потом.

— Ладно, смотри...

Он пустил меня в светлую голову подопечного.

И тут ворвалась старая карга — Мысль о Самоубийстве.
Немного раньше, чем договаривались.

Дмитрий Сергеевич вернулся домой позже обычного и, не раздеваясь, завалился на диван лицом вниз. Положение хреновое. Главный дал маху, а виновным сделал представителя в регионе. Не видать мне теперь мандата. Да что там — тут бы за решетку не загреметь.

Внезапно голову Дмитрия Сергеевича посетила спасительная Мысль...

Если бы карга была моложе! Мигом побороли бы этого увальня. А так мне пришлось кувыркаться с ним по полу, пока бабуля шептала заговоры и водила в воздухе руками.

...Дмитрий Сергеевич достал из шкафа инкрустированную шкатулку. Открыл. Рукоять револьвера сидела в руке удобно, как в те времена, когда Дима расчищал дорогу наверх. Поднес револьвер к виску...

Судорога прошла по всему телу. Я разжал захват и перевернулся на спину.

— Что, коньяк не в то горло пошел? — надо мной нависла фигура Мысли о Месте Депутата Гордумы. — Думал перехитрить меня? Зря — я Мысль неглупая. Яд, он, знаешь ли, оружие умных.

Моя правая нога исчезла. Он поволок меня к прихожей. Мимо проплыло неподвижное лицо старой ведьмы. Мертвой карги.

Он перекинул мое голое тело через перила. Внизу чернела вода.

...Взгляд Дмитрия Сергеевича остановился на потертом желтом ключике с надписью ХТЗ. Он свисал с ручки шкафа на марлевой повязке. Спустя пятнадцать лет он заказал у ювелира точно такой же ключ, какой потерял когда-то. Попросил сделать его не новеньким, блестящим, а чутьчку потертым, с плавными закруглениями. И не из стали, конечно.

Хорошая память о том глупом случае в автобусе.

Очнулся я на берегу. Мокрый, но живой.

А самое главное — правая нога опять на месте.

Значит, кто-то там, внизу, наконец-то вспомнил обо мне.

СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

Со времен Карла Маркса и Фридриха Энгельса временные творческие союзы представителей нереалистической литературы не считаются чем-то предосудительным. В конце концов, свободные люди в свободном мире имеют право по обоюдному согласию заниматься чем угодно. Правда, при этом возникает вопрос: каким образом подобные унии возникают? И всегда все происходит, так сказать, «по любви» или меркантильный интерес тоже порой имеет значение?

Соавторства на заре фантастики не существовало в принципе. Этому есть довольно простое объяснение. Жестко структурированное общество диктовало свои нормы поведения, и писателю было очень сложно встретить близкого по духу и стилю коллегу в пределах довольно ограниченного круга лиц. Так, например, совершенно невозможно представить работающими вместе ровесников: князя Владимира Одоевского и обрусевшего шведского конновожатого Александра Вельтмана. Между тем произведения этих родоначальников российской НФ, живших в начале XIX века, чрезвычайно схожи и полетом фантазии, и интересом к науке, и тем влиянием, которое они оказали на будущее жанра.

С течением времени человеческие взаимоотношения упростились. Принципы крови могли себе позволить женитьбу на своих секретаршах, а в фантастике появились первые тандемы. Представляли собой они в основном супружеские пары и были постоянными. Акт творчества все еще имел интимный оттенок, и допускать до него постороннего было психологически трудно. Характерно, что рождение соавторства в фантастике произошло за океаном, в самой на тот момент прогрессивной стране мира — США. Чопорная Европа и косная Советская Россия взирали на это с удивлением. Сейчас дуэт Генри Каттнера и Кэтрин Мур считается классическим, а в далекие сороковые годы подобное было редкостью. Возникли и «случайные связи»: та же Мур написала рассказ вместе с Ф.Эккерманом, а супруга Эдмонда Гамильтона Ли Брэкетт — повесть с Рэем Брэдбери.

Во второй половине XX века соавторство стало обыденностью, превратилось в бизнес. Даже обладающий неповторимой индивидуальностью Роджер Желязны сотрудничал с четырьмя различными авторами, и это не считая Бестера, чей роман «Психоловка» был закончен Роджером уже после кончины Альфреда. Все пишут со всеми, смешались поколения, сти-

ли и жанры. Характерными в этом смысле представляются романы Ларри Нивена и Стивена Барнса «Парк сновидений» и «Проект Барзум».

В отечественной фантастике вплоть до XX съезда партии соавторство практиковалось крайне редко (разве что кратковременный «объединительный» бум в нэповские 20–е). В основном потому, что это было элементарно опасно для жизни. Опрометчиво произнесенное в процессе работы слово могло быть передано партнером куда следует, и реакция последовала бы незамедлительно.

С наступлением «оттепели» в СССР, как и когда-то на Западе, в первую очередь, возникли постоянные союзы. Нельзя не упомянуть о таких дуэтах, как М.Емцев и Е.Парнов, Е.Войскунский и И.Лукодянов, Г.Альтов и В.Журавлева, А. и С.Абрамовы, и конечно, лучшем писательском тандеме советской фантастики — А. и Б.Стругацких.

Шестидесятые годы отмечены целым рядом неожиданных совместных проектов. Начиная с буриме «Летающие кочевники», в котором приняли участие практически все ведущие фантасты, и заканчивая совершенно немыслимым для того времени пародийным романом «Джин Грин — неприкасаемый», написанным В.Аксёновым, О.Горчаковым и Г.Поженяном под общим псевдонимом Гривадий Горпожакс. Вообще подобная групповая модель стала очень модной. Можно вспомнить Павла Багряка (псевдоним В.Аграновского, Д.Биленкина, Я.Голованова, В.Губарева, В.Комарова, а также художника П.Бунина) и его НФ-детективы «Пять президентов», «Синие люди» и «Фирма приключений», а также «родившегося» чуть позже критика Вл. Гакова, под личиной которого скрывались известные исследователи и знатоки фантастики В.Гопман, М.Ковальчук и А.Гаврилов. Сейчас под этим псевдонимом с согласия соавторов работает только М.Ковальчук.

В период застоя соавторство в фантастике впало в спячку. Старые связи по различным причинам нарушились, новые не возникали. Единственное, что можно вспомнить: в 1981 году у братьев Стругацких и братьев Вайнеров родилась идея написать совместный роман, в котором одни братья отрабатывали бы мистико-фантастическую составляющую, а другие — детективную. Дальше сюжетных наработок дело не пошло, квартет распался, однако возникшие в процессе работы идеи послужили основой для повести Стругацких «Отягощенные злом».

Начало девяностых принесло в нашу страну не только серьезные политические перемены, но и либерализацию книжного рынка. Ранее весьма сложный и долгий путь начинающего писателя к публикации своих текстов теперь существенно упростился. Множество авторов, для которых пределом мечтаний было обсуждение рукописи в кругу друзей и

публикация в научно-популярных журналах, получили непредставимые доселе возможности.

За годы вынужденного молчания и работы «в стол» молодые фантасты сумели сплотиться, чему в немалой степени способствовали семинары вроде знаменитой «Малеевки». К тому же многие писатели следующего поколения вышли из движения КЛФ (клубов любителей фантастики). Российский фэндом всегда был весьма многочислен и дружен, в отличие от других формальных и неформальных писательских объединений — «террариумов единомышленников», — в фантастическом цехе царила атмосфера всеобщей доброжелательности. Если вокруг множество друзей, занимающихся тем же делом, то непременно возникает желание объединить усилия. Остается лишь выяснить: с какой целью?

На наш взгляд, соавторство в современной российской фантастике используется для:

- соединения стилей с целью создания нового смысла;
- увеличения творческого потенциала при совместной отработке сложной идеи;
- отработки параллельных сюжетов и идей;
- объединения брэндов (имен авторов) с целью более успешного продвижения книги на рынке;
- продвижения менее известного автора за счет более известного;
- выражения благодарности за предложенную идею/сюжет.

«Четвертая волна» породила тот самый феномен, который мы будем называть «случайными связями» — временный союз фантастов для работы над одним или несколькими конкретными произведениями. Ярким примером этого может служить роман красноярцев Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» (стоит отметить участие в их работе замечательного поэта, а ныне еще и успешного фантаста Дмитрия Быкова). Надо сказать, что Лазарчук, после того как переехал в Санкт-Петербург, пишет с новым соавтором, а по совместительству женой — поэтессой Ириной Андронати. Их цикл под общим названием «Космополиты» стал одним из лучших современных произведений в жанре космооперы. Также среди выходцев из «четвертой волны» стоит отметить недолго просуществовавший тандем питерцев Александра Тюрина и Александра Щеголева, заложивший основы современного российского сегмента жанров «виртуальная реальность» и «киберпанк» (романы «Сеть» и «Клетка для буйных»).

С развитием интернета стали возникать союзы авторов разных поколений и разных стран. На этой ниве особо преуспел Ник Перумов. Писатель, чье имя стало звучать лишь в середине девяностых, испробовал

всевозможные варианты соавторства: сотрудничество с представителем предыдущей генерации Святославом Логиновым при написании романа «Черная кровь»; подготовка нескольких книг с начинающей фантасткой Полиной Каминской — здесь отрабатывался вариант «раскрутки» молодого автора; воплощение издательского замысла в романе «Армагеддон» вместе с американцем Алланом Коулом.

В качестве примера успешного коммерческого соавторства можно назвать один из самых прибыльных проектов российской фантастики — совместный роман «Не время для драконов» двух культовых писателей Ника Перумова и Сергея Лукьяненко. Среди издательств был даже проведен своеобразный тендер за право первым издать книгу. Несмотря на явную незавершенность проекта и тот факт, что соавторы не планируют в ближайшее время заканчивать диологию, роман выдержал десятки переизданий.

Еще один тип коммерческого соавторства — указание на титуле романа российского фантаста имени известного западного писателя в качестве соавтора (к случаю Перумов—Коул этот вариант не имеет отношения — их роман писался по-английски и на паритетных началах). Таким стало «соавторство» Анта Скаландиса с Гарри Гаррисоном (подозреваем, что Гарри, давший разрешение на использование своего мира и имени, даже не читал «собственные» тексты). И совсем уж странно выглядят «совместные» творения Сергея Сухинова с давно покинувшим наш грешный мир Эдмондом Гамильтоном.

Часто причиной соавторства становится разделение функций. Например, по гендерному признаку, когда соавтор—мужчина отрабатывает линию героя, а соавтор—женщина занимается героиней. Бывает, что придумавший оригинальный мир писатель понимает: ему для воплощения своей идеи не хватает фундаментальных знаний в некоторых областях — и он приглашает специалиста. Творческие и интеллектуальные потенциалы объединяются.

Ну и нельзя не упомянуть еще об одной причине соавторства. Грустной. Полвека назад А.Стругацкий, будучи редактором «Детгиза», фактически дописал незаконченный роман умершего Григория Гребнева «Мир иной». В девяностые годы на Западе довольно часто авторы первого ряда делали то же самое с незавершенными произведениями почивших друзей. В России уже вышли в свет романы Алексея Свиридова и Бориса Зеленского, завершённые, соответственно, Еленой Власовой и Святославом Логиновым. По слухам, и последний роман Кира Булычёва «Убежище» заканчивал некий неназванный автор.

Как уже говорилось, развитие глобальных компьютерных сетей серь-

езно облегчило совместную работу: можно творить шедевры с соавтором, удаленным на тысячи километров. В Сети (даже не интернете еще, а Fido) познакомились и начали писать свой роман Лукьяненко и Перумов. Только после выхода второй общей книги смогли пообщаться «в реале» Юрий Бурносов (Брянск) и Виктор Косенков (Таллинн), начинавшие под псевдонимом Виктор Бурцев. Недавно, выпустив по несколько сольных книг каждый, они вернулись к истокам и «реанимировали» Бурцева.

Как большинство молодых людей сейчас не могут себе представить жизнь без мобильных телефонов, так и современные фантасты с умильным ужасом читают, например, переписку братьев Стругацких, когда на обмен письмами по поводу какого-нибудь замысла уходило несколько месяцев. Не потому ли ныне в фантастике очередной кризис идей, что их отработка идет слишком быстро?

Конец XX — начало XXI века ознаменовались появлением большого количества интереснейших совместных проектов. Рассказать историю создания наиболее популярных из них мы предложили самим авторам.

Сергей Лукьяненко, Ник Перумов. «Не время для драконов».

Сергей Лукьяненко: С Ником Перумовым решение было обоюдным — почему бы не написать вместе, объединив сильные стороны друг друга. Сюжет разрабатывали вместе, разбирали главы и писали каждый свою — но при этом еще и сидели рядом, обмениваясь идеями и спрашивая друг у друга совета.

Вообще, в любом соавторстве присутствует несколько разных мотиваций. Главное — такая работа азартна и некий дух соревнования придает процессу особый интерес. Присутствует и желание «слить брэнд», «объединить аудитории» и таким образом повысить тираж, чего уж греха таить. Стремление использовать сильные стороны друг друга — тоже немаловажный факт, каждый может писать то, что ему интересно, пропуская более скучные фрагменты. А вот «продвижения менее известного» в моей практике не было — я писал в соавторстве, будучи одним из многих авторов, никак не суперпопулярным. Сейчас — да, наверное, если я буду писать с кем-то, то для соавтора это будет, в первую очередь, «раскруткой». Что ж, если автор интересный и незаслуженно малоизвестный, так что в этом плохого?

Г.Л.Олди, А.Валентинов. «Нам здесь жить».

Генри Лайон Олди: Идея (вначале абстрактная: написать что-нибудь в соавторстве) возникла у Андрея Валентинова. Мы, в принципе, не возражали, но на тот момент Валентинов был занят своими книгами,

мы — своими, так что идею отложили «на потом». А мы тем временем задумали написать косвенное продолжение нашего романа «Герой должен быть один» — только чтобы действие происходило в наши дни или в недалеком будущем. Пульсация реальности, возвращение ряда «степеней свободы», имевшихся у реальности в древние времена, позднее утраченных, а теперь начавших проявляться вновь, сращение современной «технологической» реальности с мифологической...

В общем, задумка была интересная, но мы, похоже, в теории все несколько переусложнили — так, что отчасти сами запутались. Поэтому от привязок к роману «Герой должен быть один» в конце концов решили отказаться и написать отдельный, самостоятельный роман. Взялись за работу. Написали листа два—два с половиной и уперлись в тупик. Из того, что приходило в голову, получался сплошной боевик (и не очень-то «философский»), а такое писать не хотелось. Мы ходили вокруг текста так и эдак, что-то чистили, правили, дописывали по чуть-чуть — и вновь упирались в тот же тупик. Бросать не хотелось, а продолжить не получалось.

В итоге мы принесли написанный фрагмент Андрею Валентинову и сказали: «Хотел писать вместе? Давай! Вот тебе кусок текста, придумай, как его развить и продолжить — считай, начали». Андрей взял текст, дней через десять объявился — и выдал! Хорошо выдал. Неожиданно. Интересно. Мощно. В общем, нам понравилось, и понравилось весьма. Уже вместе обсудили, развили, поделили, Андрей засел писать... и вновь уперся все в тот же тупик. Текст не давался.

Позже мы, уже работая каждый над своими книгами, не раз встречались, обсуждали, придумывали, что-то меняли — но текст все равно не шел. А потом решили: или сейчас садимся и работаем, или идею надо похоронить, закопать и надпись написать. Сели и стали работать. А тут вдруг — видимо, настал срок — прочувствовалась и общая концепция.

Когда концепция и общая картина будущего романа прояснились, мы сели писать — каждый свою линию. Валентинов работал над линией Эры Гизело, мы — над линией Алика Залесского. По мере написания обменивались фрагментами, стыковали, согласовывали. Время от времени встречались, обсуждали кое-какие нюансы. И так — пока не закончили. Очень хотели сделать счастливый финал, но не получилось, к сожалению. Иначе вышла бы неправда, а пойти на такое и притянуть за уши хэппи-энд мы никак не могли.

Вмешательство же в текст друг друга было минимальным: стыковка частей и деталей и совсем легкая, «косметическая» редактура.

И в итоге написали «Нам здесь жить». Результатом остались довольны.

Юлий Буркин, Сергей Лукьяненко. Трилогия «Остров Русь».

Юлий Буркин: Я придумал сюжет подростковой книжки, он казался мне интересным, но я никогда не писал для детей и подростков, да как-то и не собирался. Потому, когда познакомился с Сергеем Лукьяненко и прочитал его «Рыцарей сорока островов», я решил подарить этот сюжет ему.

Сергей Лукьяненко: Инициатором выступил Юлий. Пришел и предложил написать фантастическую повесть для его детей, поскольку... сам он писать про детей не умеет.

Юлий Буркин: Но он как-то не впечатлился. Я обиделся: ни фигя себе, я дарю, а он подарок не принимает. Рассердился и написал подробный план повести с психологическими характеристиками героев, некоторыми деталями, перипетиями сюжета и т.п. При следующей встрече дал Сергею. Он прочел, воодушевился, говорит, интересно, буду писать. Но я уже и сам увлекся и не захотел так просто отдавать. Решили писать вместе.

Сергей Лукьяненко: Составляли план, расписывали по главам, разбирали каждый по главе и потом их писали. Написанным обменивались, слегка правили друг друга, вписывали в чужую главу два-три абзаца (иногда) и устраняли возникшие расхождения.

Юлий Буркин: Было так интересно, что, еще не закончив первую повесть, начали вторую, а затем сразу и третью. Это было абсолютно равноправное сотрудничество, где-то игра в буриме, где-то соревнование — кто смешнее, кто неожиданнее.

Владимир Васильев, Анна Ли. «Идущие в Ночь».

Владимир Васильев: Основную фабулу романа «Идущие в Ночь» придумал я, причем практически сразу пришел к мысли о работе в паре с женщиной: каждому — по персонажу. Эдакое буриме, навеянное в том числе и фильмом «Леди-ястреб». Некоторое время я обдумывал начало, героев, потом задумался — кому предложить соавторство? Сначала я предполагал поработать с Марией Симоновой, но, повнимательнее вчитавшись в ее сольные книги, осознал, что манера ее письма не подходит под замысел «Идущих в Ночь». Практически сразу же я понял, что идеальным соавтором именно для этой книги станет Анна Китаева, к тому времени взявшая псевдоним Анна Ли и в силу ряда причин перекочевавшая из авторского цеха в переводческий. При первом же удобном случае я поведал ей замысел романа и с удовлетворением убедился, что не ошибся в выборе — Ли увлеклась сразу и всерьез. Осенью 1996 года я взял ноутбук и отправился в Киев.

«Идущие в Ночь» создавались в форсированном режиме, тридцать листов были сделаны за неполные три месяца. Первые двадцать восемь глав писались в режиме бури — я или Анна садились и за день-два-три-четыре писали главу о событиях своего дня, о похождениях своего героя. После чего текст переходил соавтору. Естественно, что постоянно шли обсуждения и мозговые штурмы, к которым с самого начала подключился и Александр Лайк. Обсуждения получались довольно бурные, но интересно было как никогда. Две последние главы писались чуть иначе: каждый из нас троих по очереди садился за компьютер и наколачивал три-пять абзацев. Так что у книги реально три соавтора, невзирая на то, что Александр Лайк руку приложил только в последних двух главах.

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов, Марина и Сергей Дяченко. «Рубеж».

Генри Лайон Олди: Стартовая идея «панукраинского» литературного проекта принадлежала Андрею Валентинову. Идея довольно долго была опять-таки чисто абстрактной — пока ее не озвучили в присутствии полного состава будущих соавторов «Рубежа». Марине с Сергеем идея очень понравилась, и мы тут же договорились о совместной работе. Определили направление — серьезная фэнтези с украинским национальным колоритом. Пришли к соглашению, что это будет не игра типа бури, а полноценный роман. Решили писать всерьез, без стеба и капустников (хотя ирония и юмор по ходу дела вполне допускались). И еще условились, что до финала не убиваем главных героев. А ближе к финалу — это уж как получится. Начинать выпало Марине с Сергеем.

Марина и Сергей Дяченко: Как там в песне поется — «дружба начинается с улыбки»? Так и у нас это случилось — в виде улыбки: а не попробовать ли? Ко времени «Рубежа» мы уже испытывали взаимную симпатию, общались семьями, котами и городами... Вот и получилось. Радостно как-то. На природе, при озере и шашлыках.

Генри Лайон Олди: Дяченко написали первую часть первого тома (основные герои — Рио и Гринь) и прислали написанное Валентинову без всяких комментариев. Вот есть текст, оборванный на самом интересном месте — продолжай! Валентинов продолжил, введя еще двух центральных персонажей — Юдку и Ярину. Написав свою часть, отдал текст нам: продолжайте! Мы прочли и с интересом выяснили, что происходящее в частях Дяченко и Валентинова можно объединить на основе каббалистической концепции мироздания. Засели писать, увязы-

вая две первые части со своей при помощи этой концепции. От себя добавили еще двух персонажей — Сале и Исчезника (Каф-Малаха).

Марина и Сергей Дяченко: «Рубеж» — все-таки буриме, хотя и с коварствами. Мы написали начало, соединив в нем условно-фэнтезийный мир и гоголевскую Малороссию, и отдали соавторам, думая про себя: и как они выпутаются? Но они оказались покруче: ввели гайдоматчину, мистику Каббалы и вывели нас на второй том. Пришлось вникать.

Генри Лайон Олди: Закончив первый том, собрались в Киеве у Марины и Сергея, обсудили второй том и к чему в общих чертах это все должно прийти. И продолжили. Дяченко снова написали первую часть, Валентинов — вторую, а нам уже осталось заканчивать весь двухтомный роман. Параллельно возник еще один существенный персонаж (уже общий) — Денница.

Потом еще раз все согласовали, устранили оставшиеся нестыковки — и роман был готов. Вмешательство в текст друг друга снова было минимальным — стыковка, согласование и совсем легкая редактура (поскольку каждый из соавторов, как и в случае с «Нам здесь жить», редактировал свои фрагменты сам).

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. «Посмотри в глаза чудовищ», «Гиперборейская чума».

Андрей Лазарчук: Я не уверен, что это соавторство было случайным. Его, конечно, могло не состояться, но для этого кому-то там наверху следовало приложить заметные усилия.

Подошел Миша и сказал: «У меня есть классная идея, которую я точно не смогу написать». В результате от той первоначальной идеи уцелел только маленький карманный викинг Олаф. Но зато получилось два (теперь уже почти три) неплохих романа и очень хороший рассказ (новелла «Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии» завоевала множество литературных призов — *прим. ред.*). И еще киносценарий, на который, возможно, найдется покупатель.

«Чудовища» практически целиком написаны «плечо к плечу» — кто-то сидел за машиной, кто-то рядом, весь текст проговаривался много раз. «Чуму» писали преимущественно по кускам: я — одни линии, Миша — другие. «Комсомолец Мордовии» — снова вместе, равно как и «Судьбу сверхчеловека». Наконец, новый роман снова пишется по линиям: Миша делает историко-мифологическую часть, мы с Ирой — современность. Этот роман сводит вместе «Чуму» и «Чудовищ», название окончательно еще не придумали, но это всегда остается на последний момент.

Литература — это, конечно же, игра (но не только); соавторство — в первую очередь, создание нового виртуального автора (но не только); писать в соавторстве увлекательно — это можно сравнить с игрой в шахматы с партнером (в противоположность сольной работе как решению шахматных задач; тоже увлекательно, но иначе). Вдвоем (втроем) мыслишь шире, в одиночестве — глубже. Наконец, когда пишешь с соавтором, не столько перенимаешь его приемы, сколько лучше осознаешь и отрабатываешь собственные. В любом случае, это новый опыт, что всегда полезно.

Сергей Лукьяненко, Владимир Васильев. «Дневной Дозор».

Владимир Васильев: Прочитав «Ночной Дозор», В.Васильев неожиданно осознал две вещи: 1) что ему гораздо ближе Тьма, нежели Свет, и 2) что «Ночной Дозор» написан Светлым, а следовательно, Темные изображены там совершенно неправдоподобно. Через два часа после того, как последние страницы «Ночного Дозора» были дочитаны, я закончил писать кусочек текста, который впоследствии стал прологом ко второй части «Дневного Дозора» — «Чужой для Иных». Естественно, что я рассказал обо всем Сергею Лукьяненко. И когда он сам задумался о втором романе, на этот раз повествующем о том же мире с точки зрения Темных, возникла идея написать его в соавторстве, тем более, что какие-то наработки имелись также у Ника Перумова. То есть первоначально мы вообще собирались писать втроем, каждый по одной повести. Однако Ник не сумел отвлечься от собственных проектов. Тогда мы с Сергеем попытались завербовать Леонида Кудрявцева — и снова безуспешно, Леонид был тоже очень занят и не мог выкроить время.

Сергей Лукьяненко: Володя Васильев попросил разрешения написать «Дневной Дозор» в противовес «Ночному», а я в ответ предложил соавторство — поскольку иначе Володя обелил бы силы Тьмы и обругал силы Света. Я написал первую повесть из трех, Володя — вторую, мы их слегка подредактировали друг другу, после чего придумали сюжет третьей, объединяющей повести. Вот ее писали по обычной схеме: «я эту главу, а ты — ту».

Владимир Васильев: Первую часть «Посторонним вход разрешен» делал Сергей, вторую «Чужой для Иных» — я. Замыслы также были независимыми, история пионерлагеря целиком придумана Сергеем, история Зеркала — мной. После этого, находясь на летнем отдыхе, мы сели и задумались, как теперь свести эти две совершенно непохожие истории в единое целое. А потом стали писать — Сергей в основном

«вел» Светлых, я — Темных. Готовые эпизоды сводили в общий файл. Естественно, была взаимная редактура, но скажу честно: в первой части я изменил всего одно слово. Во второй Сергей дописал несколько абзацев в разные места, некоторые из которых в результате в текст так и не вошли. В третьей — все запутанней, там текст Сергея и мой перемежаются постоянно.

Алексей Пехов, Андрей Егоров. «Последний завет».

Алексей Пехов: Все началось с того, что на форуме «Стирателей» появилось сообщение Егорова приблизительно следующего содержания: «А не хочет ли кто попробовать написать что-то вдвоем?». Раньше серьезного опыта соавторства у меня не имелось, и я посчитал, что это будет неплохой практикой, благо далеко идущих планов на этот эксперимент не было. «Последний завет» являлся не более чем игрой, которая неожиданно и вдруг превратилась в интересную работу, закончившуюся полноценной книгой.

Пожалуй, я могу сказать двумя словами о нашей работе — «легко» и «просто». Это действительно так. Книга шла влет, была написана за достаточно короткий (лично для меня) срок. Поначалу не было никакого сюжета. Решили сделать «постапокалиптическую фантастику». Я написал абзац, сбросил по почте Егорову. Он дополнил свой, переслал мне. Моя очередь. Затем вновь его. Для подобного «баскетбола вслепую» получалось на удивление связно. Нет, конечно, показывать такое постороннему человеку было нельзя, но дух и стиль друг друга были пойманы. Мы встали на одни творческие рельсы, и тут игра превратилась в серьезную работу.

Александр Громов, Владимир Васильев. «Антарктида online».

Владимир Васильев: Главные коллизии романа «Антарктида online» придумал я, причем довольно давно, еще в начале или середине девяностых. Однако и тогда я совершенно точно сознавал, что багаж научных знаний для такой книги у меня категорически недостаточен. Тут нужен был настоящий ученый-естественник, Кирилл Еськов, к примеру, или Александр Громов. Громову я и рассказал о своем замысле. Идея была, с научной точки зрения, совершенно безумная — переместить Антарктиду на экватор, но именно это безумие в итоге и увлекло Александра. На соавторство он согласился практически сразу.

Александр Громов: Мне была предложена идея, увлекшая меня благородным безумием.

Владимир Васильев: Уже при планировании основные герои были разделены между Александром и мной. Я писал историю яхтсменов, это ни для кого не секрет. Так случилось, что на тот момент я был занят еще в одном проекте, а Александр свободен, вот и получился некий перекося — соавтор писал больше меня. И когда я почувствовал, что он «ведет» героев уверенно, то решил: незачем тянуть одеяло на себя. Я сказал: «Саша, пиши, как пишется, но я готов написать любой нужный тебе эпизод». Так и пошло — звонил Громов и говорил: «Мне нужна глава о морском походе в Новую Зеландию с непременными морскими пиратами» или «Мне нужна глава о вторжении в Антарктиду американских войск». Я выкраивал время и писал. Так что в «Антарктиде online» гораздо больше Громова, чем Васильева. Мы даже подсчитали процент текста: 73% — Громов, 17% — я.

Александр Громов: Делили куски. Инициатором обычно выступал я: «Вот этот кусок мне писать не хочется, не мог бы ты?». Потом правили с целью сблизить стили. Затем окончательная правка — вместе. Такое соавторство — это прежде всего дележ груза, который трудно снести одному, ибо идея чересчур глобальна. Наверняка каждый из нас (хоть Воха и утверждает обратное) смог бы справиться и в одиночку, но попотеть пришлось бы вдвоем. Был прямой смысл объединиться.

Владимир Васильев: Полагаю, что настоящее, полноценное соавторство — это сумма мотивов. Но превалирует какой-то один фактор или два, ибо не бывает одинаковых авторских дуэтов. Всякое соавторство преследует некую цель, которая порою недостижима, а вместе — вполне. Жизнь — она многолика, а соавторство — та же жизнь, только более совершенная и исполненная большого смысла (уж извините за некоторую высокопарность).

Г.Л.Олди, М. и С.Дяченко, А.Валентинов. «Пентакль».

Генри Лайон Олди: Идея написать еще что-нибудь тем же составом возникла у нашей пятерки вскоре после окончания «Рубежа»: работать в «расширенном соавторстве» всем было интересно и результат всем понравился. Однако со следующим совместным проектом решили не спешить. Через несколько лет возникла концепция: Украина-мистическая XX века. Единство времени в пределах века, единство места — Украина с ее крупными и мелкими городами, селами, хуторами, единство взгляда — увидеть то, что прячется за гранью обыденности в современном мире, смотреть под тем углом, под которым можно разглядеть необычное, чудесное, иррациональное. Современная славянская мифология, что ли? Подобный подход показался интересным всем пятерым.

В итоге родился «Пентакль» — роман-цикл из 30 новелл, связанных НАДСЮЖЕТНО, общей концепцией, общим взглядом. Как написала одна из читательниц: «Роман про место». Хотя и чисто сюжетные прошивки в «Пентакле» имеются. Но при этом каждый рассказ вполне самостоятелен. Однако если прочесть всю книгу целиком, начинает вырисовываться нечто большее, нежели просто подборка мистических рассказов на современном материале.

Марина и Сергей Дяченко: «Пентакль» — это джаз-сейшн. Заранее договорились о цикле из 30 новелл, но среди них и авторские, и «двойнушки», и «тройнушки». Было очень интересно продолжать, подхватывать, импровизировать... Кто что писал — полный секрет. Объявили конкурс читателей — так никто 100% результата и не имел. Вот это джаз!

Генри Лайон Олди: Было задано общее направление («Украина-мистическая, XX век») — и дальше каждый написал по несколько рассказов «в тему». А вот затем дошел черед до рассказов совместных, каждый из которых писался по схеме «Рубежа» в миниатюре». Скажем, Валентинов начинает, Дяченко заканчивают. Дяченко начинают, мы заканчиваем. И так далее. Причем, как и в «Рубеже», тот, кто начинал, высылал соавтору кусок текста без всяких комментариев — продолжай! Несколько рассказов были написаны в полном «тройном» соавторстве, чуть больше — в различных вариантах «двойного», но основная часть в «Пентакле» все-таки рассказов «сольных» (хотя говорить «соло» в случае нас или Дяченко как-то, наверное, не совсем правильно). Когда все было написано, мы сообща прописали ряд «связок на заднем плане». Прошлись по всему роману-циклу, почистили (опять же без глубокого вторжения в текст соавторов) — и «Пентакль» был готов.

Марина и Сергей Дяченко: Произведение в соавторстве сродни строительству большого дома, а лучше — замка со множеством комнат, со сложной системой потайных ходов. Мы строим этот замок одновременно, вместе, и каждый делает свою работу. А еще это игра, взаимное удовольствие от находок соавторов, которые одновременно являются и друзьями.

Генри Лайон Олди: Более всего нам всем каждый раз было интересно создавать совместную «полифоническую» композицию, рассматривать концепцию, идею, характеры героев, ситуации под разными углами зрения. И, конечно же, было весьма заманчиво объединить тонкий психологизм и эмоциональность прозы Дяченко, жесткость и точность исторических деталей произведений Валентинова и наши философские и сюжетные изыскания. Ну и, понятное дело, такое непривычное соав-

торство мобилизует, позволяет посмотреть на текст «незамысленным» взглядом, избавиться от начинающих накапливаться автоштампов и повторов, внести в творчество некую свежую струю, чему-то поучиться у соавторов — и в конце концов написать нечто, чего никто из нас по отдельности никогда бы не написал.

Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья Турчанинова. «Киндрэт. Кровные братья».

Алексей Пехов: О «К.К.Б.» я узнал, когда книга уже три года находилась в процессе разработки.

Понадобилось еще два года обсуждений, споров, горы черновиков, долгих часов сидения в библиотеках, сбора информации и постоянно-го дорабатывания сюжета, чтобы мы смогли выйти на финишную прямую, где уже было окончательно решено: роману «быть».

Хочу признаться, что подключился к «Киндрэтам», когда они еще не существовали «физически», но «духовно» были выпестованы на шестьдесят процентов. И эти шестьдесят процентов показались мне столь интересны и перспективны, что я с радостью включился в этот проект. Кстати, написали мы книгу за три месяца плотной совместной работы.

Тройное соавторство — это вам не хухры-мухры. Это головная боль не в квадрате, а в кубе. Если с одним соавтором еще как-то можно договориться по той или иной «ступеньке» в тексте, то когда три совершенно разных человека абсолютно по-своему видят одну и ту же ситуацию, хочется залезть на потолок и вывернуться наизнанку, чтобы вышло то, что в конечном счете удовлетворит всех. Работа шла тремя параллельными файлами, каждый из нас знал центральный мир, героев друг друга, но вел своих персонажей (иногда, правда, уступая их на растерзание соавторам). В итоге получился очень глубоко взаимопроникающий сплав того, что теперь называется «К.К.Б.». Это тот случай, когда я могу смело сказать, что одна голова — хорошо, две — лучше, а три — почти замечательно.

Иногда людям просто интересно работать вместе! (Алексей Пехов и Елена Бычкова познакомились на «Росконе-2003» и через некоторое время поженились — *прим. авт.*)

Далия Трускиновская, Леонид Кудрявцев. «Баллада о двух гас-тарбайтерах».

Далия Трускиновская: Я услышала слово, которое в моей голове прозвучало как «мнемозавр» (на самом деле это было нечто иное). Стало интересно: а что это мог быть за зверь? Я спросила Кудрявцева, и он

со всей обстоятельностью, достойной Льва Толстого, стал мне объяснять, кто такие мнемозавры. Встал вопрос: а не написать ли рассказ или повесть? Для простоты исполнения мы разложили сюжет на два голоса и, к немалому моему удивлению, эту штуку написали.

Леонид Кудрявцев: Я попытался прикинуть, что может собой представлять мнемозавр, и объяснил Дале. Она предложила сделать вещь вместе: «А слабо?». Так все и началось. В очередной свой визит в Москву Дalia заскочила на сутки ко мне домой. Мы обговорили начало рассказа и, поскольку повествование должно было вестись от лица двух персонажей, написали по первому куску. Она уехала, я написал свой следующий кусок и выслал ей. Она в свободное время сделала свой кусок и выслала мне... Были сложности с тем, что мы оба активно и много пишущие авторы, поэтому иногда очередной кусок задерживался на несколько недель. В общем, месяцев за восемь-девять текст вчерне был готов. Тогда я взялся за него вплотную, свел в единое повествование, что надо сократил, что надо дописал и выслал Дале. Она внесла свою правку и представила на суд читателей.

Далия Трускиновская: Мне кажется, это была главным образом попытка сыграть на другом поле. Ни он, ни я раньше не работали с соавторами. То есть получились эксперимент по выживанию и проверка на вшивость. Такие эксперименты нужно устраивать время от времени, чтобы не окаменеть окончательно. Ведь стиль наш уже «устоялся», мозги наши действуют наиболее удобным и приятным для них образом. Если же поместить мозги в условия, когда все не так, когда путается в ногах какой-то чужой дядька со своими мозгами, то они мобилизуются и выдают нестандартную реакцию, которая и в будущем наверняка пригодится.

Леонид Кудрявцев: Мне было просто интересно, что из этого получится. Такой эксперимент по принципу «А слабо?», «А вот интересно попробовать, как это?». Ну и потом, захватила сама идея. В ней есть потенциал, в этом мире еще многое можно придумать.

Заканчивая наш разговор, хотелось бы отметить, что современный мир полон соблазнов, и впасть в грех мимолетного соавторства можно очень легко. Как это произошло, например, с нами. Задумав статью о пагубности «случайных связей» в современной фантастике, мы в итоге написали ее вместе с теми, кого собирались обличать. И это, надо сказать, оказалось на удивление приятно.

У вас еще нет соавтора? Приходите...

**Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Андрей СИНИЦЫН**

ЧИТАТЕЛИ ВОЗМУЩАЮТСЯ

Вот вы можете прямо, не виляя, ответить: зачем вы печатаете этих америкосов? Они что, вас содержат? Они дают баксы на журнал?.. Русские писатели у вас где-то там... ну, в общем, вы поняли... Вы вроде неглупые люди, и разве вы не чувствуете разницы между тем, что вы даете из Громова, Дивова или того же Лукьяненко, и этими хилыми «зарубежниками». Это ж небо и земля!

...Нет у нас молодых талантливых писателей, ну нет! По «Если» — нет. Ничего, кроме этого вашего конкурса, не пляшет. Смотришь на всякие закидонские конкурсы в Сети — супер! А вы вместо этого — опять американцев, а наших — туда же, в мусор.

Если главный журнал будет по-прежнему так относиться к русской фантастике, то ее никогда не будет. И нам будут опять впихивать американцев во все дыры...

...Когда вы будете давать наших фантастов? (Михаил Хомяков, Пермь)

А мы уж было думали, что нам больше не придется возвращаться к этому вопросу. В последние годы поток писем с подобными претензиями стал иссякать, пока не исчез совсем. Но вот — новый всплеск эмоций. Ну что ж, готовы объясниться, питая надежду, что это объяснение будет последним.

Начнем с того, что Вы, Михаил, передергиваете, и сильно. Если взять прошлый год, то отечественных авторов (можно, мы припомним к ним и киевлян Дяченко, и рижанку Трускиновскую?) журнал публиковал чаще, чем всех зарубежных вместе взятых: 51 произведение против 46. И это без учета победителей конкурса для начинающих фантастов «Альтернативная реальность». Что же касается Америки, столь не любимой вами, но, к сожалению, остающейся ведущей фантастической державой мира, то ее представители появлялись на страницах журнала 29 раз. Помимо этого мы напечатали двенадцать произведений европейских писателей, четыре — канадских и одно — австралийского.

По поводу «молодых наших» вы тоже не вполне справедливы. В прошлом году дебютантами журнала, помимо участников «Альтернативной реальности», стали восемь авторов, причем двое из них публиковались дважды. Но вот ведь беда: вы, читатели, чуть ли не выталкиваете новичков из «Если» — каждая подобная публикация сопровождается острой критикой, и мало у кого находится доброе слово в адрес молодых фантастов. Вы неглупые люди (без всяких «вроде») и тут же чувствуете разницу не только с Грозовым и Дивовым, но и с общим уровнем журнала.

Это даже методологически неверно: нельзя сравнивать вершины с холмами. Но проблема в том, что писателей уровня Грозова, Дивова и «того же Лукьяненко» (кстати, почему «того же»?) в России вместе с сопредельными державами пока едва ли больше полутора десятков. И своими совокупными усилиями они заполняют нам четыре номера в год. Конечно, если предложить им покончить с романами, то, может, и на восемь выпусков наберем, но вряд ли они отнесутся к подобному предложению с пониманием...

И наконец, главное. «Если» не журнал российской фантастики, «Если» — российский журнал мировой фантастики. Это базовый «форматный» принцип «Если», положенный в основу издания более 14 лет назад. И даже если число бойцов, подобных Лукьяненко, Дивову и Грозову, вырастет с полувзвода до роты, мы все равно будем продолжать знакомить читателей с современным литературным процессом стран Америки, Европы, а по возможности и других континентов.

...ПРОСЯТ

Я выписываю ваш журнал недавно и в одном из номеров прочитал, что «Если» вручает свои премии. Можно ли рассказать подробнее, когда возникла премия, и дать сводный список, кто ее получал (о каждой церемонии в отдельности вы уж наверняка писали)? (Наум Ригельсон, Томск, по интернету)

С удовольствием представим сводный список результатов голосования Большого читательского жюри. Более подробные результаты можно узнавать из каждого майского номера журнала, здесь же приведем только обладателей призов читательских симпатий «Сигма-Ф», вручаемых по итогам голосования читателей «Если» за лучшее литературное произведение года. Премии «Сигма-Ф» вручаются с 1998 года.

1998. Роман Сергея Лукьяненко «Осенние визиты», повесть Евгения Лукина «Гений кувалды», рассказ Алексея Зарубина «Ти-гренок на привязи».

1999. Роман Евгения Лукина «Катали мы ваше солнце», повесть Сергея Лукьяненко «Инквизитор» (первая опубликованная повесть из цикла «Дозоры»), рассказ Виталия Яценко «Зверинец».

2000. Роман Марины и Сергея Дяченко «Казнь», повесть Сергея Синякина «Монах на краю Земли», рассказ Евгения Лукина «В Стране Заходящего Солнца».

2001. Роман Марины и Сергея Дяченко «Армагед-дом», повесть Александра Громова «Вычислитель», рассказ Далии Трускиновской «Сумочный» и три «гусярских» рассказа Кира Булычёва — «Шпионский бумеранг», «Чего душа желает» и «Пропавший без вести» — по сумме баллов.

2002. Роман Марины и Сергея Дяченко «Долина Совесть», повесть Олега Дивова «Предатель», рассказ Далии Трускиновской «Кладоискатели».

2003. Роман Сергея Лукьяненко «Спектр», повесть Олега Овчинникова «Семь грехов радуги», рассказ Олега Дивова «Пара-ноик Никанор».

2004. Роман С.Витицкого «Бессильные мира сего», повесть Марины и Сергея Дяченко «Зоопарк», рассказ Александра Громова «Сила трения качения», а также Владимир Михайлов за вклад в развитие фантастики.

2005. Романы Кира Булычёва «Убежище» и Генри Лайона Олди «Песни Петера Сьядека», повесть Марины и Сергея Дяченко «Уехал славный рыцарь мой», рассказ Владимира Покровского «Жизнь Сурка, или Привет от Рогатого».

...ПРЕДЛАГАЮТ

Видно, что ваши конкурсы выдыхаются. Но без них тоже нельзя, в них интересно участвовать, а главное — интересно читать... Ну так придумайте что-нибудь новенькое — которое хорошо забытое старое. Например, читательские пародии на известных писателей. У вас это было, и хорошая была пародия на Лукьяненко, а потом все заглохло. Или викторина в «Звездном порту» — с масками: серебряная, золотая... Интересно ведь было! (П.Омельченко, С.-Петербург)

Давайте решим принципиальный вопрос: интересно читать или интересно участвовать? Судя по нашей почте — первое. Если

число участников конкурса «Альтернативная реальность» снизилось незначительно, то в «Банке идей» их с каждым разом все меньше. Но это еще полбеды — ни один конкурс не живет вечно, и вполне можно предложить что-нибудь другое, но как проводить конкурс при ничтожном количестве участников? Может быть, проблема в том, что призы невелики, а может, влияет такой мощный «отвлекающий фактор», как интернет... Предлагали мы упомянутую Вами викторину, однако, несмотря на то, что сделана она была достаточно изобретательно (не считите за нескромность — разрабатывали ее не мы), викторина не вызвала ажиотажа. Объявили конкурс читательских рецензий, но отклик оказался вялым, предложили поучаствовать в нашем традиционном опросе на сайте «Русская фантастика» — не получили ни одной осмысленной анкеты, а в конкурсе пародий приняли участие меньше десяти человек... Словом, думать мы будем, но пока активного читательского интереса к конкурсам не видим.

...ИНТЕРЕСУЮТСЯ

Почему вы не публикуете главы из романов? (Д.Новик, Тула)
Ваша фамилия нам не знакома, но вопрос явно писательский. Или издательский — от них (новых, поскольку старейшие давно знают нашу позицию) мы подобные предложения получаем регулярно. Нам кажется, что занятие это, мягко говоря, малоперспективное, поскольку любители читать незавершенные вещи нам еще не попадались.

Неужели вам трудно готовить годовые обзоры книг? (Леонид Кругляшов, Волгоград)

Да нет, не трудно. Подобные обзоры готовит наш сотрудник Дмитрий Байкалов и наш автор Андрей Синицын. Но для годовых альманахов АСТ. В журнале-то какой смысл их давать? О тенденциях в фантастике рассказывается в статьях, репликах, «Экспертизе темы», а что касается конкретных книг, то за год мы публикуем более ста рецензий. Зачем же повторять то же самое в ужатом виде?

...СПРАШИВАЮТ

Живу в США, поэтому выписывать ваш журнал дорого. Многие американские журналы фантастики практикуют плат-

ную рассылку электронных копий свежих номеров. Не планируется ли у вас такая услуга? (Игорь Гуревич, Даллас, по интернету)

Такой сервис мы уже осуществляем. Подписаться на платную рассылку электронной версии журнала можно по адресу: <http://subscribe.ru/catalog/esmi.publisher.lkniga.esli>

Прочитал в десятом номере рассказ «Заплывая за буйки» Марии Галиной. Рассказ понравился, очень интересная идея, я вообще очень люблю читать про альтернативные реальности. Единственное, чего я не понял — это концовка рассказа. Это смазало все впечатление — какое отношение к альтернативным мирам имеет эта психотронная машина? (Игорь Максимов, Новосибирск)

Концовка, конечно, может показаться непонятной при первом прочтении. Я вообще предпочитаю оставлять «открытые» финалы, которые можно интерпретировать по-разному. Сразу напрашивается такое предположение — никакой психотронной машины за стенкой не было, а герой окончательно сошел с ума (такой вариант не исключен, учитывая его анамнез). В таком случае можно предположить и то, что большинство описываемых событий — порождение его воображения, но это уже как-то не интересно, правда?

Другой вариант более «заковыристый» и подразумевает как раз развитие событий в плоскости альтернативной истории. Если вы помните, в «измененном» варианте настоящего, где СССР воевал с Монголией, а Турция была Турецкой Советской Социалистической республикой, Покровский — по некоторым признакам бывший «лагерник», работавший на оборонку — жаловался, что его контору срывают с места, когда вот-вот будет готова «одна штука».

Можно предположить, конечно, что эта штука и есть та самая «психотронная машина». Можно предположить, что в самом последнем, близком к исходному, варианте, к которому вернулись герои, он ее изобрести все-таки успел.

И наконец, самый симпатичный мне вариант — от всех этих катаклизмов и пертурбаций реальность все-таки стала чуть-чуть смещенной, и в ней материализовался очередной миф массового сознания.

Мария Галина

НОУ-ХАУ

Из коллекции ведущего редактора отдела фантастики
издательства ЭКСМО Василия МЕЛЬНИКА

Голос доносился откуда-то сверху, даже слишком сверху.

Ему казалось ужасным сидеть в столовой Белого дома и есть чизбургер со своим лучшим другом.

Я закончил военную службу половиной полковника.

Рыцарь снес врагу искаженную злобой голову.

Колену его внезапно подкосились, а туловище присело на подставившуюся сзади лавку.

Далекий бой совсем перестал подавать звучные признаки своей активности.

Он сиял, как яйцо покойного Фаберже.

Из пещеры вышли мужчины, женщины и мудрые старцы.

Это было некое высшее скопление разума.

Ремонтники настраивали отдельные неполадки.

Они достигли места, где в изобилии встречались комфорт и отдых.

Его глаза бессистемно носились от одного лица к другому.

Подойдя к ним, он увидел и в то же время услышал разговор между ними.

Теперь его не было рядом, и более того, она не могла обнаружить его нигде возле.

По ступеням молча простучали каблук.

Режущая муть эмоций, всплывшая откуда-то из груди, застала мне глаза.

Институт гудел, как встревоженный муравейник.

Пожав крабы корешам, он сбросил свои мускулистые ягодицы на слегка покачнувшийся от оказанной ему чести стул.

Я обязан был владеть всеми видами оружия — как холодного, так и огне- и всякого другого стрельного.

— Хороший компьютер — это, брат, сила. А если к нему приставлен «Пентий», а не какой-то там «Корвет», это просто убивает.

В руке у него был на редкость острый нож. Он даже поблескивал.

Он ухмыльнулся испорченной улыбкой порочной обезьянки.

Топор врубился в голову стражника, который даже не успел понять, что умер.

Эта суета выбила меня из своей тарелки.

Всегда меня убаюкивающее тусклое освещение в коридоре его квартиры подчеркивало неясность ситуации.

Он живет с бильярдом, и бильярд отвечает ему тем же.

Земноморье

получит новое воплощение в виде аниме. После игрового телевизионного мини-сериала, снятого телеканалом Sci-Fi Channel по мотивам первых двух книг гексалогии, аниме создает японская Studio Ghibli по третьей и четвертой книгам. Мультфильм получит название «Gedo Senki» («Истории Земноморья»). Эта постановка станет режиссерским дебютом Горо Миядзаки, сына знаменитого режиссера Хаяо Миядзаки.

Стало известно

имя следующего Великого Мастера. Этим званием на предстоящей в начале мая церемонии вручения премий «Небьюла» будет награжден Харлан Эллисон. Также SFWA обнародовала имя обладателя премии поддержки незаслуженно забытых авторов «Эмеритус». На «Небьюла»-банкете эту премию получит Уильям Ф.Нолан.

Планируются

съемки полнометражного художественного фильма «Меч без имени» по мотивам одноименного романа Андрея Белянина. Съемки начнутся в апреле этого года и будут проходить в Чехии. Режиссер фильма — Влад Таупеш.

Писатель

Джон Си Райт получил от наследников знаменитого фантаста Альфреда ван Вогта (1912—2000) разрешение на создание романа, продолжающего популярный цикл, начатый в 1945 году романом «Мир Нуль-А». В цикл также вошли романы «Игроки Нуль-А» (1956) и «Нуль-А три» (1985). Сиквел Райта получит название «Нуль-А континуум» и расскажет о новых приключениях героя трилогии Гилберта Госсейна.

Компания Nokia,

производящая мобильные телефоны, объявила о запуске весной 2006 года большой многопользовательской онлайн-игры на платформе Java. Игра будет называться «Космический альянс» и почти каждый обладатель мобильного телефона сможет поучаствовать в ней, используя сетевой сервис Nokia SNAP Mobile.

«Престиж»,

роман Кристофера Приста, получит экранное воплощение. Режиссер Кристофер Нолан пригласил для участия в будущей картине своих соратников по «Бэтмену: Начало»

Кристиана Бэйла и Майкла Кейна, а также Хью Джекмана. На главную роль великого Николы Теслы планируется знаменитый певец и актер Дэвид Боуи. Адаптацию романа в сценарий картины с 40-миллионным бюджетом осуществил брат режиссера Джонатан. Напомним, что читатели «Если» назвали роман «Престиж» лучшим переводным произведением 2004 года.

Российский

фильм под названием «Марсианские хроники. Глава 34, часть 1» никакого отношения к Рэю Брэдбери иметь не будет. А расскажет эта полная спецэффектов комедия, съемки которой заканчивает режиссер Антон Молок, о грядущем путешествии на Марс. Вся интрига ленты — кто успеет раньше высадить космонавтов на красной планете, Россия или США? Круговорот событий сведет вместе сексапильную американскую журналистку и мужественного русского разведчика (его роль исполняет Юрий Колокольников).

Самому Брэдбери

«за заслуги в воодушевлении человечества на покорение Марса» вручена премия имени Томаса Пейна. Учреждена эта премия Планетарным сообществом — самой влиятельной неправительственной организацией, чья деятельность посвящена исследованию Солнечной системы и поиску внеземной жизни. В организацию входят известные ученые, политики, бизнесмены. Еще одна премия сообщества, «Космос» (за выдающееся публичное изображение науки), вручена режиссеру Джеймсу Камерону — автору не только «Терминатора» и «Чужих», но и документальных фильмов о подводных исследованиях.

Тимур Бекмамбетов

в ближайшее время не будет снимать американскую версию «Ночного Дозора». Во-первых, премьера первого фильма российской дилогии за океаном перенесена на февраль 2006-го, а начало показов «Дневного Дозора» еще не определено. Соответственно, планы римейка отодвигаются. Во-вторых, Бекмамбетов будет занят другим крупным голливудским проектом — экранизацией известного комикса Марка Миллера «Разыскивается» (Wanted) для компании Universal Pictures.

In memoriam

9 декабря, на 78 году жизни, в результате аневризмы мозга в больнице города Пафкипси, штат Нью-Йорк, скончался легендарный американский фантаст, горячо любимый и российскими поклонниками жанра.

Роберт Шекли родился 16 июля 1928 года в Нью-Йорке, вырос в Майплвуде, штат Нью-Джерси. Участвовал в войне в Корее, а с 1951 года начал предлагать свои рассказы в научно-фантастические журналы. Закончил Нью-Йоркский университет в 1951-м, бакалавр искусств. Прослушал курс литературы у Ирвина Шоу. С 1952 года — профессиональный писатель. Шекли выпустил более 60 книг, его перу принадлежит свыше 400 рассказов, повестей и романов. По произведениям знаменитого фантаста поставлено полтора десятка фильмов: «Десятая жертва», «Цена риска», «Беглец» и других.

Тем не менее на Западе в последнее время он был практически забыт. Недаром в 2001 году Шекли стал обладателем премии «Эмеритус». Впрочем, забвение в США писателю с лихвой компенсировалось невероятной популярностью в странах бывшего СССР. В годы застоя Шекли был одним из самых любимых переводных фантастов, благодаря изданным в нашей стране романам и повестям «Обмен разумов», «Билет на планету Транай», «Координаты чудес», «Варианты выбора», а также множеству замечательных рассказов, объединенных в 16-й том «Библиотеки современной фантастики» и сборник «Паломничество на Землю».

В последние годы Шекли неоднократно приезжал в Россию и на Украину и даже писал произведения, заказанные российскими издателями. Любовь русскоязычного фэндом-ма особенно проявилась в момент, когда Шекли, путешествуя по Украине, серьезно заболел и не имел возможности оплатить лечение и транспортировку в США. В сборе денег для любимого фантаста тогда участвовало множество представителей фэндом-ма, издатели и журнал «Если», на страницах которого Роберт Шекли публиковался пять раз. На похоронах писателя от имени российских любителей фантастики произнес речь Майкл Суэнвик, также недавно побывавший в России. Похоронен Шекли будет весной на Кладбище Художников в знаменитом Вудстоке (зимой там захоронения запрещены).

Агентство F-пресс

ГРОМОВ Александр Николаевич

Один из ведущих российских авторов «твердой» НФ Александр Громов родился в 1959 году в Москве. Окончив Московский энергетический институт, много лет проработал в НИИ Космического приборостроения. Ныне — профессиональный писатель, а в свободное от литературы время — заядлый турист–байдарочник и астроном–любитель.

Фантаст Громов заявил о себе в 1991 году, когда в приложении к журналу «Уральский следопыт» был опубликован рассказ «Текодонт». В 1995 году в нижегородском издательстве «Параллель» увидел свет сборник «Мягкая посадка», куда вошло все лучшее, написанное Громовым за пять лет. Книга стала одним из самых ярких жанровых открытий в российской НФ 1990–х и была удостоена премии им. А.Р.Беляева, а в 1997–м заглавный роман сборника обрел еще одну авторитетную награду — премию «Интерпресскон». С тех пор каждое новое произведение А.Громова оказывается в центре внимания критиков и читателей. Поклонникам жанра хорошо известны его романы «Властелин Пустоты» (1997), «Год Лемминга» (1997), «Ватерлиния» (1998), «Шаг влево, шаг вправо» (1999), «Тысяча и один день» (2000), «Запретный мир» (2000), «Крылья черепахи» (2001), «Завтра наступит вечность» (2002). В 2004 году в соавторстве с Владимиром Васильевым он написал роман «Антарктида online», по существу, открывший новый поджанр фантастики — «альтернативную географию». В 2005 году вышел новый роман писателя «Феодал» и в том же году получил на харьковском фестивале «Звездный мост» главную премию — «Золотой кадуцей». Произведения А.Громова неоднократно удостоивались премий «Сигма–Ф», «Интерпресскон», «Роскон», «Филигрань», «Странник» и других.

КУДРЯВЦЕВ Леонид Викторович

Леонид Кудрявцев родился в 1960 году на Урале. После окончания школы и службы в армии работал разнорабочим, главным редактором книжного издательства, книготорговцем. Ныне живет за счет литературного труда. В начале нового тысячелетия переехал из Ижевска в подмосковный город Пушкино.

Первый фантастический рассказ «Лабиринт» был опубликован в 1984 году в журнале «Енисей». В 1990 году вышла в свет авторская книга — сборник «Дорога миров». Фантастические рассказы и повести Л.Кудрявцева объединены в сборниках «Аппарат иллюзий» (1991), «Тень мага» (1996), «Черная стена» (1997), «Клятва крысиного короля» (1997), «Мир крыльев» (2000) и других. Из романов автора наибольшую известность получили «Дорога мага» (1997), «Агент звездного корпуса» (1998), «Центурион инопланетного квартала» (2000), «Долина магов» (2001), «Последняя одиссея» (2004). В 1995 году Л.Кудрявцев выпустил три книги фантастических повестей для детей. Писал также и детективную прозу (под псевдонимом Виктор Доренко). Лауреат премий «Белое пятно», фонда им. В.П.Астафьева.

РУДЕНКО Борис Антонович

Писатель и журналист Борис Руденко родился в Москве в 1950 году. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Некоторое время трудился в одном из КБ (пресловутые «почтовые ящики»), а затем перешел на работу в милицию, где дослужился до звания подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь».

Участник Малеевских семинаров, Б.Руденко дебютировал в фантастике рассказом «Вторжение» («Техника—молодежи», 1978), и в течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно публиковались в периодической печати и сборниках. Но в 1989 году писатель неожиданно изменил творческое амплуа и занялся детективной прозой (дебют — повесть «До весны еще далеко» в «Искателе»). В этом жанре он выпустил множество книг, в том числе «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Смерть откладывается на завтра» (1995), «Время черной охоты» (1996), «Мертвых не судят» (1996), «Снайпер» (1997), «Беглец» (1998).

В 2003 году на страницах журнала «Если» состоялось возвращение писателя к литературным истокам — в жанр НФ. В 2005-м вышла и его первая НФ-книга — роман «Те, кто против нас».

СИВИНСКИХ Александр Васильевич

Александр Сивинских родился в 1966 году в поселке Сарана Свердловской области. Высшее инженерное образование получил в Уральском Политехническом институте. С тех пор работает по специальности в городе Первоуральск.

По собственному признанию, писать начал, вдохновившись конкурсом для молодых авторов «Альтернативная реальность». В конце 1990-х в екатеринбургском фэнзине «Вавилон» появились первые фантастические рассказы автора. В 2002-м состоялся полноценный дебют — роман «Имя нам — легион», вышедший в издательстве АСТ, а спустя два года увидели свет еще два романа — «Зверь с той стороны» (2004) и «Проходящий сквозь стены» (2004). В этом году ожидается выход новой книги уральского фантаста, написанной в соавторстве с московским литератором Азаматом Козаевым.

СИНЯКИН Сергей Николаевич

Волгоградский фантаст Сергей Синякин родился в 1953 году в семье военнослужащего в поселке Пролетарий Новгородской области, а в 1965-м семья переехала в Волгоград. После службы в рядах Советской Армии поступил на работу в органы внутренних дел, где прослужил до 1999 года, пройдя путь от рядового милиционера до подполковника, начальника отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

Дебютной публикацией С.Синякина стала повесть «Шагни навстречу»

(1988), напечатанная в городской газете, а двумя годами позже вышла первая книга фантаста — сборник рассказов «Трансгалактический экспресс» (1990). Еще через год появился новый сборник «Лебеди Кассиды» (1991), после чего Сергей Синякин на десятилетие исчез из жанра. Возвращение в фантастику оказалось поистине триумфальным — первая же повесть «Монах на краю Земли» (журнал «Если», 2000) была обласкана критикой и получила престижные жанровые награды — «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку» и АБС-премию. С тех пор из-под пера Сергея Синякина, секретаря Волгоградского отделения СП России, вышло около десятка книг — «Монах на краю Земли» (2000), «Владычица морей» (2000), «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001), «Злая ласка звездной руки» (2001), «Люди Солнечной системы» (2002), «Операция прикрытия» (2003), «Пространство для человечества» (2004), «Заплыв через реку Янцзы» (2004).

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Коренная рижанка Далия Трускиновская родилась в 1951 году. После окончания филологического факультета Латвийского госуниверситета им. П.Стучки занялась журналистикой, работала в республиканских газетах и в литературном журнале. В 1974 году начала публиковаться как поэт, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря» (1981). В 1984 году увидел свет первый авторский сборник детективных произведений, название которому дала повесть-дебют. Иронические детективы рижской писательницы составили содержание нескольких сборников — «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

Участница семинаров ВТО МПФ, Д.Трускиновская впервые выступила в роли фантаста в 1983 году, опубликовав повесть «Бессмертный Дим». Но широкую известность принесла ей фэнтезийная повесть «Дверинда» (1990). После этого фантастика стала для Д.Трускиновской основным жанром. Перу рижской писательницы принадлежат книги «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Жалобный маг» (2001), «Нереал» (2001), «Дайте место гневу божию» (2003) и другие.

Дважды, в 2001 и 2002 годах, Д.Трускиновская становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф».

ФОРД Джеффри (FORD, Jeffrey)

Американский писатель Джеффри Форд родился в 1955 году и окончил университет с дипломом филолога, после чего преподавал литературу в различных университетах.

Свой литературный путь писатель начал с романа «Ванитас», опубликованного в 1988-м. В дальнейшем обращался и к малой форме, но довольно редко: на его счету около двух десятков рассказов, лучшие из которых составили сборник «Секретарь писателя» (2002). Известность пришла к Форду после выхода его трилогии о физиономисте Клее: «Физиогномика» (1998, Международная премия фэнтези), «Memoranda» (1999) и «Извне» (2001). Его перу принадлежит и роман «Портрет миссис Чарбак». На счету писателя, помимо упомянутой, премии «Хьюго», «Небьюла» и Мемориальная премия имени Теодора Старджона — все за новеллу «Империя мороженого».

ХОЛДЕМАН Джо (HALDEMAN, Joe W.)

Один из ведущих современных американских писателей-фантастов Джозеф Уильям Холдеман родился в 1943 году в городе Оклахома-Сити (штат Оклахома). Из-за того, что его семья часто переезжала с места на место, будущий писатель сумел исколесить всю территорию Штатов, включая Аляску и Пуэрто-Рико. Закончив Университет штата Мэриленд в Колледж-Парке с дипломами физика и астронома, Холдеман поступил в аспирантуру, однако его научную карьеру прервала повестка в армию. Холдеман воевал во Вьетнаме в инженерных войсках, был тяжело ранен и награжден орденом; его военные впечатления и откровенно пацифистские настроения отражены в нефантастическом романе «Год войны» (1972). После демобилизации Холдеман защитил диссертацию по специальности «свободные искусства», работал в издательстве научно-популярной литературы, преподавал в университетах и колледжах. В последние годы вместе с женой проживает в Гэйнесвилле (штат Флорида).

Дебютом писателя в научной фантастике стал рассказ «Вне фазы» (1969). С тех пор писатель опубликовал 20 романов, из которых наиболее известны две трилогии — «Вечная война» («Вечная война», «Вечный мир» и «Навечно свободны», 1975—1999) и «Миры» («Миры», «Миры разделенные» и «Достаточно миров и времени», 1981—1992), а также романы «Мозг создания» (1976), «Розыгрыш Хемингуэя» (1990). В его творческом активе около 60 рассказов и повестей (нередко в соавторстве с братом Джеком Холдеманом, ныне покойным), лучшие из них вошли в восемь авторских сборников. Джо Холдеман — один из самых «премированных» авторов американской фантастики, в его впечатляющей коллекции: пять премий «Хьюго», четыре премии «Небьюла», Мемориальная премия им. Джона Кэмпбелла, австралийская «Дитмар», Международная премия фэнтези и другие. Кроме научно-фантастической прозы Холдеман пишет также НФ-поэзию (трижды лауреат премии Райслинга) и детективы.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 50 рублей за номер, включая стоимость почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ОСВОЕНИЕ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

В повести

Виктора МЯСНИКОВА «Короли ванадия»

в рассказах

**Уильяма БАРТОНА, Леонида КАГАНОВА,
Владимира ИЛЬИНА**

в статье

Глеба ЕЛИСЕЕВА: устроители ближнего космоса

а также

**подборка произведений ведущих французских
фантастов: Сержа БРЮССОЛО, Ролана ВАГНЕРА,
Сержа ЛЕМАНА и других**

и к ним

**обзор Игоря НАЙДЕНКОВА
о современной НФ-прозе Франции,**

**заметки Вл. ГАКОВА о родоначальнике
французской фантастики Жозефе Рони-старшем**

ЧИТАЙТЕ МАРТОВСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

Текущая подписка на журнал проводится
по каталогам «Пресса России» и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера — 50 рублей (без стоимости доставки).
Индекс — 73118

ISSN 1680-645X

9 771680 645003

06002

>